

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№1 2022 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

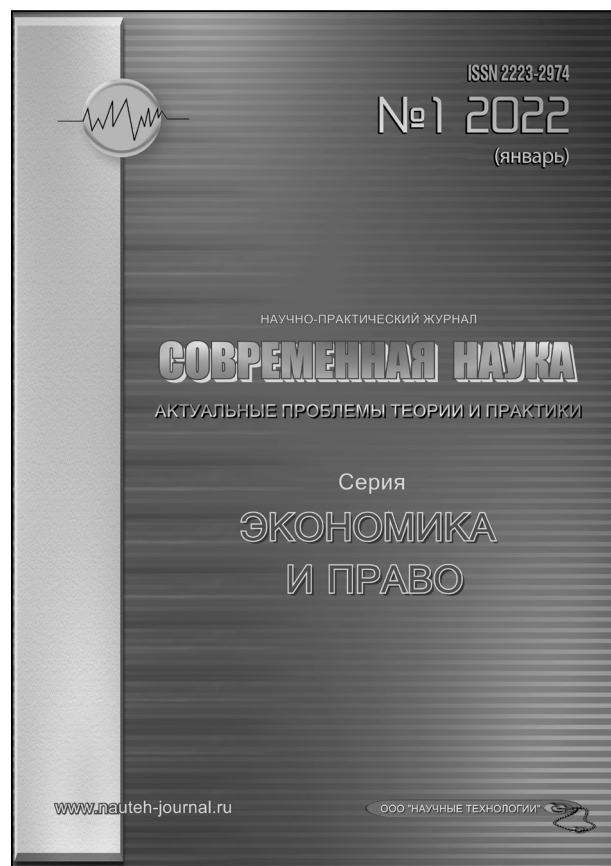
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 20.01.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор,
г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ
РАН; профессор, Белгородский Государственный
Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор,
Московский Педагогический Государственный
Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор,
Российский государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Артемова М.А. — Как ESG увеличивает стоимость акций компаний FMCG
Artemova M. — How ESG increases the stock price of FMCG companies. 7

Боробов В.Н., Миндлин Ю.Б. — Антимонопольная политика государства в условиях рыночной экономики
Borobov V., Mindlin Yu. — Antimonopoly policy of the state in a market economy 15

Вэй Вэнь — Внешнеторговая стратегия КНР в отношении индустриально развитых стран на современном этапе
Wei Wen — China's foreign trade strategy towards industrialized countries at the present stage 19

Гасанлы А.Р. — Институциональное структурирование глобальной ликвидности и перспективы развития
Hasanli A. — Institutional framework for global liquidity and development prospects 22

Горцевская О.Г., Фролова В.А. — Драйверы экономического роста Российской Федерации
Gortsevskaya O., Frolova V. — Drivers of economic growth in the Russian Federation 28

Гуковская А.А. — Трансформация целей корпораций
Gukovskaya A. — Transformation of the goals of corporations 32

Гусяков М.С., Охотников И.В., Сибирко И.В. — Анализ последствий внедрения счетов эскроу в проектном финансировании
Guslyakov M., Okhotnikov I., Sibirko I. — Analysis of the impact of the implementation of escrow accounts in project financing. 36

Долгополов Д.В., Туркина К.И. — Использование цикла Гартнера как механики анализа воздействия на фанатские сообщества в условиях современной креативной экономики
Dolgopolov D., Turkina K. — Using the Gartner cycle as a mechanics for analyzing the impact on fan communities in the modern creative economy 40

Жерукова А.Б., Тенова З.Ю., Кулюшина Н.Е., Тутукова М.Р. — Оценка туристического потенциала на Северном Кавказе
Zherukova A., Tenova Z., Kulyushina N., Tutukova M. — Assessment of tourism potential in the North Caucasus 47

Карелина Е.А. — Технологические тренды развития мировой экономики и их воздействие на цифровую трансформацию корпоративных стратегий
Karelina E. — Technological trends in the development of the world economy and their impact on the digital transformation of corporate strategies 53

Колесникова А.В. — Экономическое сотрудничество Республики Корея в формате АСЕАН + 3 в парадигме новых вызовов региона Юго-восточной Азии
Kolesnikova A. — Economic cooperation of the Republic of Korea in Asean + 3 format in the paradigm of new challenges for the region of South-east Asia 59

Конюкова Н.И. — Взаимоувязка показателей эффективности деятельности и стимулирующих выплат работников государственных и муниципальных учреждений при введении единой системы оплаты труда
Konyukova N. — Interconnection of performance indicators and incentive payments of state and municipal social institutions 64

Кулиева В.Ч. — Основные показатели определения продовольственной безопасности <i>Guliyeva V.</i> — Main indicators in food security determination.....70	Ткачук П.Ю. — Моделирование структуры и содержания механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности на основе институциональных матриц <i>Tkachuk P.</i> — Modeling the structure and content of a public-private partnership mechanism for the development of entrepreneurial activities based on institutional matrices.....110
Метревели Е.Г. — Инновации банковского бизнеса в России <i>Metreveli E.</i> — Innovations in banking business in Russia74	Право
Миндлин Ю.Б. — История возникновения сельскохозяйственных кластеров на примере Западной Европы <i>Mindlin Yu.</i> — The history of the emergence of agricultural clusters on the example of Western Europe77	Андрианова Н.Г. — Деофшоризация в российском финансовом праве <i>Andrianova N.</i> — Deoffshorization in the Russian financial law.....115
Незамайкин В.Н., Налтакян Т.А. — Борьба с бюджетным дефицитом в США. Методы в новой реальности <i>Nezamaykin V., Naltakyan T.</i> — Fighting the budget deficit in the U.S.A. Methods in the new reality85	Бахадиванд Чегини Захра, Растегари Сайедэбрахим — Исследование глобализации и воздействия экологических кризисов на права человека <i>Bakhadivand Chegini Zakhra, Rastegari Saiedebrakhim</i> — Investigating globalization and the impact of environmental crises on human rights119
Павлова Е.А., Нгуен Тхи Тхань Хуен — Проблемы коммерциализации результатов научных исследований в университетах Вьетнама через спин-офф компании <i>Pavlova E., Nguyen T.T.H.</i> — Problems of commercialization of results of scientific research in universities Vietnam through spin-off company.....93	Вилисова И.Б. — Проблематика электронной регистрации (создание, реорганизация) юридических лиц в РФ <i>Vilisova I.</i> — Problems of electronic registration (creation, reorganization) of legal entities in the Russian Federation123
Рожков Р.С., Рожков С.Н., Салакая Н.Т. — Подходы к оптимизации взыскания имущественных налогов в современных условиях <i>Rozhkov R., Rozhkov S., Salakaya N.</i> — Approaches to optimizing the collection of property taxes in modern conditions.....98	Витовская Е.С., Витовский Я.Д. — К вопросу об организации взаимодействия по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в следственном изоляторе <i>Vitovskaya E., Vitovsky Ya.</i> — On the issue of organizing cooperation to counteract the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in the pre-trial detention center.....127
Сулейманова К.А. — Современная конгрессно-выставочная индустрия – перспективы развития <i>Suleymanova K.</i> — Modern congress and exhibition industry – prospects for development.....105	Гудков А.И., Красильщиков А.В., Мищенко В.И. — Проблемные аспекты договора пожизненного содержания с иждивением и пути их решения <i>Gudkov A., Krasilschikov A., Mishchenko V.</i> — Problematic aspects of a dependent lifelong maintenance contract and ways to solve them131

- Журавлева И.А., Николаев К.Д.** — Некоторые аспекты уголовно-правовой защиты прав несовершеннолетних
Zhuravleva I., Nikolayev K. — Some aspects of the criminal law protection of the rights of minors ... 135
- Карпова Е.Г.** — Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых путем использования подставных лиц
Karpova E. — Criminological characteristics of crimes committed through the use of figurehead.... 138
- Катвицкая М.Ю.** — Страхование вкладов: кто имеет право на получение возмещения в повышенном размере
Katvitskaya M. — Deposit insurance: who is eligible for the increased compensation144
- Короткий Ф.В.** — Уголовно-правовая охрана свободы экономических отношений (опыт Великобритании и Германии)
Korotkii Ph. — Criminal protection of freedom of economic relations (experience of Great Britain and Germany).....149
- Кузнецова Н.В., Баринов А.В., Рябова О.А.** — Некоторые вопросы исполнения судебного решения об определении места жительства ребенка и определение порядка общения с ним родителя, проживающего отдельно
Kuznetsova N., Barinov A., Ryabova O. — Some issues of execution of a court decision on determining the place of residence of a child and determining the order of communication with a parent living separately154
- Марьина А.А.** — Образовательные услуги: понятие, виды, признаки
Marina A. — Educational services: concept, types, features.159
- Матвеева Т.П., Кузнецова Н.А., Лыскова А.В.** — Ограничение права на оспаривание нотариально удостоверенного завещания
Matveeva T., Kuznetsova N., Lyskova A. — Restriction of the right to challenge a notarized will.....163
- Николаенко М.В.** — Управление внешним долгом – внешняя функция государства
Nikolaenko M. — External debt management is an external function of the state.....169
- Омельянович В.В.** — Актуальные вопросы привлечения специалиста к проведению прокурорской проверки исполнения требований законов образовательными организациями высшего образования
Omelyanovich V. — Topical issues of attracting a specialist to conduct a prosecutor's inspection of compliance with the requirements of legislation by educational organizations of higher education174
- Прошин В.М.** — Криминалистический аспект установления мотива преступления
Proshin V. — The forensic aspect of establishing a motive for a crime179
- Туболев С.М.** — Проблемы повышения эффективности при реализации вопросов местного значения
Tubolev S. — Problems of increasing efficiency in the implementation of issues of local importance182
- Социология
- Белоусов Л.В., Хаитова А.И., Митин Ю.Д.** — Резервы повышения качества социального обслуживания и эффективности расходования бюджетных средств. Зарубежный опыт
Belousov L., Khaitova A., Mitin Yu. — Reserves for improving the quality of service and efficiency of budget spending. Foreign experience.....188
- Миндлин Ю.Б.** — Основные характеристики и функции местного самоуправления как социального института
Mindlin Yu. — The main features and functions of local self-government as a social institution199
- Павлова Т.А.** — Система внутренних условий социальной безопасности
Pavlova T. — The system of internal conditions of social security203

Плотников В.А., Нгуен Ван Лок —
Последствия цифровизации
для современного социума
Plotnikov V., Nguyen Van Loc — Consequences
of digitalization for modern society.212

Подкопаев С.Б. — Понятие «культурный код»
в социологии культуры: проблемы методологии
Podkopaev S. — The cultural code concept
in the sociology of culture: methodology problem216

Сербинина И.Б. — Позитивная
социология «счастья»:
количественный и качественный подходы
Serbinina I. — Positive sociology of «happiness»:
quantitative and qualitative approaches220

Яшнова М.А. — Ценности: определение,
основное содержание и классификация
в социологических науках
Yashnova M. — Values: definition, main content
and classification in the social sciences223

Информация

Наши авторы. Our Authors232

Требования к оформлению
рукописей и статей для публикации в журнале235

КАК ESG УВЕЛИЧИВАЕТ СТОИМОСТЬ АКЦИЙ КОМПАНИЙ FMCG

Артемова Марина Александровна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Финансовый Университет
при Правительстве Российской Федерации»
marinaartyomova@mail.ru

HOW ESG INCREASES THE STOCK PRICE OF FMCG COMPANIES

M. Artemova

Summary. Indicators of the company's social responsibility are of great importance in the modern world. They are reflected in the perception of the company by consumers, as well as in the stock market, which is very important in the FMCG industry. ESG investments, including companies' investments in the environmental and social spheres, as well as in the development of balanced management, are reflected in the value of companies' shares. This article establishes the influence of ESG investment indicators on the stock indicators of FMCG companies — the value of shares, as well as capitalization. The dependencies between these indicators are revealed on the basis of multiple correlation.

Keywords: financial results, FMCG sector companies, social investments, environment, sustainable development.

Аннотация. Показатели социальной ответственности компании имеют большое значение в современном мире. Они отражаются на восприятии компании потребителями, а также на фондовом рынке, что весьма важно в отрасли FMCG. ESG-инвестиции, включающие вложения компаний в экологическую и социальную сферы, а также в развитие сбалансированного управления отражаются на стоимости акций компаний. В данной статье установлено влияние показателей ESG-инвестиции на фондовые показатели компаний отрасли FMCG — стоимость акций, а также капитализацию. Выявлены зависимости между данными показателями на основе множественной корреляции.

Ключевые слова: финансовые результаты, компании сектора FMCG, социальные инвестиции, окружающая среда, устойчивое развитие.

Отрасль FMCG (Fast-Moving Consumer Goods, или товары повседневного спроса) является одной из крупнейших в мире. Несмотря на ряд таких отрицательно влияющих факторов, как пандемия коронавируса, усиление экономической и политической напряженности в мире, компании сектора FMCG стабильно демонстрируют высокие финансовые результаты. Так, если посмотреть на прибыльность компаний и капитализацию 10 крупнейших ТНК FMCG, сектор растет независимо от внешних факторов, таких как увеличение покупок в электронной коммерции или изменения в привычках покупателей [3].

Ситуация с финансовыми показателями топ-10 компаний сектора FMCG выглядит следующим образом. Лидером в этом списке является швейцарская компания Nestle стоимостью 93,4 миллиарда долларов, продажи которой в 2020 году выросли на 2,1%. Далее в списке идут американские ТНК — Procter & Gamble и PepsiCo, которые также увеличили продажи по сравнению с аналогичным периодом прошлого года до 66,4 миллиарда долларов и 64,66 миллиарда долларов соответственно — рис. 1.

Прибыльность этих компаний выросла за последние 2 года на 3,2%, а рентабельность достигла 18,2%, согласно отчету OC&C Strategy Consultant — рис. 2:

Стоит отметить, что столь стремительный рост рентабельности происходит впервые за последние 17 лет, несмотря на снижение роста потребительских товаров с 5,7% до 3,2%.

Среди движущих факторов, непосредственно влияющих на изменение уровня прибыли компаний сектора FMCG, особенно на рост финансовых результатов, можно назвать эффективное управление операционными расходами и увеличение спроса на товары премиум-класса (например, кофе, табак). Если брать предварительные показатели 2021 года, то по таким основным параметрам, как выручка, прибыль и широта ряда мировых брендов, можно выделить Procter & Gamble, Johnson & Johnson, Nestle, Unilever, JBS, L'Oréal, Coca-Cola, Pepsi и др.

Но, рассматривая показатели успешности компаний, необходимо помнить, что деятельность ТНК является одной из основных причин экологических проблем во многих странах мира. В то же время именно ТНК обладают финансовыми, технологическими и другими ресурсами для решения этих проблем. Интересным моментом является то, что все топ-10 компании из сектора FMCG используют в своей деятельности подход «экологический технократизм», который поддерживает достижения НТП в области рационального природопользования. Так, су-

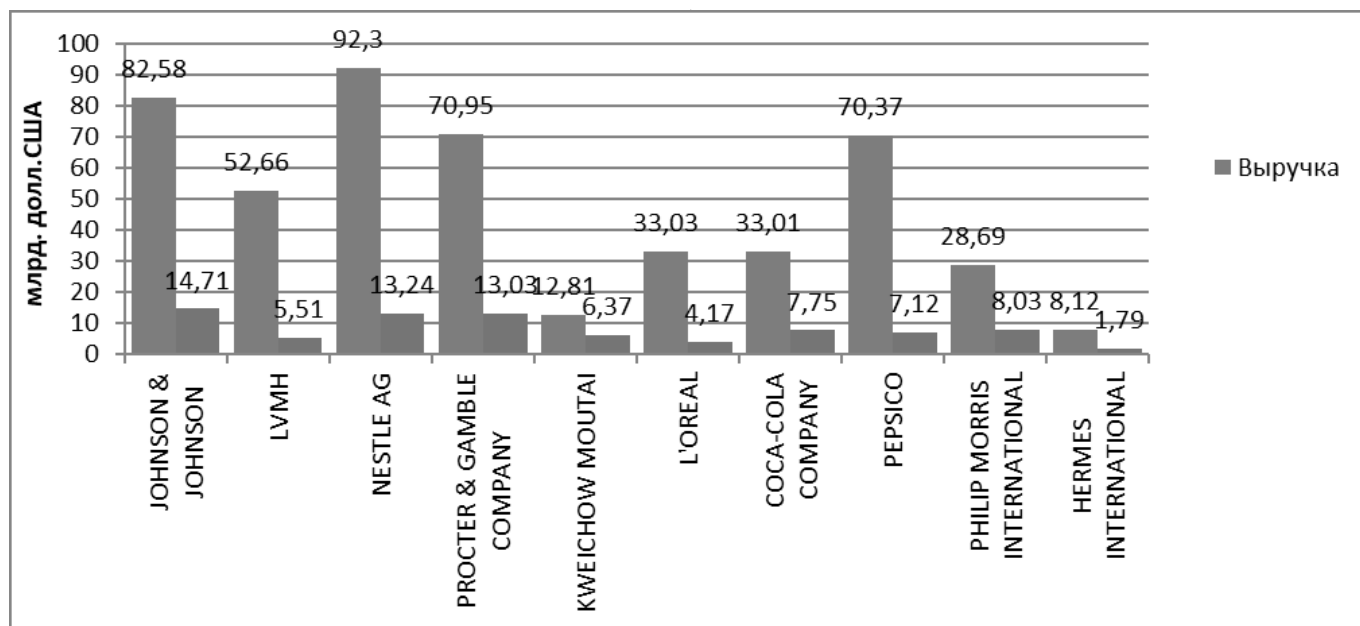

Рис. 1. Сравнение объемов продаж и чистой прибыли компаний топ-10 сектора FMCG в 2020 году
 Источник: составлено автором на основании отчетности рассматриваемых компаний

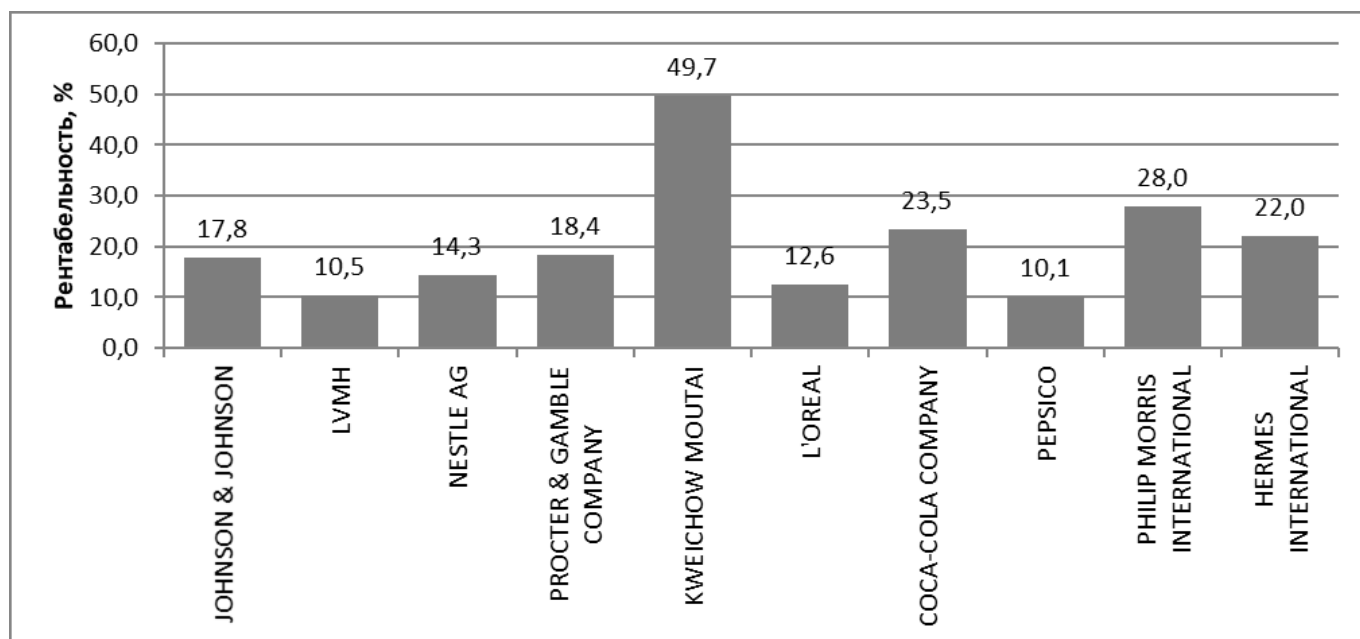

Рис. 2. Рентабельность компаний топ-10 сектора FMCG в 2020 году
 Источник: составлено автором на основании отчетности рассматриваемых компаний

существует множество примеров того, что новые технологии обеспечивали прорыв в одной или нескольких отраслях экономики, как с точки зрения экономической эффективности, так и снижения, предотвращения негативного воздействия на окружающую среду. Эта концепция является наиболее перспективной в контексте

корпоративного управления — экологичность товаров и услуг становится важным фактором конкурентоспособности и необходимым элементом устойчивого развития. В результате этот подход используется передовыми компаниями из сектора FMCG при разработке их экономической и экологической политики.

Такой подход к устойчивому развитию определяет общий стандарт ответственного инвестирования, учитывающий вопросы экологического и социального характера, а также корпоративного управления (ESG, где E или Environmental — экологическая сфера, S или Social — социальная сфера, G или Corporate Governance — сфера управления). Реализация принципов ответственных инвестиций (ESG-инвестиций) нацелена на более эффективную координацию инвестиционной деятельности с интересами общества, Принципы ответственных инвестиций:

- ◆ включать экологические, социальные аспекты и вопросы управления в процессы;
- ◆ включать экологические, социальные аспекты и вопросы управления в политику и практическую деятельность;
- ◆ требовать от получателей инвестиций надлежащего раскрытия информации об экологических, социальных проблемах и вопросах управления;
- ◆ способствовать принятию и осуществлению политики устойчивого развития в рамках инвестиционного сектора проведения инвестиционного анализа и принятия решений.

Таким образом, термин «ESG-инвестиции» относится к вложению средств в бизнес, осуществляемый на принципах экологичности, социальной ответственности и высокого качества корпоративного управления, а ESG-инвестирования исходит из того, что инвестор оценивает компанию-объект инвестирования с учетом выделенных критериальных принципов в рамках соответствующих сфер деятельности и проблем, требующих решения [9]. Этот подход работает на практике. Так, в 2018 г Amundi Asset Management выяснила, что относительная значимость факторов ESG зависит от региона [7]. Так, в США большую роль уделяют проблеме защиты окружающей среды, а в странах Европы — качеству управления. В 2019 году компания PwC опросила 165 ведущих инвесторов из 35 стран и пришла к выводу, что главными факторами, которые влияют на их инвестиционное решение, стали бизнес-этика, в том числе ESG (89%), коррупция и воровство (87%), а также охрана и пожарная безопасность (83%) [6]. Наименее значимым фактором стала работа с волонтерами (13%). Это весьма значимый результат, который свидетельствует о важности ESG-инвестиций компании на её инвестиционную привлекательность и популярность на фондовом рынке.

В 2020 году французская компания Natixis Investment Managers [5]. предоставила результаты исследования, в котором принимали участие 9,1 тыс. индивидуальных инвесторов, 2,7 тыс. специалистов в сфере финансов, 500 институциональных инвесторов, 200 инвесторов, которые представляют инвестиционные фонды из 28

стран мира. Результаты исследования показали, что все эти инвесторы уделяют значительное внимание экологическим, социальным факторам, а также факторам корпоративного управления при принятии решений об инвестировании.

В целом анализ отчетов крупнейших компаний мира демонстрирует, что в большинстве рассмотренных ТНК измеряют «устойчивость» на основании трех параметров: неухудшения или улучшения ситуации в экономической деятельности, затрат в экологической и социальной сферах. Соответственно в экологической сфере развитие может быть признано устойчивым при соблюдении условий:

1. использование возобновляемых природных ресурсов осуществляется в объемах, не превышающих темпы воспроизводства;
2. отходы и выбросы производятся в объемах, не превышающих способность экосистемы к их поглощению;
3. невозобновляемые ресурсы используются «почти устойчивым» образом за счет замещения их возобновляемыми ресурсами и внедрение новых технологий и ноу-хау.

Выполнение этих задач требует постоянного осуществления ESG-инвестиций. Ряд исследователей (например, российские исследователи А.Г. Гунькова и Ю.А. Холопов [2], а также зарубежные исследователи С.А.Э. Хан и другие) отмечают, что повышение конкурентных преимуществ компаний вследствие ужесточения природоохранного законодательства может способствовать вытеснению с рынка конкурентов, включая зарубежных, которые не имеют возможности осуществлять достаточные инвестиции для выполнения высоких экологических стандартов. Компании могут повысить экологическую конкурентоспособность за счет роста эффективности деятельности в результате снижения производственных затрат за счет уменьшения потребления ресурсов и энергии, а также грамотного управления отходами. В связи с Глобальным обзором устойчивого инвестирования (GSIA) [8] за 2020 год активы устойчивого инвестирования в начале 2021 года превысили 30 трлн. долл. США во всем мире, то есть выросли на 36% с 2016 года. По состоянию на декабрь 2020 года уже более 2850 организаций подписали «Принципы ответственного инвестирования ООН (PRI)», при этом только в 2018–2019 гг., согласно годовому отчету PRI за 2019 год к «принципам» присоединилось более 500 новых организаций. Согласно данным Global Impact Investing Network (GIIN) [8], по состоянию на 2020 год мировой рынок импакт-инвестирования оценивается в 926 млрд. дол. США и выступает сегодня одним из самых динамично растущих рынков в мире. Так, за период 2016–2020 гг. объем мирового рынка импакт-инве-

Таблица 1. ESG-инвестиции и рыночная капитализация компаний топ-10 сектора FMCG в 2020–2021 году

Показатели		Компании									
		JOHNSON & JOHNSON	LVMH	NESTLE AG	PROCTER & GAMBLE COMPANY	KWEICHOW MOUTAI	L'OREAL	COCA-COLA COMPANY	PEPSICO	PHILIP MORRIS INTERNATIONAL	HERMES INTERNATIONAL
Показатели ESG-инвестиций	Экологические инвестиции-2020, млн.долл. США	362,5	146,8	265,7	294,5	98,6	78,6	102,6	84,1	84,9	12,6
	Экологические инвестиции-2021, млн.долл. США	370,0	156,1	270,3	300,0*	100,0*	80,0*	108,0	87,9	86,0*	13,1
	Прирост экологических инвестиций,%	2,1	6,3	1,7	1,9	1,4	1,8	5,3	4,5	1,3	4,0
	Социальные инвестиции-2020, млн. долл США	561,2	64,5	412,3	382,6	460,3	123,2	310,2	290,6	230,4	30,5
	Социальные инвестиции-2020, млн. долл США	543,2	81,2	421,6	354,2	472,3	125,6	312,9	301,2	235,6	32,1
	Прирост социальных инвестиций,%	-3,2	25,9	2,3	-7,4	2,6	1,9	0,9	3,6	2,3	5,2
Фондовые показатели	Рыночная капитализация-2020, млрд. долл. США	383,15	237,81	311,59	307,76	190,82	165,74	235,60	189,39	135,35	78,34
	Рыночная капитализация-2021, млрд. долл. США	414,31	313,50	336,11	345,01	387,40	211,89	235,67	204,94	128,93	112,04
	Прирост капитализации компании,%	8,13	31,83	7,87	12,10	103,02	27,84	0,03	8,21	-4,74	43,02

Источник: данные отчетности рассматриваемых компаний

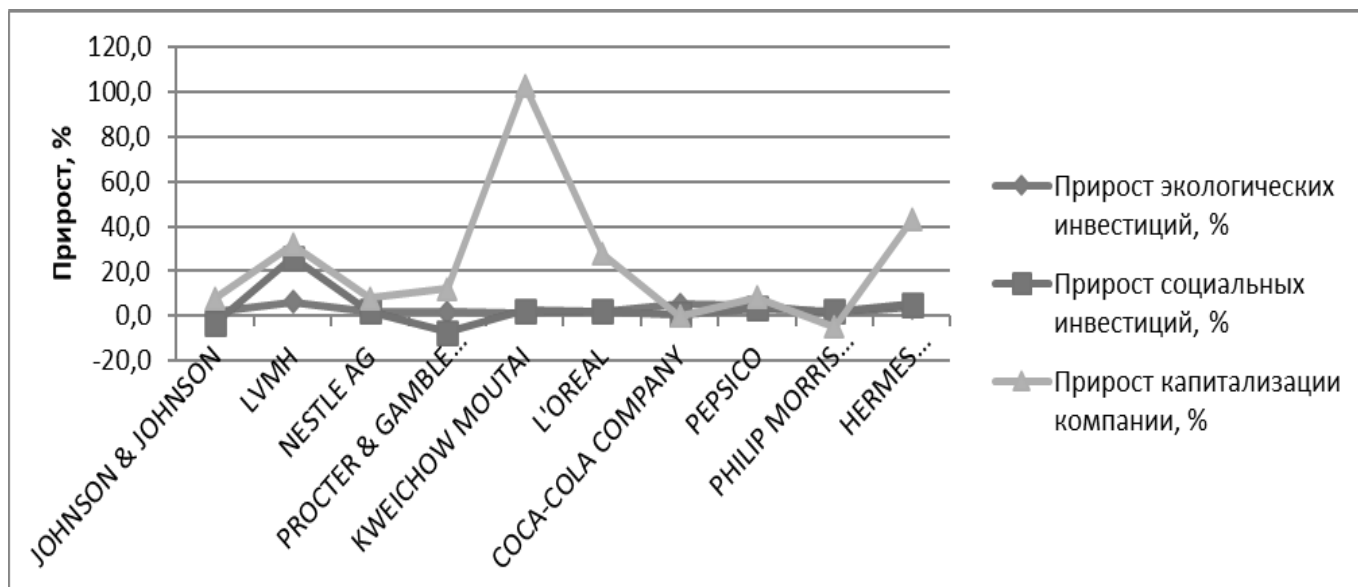

Рис. 3. Сравнение показателей прироста за 2021 год по показателям ESG-инвестиций и капитализации компаний

Источник: составлено автором на основании отчетности рассматриваемых компаний

стирования увеличился в 2 раз — с 502 млрд. долл. США в 2016 г. до 926 млрд. долл. США в 2020 г. или 1,9% и 37% объемов прямых иностранных инвестиций в мире; активными импакт-инвесторами выступают больше, чем 2470 организаций. Более половины глобальных инвестиций осуществляется на основе ESG-критериев. К странам-лидерам, осуществляющим социально ответственные инвестиции, относятся США, Великобритания, Канада и страны континентальной Европы.

Таким образом, можно отметить, что при выполнении определенных условий меры по защите окружающей среды способны не только не снизить, но и повысить международную конкурентоспособность транснациональных корпораций и, соответственно, отрасли и государства в целом. Кроме того, экологически ориентированная экономика обеспечивает повышение международной конкурентоспособности государства путем улучшения условий жизни и здоровья, увеличения продолжительности и качества жизни трудоспособного населения. Там, где отдельная компания может и не получить немедленной отдачи от капиталовложений в экологию, в масштабе страны такие преимущества более очевидны. В частности, ужесточение норм очистки воздуха может привести к росту расходов отдельных фирм, но в масштабах страны такие меры будут иметь положительный эффект благодаря уменьшению заболеваемости населения. А для каждой конкретной компании такие изменения отразятся на показателях финансовых результатов и фондовых показателях — капитализации и стоимости акций.

Для определения взаимосвязи между рассмотрим показатели ESG-инвестиций и их влияние на стоимость акций компаний FMCG. Так, в таблице 1 приведены данные о ESG-инвестициях и капитализации компаний топ-10 сектора FMCG в 2020 году:

Прежде всего, необходимо отметить, что все компании топ-10 сектора FMCG в 2021 году демонстрировали рост показателей социальных и экологических инвестиций, но при этом не все компании нарастили свою капитализацию за 2021 год — см. рис. 3:

По графику рис. 3 видно, что часть компаний — Johnson & Johnson, Lvmh, Nestle Ag, Coca-Cola Company, Pepsico, Philip Morris International — демонстрируют зависимость показателей ESG-инвестиций и капитализации. Для уточнения этого вывода проведен корреляционный анализ. Вектор оценок коэффициентов регрессии равен:

Y(X) =	0,17	-0,00326	-0,00247	*	30,3	=	2,888
	-0,00326	0,00153	-8,2E-5		198,12		0,15
	-0,00247	-0,00008	0,000116		651,333		0,0156

Уравнение регрессии (оценка уравнения регрессии)

$$Y = 2.8876 + 0.1501X_1 + 0.01557X_2$$

Можно интерпретировать значения коэффициентов регрессии. Так, константа оценивает агрегированное влияние прочих (кроме учтенных в модели X_i) факторов на капитализацию компании. С увеличением инвестиций в охрану окружающей среды на 1 млн.

Таблица 2. ESG-инвестиции и стоимость акций компаний топ-10 сектора FMCG в 2020–2021 году

Показатели	Компании									
	JOHNSON & JOHNSON	LVMH	NESTLE AG	PROCTER & GAMBLE COMPANY	KWEICHOW MOUTAI	L'OREAL	COCA-COLA COMPANY	PEPSICO	PHILIP MORRIS INTERNATIONAL	HERMES INTERNATIONAL
Прирост экологических инвестиций,%	2,1	6,3	1,7	1,9	1,4	1,8	5,3	4,5	1,3	4,0
Прирост социальных инвестиций,%	-3,2	25,9	2,3	-7,4	2,6	1,9	0,9	3,6	2,3	5,2
Стоимость акций-2020, долл./ед.	148,67	468,76	108,77	134,23	1895,00	301,66	53,06	144,90	84,97	846,10
Стоимость акций-2021, долл./ед.	167,96	713,30	127,12	161,11	2050,70	418,45	58,32	171,75	94,19	1622,50
Прирост стоимости акций,%	13,0	52,2	16,9	20,0	8,2	38,7	9,9	18,5	10,9	91,8

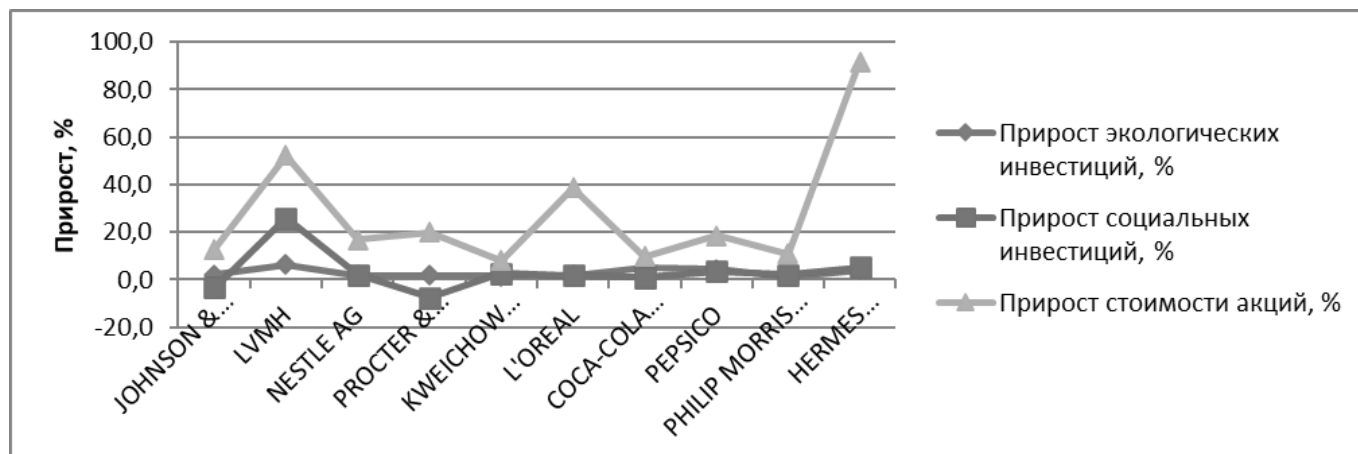

Рис. 4. Сравнение показателей прироста за 2021 год по показателям ESG-инвестиций и стоимости акций компаний

Источник: составлено автором на основании отчетности рассматриваемых компаний

долл., капитализация увеличивается на 0,1501 или 15%. С увеличением социальных инвестиций на 1 млн.долл., капитализация компаний в среднем увеличивается на 0,01557 или 1,56%. Таким образом, можно установить значительное влияние инвестиций на развитие окружающей среды, на экологию на капитализацию компаний на фондовом рынке.

Далее определена взаимосвязь между показателями ESG-инвестиций и стоимости акций компаний — табл. 2:

Для нескольких компаний можно проследить соответствие роста ESG-инвестиции и стоимости акций — рис. 4:

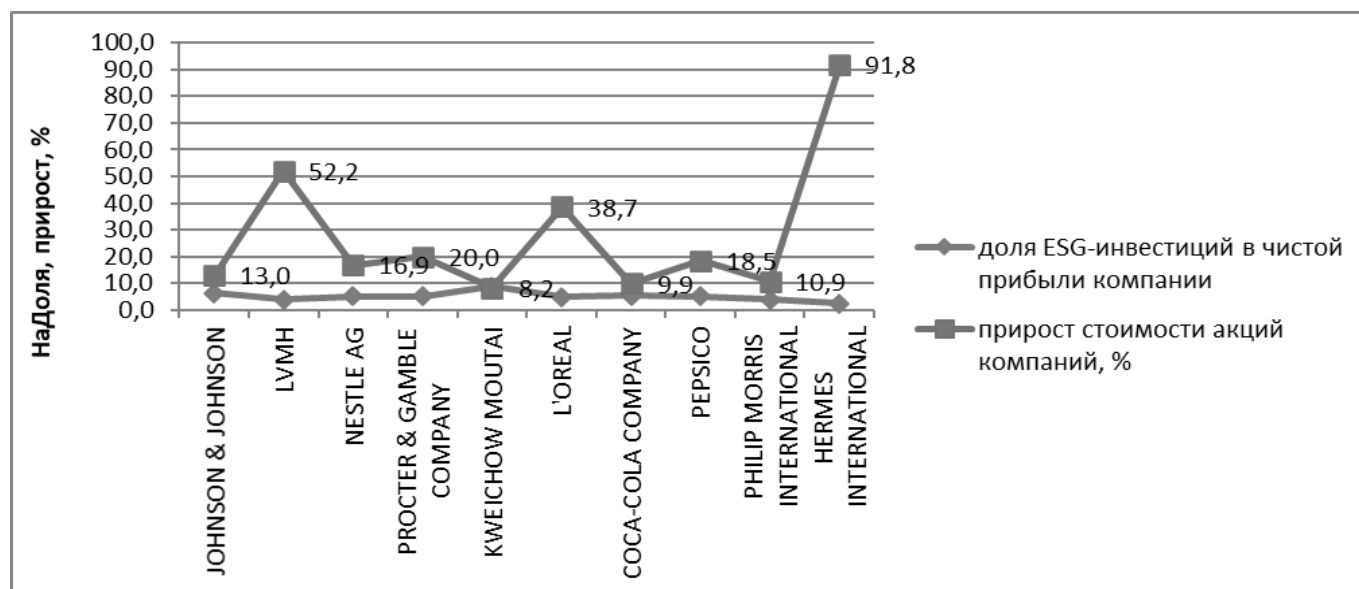

Рис. 5. Влияние доли ESG-инвестиций в прибыли компании на стоимость акций компаний топ-10 сектора FMCG

По графику рис. 3 видно, что часть компаний — Johnson & Johnson, Lvmh, Nestle Ag, Pepsico — показывают зависимость прироста показателей ESG-инвестиций и прироста стоимости своих акций. Для уточнения этого вывода проведен корреляционный анализ. Получено следующее уравнение регрессии (оценка уравнения регрессии):

$$Y = 2,3488 + 0,1272X_1 + 0,00883X_2$$

Установлено, что с увеличением инвестиций в охрану окружающей среды на 1 млн. долл., капитализация компаний топ-10 сектора FMCG увеличивается на 0,1272 или 12,72%. С увеличением социальных инвестиций на 1 млн.долл., капитализация компаний в среднем увеличивается на 0,00883 или 0,88%. Таким образом, определено значительное влияние инвестиций на развитие окружающей среды, на экологию на капитализацию компаний на фондовом рынке.

Еще одним интересным показателем является доля ESG-инвестиций в прибыли компании. Это один из показателей, который рассматривается инвесторами. Проведем аналогичный анализ зависимости фондовых показателей компаний топ-10 сектора FMCG от доли ESG-инвестиций в прибыли компании — рис. 5:

Установлена следующая зависимость между показателями доли ESG-инвестиций в прибыли компании на стоимость акций компаний топ-10 сектора FMCG:

$$Y = 6,3526 + 0,0442X,$$

Установлено, что с увеличением доли ESG-инвестиций в прибыли компании на 1%, капитализация компаний топ-10 сектора FMCG увеличивается на 0,0442 или 4,42%. Таким образом, определено влияние доли ESG-инвестиций в прибыли компании на стоимость акций компаний на фондовом рынке.

В целом инвестиции в охрану окружающей среды в целом оказывают намного более сильное влияние на фондовые показатели компаний топ-10 сектора FMCG — величину капитализации и стоимость акций — чем социальные инвестиции. Это свидетельствует о том, что именно инвестиции в охрану окружающей среды являются трендом, который весьма важен и частично определяет успешность компании на фондовом рынке.

Итак, природоохранная и социальная политика компании рассматривается в качестве стратегического приоритета все большим количеством крупных международных корпораций. Среди главных факторов экологизации деятельности ТНК сектора FMCG на современном этапе выделяют необходимость выполнения государственных законодательных норм [4], постоянное усиление которых требует быстрого принятия соответствующих мер, а также государством разнообразных инструментов природоохранной политики, стимулирующих компании к снижению издержек. В результате, хозяйственные решения транснациональных компаний отрасли FMCG, более или менее приемлемые с экологической точки зрения, находятся под влиянием большого количества факторов, в том числе и увеличения стоимости компании на фондовом рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобальный обзор устойчивого инвестирования (GSIA). — Режим доступа: <http://www.gsi-alliance.org> (Дата доступа: 15.12.2021).
2. Гунькова А.Г., Холопов Ю.А. Экологический менеджмент как инструмент повышения экономического потенциала предприятия //Вестник СамГУПС. — 2017. — № 1. — С. 80–83.
3. Каньковская А.Р., Яцковец Е.А. Лидеры устойчивого развития: обзор эффективной практики //Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. — 2021. — С. 53–59.
4. Савельева В.С. Ключевые тренды российского рынка FMCG //Вектор экономики. — 2020. — № 5. — С. 17–19.
5. Сайт Natixis Investment Managers. — Режим доступа: <https://www.im.natixis.com/en-ch/home> (Дата доступа: 14.12.2021).
6. Сайт компании Pw C. — Режим доступа: <https://www.pwc.ru> (Дата доступа: 15.12.2021).
7. Amundi Asset Management. — Режим доступа: <https://about.amundi.com>. (Дата доступа: 12.12.2021).
8. Khan S.A.R. Measuring the impact of renewable energy, public health expenditure, logistics, and environmental performance on sustainable economic growth //Sustainable development. — 2020. — Т. 28. — № 4. — С. 833–843.
9. Nguyen N. The Adoption of Circular Economy Paradigms in FMCG Companies: An Exploratory Study. — 2021.
10. The GIIN | Already active in Impact Investing? — Режим доступа: <https://thegiin.org/> (Дата доступа: 17.12.2021).

© Артемова Марина Александровна (marinaartyomova@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

АНТИМОНОПОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

ANTIMONOPOLY POLICY OF THE STATE IN A MARKET ECONOMY

**V. Borobov
Yu. Mindlin**

Summary. The scientific article reveals the essence of monopoly, advantages and disadvantages. The role of the state as a regulation of monopolies is considered. The experience of a number of foreign countries is revealed. A set of measures on antimonopoly policy is proposed.

Keywords: monopoly, competition, market demand, market economy, foreign investment, legislation, European regulatory model, antimonopoly policy of the state.

Боробов Василий Николаевич

Д.э.н., профессор, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий — МВА имени К.И. Скрябина; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
vborobov@mail.ru

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий — МВА имени К.И. Скрябина
mindliny@mail.ru

Аннотация. В научной статье раскрывается сущность монополии, преимущества и недостатки. Рассматривается роль государства в качестве регулирования деятельности монополий. Раскрывается опыт ряда зарубежных государств. Предлагается комплекс мероприятий по антимонопольной политике.

Ключевые слова: монополия, конкуренция, рыночный спрос, рыночная экономика, иностранные инвестиции, законодательство, европейская модель регулирования, антимонопольная политика государства.

В целях поддержания качественного функционирования и будущего развития рыночной экономики государство берёт на себя обязательство регулировать оптимальный уровень конкуренции как на всём рынке в целом, так и на отраслевых, не допускать как монополизацию рынков, так и образование самих монополий. Реализация данного обязательства воплощается в мерах антимонопольной политики государства.

Монополия — самый яркий показатель и очевидное проявление несовершенной конкуренции и именно в условиях монополизации рынка само существование конкуренции может быть признано лишь частично, так как конкуренция предполагает разделение экономической власти, наличие у потребителя выбора, что невозможно при существовании монополии [10].

Одной из главных функций, выполняемой и реализуемой государством в рыночной экономике является обеспечение и поддержка конкуренции. Проблема монополизации рынка является одной из наиболее актуальных для экономики в настоящее время. Это тормозит развитие рыночных отношений в нашей стране, где большинство монополий относятся к нефтегазо-

вой и транспортной отраслям. Влияние этих отраслей на экономику особенно велико в условиях экономического кризиса. Перед тем как начать рассматривать сущность, меры и цели антимонопольной политики государства необходимо сначала разобраться в следующих вопросах: что такое монополия, какие минусы монополии, почему нельзя допускать образования монополий.

Монополия — это ситуация на рынке, при которой исключительно одна организация регулирует объем предложения товара и самостоятельно определяет цену на тот или иной вид товара. Исходя из определения и владея определенной теоретической базой, можно выделить следующие основные признаки любой монополии:

1. Выпуск продукции на рынке контролируется лишь одной фирмой-производителем, именуемой монополистом.
2. Продукция, выпускаемая монополистом, является уникальной и не имеет аналогов на рынке.
3. Ценообразование на рынке полностью подконтрольно монополисту, так как он контролирует предложение товара.

4. Вход на монополистический рынок полностью закрыт, что означает отсутствие каких-либо проявлений конкуренции.
5. При первичной классификации монополии по видам, можно сразу выделить две: обычная монополия и абсолютная монополия. В случае с обычной монополией возможен такой вариант, что на рынок относительно свободно зайдет другой игрок, который будет производить и продавать такой же товар или предоставлять такие же услуги.

Монополизация рынка вполне естественный процесс для рынка, так как абсолютная каждая фирма стремится к поглощению целой отрасли. Но тем не менее можно выделить некоторые факторы, которые способствуют возникновению монополии:

- ◆ постоянное поглощение компаний друг другом и их объединение;
- ◆ государственная политика: протекционизм, законодательные барьеры;
- ◆ владение той или иной фирмой невозпроизводимыми и редкими ресурсами.

Можно привести положительные и отрицательные стороны монопольного устройства рынка. К плюсам, в первую очередь, необходимо отнести большие технологические возможности монополиста. Очевидно, что в руках крупных компаний сконцентрирован большой капитал, позволяющий вести работу над качественным улучшением товара, способствующий снижению издержек производства. Именно такие компании содействуют научно-техническому прогрессу. Также они более устойчивы к различным кризисам.

Выделим следующие недостатки монополий:

- ◆ чаще всего фирмы-монополисты завышают цену, проводят не совсем честную по отношению к потребителю ценовую политику;
- ◆ побочным эффектом отсутствия конкурентов является низкое качество товаров;
- ◆ монополия лишает выбора потребителя;
- ◆ присутствие желания стагнировать, так как конкурентов просто не существует.

Очевидно, каждый определяет сам характер такого явления, как монополия, положительное оно или же отрицательное. Исходя из вышесказанного, по нашему субъективному мнению монополия имеет больше отрицательных сторон.

Влияние на экономику обуславливается тем, что монополия с самого начала подавляет и выводит с рынка конкурентов, т.е. ликвидируя частично или полностью конкуренцию, и присущие ей преимущества. Также

монополии негативно влияют на ценообразование, данный фактор ясно просматривается при повышении средних цен на товары и услуги. В процессе своей деятельности монополии заинтересованы сделать спрос предсказуемым в своих интересах, но не в интересах потребителя.

Действие рыночной конкуренции и свободного рынка неизбежно порождает монополию, которая меняет условия конкурентной борьбы, под удар ставятся механизмы функционирования рыночной системы.

Поэтому, для регулирования деятельности монополий в условиях рыночной экономики, необходимо со стороны государства проводить антимонопольную политику

Антимонопольная политика государства — это совокупность мер, осуществляемых действующим правительством в целях борьбы с нечестными методами конкуренции и предотвращения монополизации рынка.

Конечно же, главным инструментом осуществления такой политики является законодательная деятельность государства, под которой понимается издание нормативно-правовых актов, закрепляющих систему правил функционирования рынка и предотвращающих поглощение целой отрасли одной фирмой. Данное поглощение должно быть запрещено законодательно, и соответственно в случае нарушения нормы права должны быть применены определенные санкции к фирме, стремящейся монополизировать рынок. В действующем законодательстве государства должен быть закреплен запрет различного рода ограничений свободы конкуренции.

Также государство в качестве антимонопольной политики может создавать государственные органы, ведомства, осуществляющие анализ и мониторинг рынка в целях выявления нарушений конкуренции. Благоприятная конкурентная среда в сферах деятельности хозяйствующих субъектов, не являющихся естественными монополиями:

1. Равный доступ к товарам (работам, услугам) естественных монополий, и развитие конкуренции в потенциально конкурентных видах их деятельности.
2. Прекращение антиконкурентного вмешательства органов власти в функционирование рынков, высокая эффективность бюджетных расходов при размещении государственного и муниципального заказа.
3. Эффективная реализация государственной политики в области контроля иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие

стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Данные цели можно отнести к государственным организациям, преследующих цель предотвратить монополизацию рынка, любых государств. Такие органы могут иметь следующие полномочия: возбуждать и рассматривать дела о нарушениях антимонопольного законодательства; привлекать к юридической ответственности за нарушение соответствующего законодательства; направлять иски о нарушениях в суды.

Более того, государство в рамках антимонопольной политики может способствовать насыщению рынка производителями, осуществляющими выпуск дефицитных товаров и услуг с помощью поддержки предпринимательства (большого и малого) путём стимулирования различными льготами, а также созданием государственных предприятий, что таким же образом приведет к зарождению конкуренции в отрасли.

В целом регулируя рынок различными методами, государство может преследовать следующие цели:

1. Формировать условия, благотворно сказывающиеся на развитии здоровой конкуренции.
2. Устранять барьеры, блокирующие вход в отрасль новым фирмам-производителям.
3. Предотвращать ситуации, при которой отрасль будет подконтрольна одной организации.
4. Принять законодательство, предусматривающее определенные санкции за нарушение правил здоровой конкуренции.

Одним из важнейших компонентов для поддержания стабильного уровня конкуренции и обеспечения социально-экономической стабильности является государственная антимонопольная политика, которую проводит государство непосредственно через специальные органы власти и управления, осуществляя тотальный государственный контроль за соблюдением законодательства относящихся к системе конкурентного права.

Так, антимонопольная политика — комплекс административных, экономических и законодательных мер государства, направленных на обеспечение и поддержание эффективности функционирования конкурентоспособного рынка, а также оптимизацию рыночной структуры и недопущение образования монополий.

К основным задачам антимонопольной политики относятся:

1. Создание, обеспечение и охрана необходимых условий для качественного и эффективного раз-

вития как конкуренции, так и предпринимательства во благо национальной экономики.

2. Ликвидация незаконно созданных барьеров для входа на какой-либо рынок, ликвидация любых незаконных ограничений для развития конкуренции, что позволяет исключить монопольные действия компаний и диктат хозяйствующего субъекта.
3. Законодательное определение ответственности и последующих санкций за монопольные действия, нарушающие правила честной конкуренции.
4. Защита и предоставление возможностей для развития малого и среднего бизнеса, не допуская произвола со стороны крупного и устоявшегося бизнеса.
5. Создание всех условий для развития и укрепления национальной экономики.

Специализированным органом по обеспечению и реализации антимонопольной политики является ФАС — Федеральная антимонопольная служба. Она наделена соответствующими полномочиями для мониторинга рынков и пресечения деятельности монополий путём штрафных санкций или иных мер по привлечению к ответственности за нарушения.

Также Правительство совместно с ФАС реализует на практике следующие меры:

1. Активизация конкурентоспособных рыночных структур для противодействия монополиям;
2. Комплекс мер, направленных на предотвращение деятельности монополий, остановка её работы законодательным путём;
3. Жесткий контроль за ценообразованием в стране и незамедлительная реакция на необоснованно низкие либо же высокие цены.

Антимонопольная политика — одно из направлений государственного регулирования экономики.

Государство контролирует процессы слияния корпораций, и далеко не каждое из них признается законным и допустимым. Именно против таких монополий, возникших на основе централизации капитала, в первую очередь направлено антимонопольное законодательство. Однако, следует помнить, что целью является не борьба с отдельными компаниями, а предотвращение ухудшения условий конкуренции. В мире существуют разные системы антимонопольного регулирования. Например в странах Европейского Союза монополистическая деятельность, в принципе не исключается и не запрещается, а допускается, но лишь до тех пор, пока не нарушает установленных в законе условий. Такая система является по сути про-

тектионистской по отношению к серьезной конкуренции извне.

Что касается России, за основу здесь взята европейская модель, поскольку очевидна необходимость существования государственных монополий в таких сферах, как, например, ядерный комплекс, оборонное производство и др. [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что монополизм представляет собой серьезную проблему

рыночной экономики и требует незамедлительного контроля со стороны государства.

Поэтому антимонопольная политика присуща любому развитому государству с рыночной экономикой, с помощью специального органа и специальных мер сдерживания и воздействия пресекается деятельность незаконных и негативно влияющих на рынок монополий. С помощью антимонопольной политики тормозится инфляция, регулируются цены и объемы производств.

ЛИТЕРАТУРА

1. О естественных монополиях [Электронный ресурс] Федеральный закон РФ от 17 августа 1995 г. № 147 ФЗ: принят Гос. Думой 19 июня 1995 г.: одобрен Советом Федерации 25 июня 1995 г.: (ред. от 27.01.2013) // СПС «Консультант Плюс»
2. Гаврилов А.Л. Проблемы реформирования естественных монополий // Фундаментальные исследования. — 2012. — № 4—40—45 с.
3. Коптин Д.Р. Роль антимонопольного регулирования в развитии конкурентных отношений на естественно-монопольных рынках // Известия. — СПб-ЭФ. — 2015. — № 4. — 14—21 с.
4. Носова С.С. Экономическая теория. — М.: Кнорус, 2011. — 505 с., 713 с.
5. Экономическая теория / Под ред. В.Д. Камаева. — М.: Владос, 2010. — 105 с.
6. Самойлович В.Г., Телушкина Е.К. Экономика предприятия. — М.: Академия, 2009. — 185 с.
7. Сапир Ж. Естественные монополии: проблемы определения и контроля // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 6. — 46 с.
8. Цыпин И.С., Веснин В.Р. Мировая экономика. — М.: Проспект, 2012. — 101 с., 121 с.
9. Теория конкуренции: учебное пособие для студентов экономических специальностей. — Саратов: Изд-во «Саратовского государственного университета им Н.Г. Чернышевского», 2014. — 54—59 с.
10. Микроэкономика. Теория и российская практика: учебник/коллектив авторов: под ред. А.Г. Грязновой и А.Ю. Юданова. — 9-е изд., стер. — М.: КНО-РУС, 2011. — 374 с.

© Боробов Василий Николаевич (vborobov@mail.ru), Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ СТРАТЕГИЯ КНР В ОТНОШЕНИИ ИНДУСТРИАЛЬНО РАЗВИТЫХ СТРАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вэй Вэнь

Аспирант, Белорусский государственный
университет
787083595@qq.com

CHINA'S FOREIGN TRADE STRATEGY TOWARDS INDUSTRIALIZED COUNTRIES AT THE PRESENT STAGE

Wei Wen

Summary. This article will examine China's foreign trade strategy in relation to developed countries. The year 2021 marks the 20th anniversary of the signing of the Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between Russia and China. At present, the world is undergoing changes unprecedented in a century, the international community is in turmoil, and interests are complex. Since ancient times, cross-border trade and economic exchanges have been the opening point of economic and trade cooperation between countries and an important driving force of bilateral regional economic development. Trade between China and Russia has a long history, trade between the border areas of the two countries dates back more than three hundred years and generally shows a positive development trend despite the change of management since then.

Keywords: China, foreign policy, foreign trade, strategy.

Аннотация. В рамках данной статьи будет рассмотрена внешнеторговая стратегия Китая по отношению к развитым странам. В 2021 году исполняется 20 лет со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем. В настоящее время мир переживает беспрецедентные за столетие перемены, международное сообщество находится в смятении, интересы носят сложный характер. С древних времен приграничная торговля и экономические обмены являются местом открытия экономического и торгового сотрудничества между странами и важной движущей силой двустороннего регионального экономического развития. Торговля между Китаем и Россией имеет долгую историю, торговля между приграничными районами двух стран насчитывает более трехсот лет и в целом демонстрирует положительную тенденцию развития, несмотря на смену управления с тех пор.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, внешняя торговля, стратегия.

С 1990-х годов китайско-российские отношения неуклонно улучшались, быстро развивалось экономическое и торговое сотрудничество между двумя странами, росла приграничная торговля, и относительный дефицит российских товаров легкой промышленности был несколько ослаблен. За эти годы плодотворные результаты экономического и торгового сотрудничества между двумя странами показали, что во все времена, пока Китай и Россия поддерживают дружественные и нормальные экономические и торговые обмены, они могут работать вместе. Это соответствует не только общим интересам двух народов, но и неотъемлемым требованиям устойчивого развития китайско-российской торговли и экономического сотрудничества[1]. В перспективе новой эры реализация инициативы «Пояс и путь» предоставила китайско-российскому торгово-экономическому сотрудничеству более широкое пространство и возможности для развития, а создание китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнерства сотрудничества в новую эру также будет способствовать выходу приграничного торгово-экономического сотрудничества между двумя странами на новый уровень.

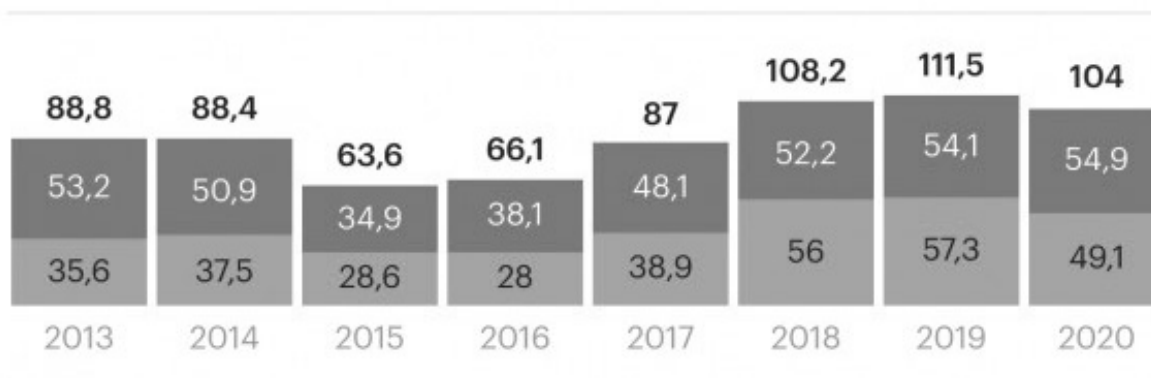
Правительство Путина придает большое значение развитию китайско-российской торговли и проводит политику поощрения торговых обменов между двумя странами, что вместе с поддерживающей политикой китайской стороны привело к очередной кульминации в развитии китайско-российской торговли и экономического сотрудничества[2].

8 мая 2015 года правительства Китая и России подписали Совместную декларацию Китайской Народной Республики и Российской Федерации о стыковочном сотрудничестве между строительством Экономического пояса Шелкового пути и строительством Евразийского экономического союза. Предложенная Россией инициатива «Большого евразийского партнерства» перекликается с китайской инициативой «Один пояс, один путь», придавая тем самым большой импульс торгово-экономическому сотрудничеству между двумя странами. В 2017 году китайско-российские экономические и торговые отношения развивались быстрыми темпами: объем торговли достиг 84,071 млрд. долларов США, увеличившись на 20,8% по сравнению с предыдущим годом, китайско-российская приграничная торговля также достигла небольшого роста; после официального утверждения в 2018 году

Товарооборот между Китаем и Россией

\$ млрд

● Экспорт (РФ в Китай) ● Импорт

Источник: ФТС России

© РБК, 2021

Рис. 1. Товарооборот РФ и КНР

«Плана развития китайско-российского сотрудничества на Дальнем Востоке России (2018–2024 годы)» объем торговли между двумя странами в этом году превысил отметку в 100 млрд. долларов США. В том году объем торговли между двумя странами превысил отметку в 100 миллиардов долларов США. В 2018–2019 годах успешно продвигался ряд крупных проектов транспортной инфраструктуры на российско-китайской границе, включая уже заверченный железнодорожный мост через реку Тунцзян-Россия и китайско-российский автомобильный мост через пограничную реку Хэйхэ-Браговещенск. С 2020 года, на фоне охватившей мир эпидемии и значительного сокращения мировой торговли, двустороннее экономическое и торговое сотрудничество демонстрирует сильную устойчивость и потенциал с формированием на высоком уровне новой эры китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнерства, а китайско-российское приграничное экономическое и торговое сотрудничество также растет[3].

Правительства России и Китая всегда придавали большое значение экономическому и социальному развитию и двустороннему сотрудничеству вдоль границ России и Китая. В целях активизации развития приграничных районов и содействия экономическому и торговому сотрудничеству между двумя странами, правительства двух стран представили ряд стратегических планов развития и основных преференциальных политик, особенно в рамках инициативы «Один пояс, один путь», правительства двух стран сформировали

высокую степень консенсуса по сотрудничеству между Китаем и Россией в приграничных районах и далее выдвинули предложения по сотрудничеству, создавая более широкие перспективы развития для расширения и углубления китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества[4]. Это создало более широкие перспективы развития для расширения и углубления китайско-российского приграничного торгово-экономического сотрудничества.

В последние годы китайско-российское сотрудничество в различных областях постепенно институционализировались и нормализовались, а все более совершенный механизм сотрудничества стал надежной гарантией устойчивого развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества. Под личным продвижением и стратегическим руководством президента Си Цзиньпина и президента Путина Китай и Россия создали и постепенно совершенствуют механизмы всестороннего сотрудничества между правительствами, политическими партиями и парламентами. Зрелое развитие этих механизмов также способствовало изучению и созданию механизмов сотрудничества в китайско-российских приграничных районах, обеспечивая платформу и гарантию для развития всестороннего китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества.

С ростом товарооборота между Китаем и Россией приграничная торговля между двумя странами также

показала хорошую тенденцию развития, и обе стороны укрепили взаимные инвестиции и сотрудничество в области энергетики, нефтехимии, сельского и лесного хозяйства, минералов, строительства, портов, торговли и логистики. В рамках нового международного сотрудничества «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза обе страны придают большое значение оживлению и развитию прилегающих приграничных районов, и был достигнут значительный прогресс во многих проектах инфраструктурного сотрудничества вдоль российско-китайской границы. Это особенно актуально для транспортной инфраструктуры. Хорошие условия транспортной инфраструктуры являются важным подспорьем для углубления экономического и торгового сотрудничества.

В то же время сотрудничество между отечественными и зарубежными парками является одной из важнейших форм китайско-российского приграничного торгово-экономического сотрудничества. Входящие и выходящие парки северо-восточного региона с Россией в основном сосредоточены в приграничных районах провинции Хэйлунцзян, образуя систему поддержки развития границы с Россией, объединяющую входящие, трансграничные и выходящие парки и промышленные базы. Кроме того, географическое преимущество северо-восточного приграничного региона по отношению к России привлекло большое количество компаний трансграничной электронной коммерции обосновать-

ся в этом регионе, способствуя углубленному сотрудничеству в области трансграничной электронной коммерции вдоль китайско-российской границы. С этой целью приграничные районы северо-восточного Китая активно используют свои преимущества расположения для обеспечения непрерывного роста бизнеса по импорту и экспорту на российскую границу путем укрепления строительства программных разработок и аппаратных средств электронной коммерции, увеличения объемов развития и инвестиций в российский рынок, а также улучшения строительства трансграничных логистических каналов в Россию[5].

2021 год совпадает с 20-летием подписания китайско-российского Договора о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве, и российско-китайские приграничные районы должны полностью использовать эту возможность для дальнейшего углубления сотрудничества. более благоприятные возможности для дальнейшего углубления приграничного экономического и торгового сотрудничества, укрепления, повышения взаимного доверия, совместного процветания, обогащения и укрепления границы на благо двух народов.

Конечно, Россия не единственное государство, с которым Китай активно выстраивает торговые взаимоотношения, но Россия в данном направлении несомненно является для Китая стратегическим партнером.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карицкая И.М., Ситникова Я.В., Маркасова О.А. Торговые отношения России и Китая — ключевые стратегические инициативы //Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № . 2–3 (56).
2. Икэ Ш., Эпова Н.Р. Влияние внешнеторговой политики на экономическое развитие Китая //Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5. — № . 1. — С. 25–35.
3. Пэн Л. Состояние и проблемы внешнеторговой деятельности Китая в условиях торговой войны //Российский внешнеэкономический вестник. — 2019. — № . 11.
4. Молонова А.В., Сунь С. Стратегии развития международной торговли Китая //Логистика и управление цепями поставок. — 2019. — С. 137–140.
5. Сулов Д.В. Российско-китайские экономические взаимоотношения: текущая конъюнктура //Пространственная экономика. — 2018. — № . 4.

© Вэй Вэнь (787083595@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЛИКВИДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

INSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR GLOBAL LIQUIDITY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

A. Hasanli

Summary. Among the current calls for reforming the international monetary architecture, the reorganization of global reserves and liquidity systems is gaining importance. At the historical stages of the development of the global economic system, various fundamental changes were observed both in the global reserve system and in the liquidity system. The modern global liquidity system, the main contours of which were formed along with the Bretton Woods system, has undergone a number of fundamental changes over the past 50 years. The expansion of international capital flows, the formation of various cooperation frameworks at the macro and regional levels, and the accelerated development of financial markets have expanded the role of various components in providing global liquidity. In the process of the current institutional structuring of the global liquidity system, the current functionality and future prospects of Special Drawing Rights, designed as an international reserve asset, play a special role. The article analyzes the design features of Special Drawing Rights and issues of increasing their promising role in the process of institutional structuring of the global liquidity system against the background of existing functionality problems.

Keywords: borrowing rights, global liquidity, global reserve system, international monetary architecture, economic system.

Гасанлы Азер Расим оглы

*Диссертант, НИИ «Экономические реформы»
при Министерстве Экономики Азербайджанской
Республики (г. Баку)
azarhasanli@outlook.com*

Аннотация. В ряду современных призывов реформирования международной валютной архитектуры большое значение приобретает реорганизация систем глобальных резервов и ликвидности. На исторических этапах развития глобальной экономической системы различные фундаментальные изменения наблюдались как в глобальной резервной системе, так и в системе ликвидности. Современная система глобальной ликвидности, основные контуры которой формировался вместе с Бреттон-Вудской системой, за последние 50 лет претерпела ряд основательных изменений. Расширение международного движения потоков капитала, образование различных рамок сотрудничества на макро- и региональном уровнях, ускоренное развитие финансовых рынков расширили роль различных компонентов в обеспечении глобальной ликвидности. В процессе нынешнего институционального структурирования системы глобальной ликвидности особую роль играют действующая функциональность и будущие перспективы Специальных Прав Заимствования, проектированных как международный резервный актив. В статье анализируются конструктивные особенности Специальных Прав Заимствования и вопросы повышения их перспективной роли в процессе институционального структурирования системы глобальной ликвидности на фоне существующих проблем функциональности.

Ключевые слова: права заимствования, глобальная ликвидность, глобальная резервная система, международная валютная архитектура, экономическая система.

Введение

В ходе развития Международной валютной архитектуры (МВА) одним из проблемных вопросов было формирование устойчивых систем ликвидности и резервов. В частности, на этапах становления мировой экономики за последние два столетия проблемы, исходящие из системы глобальной ликвидности, сыграли главную роль в возникновении крупномасштабной нестабильности. В целом в экономической литературе известны разные взгляды на значения, которые вбирает в себя термин «глобальная ликвидность». В аспекте системы международных отношений, глобальная ликвидность отражает наличие финансовых ресурсов для приобретения товаров и активов. В процессе исторического развития МВА глобальная

ликвидность в течение долгого времени характеризовалась как узкая денежная масса, эмитированная центральными банками, а также совокупность международных резервов ведущих стран. Однако расширение потока капитала, начиная с 1970-х годов, а также развитие финансовой системы значительно расширили сферу охвата этого понятия. В последние годы для измерения глобальной ликвидности широко используются крупные агрегаты денежных масс, а также масштаб кредитных потоков. Во время начавшегося в 2008 году глобального финансового кризиса, расширились масштабы колебаний в банковской системе, в частности, ввиду значительной доли предоставляемых этими институтами международных кредитов в системе глобальной ликвидности — практика использования кредитного фактора в исследованиях глобальной ликвидности.

Становление фактора СПЗ в обеспечении глобальной ликвидности. Режимы обменного курса, применяющиеся в XIX–XX веках — эпоху золотых и золото-девизных стандартов, наряду с резким инфляционным и дефляционным давлением на национальном уровне, создавали волатильность во внешнем секторе. В тоже время неспособность обеспечить адекватную глобальную ликвидность для фаз циклического развития и кризиса мировой экономики, вызывала постоянную волатильность цен на золото, которое в этот период играло роль международных резервных активов, а также в курсе доминирующей валюты — фунта стерлингов.

К концу Второй Мировой войны новый мировой экономический порядок, приобретающий свои основные очертания, также обуславливал реформы системного значения в МВА. В Бреттон-Вудской системе, возникшей на фоне этих реформ, доллар США уже стал гегемонистской мировой валютой, а так же, главным носителем глобальной ликвидности. Фаза быстрого развития мировой экономики в 1950–60-х годах выявила фундаментальные недостатки Бреттон-Вудской системы. Так, ускорение экономического роста в Европе и Японии усилило желание центральных банков этих стран перевести свои долларовые запасы в золото. В 1957–1968 годы же золотые резервы США сократились более чем вдвое [6]. В 1959 году монетарные резервы золота США были равны их совокупным внешним долларovým обязательствам. Однако, уже в 1964 году официальные долларовые обязательства иностранных монетарных органов превышали золотовалютные резервы США.

В соответствии с особенностями структуры Бреттон-Вудской системы, расширение предложения активов, выраженных в долларах США для поддержания золотого паритета, уже стало неизбежной политической необходимостью для других стран. Опыт показывает, что на данном этапе особенности внутренней экономической политики США, а также специфичность глобальных экономических условий еще больше увеличили масштаб инвестиций в эту страну. Это, неизбежно вело к еще большему нарушению равновесия в текущем балансе США, и вызывало другую проблему — затруднения в определении границ обеспечения глобальной ликвидности для поддержания золотодолларового паритета.

С другой стороны, недооценка долларového эквивалента золота на ранних этапах формирования Бреттон-Вудской системы, в том числе проблемы с поставкой золота в международном масштабе, ограничивали возможности финансирования растущих масштабов глобальной торговли. Растущий дефицит текущего счета в США, также предполагал и риск подрыва доверия к доллару США в других странах. Американский

экономист Роберт Триффин считал, что ужесточение денежной политики со стороны США будет чревато дефляцией в глобальном масштабе. Другими словами, построение резервным эмитентом механизма создания ликвидности на текущем дефиците страны вело к росту ликвидных обязательств страны и снижению доверия к нему других стран.

Другим недостатком Бреттон-Вудской системы было асимметричное распределение волатильности внешнего сектора по внешнему сектору. В действительности это не было новой проблемой, присущей именно Бреттон-Вудской системе. Поскольку на этапе золотого стандарта золото играло роль международного резервного актива и валюты были привязаны к золоту, границы глобальной ликвидности в рамках именно этих паритетов были ограничены золотыми резервами. Формальная функциональность механизма потока золота между странами была способна в некоторой степени ограничивать асимметричное распределение волатильности внешней торговли. Однако на Бреттон-Вудском этапе, в частности, несмотря на формальную привязку доллара США к золоту, его де-факто преобразование в международную резервную валюту также вело и к фактическому расширению глобальной ликвидности и увеличению внешней торговой волатильности. В этом отношении пробелы в международном регулировании вынудили профицитные страны взять на себя ответственность по проблеме дефицита текущего счета эмитента мировой валюты — США. С другой стороны, основные очертания внутренней экономической политики и в самих Соединенных Штатах в определенном смысле направлялись согласно характеристикам глобальной резервной системы.

Однако уже во второй половине 1960-х годов между ведущими странами предметом обсуждений стал вопрос о том, насколько долго доллар США сможет нести функцию международной резервной валюты. В марте 1968 года членами «Лондонского золотого пула» с целью застраховать международные резервы от давления высоких цен на золото была сформирована система двойного ценообразования. Этим соглашением проводилась грань между монетарными золотыми резервами центральных банков и ценами на золото, которое покупалось и продавалось на свободных рынках как обычный товар. Таким образом, эти страны могли бы поддерживать стабильность валютных курсов, и не продавать для получения прибыли монетарные золотые резервы другим странам на рынках золота.

Со второй половины 1960-х годов стали распространяться различные инициативы по созданию альтернативных международных резервных валют. К примеру, американский экономист Роберт Триффин вновь пред-

лагал (об этом первые говорил Джон Мейнард Кейнс еще на Бреттон-Вудской конференции в 1945 году), возложить на Международный валютный фонд (МВФ) функции мирового центрального банка и эмиссию международной резервной валюты под названием «банкор». Другой американский экономист, Эдуард Бернштейн, выступил с мыслью сформировать общий фонд из национальных валют каждой из стран G10 и создать эквивалентную золоту резервную валюту под названием Сложная Резервная Единица [1]. На самом деле, принятые позже СПЗ были заложены в основе этого плана. Однако на начальном этапе формирования французы считали приемлемой организацию такой резервной валюты среди ведущих экономик вне системы МВФ. Англичане же предполагали создание взаимного валютного счета путем консолидации валютных запасов стран с торговым профицитом.

Предложение о создании СПЗ было принято еще в 1967 году в ходе дискуссий G10, а в июле 1969 года МВФ, после внесенных в устав фонда поправок, официально получил статус резервной валюты. Первоначальная эмиссия СПЗ состоялась в январе 1970 года, в период разногласий между США и европейскими странами касательно масштабов эмиссии. США предлагали эмиссию в объеме 4 млрд. СПЗ ежегодно 5 лет подряд, в то время как европейские страны считали целесообразным только 2.5 млрд. СПЗ в год за 3-летний период эмиссии [8]. В итоге объем распределения первичных СПЗ составил 9.3 млрд. СПЗ были разработаны не как валюта, а как кредитная линия, которая может быть предоставлена государствам-членам только в случае необходимости.

СПЗ в призме глобальной ликвидности: международная резервная валюта или актив?

В 1969 году, когда впервые были представлены СПЗ, они, в первую очередь, были направлены на устранение недостатков глобальной резервной системы того периода, в частности, на ограничение проблем платежного баланса США путем снижения спроса на активы, выраженные в долларах США, и, косвенно, волатильности внешнего сектора МВА, в том числе на погашение растущих потребностей мировой экономики в ликвидности. Однако, в последующих процессах наблюдалось существенное снижение ареала использования СПЗ и спроса на него, как на международный резервный актив. Начиная с 1970 года, доля СПЗ в глобальных резервных запасах составляла в среднем около 3%. Объем размещения СПЗ в 1970–1972 годах равнялся 9.5% мировых незолотых резервов за тот период. После распределения СПЗ в 1979–1981 годах, накануне мирового финансового кризиса, объем СПЗ охватывал около 0.5% мировых не-

золотых резервов. Размещения же 2009 года увеличили долю ресурсов СПЗ в мировых недолларовых резервах примерно до 5%.

Однако функциональность СПЗ в глобальной резервной системе всегда была предметом серьезных дискуссий. СПЗ, созданные, по сути, как международная резервная валюта, эту функцию никогда не выполняли. Данный парадокс может объясняться несколькими факторами. Во-первых, СПЗ по своей структуре являются не валютой, а резервным активом [4]. Так, СПЗ хоть и выполняют заместительную функцию для других валют, но в тоже время валютой не являются. СПЗ не эмитируются МВФ и, поэтому, не представляют собой обязательства перед МВФ. Кроме того, СПЗ также выступают как обязательство и актив для государств-членов. Так, с одной стороны, государства-члены выплачивают проценты за размещение СПЗ, а с другой стороны, получают процентные платежи за ресурсы СПЗ в квотных долях [3].

СПЗ в настоящее время больше выполняют две функции — расчетной единицы и кредитной линии между государствами-членами. Другими словами, государства-члены МВФ могут при необходимости привлекать ресурсы в других валютах в обмен на СПЗ в объеме собственных резервных квот. Это означает, что СПЗ в функциональном понимании является активом, который обеспечивает выход к более свободно используемым валютам. В таком случае, особенно повышается спрос на ведущие свободно обратимые валюты, что не считается приемлемым для стран-эмитентов этих валют. Потому что распределение СПЗ означает эмиссию валют, входящих в эту корзину. Однако удовлетворение неопределенного спроса на валюты, эмитированные соответствующими центральными банками, не является выбором рациональной политики. Риски, исходящие из дилеммы Триффина, оказывают ограничивающее влияние на эти центральные банки. Мы считаем, что именно такая конструктивная особенность является одним из основных препятствий на пути преобразования СПЗ в международную резервную валюту.

В техническом отношении в связи с СПЗ фактически следует различать 3 понятия. Эти различия на самом деле появляются в рамках попыток соотнести функции денег, имеющих место в экономической литературе, к СПЗ. Первым понятием является официальный актив СПЗ, на который в общем случае наиболее часто ссылаются и, которым независимо от имеющейся на тот момент макроэкономической ситуации, могут безоговорочно пользоваться все государства-члены. Целью формирования этого актива являлось удовлетворение долгосрочных потребностей глобальной ликвидности. Официальные резервы СПЗ не формируются за счет

профицита платежного баланса государств-членов, и к тому же отражают не долговые обязательства стран, а их возможности использования свободно обратимых валют.

Два других термина чаще используются для описания функциональных назначений СПЗ. Первый из них — это ресурс СПЗ, который больше используется для выражения стоимости активов, представленных на финансовых рынках СПЗ. Этот актив имеет рациональное и ограничивающее риск значение для сторон-участников международных расчетов. Однако, расходы на хеджирование и транзакции вследствие использования СПЗ, особенно в развивающихся странах с серьезными структурными проблемами, связанными с ликвидностью и глубиной развития финансовых рынков, довольно высоки, что ограничивает возможности их использования. Последнее понятие СПЗ используется больше в отношении функциональности расчетной единицы этого актива. После краха золотого стандарта этот СПЗ актив использовался рядом международных организаций как расчетная единица, а некоторыми странами — как курсовой якорь. Ряд оценок показывает, что колебания цен на товары, выраженные в СПЗ, на 7–15% меньше, чем переведенные в доллары США [2]. Это позволяет уменьшить разницу в ценах в импортных и экспортных операциях, снизить резкую торговую волатильность, вызванную колебаниями курса, и более гибко управлять валютными рисками для фирм. В целом, наращивание расчетной и обменной функциональности СПЗ, несмотря на текущие ограничения, способствует более стабильной работе капитального и торгового потоков, в том числе снижению зависимости единственного эмитента резервной валюты в мировой экономике от экономико-политической позиции страны.

Роль и перспективы СПЗ в существующей системе глобальной ликвидности

Параллельно с расширением обеспечения глобальной ликвидности одной из основных тем обсуждений являются границы, в пределах которых будет находиться будущая функциональность СПЗ. Несмотря на глобальный характер мандата, использование СПЗ, в частности на постбреттон-вудском этапе, было крайне ограниченным. Эта ограниченность связана как с функциональностью самого СПЗ в качестве резервного актива, так и с существенными задержками при отражении изменений глобальной экономической системы. Объем рынка операций, проводимых с СПЗ, так же достаточно невелик. Так, до настоящего времени максимальный предел использования СПЗ (*net drawing*) составил 16 млрд., что составляет малую часть глобальных резервов [7].

В настоящее время к основным призывам в этом направлении можно отнести еще большее расширение размещения СПЗ, стимулирование его использования в качестве международной резервной валюты, а также определение выхода стран к СПЗ, в зависимости от уровня выполнения ими обязательств по международной системе многостороннего контроля. Исходя из нынешней глобальной экономической конъюнктуры, СПЗ могут принести пользу главным образом в трех направлениях:

- ◆ совершенствование механизмов внешнего регулирования;
- ◆ устранение официальных ограничений по обеспечению ликвидности посредством ГСФБ;
- ◆ нейтрализация систематических побочных действий, вызванных накоплением крупномасштабных валютных резервов.

До настоящего времени осуществлено размещение всего трех СПЗ. Первые два из них были небольшими по масштабу. С целью предотвращения глобальной рецессии в апреле 2009 года в ходе саммита G20 был согласован пакет стимулирования на общую сумму 1.1 трлн. \$, обеспечение СПЗ стран-членов со стороны МВФ на 161.2 млрд. (250 млрд. \$). Здесь интересен тот факт, что долгое время после размещения первых двух СПЗ в этом направлении не осуществлялась какая-либо деятельность. Этот фактор может объясняться отсутствием необходимости в поддержке «якорей» курса при наличии плавающих курсов на постбреттон-вудском этапе. Вторым же фактором был риск того, что эмиссия новых активов, к примеру, СПЗ, приведет к глобальной инфляции, так как, начиная с 1980 года регулирование инфляции в глобальном масштабе было одной из главных задач основателей денежной политики. Однако стоит отметить, что за самым крупным распределением СПЗ, состоявшимся в 2009 году, последовала только краткосрочная инфляция, а в долгосрочный период это влияние было незначительным.

В 1970-х годах поступали определенные предложения по преобразованию СПЗ в замещающий счет с целью повышения его роли в обеспечении глобальной ликвидности, однако, они не оправдали себя в тот период. Согласно этому плану, страны, передав свои резервы долларов США в МВФ, могли получать взамен ресурсы, выраженные в СПЗ. Однако, в таком случае, на практике валютный риск стран с избыточными резервами долларов США передается другим членам МВФ, что неприемлемо для этих стран. После глобального финансового кризиса это предложение было вновь выдвинуто с некоторыми изменениями. Новый вариант предусматривает взамен обязательств, выраженных СПЗ, накопление внешних валютных резервов на счете, управляемом МВФ, и, таким образом, формирование

долгосрочных требований в отношении стран-эмитентов резервной валюты [13]. С другой стороны, страны, нуждающиеся в валютных интервенциях, могут приобрести необходимые им средства, путем перевода на замещающий счет или продажи своих СПЗ ресурсов. На последнем же этапе этого плана преследуется цель объединения ресурсов на замещающем счете с общими ресурсами МВФ и, таким образом, предоставления МВФ возможности регулирования спроса различных центральных банков на иностранную валюту. Создание такого механизма под контролем МВФ хоть и дает возможность расширить ареал использования СПЗ, а также более эффективно перейти к мультивалютной системе, но, все же, несет в себе серьезный валютный риск и асимметричное распределение этого риска.

Другой проблемой, исходящей из распределения такого резервного актива является моральный риск. Так, предоставление доступа к свободно обратимым валютам без дополнительных условий, к примеру, СПЗ, может привести, в частности, к нарушению макроэкономической дисциплины в развивающихся странах, более неустойчивому осуществлению политики курса. Опыт, следующий за последним распределением СПЗ, также показывает, что страны с фискальным дефицитом или волатильностью текущего счета более склонны к продаже ресурсов СПЗ. Кроме того, рост размещений СПЗ создаст почву для увеличения спроса на ведущие валюты, что, в свою очередь, приведет к волатильности во внешнем секторе для стран-эмитентов этой валюты.

Повышение эффективности использования СПЗ обуславливает более целесообразное распределение этих активов. Так, в ходе первого размещения между 1970–72 годами страны с высоким доходом владели 74% общих ресурсов СПЗ, на страны со средним доходом приходилось 16%, а на страны с низким доходом — приходилось 10%. Во время второго распределения СПЗ в 1979–81 годах это соотношение составляло 67%-23%-10% соответственно. При последнем распределении СПЗ около 60% новых ресурсов СПЗ приходилось на долю ведущих экономик. Однако, в тот период экономики у этих стран не было необходимости в высокоуровневых резервах для устранения дисбалансов внешнего сектора. Напротив, страны со средним уровнем дохода с высоким спросом на резервную валюту владели приблизительно 30% размещений СПЗ, что было значительно меньше их потребностей. Для исключения такого недостатка были выдвинуты различные инициативы, например, направить 80% размещений СПЗ развивающимся странам, а 20% — развитым экономикам, или учитывать при размещении СПЗ призывы глобального развития. Согласно второму подходу, неиспользуемые государствами-членами ресурсы СПЗ переводятся в многосторонние банки развития и, таким образом,

осуществляется финансирование их деятельности в направлении решения глобальных проблем [9].

Другая проблема, связанная с эмиссией международной резервной валюты, исходит из собственного формата МВФ. Так, одной из причин получения долларом или евро статуса международной валюты является экономическая мощь страны/группы стран, являющихся их эмитентами. Однако, такая экономическая мощь, на примере МВФ, в институционализированной форме формально не существует. Отсутствие централизованного фискального управления затрудняет возможность перехода к системе, опирающейся на СПЗ. К тому же, разнообразие политических интересов стран-членов в рамках МВФ препятствует адекватной последовательности размещения СПЗ на фоне потребностей мировой экономики в ликвидности.

Заключение

Реорганизация систем глобальных резервов и ликвидности на современном этапе занимает важное место в ряду основных задач реформирования, стоящих перед МВА. Расширение различных инициатив в направлении формирования мультивалютной резервной системы, а также появление различных компонентов при обеспечении глобальной ликвидности, таких как валютные своп-операции и региональные механизмы финансирования, ограничивают функциональность МВФ, как международного резервного актива.

На нынешнем уровне потребностей в глобальной ликвидности размещение СПЗ могут быть выгодным по нескольким направлениям. Во-первых, использование ресурсов СПЗ требует меньше затрат сравнительно заимствования в нормальных условиях на финансовых рынках или накопления странами внешних валютных резервов. Во-вторых, ресурсы СПЗ предоставляют государствам быстрый доступ к ликвидным ресурсам без образования дополнительного долгового бремени. И в конечном итоге, размещение СПЗ раскрывает широкие возможности для оживления международного монетарного сотрудничества, понижения уровня и длительности волатильности платежного баланса.

В рамках расширения возможностей использования СПЗ в качестве международного резервного актива, в первую очередь обязательно более полное отражение составом валютной корзины СПЗ переменчивой картины экономической мощи мировой экономики. Этот процесс в соответствии с изменениями в глобальной резервной системе может расширить роль СПЗ как надежного международного резервного актива в новой мультивалютной резервной системе. Это может стимулировать использование странами различных программ финанси-

рования МВФ, одновременно выступающего в качестве эмитента СПЗ и, таким образом, усилить влияние упомянутой структуры на процессы в мировой экономике.

Расширение использования СПЗ, как расчетной единицы, может привести и к расширению его функций обмена, и как следствие этого, к дальнейшему увеличению возможностей ликвидности, прямо выраженных в СПЗ.

Юридические гарантии на повышение обменной функциональности СПЗ, развитие клиринговые механизмов и сегментов финансового рынка, в частности ликвидных рынков, заключающих сделки с СПЗ, необходимо. Кроме того, очередными направлениями реформ являются расширение использования СПЗ в расчетах и торговых сделках между частными субъектами, в том числе адаптация финансовых технологий к тренду развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bordo, M. The Operation and Demise of the Bretton Woods System: 1958 to 1971 // Hoover Institution, Economic Working Papers No. 16116, February 2017.
2. IMF. Enhancing International Monetary Stability — A Role for the SDR? // IMF Policy Paper, January 2011.
3. IMF. Proposal for a General Allocation of Special Drawing Rights // IMF Policy Paper, July 2021.
4. IMF. Reserve Accumulation and International Monetary Stability // IMF Policy Paper, April 2010.
5. Kindleberger, C; Aliber, Z.R. Manias, Panics, and Crashes: A History of Financial Crises. New York: Palgrave Macmillan, 2011 [1978].
6. Ocampo, J.A. Resetting International Monetary (Non) System, Oxford University Press, 2017.
7. Ocampo, J.A. The Provision of Global Liquidity: The Global Reserve System // WIDER Working Paper 2014/141, October 2014.
8. Solomon, R. The International Monetary System 1945–1981, New York: Harper and Row, 1982.
9. United Nations. Report of the Commission of Experts Convened of the President of the UN General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System (Stiglitz Commission), United Nations, New York, September 2009.

© Гасанлы Азер Расим оглы (azarhasanli@outlook.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДРАЙВЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

DRIVERS OF ECONOMIC GROWTH IN THE RUSSIAN FEDERATION

**O. Gortsevskaya
V. Frolova**

Summary. The authors of the article identified the main drivers affecting the economic development of the Russian Federation. The article analyzes the influence of special mechanisms that can create a multiplicative stimulating effect on economic growth — drivers. Theoretical and practical recommendations are formulated to overcome the gaps and shortcomings of previous economic development programs.

Keywords: drivers of economic growth, institutions, growth potential, economic development, economic growth, investment, business activity, infrastructure.

Горцевская Оксана Григорьевна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет»
9823303@mail.ru*

Фролова Вероника Александровна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет»
Veronika_f@list.ru*

Аннотация. Авторами статьи определены основные драйверы, влияющие на экономическое развитие РФ. В статье анализируется влияние особых механизмов, которые могут создать мультипликативный стимулирующий эффект на экономический рост — драйверов. Сформулированы теоретические и практические рекомендации преодолению пробелов и недостатков предыдущих программ развития экономики.

Ключевые слова: драйверы экономического роста, институты, потенциал роста, экономическое развитие, экономический рост, инвестиции, деловая активность, инфраструктура.

Введение

Одной из основных тенденций современного народного хозяйства является переход к постиндустриальному обществу, базисом которого является устойчивый, качественный экономический рост, происходящий за счет внедрения инноваций, использования цифровых и коммуникационных технологий. Для этого необходимо обеспечить специальные механизмы управления процессами создания сложных связей обеспечения мультипликативного стимулирующего воздействия на экономику, которые получили название драйверов. Экономическая наука в процессе своего развития всегда искала источники, позволяющие обеспечить народному хозяйству устойчивое экономическое развитие. Поиском факторов роста занимаются инвестиционные и инновационные теории, основанные на постулатах долгосрочных технологических укладов. При обсуждении перспектив и возможностей роста экономики встречаются категории «точки роста» и «драйверы роста». Под точками роста понимается потенциал развития рынков, который может влиять на развитие экономической системы в целом [1, с. 63]. Под драйверами экономического роста понимается совокупность сложных силовых механизмов, которые улавливают первичный и вторичный спрос и катализируют импульсы, определенным образом включая разрозненные активы, приводящие к изменению народного хозяйства. Ряд экономистов основным драйвером экономического роста считают институцио-

нальную систему и качество сформированных в экономической системе институтов, оказывающих влияние на все аспекты народного хозяйства [3; 4]. Драйверами экономического роста может выступать институциональная система, цифровые технологии, инфраструктура, территориальные особенности страны, развитие малого и среднего бизнеса, иностранные инвестиции.

Методы

В работе авторами статьи на основе статистического, аналитического и сравнительного методов показан ряд драйверов, которые стимулируют экономическое развитие. С целью общей характеристики факторов, влияющих на экономическое развитие, прежде всего, использованы абсолютные и относительные показатели. Данные для выявления векторов экономического развития РФ получены из официальных статистических материалов Федеральной службы государственной статистики за 2000–2020 гг. в Российской Федерации.

Основные результаты и их обсуждение

Драйверы экономического роста — своеобразные катализаторы, за счёт которых уровень экономики начинает значительно расти. Рост создает определенную базу для экономической стабилизации, драйверы часто имеют связь между собой и оказывают влияние друг на друга. Выделяют следующие виды драйверов:

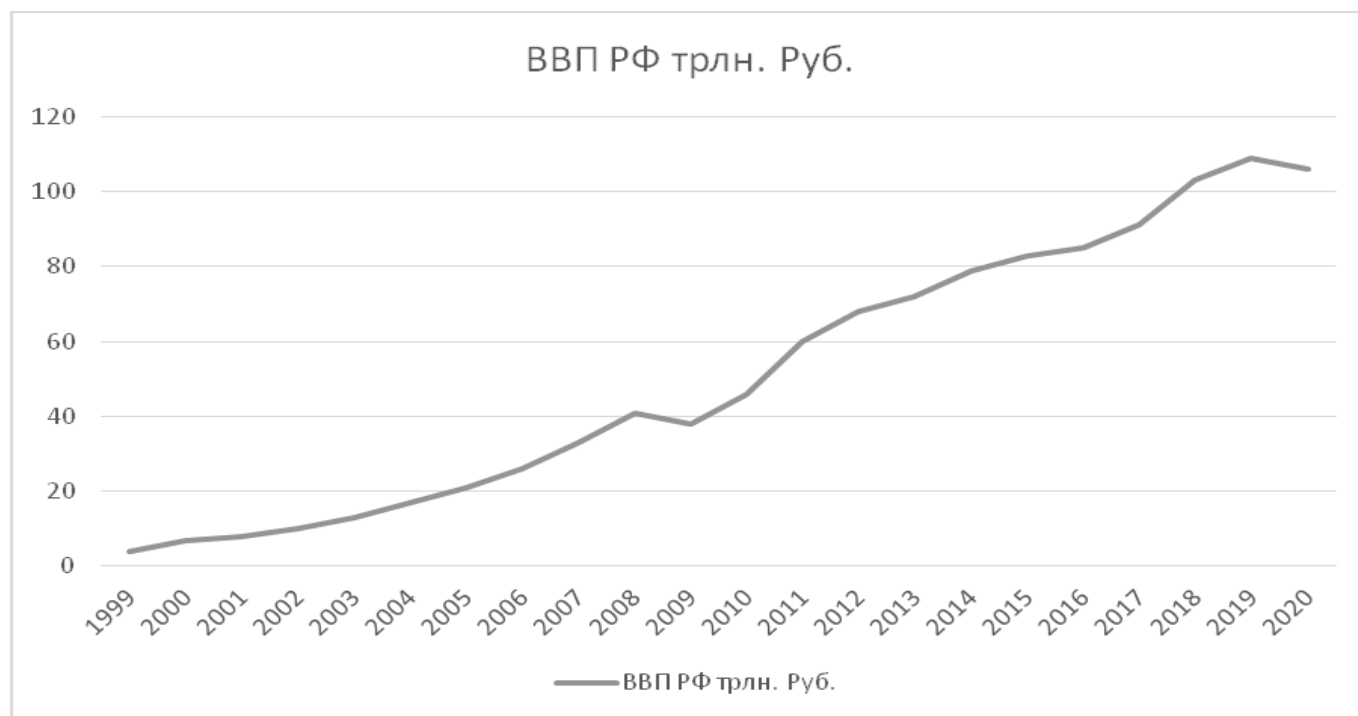

Рис. 1. ВВП РФ (в руб.)

Системные. Они отвечают за призыв иностранного капитала во внутреннюю экономику, за увеличение спроса на различные товары в стране, за развитие логистики.

Конкуренция и бизнес связи. Создают и улучшают сотрудничество предприятий и компаний из разных отраслей. Также бизнес связи и свободная торговля направлены, чтобы повышать конкуренцию между производителями, что как известно улучшает качество товара и оптимизирует ценовую политику на рынке.

Инвестиции. Инвестирование в развитие науки, за счет чего начинают разрабатываться инновационные продукты.

Уменьшения роли государства в бизнесе. Преобразуется позиция государства в плане ее участия в экономических процессах государства.

Также одним из главнейших экономических драйверов является экспорт товаров за рубеж, что без создания инновационных и конкурентоспособных товаров реализовать практически невозможно.

Несмотря на то, что Россия обладает множеством природных ресурсов, не все из них являются качественными и легкодоступными. Российская экономика в настоящее время является капиталоемкой, финансо-

вая система страны, несмотря на годы реформ, недостаточно хорошо развита, а проблемы с человеческим капиталом решить так и не удалось. Все это ограничивает возможности экономического роста внутри страны.

После глубокого кризиса 1990-х годов в результате кардинальной смены типа экономической системы, восстановление российской экономики началось с 1999 года, при этом за последние 20 лет наблюдается стремительный рост данного показателя. Снижение отмечено только в 2009 и 2020 году. Динамика роста ВВП России за период 1999–2020 гг. показана на рисунке 1. [4, с. 120].

В 2008–2009 гг. во время мирового финансового кризиса темпы роста ВВП упали на 16%, но, в 2010–2011 гг. темпы экономического роста восстанавливаются (с 102% в 2009 г до 115,9% в 2011г). В 2012–2013 гг. темпы роста замедляются. Из-за валютного кризиса и экономика погружается в рецессию. В 2018 г. существенно усиливается рост ВВП, увеличился приток инвестиций, в основном за счет сбережений населения. Но уже в 2020 г. из-за пандемии COVID-19 ВВП РФ во втором квартале упал на 12% [5, с. 134].

Одним из основных драйверов экономического роста являются инвестиции. В России на волне благоприятного инвестиционного климата объем инвестиций был достаточно высоким. На рис. 2 представлено

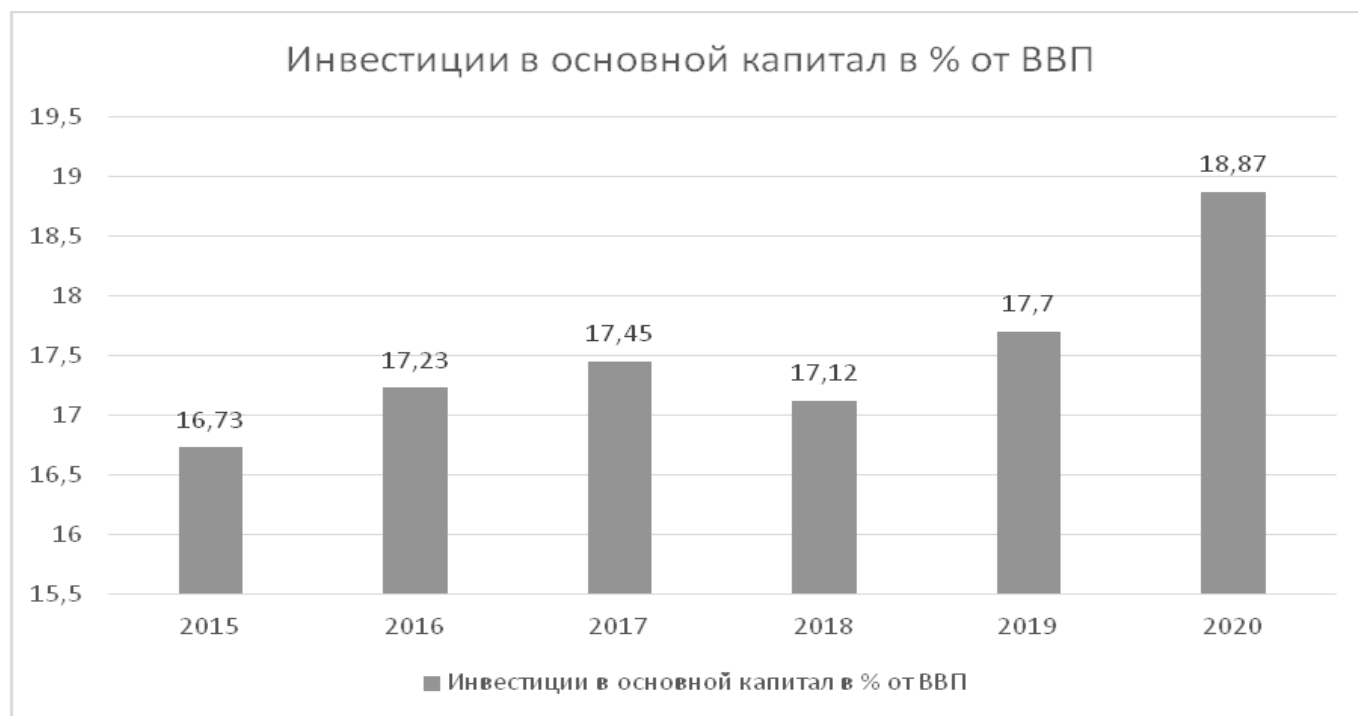

Рис. 2. Инвестиции в основной капитал в% от ВВП

соотношение инвестиций в основной капитал к ВВП за 2015–2020 год.

За прошедшие 6 лет, объем инвестиций составляет примерно одинаковый процент от ВВП ежегодно. Сейчас он держится примерно в интервале 16–18%, и это пока низкий показатель, для требуемого роста эффективности производства должна быть доведена до 25%, что пока даётся с трудом. В то же время расчёты показывают, что имеется резерв загрузки производственных мощностей, существенная часть которых — технологически современные предприятия.

Из-за территориальных особенностей России правительством была выработана стратегия превращения отдельных регионов в точки экономического роста. Было создано 33 особых экономических зоны России, из них 15 зон промышленного-производственного типа (Елабуга, Липецк, Тольятти, Титановая долина, Калуга), 7 технико-внедренческих (Дубна, Санкт-Петербург, Технополис Москва), 10 туристско-рекреационных (Эльбрус, Байкальская гавань), 1 портовая (Ульяновск).

Инвестиционный климат РФ недостаточно привлекателен для иностранных инвесторов, что негативно сказывается на функционировании особых экономических зон. Решение указанных проблем будет способствовать более эффективному использованию ОЭЗ в России. Региональные, местные и национальные ор-

ганы власти должны создавать благоприятную среду в ОЭЗ, инвестировать в инфраструктуру региона, чтобы привлекать туда инвесторов. Это позволит регионам развивать экономическую деятельность и создавать большой потенциал для регионального развития [5, с. 74].

Последние несколько десятилетий особое внимание стало уделяться внедрению инновационных технологий во все сферы производства и деятельности, это также являлось одним из основных драйверов экономического роста и повышения конкурентоспособности экономики на международном уровне.

Отличительной чертой инновационного развития выступает неопределенность и осложненный характер результата, поскольку он не образуется одномоментно, а формируется в течение длительного временного периода. Благодаря грамотному распределению конкурентных преимуществ возможно достичь большего внимания как со стороны инвесторов, так и со стороны высококвалифицированных специалистов, а в ряде ситуаций и со стороны населения, поскольку это существенно повышает и уровень, и качество жизни. Одним из самых известных инновационных проектов в России в сфере инновационного развития является «Сколково», цель реализации которого состояла в поддержке венчурных инновационных проектов, что включало предоставление необходимой инфраструктуры для

создания и осуществления разработок и последующего оказания содействия в их коммерциализации.

К числу драйверов национальной экономики Правительство РФ относит машиностроительный комплекс. С его состоянием связывают конкурентоспособность российской экономики на внутреннем и внешнем рынках, а также обороноспособность страны. Важной задачей является также поддержка авиационной промышленности и авиаперевозок.

Существенным драйвером развития экономики РФ является производство и экспорт углеводородного сырья. Ведь нефть, нефтепродукты, газ и уголь в совокупности составляли около 70% всего экспорта. Кроме того, налоги, таможенные пошлины и обязательные взносы по нефтегазовой и угольной отрасли доходили до 45–50% доходов федерального бюджета. В 2020 г. они снизились до 28%, прежде всего из-за значительного падения цен. В 2021 г. они восстанавливаются по ценам, но отстают по объемам из-за сократившегося спроса.

Если рассматривать ближайшую перспективу развития, то здесь драйверами экономического роста в ближайшие три года станут отрасли, обеспечивающие развитие инвестиций, экспортно-ориентированные отрасли обрабатывающей промышленности, сфера информационных технологий (ИТ), строительный и транспортные сектора. Об этом говорится в опубликованном Минэкономразвития прогнозе социально-экономического развития РФ на 2022–2024 годы.

Темпы роста в базовых отраслях, за исключением добычи полезных ископаемых, увеличатся до 3,6–4,1% в 2021–2023 гг. после снижения на 5,3% в 2020 г. При этом лидерами роста станут отрасли, ориентированные на экспорт — химический комплекс, пищевая промышленность, обработка древесины. Кроме того,

увеличение инвестиционной активности, наряду с наращиванием несырьевого неэнергетического экспорта, поддержит ускоренное развитие машиностроения.

Ускоренное развитие получит отрасль информации и связи. Также более высокие темпы роста, чем в предыдущие годы, ожидаются в сфере образования, как основного фактора повышения качества человеческого капитала.

Вместе с тем под влиянием слабого внешнего спроса и действия текущих условий сделки ОПЕК+ до 2022 г. темпы роста добывающей промышленности в 2021 г. будут умеренными — 1,2% (в 2020 г. — снижение на 8,4%).

По оценкам Минэкономразвития, в 2022 г. в условиях прогнозируемого роста добычи нефти темп роста добывающей промышленности ускорится до пиковых 4,7% с последующей стабилизацией.

Таким образом в работе были рассмотрены несколько драйверов экономического роста, потенциально способных обеспечить новое качество экономического роста для России. Большинство из них не смогло обеспечить устойчивый мультипликативный эффект и превратить возможности в реальное увеличение объема национального дохода. Причины кроются в системе российских институтов, приоритете развития сырьевых отраслей, централизации власти, слабости самих драйверов. Недостаточное развитие транспортной инфраструктуры, капиталоемкость российской экономики ограничивают возможности роста внутри страны. В таких условиях Россия не генерирует импульсы экономического роста на внутреннем рынке, а встраивается в траектории развития, формирующиеся в других странах. Решить эти проблемы можно за счет развития инфраструктуры, обеспечения лучшего доступа к внутренним рынкам всех регионов России, преодолении административных барьеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурятский государственный университет (Улан-Удэ). Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент: журнал / учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2012–2020, № 3. — 2020. — 80 с.
2. Гуляев Г.Ю. Экономика, бизнес, инновации: проблемы, тенденции и перспективы развития: монография / Международный центр научного сотрудничества «Наука и просвещение»; [под ред. Г.Ю. Гуляева]. — Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2020. — 104 с.
3. Мировая экономика и энергетика: драйверы перемен: сборник / Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук; под редакцией С.В. Жукова. — М.: ИМЭМО РАН, 2020. — 163 с.
4. Газета «РБК», 2021, № 6–8 (164), июнь–август. — 2021. — 170 с.
5. Terra economicus. 2020. Т. 18, № 1. — 2020. — 166 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛЕЙ КОРПОРАЦИЙ

Гуковская Анастасия Алексеевна

К.э.н., доцент, Российский Государственный гуманитарный Университет (Москва)
gukovskaya.a@rggu.ru

TRANSFORMATION OF THE GOALS OF CORPORATIONS

A. Gukovskaya

Summary. The issues of adapting corporate goals in the interests of a wide group of stakeholders and correlating them with the process of value creation and valuation by market participants are becoming increasingly important, widely discussed and reflected in the value of companies. The purpose of this work is to consider the ongoing processes in the context of theoretical ideas about the goals of corporations and to analyze the most significant trends.

Keywords: company's value, stakeholders, corporate goals, Friedman Theorem.

Аннотация. Вопросы адаптации корпоративных целей в интересах широкой группы стейкхолдеров и соотнесения их с процессом создания стоимости и оценки участниками рынка приобретают все большее значение, широко обсуждаются и отражаются на стоимости компаний. Цель настоящей работы – рассмотрение происходящих процессов в контексте теоретических представлений о целях корпораций и анализ наиболее значимых тенденций.

Ключевые слова: стоимость компании, стейкхолдеры, корпоративные цели, теорема Фридмана.

Современный контекст создания стоимости корпораций часто подразумевает в качестве адресата этой стоимости не только акционеров, но и других стейкхолдеров. Начиная с 1960-х — начала 1970-х годов корпоративная ответственность по отношению к расширенной группе стейкхолдеров становится общепринятой бизнес-практикой и термин общество стейкхолдеров / Stakeholder Society [1] стал общеупотребимым. Менеджмент и директора «усваивают» внешние экстерналии, которые их решения накладывают на различные группы. Примерами таких экстерналий сопутствующих обязанностей по отношению к стейкхолдерам являются следующие:

- ♦ Обязанности по отношению к работникам: фирмы должны воздерживаться от сокращений, когда они генерируют значительные прибыли; фирмы должны также обеспечивать защиту меньшинств, обеспечивать возможности для обучения, отдыха и безопасности рабочих мест.

- ♦ Обязанности по отношению к обществу: фирмы должны воздерживаться от закрытия производств в экономически неблагополучных отраслях/регионах; при нормальных условиях фирмы должны участвовать в жизни общества.
- ♦ Обязанности по отношению к кредиторам: фирмы не должны максимизировать богатство акционеров в ущерб кредиторам.
- ♦ Этические соображения: фирмы должны защищать окружающую среду, даже если это снижает их прибыль; они должны воздерживаться от инвестиций в страны с деспотическими режимами или слабой защитой прав меньшинств; не избегать налогов, не давать взятки.

По каждой из позиций в современной корпоративной практике есть разные точки зрения, ведутся жаркие дискуссии в научном сообществе и не менее жаркие корпоративные битвы. Наиболее чувствительной и дискуссионной позицией является обязанность

по отношению к обществу. Перечень корпоративных обязанностей расширяется и эволюционирует вместе с обществом и доминирующими в нем идеями, включая «новую этику», «культуру отмены» / *Cancel Culture*, «зеленую» повестку.

Кроме того, у стейкхолдеров фирм меняются вес и влияние, что неминуемо сказывается на общем балансе сил/отношений. Например, в последние годы увеличилась роль государства в корпоративной жизни — как через институты регулирования, так и напрямую в качестве акционера, контрагента, клиента. Среди прочего это послужило одной из причин такого явления как «зомби-фирмы» [2]. Они сыграли центральную роль в «потерянном десятилетии» Японии в 1990-х годах, когда банки, не желая признавать убытки, продолжали кредитовать неплатежеспособных заемщиков. Спустя 10 лет 30% всех компаний оказались «зомби», на них приходилось 15% активов. В отраслях с большим числом «зомби» наблюдалось снижение производительности (строительство, торговля: -4%), а в отраслях с малым числом зомби (экспортно-ориентированных, конкурирующих с импортом) — был рост производительности +2%. По оценкам «зомби» ответственны за падение инвестиций на 1/3 в некоторых отраслях.

С тех пор таких фирм стало больше — по данным BIS, в 14 странах с развитой экономикой доля зарегистрированных на бирже фирм с низкой рыночной капитализацией, чья прибыль недостаточна для покрытия их процентных выплат, выросла с примерно 4% в середине 1980-х годов до 15% в 2017 году [3]. В период локдаунов в связи с пандемией ковид-19 правительства практически всех стран вмешивались в экономику в огромных масштабах, чтобы сохранить жизнь фирмам, что приводит к риску дополнительной зомбификации. Например, в США число таких компаний в индексе Russell 3000 достигло 527 с общим объемом обязательств \$1,36 трлн¹.

Вопрос за чей счет и в чьих интересах продлевается жизнь таким фирмам остается открытым, равно как и вопрос о создании ими стоимости.

Обязанности по отношению к работникам фирмы — тоже чувствительная позиция, и здесь корпоративные практики очень разнообразны и продолжают эволюционировать. Например, в Германии, Австрии, Швеции работники имеют представительство в правлении компаний, в других странах рабочие группы должны быть информированы / участвуют в обсуждении важных решений (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия и др.) или даже имеют конституционно закрепленную воз-

можность участвовать в принятии решений (Норвегия, Италия и Франция) [4].

Немало сложностей возникает у компаний и общества в контексте этичности корпоративных действий. Промышленные корпорации вкладывают значительные средства в мероприятия по предотвращению загрязнения окружающей среды, а громких скандалов, связанных с причиненным ущербом несмотря на все вложения — все больше, и последствия все тяжелее. Из совсем недавних событий — кейс ГМК «Норникель», допустившего в мае 2020 г. утечку около 21 тыс. тн. дизельного топлива, ущерб от которой оценен в сумму около 2 млрд. дол. (146,1 млрд. руб.) — что привело к падению стоимости акций на 6%; обрушение в феврале 2021 г. в здании обогатительной фабрики с человеческими жертвами — падение акций на 8,3%; затопление ключевых рудников весной 2021 г. и последовавшее объявление о сокращении производства в 2021 г. не менее чем на 15% — снижение стоимости акций еще на 7%. Итого — снижение капитализации компании более чем на 20%, возможное снижение дивидендов акционерам, пересмотр инвестиционных программ и все это с учетом интересов «широкого круга стейкхолдеров». Нельзя не отметить, что прямые потери от сокращения объемов производства компания компенсирует ростом цен на металлы на 5%, последовавшим вслед за объявлением о ее планах. Это означает, что расходы, связанные с покрытием нанесенного ущерба, фактически «перенесены» с компании, что, впрочем, не позволило полностью компенсировать падение стоимости и за 2021 г. общее снижение составило около 5%.

Взрыв на платформе Deepwater Horizon компании BP в Мексиканском заливе в апреле 2010 г. — крупнейшая техногенная авария в истории с катастрофическими последствиями для компании. Акции BP упали на 51% за 40 дней на Нью-Йоркской фондовой бирже, общая стоимость компании, потерянная с 20 апреля, составила 105 млрд. дол. Международные рейтинговые агентства понизили рейтинг компании; BP начала распродажу своих активов. К 2013 году BP опустилась со второй до четвертой из четырех крупнейших нефтяных компаний. Расходы компании (судебные иски, расходы на ликвидацию последствий) составили в 2016 г. сумму свыше 63 млрд. дол. Последовавшее поэтапное обновление бизнеса компании заявлено как переход на возобновляемую энергию и включает в том числе продажу нефтехимического подразделения.

Расчеты с BP устанавливают ориентиры, влияющие на размер штрафов, налагаемых за последующие корпоративные правонарушения. Volkswagen заплатил более 30 миллиардов долларов за разоблачение в 2015 г. обходе стандарты выбросов дизельных двигателей,

¹ <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-04-21/fed-stimulus-keeps-zombie-companies-alive>

за счет установки программного обеспечения в свои автомобили. Bank of America и JP Morgan Chase выплатили миллиардные штрафы после финансового кризиса 2008–2009 гг. за непропорциональные действия, включая мошенничество с ипотекой.

Многочисленны также случаи нарушения корпорациями принципов не взаимодействия со странами с деспотическими режимами, практикующими нарушения прав человека. Из последних медийных историй — кейс крупнейшего ритейлера H&M (Hennes & Mauritz), который вынужден оправдываться из-за обвинений в сверхэксплуатации работников своих филиалов в Индии, Камбодже и Мьянме, а также использовании детского труда, незаконных увольнений беременных, принуждения к неоплачиваемым переработкам и невыносимых условиях труда¹. Несмотря на специальный раздел в корпоративных стандартах о политике компании в области прав человека², создания брендов в русле «новой этики» (Monki) и целый ряд прочих корпоративных действий за три года стоимость бренда компании снизилась с 18,9 млрд. дол (2018 г) до 13,8 млрд. дол (2020 г)³. Сейчас (2021 г) Китай бойкотирует продукцию компаний H&M, Nike и Adidas из-за критических замечаний компаний относительно нарушений прав человека в отношении уйгуров в северной провинции Синьцзян, где китайское правительство построило сеть лагерей для интернированных групп мусульманского меньшинства, заставляя их работать на текстильных и других предприятиях с тяжелым трудом.

И нельзя не отметить новый тренд в отношении к корпоративной практике оптимизации налогообложения (налогового арбитража) со стороны сообщества и регуляторов. За период после кризиса 2008 г. эффективная ставка корпоративного налога, уплачиваемого крупнейшими транснациональными корпорациями, снизилась в странах ОЭСР на 13%⁴, а 40% прибыли транснациональных корпораций (около 240 млрд. дол. по оценке ОЭСР) выводится из-под налогообложения⁵. В качестве ответной меры рассматривается (и уже фактически одобрен) глобальный минимальный налог на уровне 15% для крупных транснациональных корпо-

¹ <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/new-research-findings-accuse-hm-of-failing-to-ensure-living-wages-for-its-supply-chain-workers-incl-co-response/>

² <https://hmgroupp.com/sustainability/standards-and-policies/human-rights-policy/#:~:text=Human%20Rights%20Statement,-Respecting%20human%20rights&text=H%26M%20Group%20is%20committed%20to,the%20fulfillment%20of%20human%20rights.>

³ <https://www.statista.com/statistics/980692/brand-value-of-h-and-m-worldwide/#:~:text=In%202020%2C%20the%20H%26M%20brand,billion%20U.S.%20dollars%20in%202019.>

⁴ По данным Financial Times

⁵ A new architecture // The Economist, 12 Jun 2021

раций; предложение принято странами G7. Формально, с точки зрения создания стоимости, использование как налогового щита, так и налогового арбитража приводит к повышению стоимости компании [5,6].

Но есть и другой взгляд на создание стоимости корпорациями. В 2020 году исполнилось пятьдесят лет небольшой, но очень влиятельной статье Милтона Фридмана о прибыли, как об основной социальной ответственности бизнеса [7]. Поскольку не существует перевода этой статьи на русский язык, остановимся на некоторых основных положениях. С точки зрения Фридмана единственная социальная ответственность бизнеса (несмотря на всю расплывчатость этого термина) — это получение прибыли для его акционеров. Руководитель корпорации является сотрудником владельцев бизнеса, несет перед ними прямую ответственность как агент перед принципалом. Как правило, критерии оценки его деятельности и границы ее определены достаточно четко, и в них не входит, например, предотвращение инфляции путем не повышения/снижения цен или чего-то подобного; и если руководитель корпорации будет действовать таким образом, то он тратил бы чужие деньги (акционеров, сотрудников, клиентов) на общие социальные интересы, т.е. фактически взимал бы налоги и одновременно решал бы, как они должны быть потрачены, не будучи на это уполномочен своим контрактом и не являясь экспертом (например, в вопросе влияния цен на инфляцию).

Основные идеи М. Фридмана были сформулированы Л. Зингалесом в виде теоремы, названной им теоремой Фридмана о разделении [8]. При каких условиях для менеджмента будет социально эффективно сосредоточиться на максимизации акционерной стоимости? При соблюдении трех условий:

- ◆ компании должны работать в конкурентной среде, в которой фирмы соблюдают как цены, так и правила;
- ◆ не должно быть внешних эффектов (или правительство должно иметь возможность полностью устранить эти внешние эффекты посредством регулирования и налогообложения);
- ◆ контракты являются завершенными в том смысле, что в них могут быть указаны все существенные непредвиденные обстоятельства без дополнительных затрат.

Если эти условия выполнены, то теорема Фридмана о разделении, будет верна.

Как отмечает Л. Зингалес, идеи Фридмана расширяют результаты известной теоремы И. Фишера о разделении, согласно которой фирма может определять,

сколько инвестировать, исключительно на основе рыночной процентной ставки, независимо от временных предпочтений ее акционеров. Фридман фактически показал, когда корпоративные менеджеры могут игнорировать не только временные предпочтения своих акционеров, но и все свои предпочтения и предпочтения своих работников, поставщиков.

И сторонники, и противники идей Фридмана сходятся в том, что современный капитализм не отвечает условиям независимости и честности, при соблюдении которых выполняются теорема Фридмана и максимизация прибылей способствует процветанию не только компаний, но и общества. А это означает, что процесс трансформации корпоративных целей и ценностей далек от окончания и, возможно, уже начался и продолжится их активный пересмотр.

Например, BP, Exxon, Shell и другие крупные корпорации нефтеперерабатывающего и добывающего секторов экономики объявили об изменении своей стратегии. Обнародованные заявления по достижению углеродной нейтральности свидетельствуют об апро-

приация социального запроса и конвертации его в узнаваемые и одобряемые цели. Еще год назад похожие цели участники рынка называли «конкурсом красоты»¹ подразумевая, что под них не было конкретных планов и они не были интегрированы в корпоративную практику.

Надо отметить, что со стороны других стейкхолдеров также наблюдается движение в сторону трансформации корпоративных целей в контексте «зеленой повестки». Так, например, акционеры Chevron на годовом собрании голосовали по установлению целевых показателей компании по сокращению углеродного следа; суд Гааги в мае 2021 г. обязал компанию Shell сократить свои выбросы углекислого газа на 45% по сравнению с уровнем 2019 г, в соответствии с глобальными климатическими целями. В России о планах по сокращению углеродного следа объявили компании Русал и Лукойл, другие заявили о разработке таковых.

Можно с уверенностью предположить, что в ближайшее время мы станем свидетелями коррекции корпоративных целей в ключе ESG.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tirole J. The Theory of Corporate Finance. Princeton University Press, 2006, pp 56–62
2. Zombies at the gates: The corporate undead // The Economist, 26 Sept. 2020, p. 17
3. Banerjee R., Hofmann B. The rise of zombie firms: causes and consequences // BIS Quarterly Review, September 2018, pp.67–78 https://www.bis.org/publ/qrtrpdf/r_qt1809g.pdf
4. OECD, Corporate Governance Factbook — 2019 <https://www.oecd.org/corporate/Corporate-Governance-Factbook.pdf>
5. Haugen R.A., Senbet L.W. Corporate Finance and Taxes: A Review // Financial Management Vol. 15, No. 3, 1986, pp. 5–21
6. Graham J.R. Taxes and Corporate Finance: A Review // The Review of Financial Studies, Vol. 16, No. 4, 2003, pp. 1075–1129
7. Friedman M. The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits // The New York Times Magazine, 1970, September 13 [Электронный ресурс] режим доступа: <http://umich.edu/~thecore/doc/Friedman.pdf>
8. Zingales L. Friedman's Legacy: From Doctrine to Theorem, 2020, [Электронный ресурс] режим доступа: <https://promarket.org/2020/10/13/milton-friedman-legacy-doctrine-theorem/>

© Гуковская Анастасия Алексеевна (gukovskaya.a@rggu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹ <https://www.wsj.com/articles/exxon-considers-pledging-net-zero-carbon-by-2050-11628161201>.

АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ ВНЕДРЕНИЯ СЧЕТОВ ЭСКРОУ В ПРОЕКТНОМ ФИНАНСИРОВАНИИ

ANALYSIS OF THE IMPACT OF THE IMPLEMENTATION OF ESCROW ACCOUNTS IN PROJECT FINANCING

**M. Guslyakov
I. Okhotnikov
I. Sibirko**

Summary. The economy in Russia is highly volatile and unstable. Instability manifests itself as a consequence of various kinds of crisis phenomena, sanctions, changes in legislation and, as a consequence, the outflow of investment capital. All these factors negatively affect the country's economy.

The real estate development sector is at the very center of events, since development directly depends on all economically significant events, both political, legal and economic. Development in Russia has a number of its own characteristics, despite the fact that this direction was borrowed and built on the basis of foreign practice. Unfortunately, the current development conditions show the predominant development of residential real estate. Real estate development in itself is very risky, as it has a very long investment turnover cycle and does not provide an opportunity to maneuver in the event of a mistake made at any of the stages.

None of the lines of business, activity can fully protect itself from risk. Even a seemingly perfect banking system with a huge number of professionals and multi-level verification of investment projects is no less exposed to risks. As for the Developer, it is possible to find the line between efficiency and risk at each stage of a project's life. There are already many solutions for this and the ability to modify them.

Due to the recent amendments to 214-FZ (Federal law) "Participation in the shared construction of apartment buildings and other property" and the complete transition to financing using escrow accounts, the problems and specifics of real estate financing are more relevant than ever, as well as their impact.

Keywords: escrow account, development, equity participation agreement, project financing.

Гусляков Матвей Сергеевич

Аспирант, РАНХИГС
matvey_kk@mail.ru

Охотников Илья Викторович

К.э.н., доцент, Российский университет
транспорта (МИИТ)
roat.miit@mail.ru

Сибирко Иван Владимирович

К.э.н., доцент, Российский университет
транспорта (МИИТ)
roat.miit@mail.ru

Аннотация. Экономика в России обладает большой волатильностью и нестабильностью. Нестабильность проявляется как следствие разного рода кризисных явлений, санкций, изменений в законодательстве и как следствие отток инвестиционного капитала. Все эти факторы негативно влияют на экономику страны.

Сектор девелопмента недвижимости находится в самом центре событий, так как девелопмент напрямую зависит от всех экономически значимых событий, как политических, юридических, так и экономических. У девелопмента в России есть ряд своих особенностей, несмотря на то, что данное направление было заимствовано и строилось на основе зарубежной практики. К сожалению, текущие условия девелопмента показывают преимущественное развитие жилой недвижимости. Сам по себе девелопмент недвижимости очень рискованный, так как имеет очень долгий цикл оборота инвестиций и не дает возможности маневрировать в случае допущения ошибки на каком-либо из этапов.

Ни одно из направлений бизнеса, деятельности не может полностью защитить себя от риска. Даже, казалось бы, совершенная банковская система, с огромным количеством профессионалов и многоуровневой проверкой инвестиционных проектов не в меньшей степени подвержена рискам. Что касается Девелопера, есть возможность найти границу между эффективностью и риском на каждом их этапов жизни проекта. Для этого уже существует множество решений и возможность их модифицировать.

В связи с недавними изменениями в 214-ФЗ «Участие в долевом строительстве многоквартирных домов и другой собственности» и полным переходом на финансирование с использованием счетов условного депонирования, проблемы и особенности финансирования недвижимости стали более актуальными, чем когда-либо, а также их влияние.

Ключевые слова: эскроу счет, девелопмент, договор долевого участия, проектное финансирование.

Девелопмент недвижимости, или девелопмент собственности — это бизнес-процесс, охватывающий деятельность, которая варьируется от ремонта и сдачи в аренду существующих зданий до покупки необработанной земли и продажи застроенной земли или земельных участков другим лицам. Изначально данное понятие было заимствовано из английского языка и пришло к нам в качестве нового вида деятельности. В зарубежных университетах есть отдельные курсы по девелопменту недвижимости, так как это направление является одним из наиболее перспективных, разносторонних и стабильных в развитии.

Девелопмент не ограничивается одним каким-либо этапом, порой это очень сложный многоуровневый процесс, начиная от приобретения земельного участка, стройки и последующей продажи либо сдачи в аренду. Девелопмент недвижимости интересен тем, что практически с любого этапа у девелопера есть огромное множество путей развития и инвестирования совершенно разными способами и соответствующими результатами.

Девелопмент начал свое развитие в начале 90-х годов как следствие кризиса, в результате которого российская экономика получила тяжелейший удар: национальная валюта была девальвирована, произошли значительные спады производства всех отраслей и гиперинфляция. Данные изменения были связаны с переходом к рыночной экономике, что повлияло и на сферу девелопмента. Снижение государственной поддержки и инвестиций подтолкнуло подрядные организации работать на себя и реализовывать собственные девелоперские проекты, чтобы выжить.

В отличие от зарубежной истории развития девелопмента, девелоперы не могли получить какое-либо финансирование как из-за отсутствия банковских продуктов способных финансировать в то время новый вид бизнеса, так и в дальнейшем из-за неприемлемо высокой процентной нагрузки и отсутствия возможности минимизировать риски банка. Банки только начинали придумывать все возможные решения для финансирования девелоперских проектов, по действующему законодательству было совершенно невозможно работать, в то время как заграничные банки имели полный спектр услуг, в том числе и такое понятие как счета эскроу [7].

Как следствие, новоиспеченным компаниям пришлось разрабатывать собственную схему входа на рынок девелопмента и решать ряд таких вопросов, как вопрос привлечения финансирования, структура компании, выстраивание работы по законодательству и т.д.

Одним из очевидных и рабочих решений оказалась схема привлечения участников долевого строительства — привлечение денежных средств по договору долевого участия. Данная схема претерпела множество изменений (жилищные облигации, выпуск ценных бумаг и т.д.) перед финальным решением, которое просуществовало вплоть до июня 2019 года, и было заменено на финансирование с использованием счетов эскроу.

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются девелоперы и сегодня, является приобретение земельного участка. Зачастую застройщик использует земельный участок на правах аренды, и в дальнейшем данный земельный участок переходит в право собственности жильцов из общей долевой собственности при вводе объекта жилой недвижимости в эксплуатацию [1].

Эскроу счет — это счет, на который покупатель депонирует свои денежные средства, и который девелопер не имеет права использовать, как это было в случае с соглашением о долевом строительстве ранее. До сдачи жилья в эксплуатацию средства замораживаются. Получить деньги застройщик может только в обмен на ключи от готовой квартиры. Получается, что между покупателем жилья и застройщиком есть третья фигура — эскроу-агент, в роли которого выступает банк.

На рис. 1 представлена структура финансирования, в которой:

- ◆ банк предоставляет деньги для реализации проекта, осуществляет мониторинг деятельности Заемщика, а именно мониторинг финансового состояния, выполнение обязательств по Контракту, мониторинг хода строительства финансируемого объекта и т.д.;
- ◆ застройщик получает разрешение на ввод объекта в эксплуатацию, а затем отправляет необходимую документацию Кредитору, а средства со счетов условного депонирования в размере 100% направляются на погашение процентов и основной суммы долга по кредиту;
- ◆ «физическое лицо, которое покупает жилую площадь в соответствии с ДДУ, отправляет деньги на отдельный счет условного депонирования, где деньги замораживаются и хранятся до ввода объекта в эксплуатацию.

Банк открывает эскроу-счет для учета и блокировки средств, следит за ходом сделки и наблюдает за процессом строительства.

Считается, что механизм счетов условного депонирования способен защитить акционеров от ненадежных застройщиков, так как последние получают средства

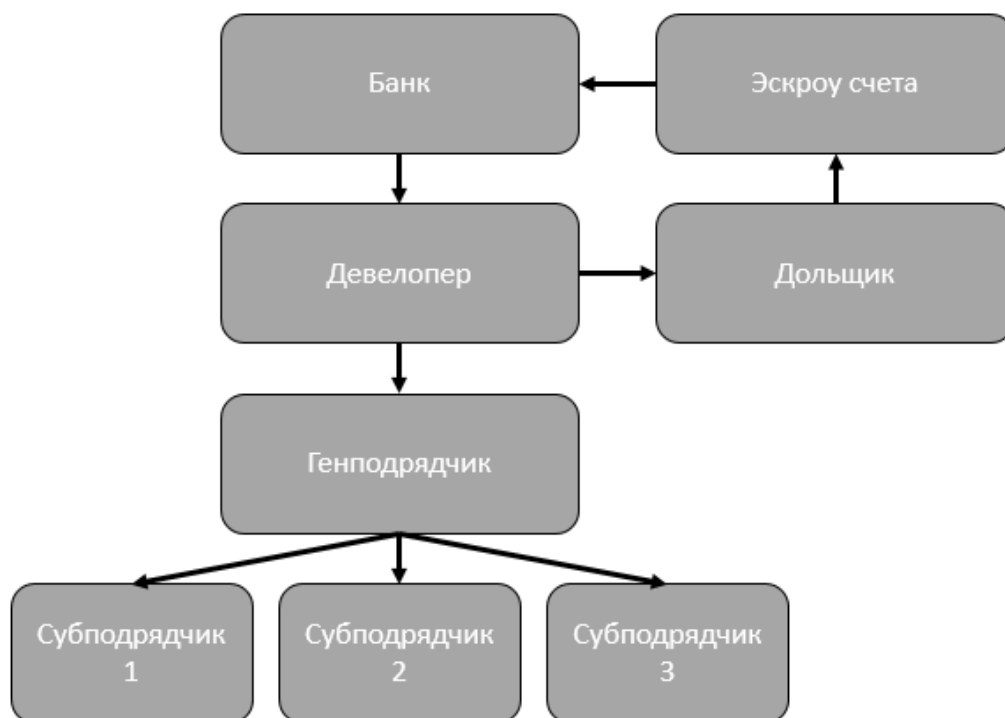

Рис. 1. Схема взаимодействия участников рынка недвижимости
 Источник: составлено автором

только в случае полного выполнения взятых на себя обязательств.

В 2018 году в России введено в эксплуатацию более миллиона квартир и более 230 тысяч индивидуальных домов, что составляет 75,7 миллиона и почти 32,5 миллиона квадратных метров соответственно.

Кроме того, средняя ставка по ипотеке впервые в истории России составила чуть более 9,5%. Ипотечные кредиты в прошлом году заключили более половины всех сделок на рынке жилья — за год было выдано 1,5 миллиона ипотечных кредитов на 3 триллиона рублей, а объем эмиссии ипотечных ценных бумаг достиг 146 миллиардов рублей.

С 1 июля 2019 года все российские девелоперы, привлекая средства граждан, обязаны перейти на схему долевого строительства жилья с использованием эскроу-счетов. Это означает, что строительные компании переходят на проектное финансирование и вынуждены привлекать средства в банках, а не брать деньги у дольщиков.

Согласно нацпроекту «Жилье и городская среда», в 2019 году количество действующих договоров долевого участия на эскроу-счетах должно составить 34 ты-

сячи, а к 2024 году — 1,014 миллиона, т.е. за пять лет должно увеличиться практически в 30 раз.

Механизм условного депонирования известен с начала прошлого века, а его интенсивное внедрение произошло в 1970-е годы.

Наиболее активно счета условного депонирования используются в США. В то же время в сделках с недвижимостью часто участвуют несколько участников (банк, страховой агент, риелтор, девелопер), которым владелец счета обязан платить комиссионные, хотя формально должен платить только брокеру по недвижимости [2].

Помимо недвижимости, счета условного депонирования также используются в финансовом секторе. В законодательстве США нет четкого различия в использовании учетных записей для каждого вида деятельности. Следовательно, возникают трудности с правильным расчетом начисления процентов. В результате покупатели недвижимости часто переплачивают комиссию.

В Европе счета условного депонирования также используются в основном в сфере недвижимости и финансовых услуг, при этом рынок изобилует предложениями

от посредников, называющих себя фондами, которые, как и банки, готовы хранить деньги в безопасности.

При решении проблемы наличия значительного количества проблемных объектов долевого строительства и обманутых дольщиков, путем разработки принципиально нового механизма финансирования жилищного строительства с последующей заменой этим механизмом долевого строительства целесообразно учитывать зарубежный опыт жилищного финансирования. В Англии приобретение жилой недвижимости выглядит следующим образом: участник долевого финансирования депонирует от 5 до 10% стоимости недвижимости. Девелоперская компания не может использовать эту сумму для финансирования затрат на строительство, т.е. финансирование осуществляется за счет банка. После сдачи объекта в эксплуатацию и передачи квартир покупатель оплачивает оставшуюся сумму.

Исходя из международного опыта, было бы интересно применить такой подход и к российскому рынку.

Можно сказать, что участник по ДДУ оставляет залог за объект недвижимости, который в случае отказа остается застройщику в любом случае.

В Германии существует другая практика, основанная на возмещении ответственности брокеров, кредитных брокеров, застройщиков и управляющих строительством, которые позволяют застройщику постепенно использовать деньги покупателя для строительства объекта. После завершения строительства должно быть получено 40% от суммы, необходимой в соответствии с договором. Наличие подрядов, в том числе на благоустройство своей придомовой территории, застройщик получает всю сумму, которая приходится ему по контракту.

В статье рассмотрены все этапы развития и проблемы, связанные с развитием девелопмента, за исключением анализа поправок в законодательство Российской Федерации, проведено сравнение наиболее интересных подходов к финансированию девелоперов на опыте заграничной системы финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ кредитных рисков / Н.С. Костюченко. — СПб.: ИТД «Ски-фия», 2010. — 440с.
2. Арdziнов В., Александров В. Ценообразование в строительстве и оценка недвижимости. СПб: Питер, 2013.
3. Дамодаран А. Инвестиционная оценка: Инструменты и методы оценки любых активов / Асват Дамодаран; Пер. с англ. — 7-е изд. — М.: Альпина Паблишер, 2011.
4. Дамодаран. Инвестиционная оценка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://people.stern.nyu.edu/adamodar/datafile/Betas.html> (дата обращения: 20.04.2021)
5. Индексы цен на первичном рынке жилья в РФ. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/housing/tab9.htm (дата обращения: 20.02.2020)
6. Оценка бизнеса. Полное практическое руководство (В.Е. Есипов, Г.А. Маховикова, С.К. Мирзажанов, 2008), Серия: Профессиональное издание для бизнеса, Издательство: Эксмо, 2008 г.
7. Селина В. Теория реальных опционов и управление финансовыми рисками девелоперских проектов. Абстрактный. дис. ... канд. экон. науки. — М., 2014. — 25 с.
8. Сенге П. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. — 492 с.
9. Средние цены на первичном рынке жилья в РФ. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/housing/tab7.htm (дата обращения: 05.05.2021).
10. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1 марта 1999 г. — № 9. — Статья 1096.

© Гусяков Матвей Сергеевич (matvey_kk@mail.ru),

Охотников Илья Викторович (roat.miit@mail.ru), Сибирко Иван Владимирович (roat.miit@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИКЛА ГАРТНЕРА КАК МЕХАНИКИ АНАЛИЗА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ФАНАТСКИЕ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

USING THE GARTNER CYCLE AS A MECHANICS FOR ANALYZING THE IMPACT ON FAN COMMUNITIES IN THE MODERN CREATIVE ECONOMY

*D. Dolgoplov
K. Turkina*

Summary. The article aims to identify the possibility of predicting and controlling hype in the media space and using a general mechanism for distributing content to promote products of streaming video services, as one of the largest and most promising content makers in the entertainment industry market. The article analyzes the structure of the innovation diffusion cycle and information dissemination cycle, thereby identifying the main features of positioning new content in the media space. The article concludes the main features of the large brands' and streaming platforms' interaction with fan communities through the mechanisms of the gift economy and the participatory culture.

Keywords: creative economy, Gartner cycle, fan communities, participatory culture, gift economy.

Долгополов Дмитрий Владиславович

*К.э.н., доцент, Государственный Университет
Управления (Москва)*

dolgopolovguu@gmail.com

Туркина Ксения Ивановна

*Государственный Университет Управления
(Москва)*

trknprdcn@gmail.com

Аннотация. Целью данной работы является выявление возможности прогнозирования и контроля хайпа в медиaprостранстве и использование общего механизма распространения контента для продвижения продуктов стриминговых видео-сервисов, как одних из крупнейших и наиболее перспективных контент-мейкеров на рынке индустрии развлечений. В статье анализируется структура цикла диффузии инноваций и распространения информации, посредством чего выявляются основные особенности позиционирования нового контента в медийном пространстве. В статье представлены выводы на основе проведенного анализа, позволяющие сформулировать основные особенности взаимодействия крупных брендов и стриминговых платформ с фанатскими сообществами через механизмы экономики дарения и культуры участия.

Ключевые слова: креативная экономика, цикл Гартнера, фанатские сообщества, культура участия, экономика дарения.

Бесперывная генерация контента в медиaprостранстве различными субъектами (отдельными индивидами, сообществами людей, организациями) и его быстрое устаревание, связанное со скоростью появления новых инфоповодов создает высокую конкуренцию за внимание аудитории. Несмотря на представление о том, что процессы распространения и популяризации контента хаотичны и не подчиняются каким-либо четким законам, контент в цифровой среде все же подчиняется общим законам статистического распределения, похожий на распространение инноваций. Для целей нашей работы мы будем отождествлять новый контент с инновацией в части механики распространения, так как согласно теории диффузии инновацией за авторством Эверетта Роджерса инновация — это идея, практика или объект, которые воспринимаются как новые для отдельного лица или другой единицы принятия [1]. В части данного отождествления мы будем рассматривать распространение контента сквозь призму концепции механизма распространения инноваций (диффузию инноваций Э. Роджерса, кривую

Гартнера), что приводит к выводу о существовании закономерностей прохождения данного процесса, факторов и условий как потенциально ограничивающих, так и увеличивающих интенсивность распространения. Целью данной работы является выявление возможности прогнозирования и контроля хайпа в медиaprостранстве и использование общего механизма распространения контента для продвижения продуктов стриминговых видео-сервисов, как одних из крупнейших и наиболее перспективных контент-мейкеров на рынке индустрии развлечений в России [2] и в мире [3], через вхождение в специфические фанатские сообщества, пользовательский контент, трансмедийный сторителлинг, ситуативный маркетинг и мем-маркетинг.

Поскольку в данной работе рассматривается тождественность нового контента и инноваций в части механики распространения, необходимо рассмотреть базовый процесс распространения инноваций. Диффузия инноваций — это процесс, посредством которого инновация передается через определенные каналы с те-

чением времени среди членов социальной системы [1]. Теория диффузии инноваций основывается на сегментации общей массы аудитории на определенные типы потребителей, отличающиеся предрасположенностью к инновационности степени, в которой индивид или другая единица принятия принимает новые идеи относительно раньше других членов системы [1].

Первой категорией являются «новаторы» — узкий круг людей, первых проявляющих интерес к новым идеям, готовых к риску, обычно их уровень дохода и образования выше, чем у остальных типов потребителей, они менее восприимчивы к цене, социально активны, поддерживают отношения с другими новаторами, вовлечены, компетентны и хорошо осведомлены в той сфере, где появляется инновация. Новатор является трендсеттером, запускающим распространение идеи внутри системы. Рассматривая рынок стриминговых сервисов, мы можем сказать, что новаторы — это люди, связанные с рынком индустрии развлечений или относящиеся к конкретному продукту напрямую (критики, продюсеры, актеры и т.д.) представители некой «элиты» в данной области, разбирающиеся в современной культуре и следящие за трендами киноиндустрии, потребление и производство такого рода контента является частью их основной деятельности, имеют круг единомышленников, а также доступ к каналам коммуникации через которые могут делиться с последователями мнением касательно нового продукта.

Следующая категория — «ранние последователи». Новаторы являются для ранних последователей референтной группой и их мнение принимается как ориентир при принятии решения об изучении инноваций. Они являются основным источником информации об инновации для наиболее широких слоев общества. Для сегмента стриминговых сервисов, ранние последователи это инфлюенсеры, микроблогеры и блогеры, владельцы подкастов чьей тематикой является кино и сериальная культура, обзоры. Ранние последователи — это ключевые фигуры влияния на тренд, от чьей положительной оценки продукта зависит дальнейшее распространение идеи.

«Раннее большинство» перенимает новые идеи непосредственно перед основной частью аудитории, опирается на мнение ранних последователей, они являются передаточным звеном к скептически относящемуся к тренду позднему большинству. Раннее большинство должно показать пример и увлечь позднее большинство. Для индустрии стриминговых платформ это активная в интернете аудитория, имеющая большую лояльность к сервису. Эти люди готовы говорить о контенте, а также создавать на его основе свой (владельцы и участники фанатских сообществ, мем-пабликов, наноинфлюенсеры).

«Позднее большинство» больше всего подвержено влиянию общественного мнения, не принимают тренд, пока он не станет мейнстримом с подачи раннего большинства. Для успешного распространения контента в сегменте позднего большинства необходимо существенное превалирование положительной оценки контента в медиасреде, его присутствие в той или иной форме в большинстве медиаканалов. Для сфер стриминговых сервисов поздним большинством являются люди, не интересующиеся сервисом, но готовые обратить внимание на отдельный продукт, если тот выйдет на стадию всеобщего хайпа, участники крупных интернет-сообществ со сторонней тематикой.

«Опоздавшие» — специфическая группа, с наиболее консервативным взглядом на новые тренды. Опоздавшие принимают решение, основываясь на прошлом опыте и мнении таких же отстающих, могут заинтересоваться идеей уже после потери актуальности. В среде стримингового рынка отстающие — это люди с интересами, сильно отвлеченными от концепции продвигаемого контента.

Также, в своей теории, Роджерс рассматривает факторы, влияющие на распространение инноваций. Среди них были выделены наиболее влияющие на уровень виральности контента: относительное преимущество, совместимость с существующими ценностями и нормами социальной системы и сложность восприятия:

- ◆ Относительное преимущество — это степень, в которой инновация воспринимается лучше, чем идея, которую она заменяет, «соотношение внедряемых выгод и затрат» [1]. В сфере индустрии развлечений, данное преимущество определяется уровнем эмоциональной удовлетворенности от конкретного контента в сравнении с другими вариантами. «...чем позитивнее контент, тем он виральнее. Потребители часто делятся контентом для самопрезентации или для передачи идентичности, и, следовательно, положительный контент может быть распространен больше, потому что это положительно отражается на отправителе» [4]. Можно сказать, что для динамичного распространения контент должен вызывать эмоции у потребителей, повышать репутацию распространителя (показывать, что человек может развлекаться, изучать интересные вещи). Также положительный контент увеличивает техническую скорость распространения [6] (например, скорость появления первых ретвитов), так как более положительный или более отрицательный контент более вирусный, чем контент, не вызывающий эмоций, позитивный контент более вирусный чем отрицательный контент. [4], отрицательные эмоции (гнев, тревога) должны вызывать

состояние возбуждения и активности, тем самым побуждая человека поделиться им [5].

- ◆ Совместимость с существующими ценностями и нормами социальной системы. Для успешной популяризации среди широких слоев населения, контент должен соответствовать доминирующей в обществе системе ценностей, чтобы точно удовлетворить психосоциальные потребности аудитории. Рассматривая конкретно индустрию развлечений, можно увидеть курс на уменьшение выпуска контента с рейтингом R (18+) в котором могут быть представлены сексуальные сцены, употребление наркотиков, сцена насилия [7], так как в общественном сознании перечисленные темы являются табуированными и противоречащими основным моральным ценностям. Также репрезентация и инклюзивность становятся важными составляющими современного контента, так как общество требует расового и гендерного разнообразия в фильмах и сериалах, представление людей с разными физическими и ментальными возможностями [8], [9].
- ◆ Простота понимания концепций, заложенных в контент повышает его виральность. Тренд на упрощение контента, технической, визуальной и смысловой его составляющей подтверждается успехом видео-платформы ТИКОК [10], где короткие ролики с незамысловатым сюжетом набирают наибольшую популярность.

Сам процесс распространения контента как тождественный процессу распространения инноваций также следует рассматривать через «цикл ажиотажа (хайпа)», предложенный исследовательско-консалтинговой компанией Gartner, который дает представление об относительном продвижении на рынке и воспринимаемой ценности инноваций [11], а, следовательно, позволяет прогнозировать возможные тенденции к нарастанию и ослаблению популярности распространяемой идеи.

При построении и описании кривой Гартнера мы будем использовать категории, выявленные при рассмотрении «диффузии инноваций» Э. Роджерса и опираться на график динамики интереса к фильму в процессе его кинотеатрального и цифрового релиза [12].

Цикл хайпа Гартнера состоит из пяти основных этапов, отличающихся степенью и динамикой интереса аудитории к появившимся инновациям.

Первый этап-инновационный триггер, начинается, когда прорыв, публичная демонстрация, запуск продукта или другое событие вызывают интерес прессы и отрасли [11]. Рассматривая сферу стриминговых сервисов, мы можем сказать, что инновационным триггером

здесь, как и в киноиндустрии в целом является выпуск анонса/трейлера продвигаемого продукта. Особенностью стриминговых платформ является выпуск подобных материалов за минимальные сроки до релиза самого продукта (в среднем 2–4 недели), что изначально задает высокую степень интенсивности дальнейшего распространения, продвижение осуществляется через размещение трейлера в официальных сообществах сервиса, на сайте, в прероллах на ютубе, посевами в тематических интернет-сообществах, таргетом на основную целевую аудиторию.

Далее реализуется подъем к пику завышенных ожиданий — промежуток между триггером и пиком, который зачастую бывает довольно коротким. Инновации, ориентированные на потребителя часто переживают особенно короткий период до пика, потому что триггером успеха является быстрое вирусное внедрение [11]. Данный этап характеризуется интенсивным вбрасыванием стриминговым сервисом материалов, касаемых выпускаемого продукта (интервью, видео со съемок, кадры и др.) на официальных площадках бренда с уже лояльной к сервису аудиторией или перевод этой аудитории на специально созданные официальные сообщества в социальных сетях, посвященные продукту. Проводится PR кампания, освещающая возможный успех кинопродукта в фестивальном сезоне и среди представителей индустрии. В этот промежуток «новаторы» делятся своим мнением касаясь релиза с «ранними последователями», тем самым запуская процесс создания второй группой собственного контента на базе получаемой информации (Например, жанр видео на ютубе «реакция на трейлер»). Также в период подъема стриминговый сервис может использовать UGC-механики для расширения поля взаимодействия с потенциальной аудиторией.

После премьеры динамика распространения максимально приближается к пику завышенных ожиданий: нарастает волна «ажиотажа», и ожидания в отношении этой инновации превышают текущую реальность ее возможностей [11]. В данный период наиболее активным является «раннее большинство». Формируются устойчивые сообщества поклонников продукта, производящие собственный контент «для своих», FMCG бренды используют ситуативный маркетинг для вхождения в фанатские сообщества, мегогенерирующие элементы контента распространяются на различных медиаканалах в качестве шаблонов с отвлеченным от идеи самого продукта смыслом. Чем больше распространяется контент (в том числе через доработку и переработку), тем сильнее увеличивается его ценность для аудитории: «контент предназначен для распространения низовыми посредниками, которые передают его своим друзьям или распространяют через более крупные сообщества (будь то фандомы или последователи

бренда). Именно благодаря этому процессу распространения контент приобретает больший резонанс в культуре, приобретает новые значения, находит новую аудиторию, привлекает новые рынки и генерирует новые ценности» [13].

Следующий этап — колодец разочарования: нетерпение к результатам неизбежно начинает заменять первоначальное волнение по поводу потенциальной ценности [11]. После того, как контент достигает волны всеобщего хайпа, он становится навязчивым и вызывает отторжение у аудитории. В медиапространстве растет количество негативных реакций, повестку вытесняют новые инфоповоды. Контент теряет актуальность, устаревает, например средняя продолжительность жизни мема уменьшается. Мемы действительно развиваются быстрее (на 2018 год средний жизненный цикл вирального мема составляет 4 месяца) [14].

После колодца разочарования возможно наступление следующих этапов — наклона просветления и выхода на плато производительности: некоторые ранние последователи преодолевают первоначальные препятствия, начинают получать преимущества и возобновляют усилия, чтобы двигаться вперед. Такая динамика характерна для долгосрочных проектов, а не для крупных разовых событий, так как сериалы и франшизы предоставляют больше возможностей для постоянного рекламного контента, формируют вокруг себя крупную фанбазу, имеют больше времени для адаптации к аудитории и создают более широкий пласт для дискурса, что позволяет в будущем претендовать на новую волну повышенной популярности.

Исходя из описанного цикла ажиотажа можно сказать, что наибольшую значимость в увеличении виральности контента в наиболее благоприятный «пиковый период» имеет фанатское сообщество, образованное вокруг основного медиа-продукта, так как фанаты составляют одну из самых обширных категорий потребителей (раннее большинство), не только распространяют выпускаемые материалы, но и создают на их основе свои, а следовательно увеличивают долю продвигаемого контента в медиапространстве, мотивируют к распространению контента сторонние бренды: «Поскольку культурные материалы очаровывают фанатов, они поддерживают их интересы. Поскольку они также расстраивают, фанаты активно переделывают их. В этом смысле фанатские артефакты — это коллективные выражения, побочные продукты социальных переговоров о значениях и субкультурного производства фантазий, но они также предназначены как провокация для дальнейших разработок» [15].

Основным фактором, который делает фанатский вклад таким весомым является культура участия в фан-

доме. Культура участия предполагает, что фанаты действуют не только как потребители, но и как производители и создатели некоторых форм творческих медиа [15].

Культура участия устанавливает низкие барьеры для вхождения в число авторов контента или «вирусных редакторов (используя «шэры» и «перепосты»)» [16] так как от фанатского творчества не ожидается высокоуровневых художественных компетенций, но при этом людям предоставляется практически полная свобода самовыражения и поощряется общественная активность (создание контента, обмен, поддержка авторов). Можно сказать, что активность участников фандома повышается на постоянной основе за счет включения их в процесс производства контента, экономики дарения и креативного потребления. Эти факторы также напрямую влияют на распространение контента за пределы фанатской среды.

Экономика дарения представляет собой отношения, основанные на отдаче, получении и взаимности [17]. Объектом обмена в данной экономике выступают «подарки» — предметы фанатского творчества, чья ценность заключается не только в содержании подарка и не в социальном жесте дарения, но и в труде, вложенном в их создание [17]. Особенностью рассматриваемых отношений является то, что под «подарком» в пределах фандома подразумевается не только различный фан-арт в традиционном его понимании, но и действия, совершаемые для популяризации подобного продукта творческой деятельности (комментирование, репост и т.д.), а также принцип асимметрии, так как «подарок» публикуемый в интернете автоматически адресуется не конкретному индивиду, а сообществу в целом, большая часть фанатов получает «подарков» больше, чем отдает. Эта асимметрия имеет решающее значение для функционирования фандома, потому что она уравнивает асимметрию в другом направлении: не каждый получатель подарка ответит взаимностью «даром реакции» [17]. Данная модель поддерживает непрерывность процесса производства и распространения нового контента, так как труд, вложенный в создание фанатской работы и оставленную на него реакцию в виде одного комментария нельзя объективно оценить как равные по своей ценности взаимные транзакции. Для достижения принципа взаимной выгоды и увеличения прибыли не только в экономике дарения, но и в сфере рыночных отношений («сервисы поощряют создание фан-арта посредством предложения монетизации, что увеличивает трафик медиа-ресурсов» [15]) авторы контента не только увеличивают количество создаваемых работ, но и используют для публикации фан-арта более популярные, чем отдельные фанатские сообщества, площадки с все более широкой аудито-

рией, что размывает границы «фанатского контента», способствует вхождению идеи в мейнстрим, привлечению позднего большинства. Важным индикатором расширения границ и «увеличения разнообразия» фандомов служат новые культурные практики, а именно создание собственных культурных продуктов, которые имеют как декларативно-презентационное значение, так и обеспечивают знаково-символический уровень интеграции фанатской активности [16].

Экономика дарения и культура участия в пределах фанатского сообщества поддерживают концепцию креативного потребления. Креативное потребление развивается в двух основных направлениях: потребление как процесс творческого конструирования идентичности с помощью приобретаемых товаров и услуг; интеграция потребления и производства товаров [18]. Если второе направление полностью основывается на культуре участия и производстве собственных культурных продуктов, то первое направление реализуется через конструирование внешнего образа собственной идентичности из потребляемых продуктов, например через потребление продукции FMCG-брендов, которые для расширения рынка сбыта прибегают к маркетинговым стратегиям, завязанным на вхождение в фанатские сообщества (коллаборации, ситуативный маркетинг и др.) В медиапространстве это может находить выражение через «дары реакции», размещение атрибутики конкретного фандома, выраженной через разнообразные формы контента, в пределах своего личного аккаунта (например, репосты фанарта на личную страницу Вконтакте). Таким образом, фанат не только совершает обмен «дарами», но утверждает себя как участника определенной социальной группы, способствует увеличению виральности контента, повышению его узнаваемости за пределами фанатского сообщества.

За счет диверсификации и интеграции фанатских творческих практик фандом напрямую влияет на распространение контента в медиапространстве. Для стриминговых сервисов важно участвовать в формировании фанатских сообществ, побуждать к созданию новых форм контента, прислушиваться к потребностям фанатов, поддерживать постоянную коммуникацию. Условия креативной экономики представляют важные особенности распространения мегогенирующего и фанатского контента, которые могут быть использованы брендами для управления сообществами и репутационного продвижения в ряде сегментов. Эмоциональное восприятие бренда зачастую связано с элементами восприятия, которые возникают на том или ином этапе цикла Гартнера (например, восприятие нового товара бренда как активно-обсуждаемого, актуального и аутентичного современным реалиям), поэтому создание

фанатского сообщества бренда является важной составляющей успешности репутационного продвижения в современном коммуникационном поле.

Подводя итоги обзора механик и факторов распространения контента в медиапространстве, мы можем утверждать, что при использовании определенного набора медиа- и маркетинг-инструментов, и подходов, стриминговые видео-сервисы способны оказывать некоторое влияние на динамику виральности и интеграцию продукта в мейнстрим.

Основным фактором, воздействующим на начальном этапе на последующую популяризацию контента, является правильный выбор медиаканалов. Наиболее перспективной моделью публикации контента стриминговых сервисов сегодня является трансмедийный сторителлинг, т.е. истории, которые разворачиваются на нескольких медиа-платформах, причем каждая из них вносит особый вклад в наше понимание мира [20].

Успешная трансмедийная система основывается на концепции создания и расширения франшизы: «Все в структуре современной индустрии развлечений было разработано с учетом этой единственной идеи — создания и расширения развлекательных франшиз. <...> отмечен большой интерес к интеграции развлечений и маркетинга для создания сильных эмоциональных привязанностей и их использования для дополнительных продаж» [19]. Тренд в индустрии развлечений на создание собственных киновселенных и развития сериальной культуры (например, спин-оффов) уже на этапе разработки продукта создает предпосылки для трансмедийного сторителлинга, а также трансмедиа отличает наличие интерактивного элемента, обратной связи и деятельность «интерпретативных сообществ» благодаря Web 2.0, сделавшей возможной не однонаправленную линейную, а интенсивную многостороннюю коммуникацию и создание пользовательского контента [20]. Это означает, что к элементам трансмедийной системы относятся различные продукты фанатской культуры участия и контент сторонних источников, относящийся к продукту, несущий собственную интерпретацию основной идеи (например, ситуативный маркетинг FMCG брендов).

Трансмедийный сторителлинг позволяет создать непрерывно развивающуюся систему, так как охватывает максимально большое количество различных сегментов аудитории через различные медиаканалы, тем самым создает вариативность точек соприкосновения с продуктом, а значит и точек входа в фанатское сообщество, что существенно способствует его расширению и дальнейшему развитию фанатских практик.

Для построения трансмедийной системы в медиа-пространстве «сверху» стриминговые-видео сервисы могут прибегать к таким инструментам, как: маркетинг сообществ-создание отдельных интернет-пространств для фандома выпускаемого продукта и SMM, VR/AR технологии (например, маски в Snapchat/Instagram), мобильные игры и ARG (игры в альтернативной реальности), нативная реклама, коллаборации с FMCG-брендами, рекламные спецпроекты.

Трансмедийный сторителлинг углубляет развлекательный опыт аудитории, увеличивает вовлеченность. Данная модель способна создать крепкое чувство привязанности к медиа-продукту, так как не только подкрепляет положительными эмоциями процесс поглощения контента, но и воздействует на социальный и исследовательский инстинкты человека. Трансмедийное повествование расширяет то, что можно узнать о конкретном вымышленном мире, при этом распре-

деляя эту информацию, гарантируя, что ни один потребитель не знает всего, и гарантирует, что он должен говорить о сериале с другими. Потребители становятся охотниками и собирателями, возвращаясь к различным повествованиям, пытаясь сшить целостную картину из разрозненной информации [21].

В заключении можно сказать, что продвижение контента стриминговых сервисов может быть направлено на расширение медиапространства, в котором представлен продукт, а также на формирование устойчивой фан-базы и организацию интенсивной коммуникации с ней. Концепция трансмедийного сторителлинга, предлагая новые уровни понимания и интерпретации основной истории в каждом отдельном медиаканале, не только поддерживает лояльность потребителей, но и открывает для освоения новые целевые аудитории, позволяет пролонгировать и адаптировать отношения людей с общим, целостным нарративом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rogers, E.M. Diffusion of innovations (5th ed.). New York, NY: Free Press, 2003—551 p.;
2. Отчет GfK: Рейтинги онлайн-кинотеатров в России Q2 2021 // Онлайн-портал GfK [Электронный ресурс] — URL: <https://www.gfk.com/ru/insights/vod-services-q2-2021> (дата посещения: 10.11.2021);
3. Video Streaming App Revenue and Usage Statistics // Business of Mobile Apps Portal [Электронный ресурс] — URL: <https://www.businessofapps.com/data/video-streaming-app-market/> (дата посещения: 10.11.2021);
4. Berger Jonah, Milkman Katherine L. What Makes Online Content Viral? // Journal of Marketing Research, 49(2), 2012 — pp. 192–205;
5. Berger, J. Arousal increases social transmission of information // Psychological Science, 22(7), 2011 — pp. 891–893;
6. Stieglitz, S., & Dang-Xuan, L. Emotions and information diffusion in social media — Sentiment of microblogs and sharing behavior // Journal of Management Information Systems, 29(4), 2013 — pp. 217–247;
7. Number of films given age ratings in the United Kingdom from 2005 to 2020, by rating // Statista [Электронный ресурс] — URL: <https://www.statista.com/statistics/267295/number-of-age-rated-films-in-the-uk-by-rating/> (дата посещения: 10.11.2021);
8. 2021 Hollywood Diversity Report: Audiences showed up for diverse films in theaters, online // Online Portal Newsroom [Электронный ресурс] — URL: <https://newsroom.ucla.edu/releases/2021-hollywood-diversity-report> (дата посещения: 10.11.2021);
9. Academy Establishes Representation And Inclusion Standards For Oscars® Eligibility // Oscars Information [Электронный ресурс] — URL: <https://www.oscars.org/news/academy-establishes-representation-and-inclusion-standards-oscars-eligibility> (дата посещения: 10.11.2021);
10. TikTok Revenue and Usage Statistics (2021) // Mobile Apps Portal [Электронный ресурс] — URL: <https://www.businessofapps.com/data/tik-tok-statistics/> (дата посещения: 10.11.2021);
11. Understanding Gartner's Hype Cycles, Gartner Research // Gartner Official Website [Электронный ресурс] — URL: <https://www.gartner.com/en/documents/3887767> (дата посещения: 10.11.2021);
12. Как правильно продвигать кино в digital. Эксперты агентства Nectarin рассказали о секретах продвижения фильмов в Сети // Информационный портал SOSTAV [Электронный ресурс] — URL: <https://www.sostav.ru/publication/nectarin-kak-pravilno-prodvigat-kino-v-digital-22241.html> (дата посещения: 10.11.2021);
13. Jenkins, Henry. Slash Me, Mash Me, Spread Me... // Confessions of an Aca-Fan, April 24, 2007 [Электронный ресурс] — URL: http://henryjenkins.org/blog/2007/04/slash_me_mash_me_but_please_sp.html (дата посещения: 10.11.2021);
14. Working towards a complete theory of meme relativity. Are memes coming and going at a faster rate, or is the pace of life itself accelerating? Joe Veix. 2018 // The Outline [Электронный ресурс] — URL: <https://theoutline.com/post/5035/greenwich-meme-time> (дата посещения: 10.11.2021);
15. Jenkins, H. (2018). Fandom, Negotiation, and Participatory Culture. In A Companion to Media Fandom and Fan Studies, P. Booth (Ed.). <https://doi.org/10.1002/9781119237211.ch1>;
16. Быховская И.М., Люевич И.Ю. Фандомы — сообщества цифровой эпохи: гибридная культура в околоспортивном измерении // Социология власти. 2018. № 2 — с. 40–54;
17. Turk, Tisha. Fan Work: Labor, Worth, and Participation in Fandom's Gift Economy. In «Fandom and/as Labor», edited by Mel Stanfill and Megan Condis, special issue, Transformative Works and Cultures, no. 15, 2014. <https://doi.org/10.3983/twc.2014.0518>;

18. Ильин В.И. Креативный консюмеризм как тренд современного общества потребления // ЖССА. 2011. № 5 — с. 41–54;
19. Jenkins, Henry. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* — N.Y.: New York University Press, 2006;
20. Соколова Наталья Леонидовна Трансмедиа и «Интерпретативные сообщества» // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3 (4);
21. González Chans, C., & Membiela Pollán, M., & Cortés Cuns, M. Marketing Relacional y Comunidad de Marca: El Caso de Netflix, Redmarka. *Revista de Marketing Aplicado*, vol 24, núm. 2, 2020 — pp. 251–274.

© Долгополов Дмитрий Владиславович (dolgorolovguu@gmail.com), Туркина Ксения Ивановна (trknprdctn@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

ASSESSMENT OF TOURISM POTENTIAL IN THE NORTH CAUCASUS

A. Zherukova
Z. Tenova
N. Kulyushina
M. Tutukova

Summary. This article discusses the state of the tourism industry, the development of mountain tourism. Data on the number of visits to mountain peaks around the world are provided. Due to its magnificent landscapes, diverse terrain, some famous mountain peaks have become an integral part of tourist routes and expeditions for mountaineering, routes, sightseeing tours, leisure and adventure. The assessment of tourism potential is inevitably influenced by many aspects of climate change, both positive and negative, which also has an impact on the environment. The list of factors used in this study includes the regional saturation of the scenic area, the length of typical tourist routes, location, traffic conditions in the scenic area, as well as socio-economic and tourist data of the object. As a result, an integral indicator of the assessment of tourist potential is formed.

Keywords: tourism potential, mountain tourism, number of visits, influence factors, assessment.

Жерукова Аксана Борисовна
Д.э.н., профессор, Кабардино-Балкарский
государственный университет
Zherukova65@mail.ru

Тенова Залина Юрьевна
К.э.н., доцент, Кабардино-Балкарский
государственный университет
tzu79@mail.ru

Кулюшина Наталья Евгеньевна
Старший преподаватель, Кабардино-Балкарский
государственный университет
nata961521@gmail.com

Тутукова Мадина Рамазановна
Старший преподаватель, Кабардино-Балкарский
государственный университет
madina.tutukova@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается состояние туристической отрасли, развитие активного туризма. Приводятся данные о количестве посещений горных вершин по всему миру. Благодаря своим великолепным пейзажам, разнообразным рельефам некоторые известные горные вершины стали неотъемлемой частью туристических маршрутов и экспедиций для альпинизма, маршрутов, туров осмотра достопримечательностей, досуга и приключений. На оценку туристического потенциала неизбежно влияют многие аспекты изменения климата, как положительные, так и отрицательные, что также оказывает воздействие на окружающую среду. Перечень факторов, используемых в этой работе, включает в себя региональную насыщенность живописной местности, протяженность типичных туристических маршрутов, местоположение, условия движения в живописной местности, а также социально-экономические и туристические данные объекта. В итоге формируется интегральный показатель оценки туристического потенциала.

Ключевые слова: туристический потенциал, горный туризм, количество посещений, факторы влияния, оценка.

Состояние туристической отрасли вызывает определенное беспокойство в связи с ситуацией, сложившейся из-за ограничений в период пандемии. Многие собственники и, пожалуй, весь туристический сектор задаются вопросами об эффективности использования имеющегося туристического потенциала. Исключением не стал и такой красивейший регион нашей страны, как Северный Кавказ. Северный Кавказ с давних времен привлекает огромное количество туристов со всего мира. Здесь сосредоточены и горные вершины, и минеральные источники, и памятники природы. Ключевым моментом в данном регионе, на взгляд авторов, является именно горный вид туризма как разновидность активного туризма. Поскольку именно этот вид

туризма может предложить необыкновенно живописные и эстетичные достопримечательности и вершины. Используя данные многих исследователей, стоит отметить тот факт, что 25–30% прибыли в туристической отрасли принадлежит именно горному туризму. В связи с этим возникает необходимость в оценке туристического потенциала как показателя, характеризующего уровень развития региона.

Необходимо понимать, что состояние горных вершин является чувствительным показателем изменения климата и важным компонентом мировой экосистемы. В частности, горные ледники играют решающую роль в поддержании биологического разнообразия,

Таблица 1. Количество посещений горных достопримечательностей по всему миру

Географическое местоположение	Наименование достопримечательности	Количество посетителей в год	Проводимые туристические мероприятия
1. Банф, Северная Каролина, Канада	Ледяные поля Колумбии, ледник Атабаска	600 000	Автобусные туры по леднику, походы по леднику, выставки
2. Глейшер-Бей, Аляска	Ледник Марджери Гранд Пасифик и ледник Феррис	400 000	Круиз по леднику, экскурсии
3. Лос — Глейшер, Аргентина	Ледниковое озеро Перито Морено, Аргентина	167 000	Походы по ледникам, скалолазание, экскурсии по ледяным пещерам, экскурсии на ледниковых лодках
4. Уаскар ан, Перу	Ледник Пасторури	109 000	Осмотр достопримечательностей, пешие прогулки
5. Вестланд Тай Путини, Северная Каролина, Новая Зеландия	Ледник Франца Юзефа Ледник Фокса	346 000	Прогулки по леднику, скалолазание
6. Ледяной фьорд Илулиссат, Гренландия	Ледник Сермек Куджаллек	12 000	Катание на беговых лыжах, туры на собачьих упряжках, круизные лайнеры
7. Ледник Йостедал, Норвегия	Ледник Брикдальс	40 000	Пешие прогулки по леднику, байдарка/лодка на ледниковом озере, катание на лыжах, беговые лыжи, выставка
8. Ватнаекюдль, Исландия	Vatnajökull Glacier	343 000	Походы по ледникам, скалолазание, туры по ледяным пещерам, прогулки на лодках по ледникам, катание на снегоходах, туры на супер джипах
9. Кабардино — Балкария, Российская Федерация (РФ)	Эльбрус	420 000	Походы, скалолазание, экскурсионные маршруты, восхождение с инструктором
10. Карачаево — Черкесия, РФ	Домбай	640 000	Экскурсионные маршруты и туры, активный туризм
11. Карачаево — Черкесия, РФ	Архыз	550 000	Экскурсионные маршруты и туры, активный туризм

защите природной среды, адаптации местного климата, формировании горных ландшафтов, стабилизации водоснабжения и экологической целостности, а также поддержке региональных туристических продуктов на Северном Кавказе. Благодаря своим великолепным пейзажам, разнообразным рельефам и элегантным тихим уединением, некоторые известные горные вершины по всему миру стали важными туристическими достопримечательностями для альпинизма, экспедиций, осмотра достопримечательностей, досуга и приключений. К примеру, это и гора Эльбрус, а также Домбай и Архыз.

В отличие от некоторых горных стран Европы и Америки, уровень развития активного туризма в России не столь высок. Большинство программ горного туризма на Северном Кавказе посвящены в большинстве своем осмотру природных объектов, в то время, как в нескольких программах более высокого уровня представлены научные экспедиции на ледники, пешие походы и катание на лыжах, приключения на снегоходах, осмотр ледников на транспортном средстве и вертолете, экскурсии по ледяным пещерам, ледолазание, музеи

ледников и геологии, а также научно-просветительская работа.[1]

Учитывая экономические условия определенной местности и удаленность от основных туристических рынков, большинство ресурсов активного туризма не были эффективно использованы в качестве туристических достопримечательностей. Таким образом, развитие горного туризма в России еще не достигло своих максимальных значений, и их ресурсы еще не полностью преобразованы, чтобы в полной мере использовать имеющиеся потенциальные экономические преимущества.[2]

С научной и управленческой точек зрения оценка потенциала активного туризма может помочь менеджерам по туризму и операторам составить эффективный план развития данного направления. Поскольку туризм подвержен влиянию многих факторов, для оценки его потенциала необходимо осознать два аспекта: имеющаяся система факторов и выбор метода оценки. Объективно получая необходимые удельные веса с помощью процесса аналитической иерархии, интегриро-

Таблица 2. Оценка туристического потенциала на Северном Кавказе

Показатель	Наименование критерия	Наименование фактора	Значимость для отрасли	«Вес» фактора
Интегральный показатель	1. Расположение туристического объекта (0,864)	1.1 Доступность живописной местности (5*0,124)	5	0,124
		1.2 Географическое преимущество (4*0,061)	4	0,061
	2. Региональное местоположение (0,837)	2.1 Удобство регионального движения (4*0,093)	4	0,093
		2.2 Географические условия в районе экскурсий (5*0,093)	5	0,093
	3. Насыщенность туристического ресурса (0,46)	3.1 Высота горной вершины (3*0,052)	3	0,052
		3.2 Привлекательность горной вершины (4*0,033)	4	0,033
		3.3 Интеграционный потенциал окружающих ландшафтов (4*0,043)	4	0,043
	4. Ценность осмотра достопримечательностей и отдыха (0,354)	4.1 Частота туристического маршрута (4*0,023)	4	0,023
		4.2 Временной период путешествия по живописному месту (5*0,042)	5	0,042
		4.3 Условия для отдыха и экскурсий в живописной местности (4*0,013)	4	0,013
	5. Важность для науки и культуры (0,16)	5.1 Функция научного обследования, популяризации науки и экологического образования (5*0,01)	5	0,01
		5.2 Историческое, религиозное и культурное богатство в исследуемой местности (5*0,01)	5	0,01
		5.3 Разнообразие региональной национальной культуры (3*0,02)	3	0,020
	6. Туристическая среда (0,157)	6.1 Количество региональных туристических ресурсов (4*0,013)	4	0,013
		6.2 Экологическое состояние места назначения (5*0,011)	5	0,011
		6.3 Риск опасностей (5*0,01)	5	0,01
	7. Состояние инфраструктуры (0,196)	7.1 Текущая ситуация с развитием туризма (4*0,019)	4	0,019
		7.2 Оценка живописной местности (4*0,016)	4	0,016
		7.3 Технология и средства (4*0,014)	4	0,014
	8. Рыночный потенциал (0,459)	8.1 Условия туристического рынка в живописной местности (4*0,041)	4	0,041
8.2 Региональная популярность (5*0,026)		5	0,026	
8.3 Рыночная стоимость тура (5*0,033)		5	0,033	
9. Способность к экономической поддержке (0,745)	9.1 Региональный ВВП (4*0,09)	4	0,09	
	9.2 Доля индустрии туризма в ВВП (5*0,044)	5	0,044	
10. Способность к социальной поддержке (0,297)	10.1 Сила поддержки со стороны правительства в области туризма (5*0,033)	5	0,033	
	10.2 Условия сотрудничества в области регионального туризма (4*0,033)	4	0,033	

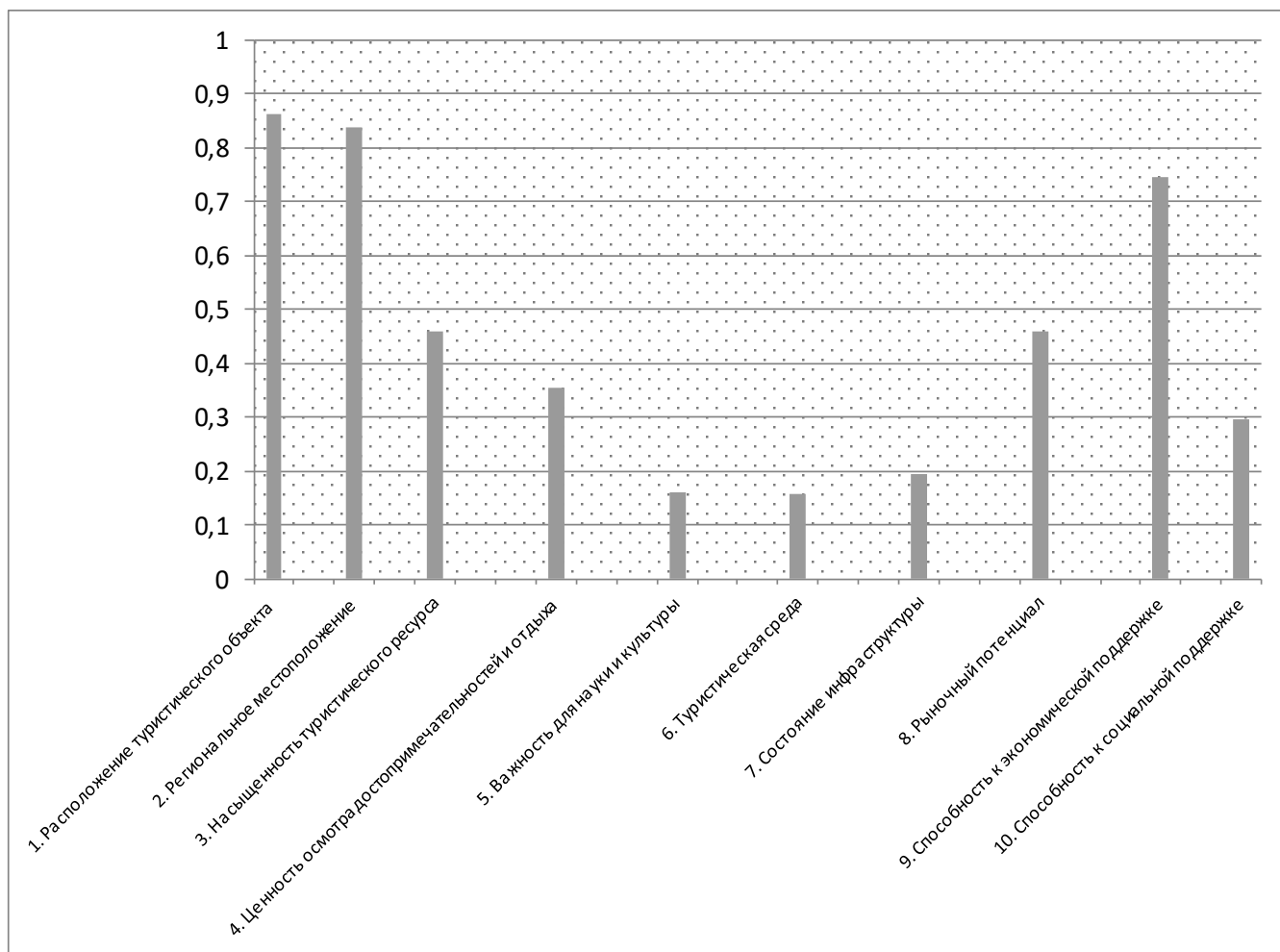

Рис. 1. Оценка критериев туристического потенциала

ванная система оценки в этом исследовании выбирает в общей сложности наиболее значимые факторы, основанных на местоположении и транспорте, ресурсах и окружающей среде, уровнях развития и рынке, а также социально-экономическом потенциале.

Для объективной оценки потенциала услуг в различных областях и, таким образом, обеспечения рационального будущего развития туристической отрасли, необходимо разрабатывать стратегии пространственного развития в потенциальных областях, основанную на исследовании выявленных групп факторов.

Прежде чем проводить оценку туристического потенциала, необходимо отметить тот факт, что горные вершины по всему миру стали популярными туристическими направлениями. Зачастую это связано именно с ледниковым туризмом, поскольку основными достопримечательностями которого являются горные ледники и древние ледниковые реликвии, которые пред-

ставляют собой и некоторую историческую ценность. Кроме того, значимость с точки зрения получения прибыли представляют собой туристические мероприятия, связанные с осмотром горных вершин на канатной дороге, самолетами и экспресс-поездами, пешими походами по ледникам, фотографией и лыжным гонкам, а также научными исследованиями. Кроме того, ожидается, что последствия изменения климата также приведут к постепенному перемещению туристических объектов в регионы с более высокими широтами и высотами. Наряду с улучшением инфраструктуры и высвобождением ресурсов, горный туризм становится все более популярным и зрелым. В мире существует более ста известных курортов, которые являются природными достопримечательностями.

Среди таковых представлены и такие объекты природы, которые отмечены в списке Всемирного наследия и мировых биосферных заповедников из-за их уникальных и впечатляющих ландшафтов и просвети-

тельского значения в отношении изменения климата. [4]

В таблице 1 приведены сведения о количестве посещений горных вершин по состоянию на 2019 год.

С развитием мировой экономики доступность транспорта, общественного досуга и растущий потребительский спрос в индустрии туризма на Северном Кавказе были значительно улучшены и увеличены. Многие исследования, связанные с активным туризмом и эффективным использованием туристического потенциала, являются основой для рационального использования и сохранения глобальных ресурсов для дальнейшего развития туристической отрасли. [6]

На активный туризм неизбежно влияют многие аспекты изменения климата, как положительные, так и отрицательные, что также влияет на местные сообщества и окружающую среду. Данные, используемые в этом исследовании, включают региональную насыщенность живописной местности, протяженность типичных туристических маршрутов, местоположение, условия движения в живописной местности, а также социально-экономические и туристические данные объекта. Удельный вес факторов, влияющих на туристический потенциал, и значимость для отрасли, составляют основу математических вычислений значимости определенного критерия. Их представлено несколько, а именно расположение туристического объекта, региональное местоположение, насыщенность туристического ресурса, ценность осмотра достопримечательностей и отдыха, важность для науки и культуры, туристическая среда, состояние инфраструктуры, рыночный потенциал, способность к экономической поддержке, способность к социальной поддержке. Для каждого определенного критерия разрабатывается перечень наиболее важных факторов, который оказывают существенное влияние на критерий и туристический потенциал. Для каждого фактора вводится такой показатель, как удельный «вес». Он распределяется среди всех установленных факторов и его суммарная оценка составляет единицу. Распределение этой единицы по факторам происходит на основе логико-интуитивного метода с учетом особенностей развития региона и туристического потенциала. На взгляд авторов, представленные удельные веса могут изменяться со временем или под влиянием значимых факторов. Установленный удельный вес фак-

тора умножается на оценку значимости для отрасли, что представляет собой оценку конкретного критерия в разрезе туристического потенциала. Суммарный эффект всех критериев и есть интегральный показатель оценки туристического потенциала. Чем выше этот показатель, тем более эффективное использование туристического потенциала исследуемого региона.

В таблице 2 приведена процедура оценки туристического потенциала на Северном Кавказе.

После того, как произошла оценка всех факторов, необходимо проранжировать критерии туристического потенциала. На рисунке 1 представлена диаграмма оценки критериев туристического потенциала.

Данный анализ необходим для того, чтобы выявить наиболее значимые критерии, проследить их динамику и разработать на основе полученных данных дальнейшие рекомендации и пути по развитию туристического потенциала на Северном Кавказе.

Таким образом, авторами разработана оценка туристического потенциала, которая включает в себя десять критериев и в соответствии с ними двадцать шесть факторов, влияющих на туристический потенциал. Кроме того, предусмотрено формирование интегрального показателя, устанавливаемого на основе оценки представленных критериев. Это, в свою очередь, является инструментом анализа значимости рассматриваемых критериев и их дальнейшего мониторинга и развития.

Представленная методика оценки туристического потенциала носит универсальный характер, что является ее несомненным плюсом при проведении исследования не только на Северном Кавказе, но и в других регионах.

Следует отметить, что социально-экономическое развитие страны является одной из важнейших систем поддержки развития туризма в России. Важнейшие показатели являются экономической мотивацией развития туризма, а финансовая поддержка правительства в области туризма является важнейшим внешним фактором. Региональное сотрудничество в области туризма также будет способствовать развитию регионального потенциала и компетенций для содействия развитию туризма на всей территории России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова А.Ю. Туризм и культурное наследие//Межвузовский сборник научных трудов/под редакцией: Д.Е. Луконина, Т.В. Черевичко. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2018. С. 10–18.
2. Борисова А.О. Международный туризм и основные показатели его развития в России / Аспирант. 2018. № 1 (6). С. 101–104.

3. Валеева Е.О. Туризм как стратегический приоритет территории / В сборнике: Современные проблемы науки туриндустрии Научно-практическая ежегодная преподавательская конференция. 2017. С. 9–16.
4. Варламова А.В. Туризм как социоэкономическое явления / Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 2–7. С. 134–137.
5. Гатаулина С.Ю. Туризм как объект научного исследования / В сборнике: Наука сегодня сборник научных трудов по материалам VII международной научно-практической конференции: в 4 частях. Научный центр «Диспут». 2019. С. 37–39.
6. Жерукова А.Б. К вопросам развития концепции устойчивого туризма (научная статья)// Материалы XI МНПК «Туризм и рекреация: инновации и ГИС-технологии», 24–25 мая 2019 г., г. Астрахань. С. 81–84.
7. Жерукова А.Б. Ресурсный потенциал региона как основное направление развития туристско-рекреационного комплекса Кабардино-Балкарской Республики (научная статья)// Журнал «Проблемы экономики и юридической практики» № 3–2021. С 29–34.
8. Жерукова А.Б. Некоторые подходы к разработке модели инновационного развития регионального туристско-рекреационного кластера (научная статья)// Всероссийский журнал «Вестник Академии знаний» № 38(3), 2020 г., г. Краснодар. С. 115–118.
9. Швец И.Ю. Региональное управление конкурентоспособностью туристических услуг: методология и практика. — Симферополь: ЧП Предприятие Феникс, 2018. — 364 с.
10. Шпилько С.П. Классификация видов туризма: от теории к практике // Вестник Национальной академии туризма. — 2019. — № 1. — С. 9–15.
11. Шубаева, В.Г. Маркетинг в туристской индустрии: учебник и практикум для вузов / В.Г. Шубаева, И.О. Сердобольская. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 120 с.
12. Чернуха Д.С. Инновации и туризм: зарубежный опыт // В сборнике: «Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России». Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. 2018. [Электронный источник] / URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24049069>

© Жерукова Аксана Борисовна (Zherukova65@mail.ru), Тенова Залина Юрьевна (tzu79@mail.ru),
Клюшина Наталья Евгеньевна (nata961521@gmail.com), Тутукова Мадина Рамазановна (madina.tutukova@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЦИФРОВУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ КОРПОРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

TECHNOLOGICAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE WORLD ECONOMY AND THEIR IMPACT ON THE DIGITAL TRANSFORMATION OF CORPORATE STRATEGIES

E. Karelina

Summary. In the context of the rapid development of the information technology sector and digitalization, there are significant changes in the system of international competition associated, on the one hand, with the emergence of a new type of companies — transnational technology giants, and on the other, with the transformation of the strategies of traditional transnational companies (TNCs). The article analyzes the key development trends of the global information technology market and the digitalization trends of the global economy at the present stage, which are largely reflected in the corporate strategies of TNCs.

Keywords: digitalization, digital transformation, transnational corporation, information technology, the fourth industrial revolution.

Карелина Екатерина Александровна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
opferpriesterin@mail.ru*

Аннотация. В условиях бурного развития сектора информационных технологий и цифровизации наблюдаются значительные изменения в системе международной конкуренции, связанные, с одной стороны, с появлением нового типа компаний — транснациональных технологических гигантов, а с другой — с трансформацией стратегий традиционных транснациональных компаний (ТНК). В статье проанализированы ключевые тренды развития мирового рынка информационных технологий и тенденции цифровизации мировой экономики на современном этапе, которые в значительной степени отражаются на корпоративных стратегиях ТНК.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, транснациональная корпорация, информационные технологии, четвертая промышленная революция.

В современных условиях использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) становится ключевым в развитии международных экономических отношений. Так, в последние десятилетия, ключевую роль в развитии глобальной экономики играет промышленный сектор информационных технологий (ИТ), на который приходятся информационные услуги (ИТ-услуги), а также производство программного обеспечения, вычислительной техники и производство электронного оборудования. При этом ИТ обеспечивают поддержку развития международного бизнеса. Лишь за незначительный период (2016–2020 гг.) доля сектора ИКТ в мировом валовом внутреннем продукте (ВВП) возросла с 5,5 до 9%.

Постиндустриализация мировой экономики сделала ИТ ключевым ресурсом и фактором производства. Чем больше компания, тем больше у нее потребность в сложной инфраструктуре ИТ и ее грамотном менеджменте. Для современных ТНК можно выделить следующие преимущества от использования ИТ:

- ♦ коммуникативные преимущества, способствующие росту производительности, ускоряющие

принятие решений и упрощающие выход ТНК на новые зарубежные рынки, что в последние годы во многом реализуется платформами для видеоконференций, онлайн-встреч, которые предоставили новые возможности для удаленной работы (Zoom, Microsoft Teams);

- ♦ внедрение передовых ИТ дает ТНК преимущества перед конкурентами, поскольку те компании, которые использовали стратегию так называемых «первопроходцев», использовали ИТ для создания новой продукции и ее дистанцирования от страны базирования;
- ♦ снижение затрат на основе использования инфраструктуры ИТ, когда крупные ТНК централизуют некоторые свои функции в одном месте, либо переносят некоторые дорогие функции в онлайн-среду;
- ♦ ИТ позволяют устранить культурные и географические границы, поскольку межстрановой обмен информацией между странами реализуется гораздо проще;
- ♦ хранение и защита ценной корпоративной информации при помощи ИТ;

- ♦ ИТ предоставляют новые возможности по исследованию потребителей, что положительно сказывается на продажах компании.

Последовательная эволюция мирового рынка ИКТ связана с НТП и появлением новых, революционных технологий, где выделяются несколько *этапов*:

- ♦ 1950–1960 гг., когда создание транзисторов сделало сектор ИТ отдельной отраслью и корпорация IBM сформировала мировой рынок компьютеров, став крупнейшей компанией на этом рынке. К концу 1960-х годов на нее приходилось 70% мирового производства компьютеров, а также были сформированы мировые рынки программных услуг и микропроцессоров. Последовательное снижение издержек производства микропроцессоров усиливало конкуренцию, снижало цены, открывая рынок для все большего числа пользователей.
- ♦ 1970-е годы, характеризующиеся ужесточением международной конкуренции в сфере ИТ, поскольку появлялись все новые производители компьютеров с дешевыми предложениями их продажи, что вызвало бурный рост числа потребителей. Также наблюдался рост спроса на программные средства и на данном этапе выделились основные OEM-производители (производители оригинального оборудования; англ.— Original Equipment Manufacturers).
- ♦ 1980-е гг.— на этом этапе грандиозные успехи на рынке продемонстрировали ТНК Microsoft и Apple. IBM выпустила свой первый компьютер на базе оригинального микропроцессора, но этот товар был быстро скопирован конкурентами. Компания Apple выпустила свой первый компьютер Macintosh, а Microsoft—операционную систему Windows, что сделало ее монопольным игроком на рынке программного обеспечения. Вместе с тем, в 2000-м году произойдет обвал капитализации указанных компаний и на их место придут транснациональные технологические гиганты (типа Amazon, Google и пр.).
- ♦ 2000-е гг., когда продолжился рост мирового рынка ИТ за счет масштабного прироста пользователей глобальной сети Интернет (в 2000–2010 гг.— с 0,4 до 2 млрд. чел.), охватившей уже 30% населения планеты. В то же время происходила стандартизация инфраструктуры серверов, возрастала их пропускная способность и скорость.

2010–2021 гг.— данный этап характеризуется как процесс консолидации мирового рынка ИТ, основными инициаторами которой выступают крупнейшие технологические корпорации (Apple, Facebook, Google

и т.п.). На протяжении этого периода наблюдается беспрецедентное усиление международной конкуренции на рынке ИТ. Открытие новых платформ ведет к снижению издержек на новую технологию, становящейся стандартной, а в случае падения издержек на рынок приходят все новые компании, что ведет к снижению маржи и цен.

Одно время в технологическом развитии мировой экономики стала популярной модель кластеров в сфере ИТ и технологические кластеры во многих странах зарекомендовали себя как центры инноваций в США (Кембриджский технологический кластер, Силиконовая долина), в Индии (Хайдарабад и Бангалор) и других странах. Для ИТ-кластеров характерно то, что они первыми внедряют технологии и постоянно поддерживают высокие темпы внедрения инноваций, нацелены на сотрудничество между членами кластера по обмену информацией (трансферта технологий) в условиях высокой конкуренции. Развитие успешных ИТ-кластеров во многих странах показывает, что для повышения их эффективности необходимы государственные стратегии поддержки ПИИ, что особенно актуально для развивающихся стран.

Новый этап технологического развития мировой экономики обусловлен Четвертой промышленной революцией (Индустрия 4.0), проявляющийся в последовательной и всеохватной цифровизации всей системы международных экономических отношений. Концепция Индустрии 4.0 впервые была анонсирована в Германии в 2011 году, а до 2013 года проходила ее апробация и оценку ведущими промышленными ТНК Германии. Эта концепция предполагает комплекс технологических инноваций, кардинально трансформирующих процессы производства [1]. Вместе с тем, данная концепция охватывает не только производство товаров, но также услуги, связанные с выпуском этих товаров [3, С. 57], систему общественных и коммерческих услуг. По существу, четвертая промышленная революция представляет собой качественный скачок в развитии мировой экономики, однако в значительной степени ее следует рассматривать с позиций воздействия ГЦСС и стратегии современных ТНК. Основные элементы цифровизации — автоматизация на основе робототехники, Интернет-вещей, искусственного интеллекта, аддитивных производств — будут способствовать новой волне трансформаций, когда будут стираться границы между виртуальным и реальным миром и формироваться киберфизические производственные системы.

Параллельно с приведенными выше этапами развития мирового рынка ИТ необходимо установить периодизацию в развитии мировой цифровой экономики. Несмотря на то, что термин «цифровая экономика» был

введен еще в 1995 году, до сих пор нет единой его дефиниции, и под ним в собирательном контексте понимают совокупность экономических процессов, связанных с применением вычислительных, цифровых технологий, а также ИТ на основе систем связи и ИТ-инфраструктуры. В развитии цифровой экономики мы выделяем несколько *этапов*, которые по своей хронологии отличаются от эволюции мирового рынка ИТ:

- ◆ начальный этап (1950–1980-е гг.), когда в мире начали распространяться инновации, однако на этом этапе не было глобальной инфраструктуры в виде сети Интернет;
- ◆ возникновение сети Интернет (1980–1990-е гг.), ставшее ключевым этапом развития цифровой экономики, поскольку распространение данной сети обусловило беспрецедентное уменьшение транзакционных расходов, главным образом информационных издержек. На этой основе стало возможным преодоление информационной асимметрии, что привело к росту количества и скорости сделок. При этом эксперты Всемирного банка отмечают, что за счет сети Интернет транзакционные издержки уменьшаются почти до нуля [13, С. 71].
- ◆ развитие сетевого общества на основе телефонной связи нового уровня (1990–2000-е гг.), когда функции мобильных телефонов революционно расширились, появились смартфоны и существенно возросла плотность коммуникаций.
- ◆ появление и развитие новейших цифровых технологий (2000-е гг.— настоящее время), роль которых в международной торговле усиливается (электронные сервисы услуг, платежные системы, интернет-магазины).

Текущий этап технологического развития мировой экономики будет значительно отличаться от более ранних трех промышленных революций (создание парового двигателя; изобретение конвейерного производства; послевоенная компьютерная революция). Предыдущая компьютерная революция положила начало комплексной автоматизации производства. В ходе четвертой промышленной революции физические и цифровые системы все больше сближаются, а ведущие ТНК вынуждены адаптироваться к условиям цифровизации, чтобы получить конкурентные преимущества, которые невозможно было достичь ранее (например, формировать заказы на основе персонифицированных предпочтений клиентов, способствуя тем самым повышению их лояльности). Следствием обретения дополнительных конкурентных преимуществ является значительное снижение удельных производственных издержек в компании, позволяя производить продукцию, обладающую уникальной индивидуальной спецификой по цене продукта массового производства.

В эпоху цифровизации наиболее конкурентоспособны будут компании, обладающие уникальными платформами, интегрирующие потребителей, поставщиков и партнеров. Уже сложились компании подобного типа, именуемые как технологическими гигантами, так и глобальными цифровыми платформами (Alibaba, Amazon, Booking, Uber). Технология платформ значительно сокращает процесс производства, позволяет покупателям и продавцам быстро найти друг друга, заключить договора, оценить потенциальных партнеров, провести необходимые расчеты. Формирование платформ существенно удешевляет и ускоряет взаимодействие разных субъектов, позволяя устранить посредников и тем самым увеличить производительность труда. Преимуществом ГЦП является возможность обслуживания клиентов по всему миру. Глобализация самих платформ происходит посредством интеграции новых экосистем, которые охватывают все большее число компаний и рынков.

Одним из важнейших трендов цифровизации мировой экономики стало развитие так называемых Интернет-вещей. Появившись в 1999 году, технологии «Интернет-вещей» (IoT, Internet of Things, IoT) стала глобально ориентированной в связи с интенсивным использованием планшетов и смартфонов, а также когда к сети Интернет стали подключаться другие устройства (системы безопасности, офисная техника). Основой IoT является технология взаимодействия между машинами (англ. — machine-to-machine, M2M), подразумевающая передачу информации между ними. Широкое распространение получили устройства (например, датчики) подключаемые к мобильным и беспроводным сетям, которые могут без помощи человека взаимодействовать друг с другом. В 2008–2009 гг. число подключенных к глобальной сети устройств уже превысило население Земли (так называемый переход к «Интернету вещей» от «Интернета людей»). Компании в разных отраслях все чаще используют IoT для повышения эффективности своей работы и качества обслуживания, лучшего понимания потребностей клиентов и оперативности принятия решений. Примерами IoT в повседневной жизни являются разнообразные технологии «умного дома» для обеспечения комфорта проживания. Эксперты ожидают, что в 2022 г. мировой рынок технологий «умного дома» достигнет объема в 121,7 млрд. долл. при среднегодовом темпе прироста в 14% [10]. Широко признано применение технологий IoT в жилищно-коммунальном хозяйстве, а также эксперты (В.Д. Маркова) отмечают их популярность в логистике, на транспорте, энергетике, здравоохранении, сельском хозяйстве, производстве продовольствия и пр. [2]. Наиболее быстрорастущими сегментами применения IoT становятся интеллектуальные энергосистемы, умное здравоохранение и подключенные автомобили. Так,

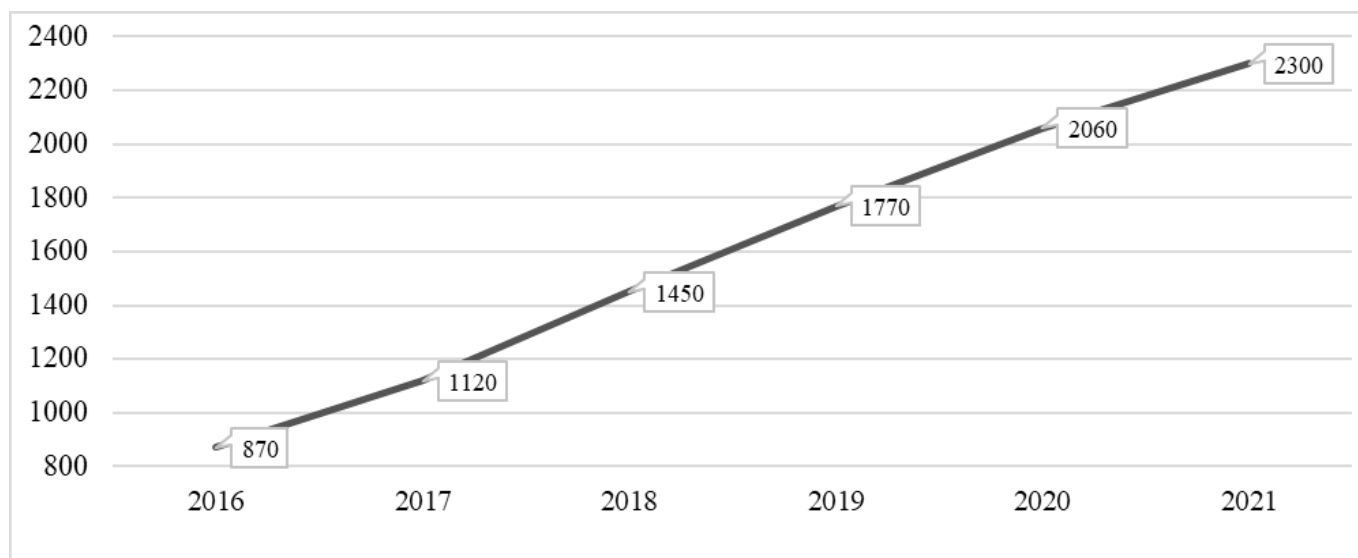

Рис. 1. Динамика вместимости дата-центров в мире, эксабайт, 2016–2021 гг.
Источник: составлено по [8].

в 2020–2025 гг. ожидается рост расходов на IoT в здравоохранении с 72,5 до 188,2 млрд. долл. [7].

Вместе с тем, основным риском для корпоративных стратегий ТНК является то, что для современной отрасли IoT характерна незрелость услуг, технологий и компаний, оказывающих эти услуги, поэтому для компаний, ставящих IoT ключевой задачей, отсутствие некоторых компетенций и навыков будет основной проблемой. По прогнозам, к 2025 г. число подключений к IoT возрастет в мире до 25 млрд. [9], а значит, увеличатся и риски кибератак (ожидается, что в 2020–2025 гг. рынок безопасности в сфере IoT вырастет с 12,5 до 36,6 млрд. долл. [4]). Кроме того, по мере роста подключений возрастает потребность в управлении устройствами, мониторинге, контроле, выявлении ошибок, модернизации программного обеспечения. Для устройств IoT уже недостаточно традиционных сетей мобильной связи, а параметры традиционных сетей по потребляемой мощности и объему памяти (например, iOS, Windows) уже не отвечают требованиям для устройств IoT, поэтому здесь необходима разработка новых, IoT-ориентированных операционных систем. Наконец, перспективным направлением развития IoT должно стать развитие IoT-платформ и IoT-экосистем.

По прогнозам, объем информации, хранящейся на различных устройствах в мире, в 2018–2023 гг. более чем удвоится, составив 11,7 зеттабайт, при этом все больше информации будет храниться на корпоративных хранилищах [5], поскольку для крупных ТНК характерно непосредственное использование электронной информации, сосредоточенной в специализированных

дата-центрах, откуда она поступает в облачные хранилища. Крупнейшие транснациональные технологические гиганты (Amazon, Facebook, Google) имеют такие центры в разных регионах и странах. В последние годы быстрыми темпами возрастает объемы информации в таких центрах (рис. 1).

Ввиду потребностей ключевых ТНК и технологических гигантов отмечается высокая динамичность данного рынка. Ожидается рост рынка центров обработки данных в 2019–2023 гг. на 284 млрд. долл. [11].

Отметим, что продукция цифровой экономики обладает рядом преимуществ по сравнению с материальными благами: электронная продукция может неоднократно копироваться и по ней нет дефицита предложения, в связи с чем она дешевле. Опыт последнего десятилетия показал, что цифровая экономика обеспечивает рост конкурентоспособности, стимулирует ПИИ и ведет к росту производительности труда. Доля цифровой экономики в ВВП многих стран имеет тенденцию к росту, а сфера перераспределения постепенно становится виртуальной. Пандемия коронавируса еще более подстегнула процесс цифровизации компаний и формирования принципиально новых их бизнес-стратегий.

В последние 15 лет в мире наблюдалось кардинальное изменение структуры международного производства, в которое вовлекались многие компании, работающие в сфере ИТ. Если в 2007 году ведущее место по показателю рыночной капитализации занимали компании из нефтяной промышленности, банковской сферы и т.д., т.е. из традиционных отраслей материаль-

Таблица 1. Сопоставление численности населения и количества пользователей сети Интернет в разрезе отдельных регионов (по состоянию на начало 2021 г.)

Регион	Население на 2021 г., млн. чел.	Доля страны в населении мира, %	Количество пользователей сети Интернет, млн. чел.	Уровень проникновения интернета, %
Северная Америка	370,3	4,7	347,9	93,9
Европа	835,8	10,6	737,0	88,2
Латинская Америка	659,7	8,4	498,4	75,6
Ближний Восток	265,6	3,4	198,9	74,9
Австралия и Океания	43,5	0,6	30,4	69,9
Азия	4327,3	54,9	2762,2	63,8
Африка	1373,5	17,4	594,0	43,2
Мир в целом	7875,78	100,0	5168,8	65,6

Источник: составлено по [6].

ного производства, то уже к 2016 году ведущие позиции стали занимать международные компании — технологические гиганты (Apple, Google, Amazon и пр.). В десятке крупнейших компаний мира по рыночной капитализации на 2020 год было 7 представителей США (Apple, капитализация которой превысила 2,1 трлн. долл.; Microsoft Corp., Amazon.com, Alphabet, Facebook, Tesla, Berkshire Hathaways) и 2 — Китая (Tencent и Alibaba). В США безусловным лидером является корпорация Apple, а на рынке стран Азии — крупнейшая платформа электронной торговли Alibaba, взаимодействующая с потребителями из более чем двухсот стран мира и успешно конкурирующая с аналогичными американскими гигантами eBay и Amazon.com.

Деятельность технологических гигантов неравномерно распределена по планете, и это во многом обусловлено тем, что глобальная сеть Интернет неравномерно покрывает страны и регионы мира. Так, Китай, занимая лидирующие позиции по числу пользователей Интернета, обладает сравнительно невысоким проникновением этой сети, охватывающей лишь около 60%. Наиболее высокие уровни проникновения Интернета характерны для США (94,5%) и Японии (93,7%) (справочно: в России — 80%). По отдельным регионам уровень проникновения сети Интернет также существенно варьируется (табл. 1).

Параллельно, с приходом большого числа новых компаний на мировой рынок ИТ, наблюдалось расширение рынков ИТ за счет аналогичного появления новых сегментов данного рынка — IoT, на который приходится до 85% объема мирового рынка ИТ, а также робототехники, искусственного интеллекта, технологий дополненной и виртуальной реальности. IoT нашел широкое применение во многих отраслях, но также большой приток венчурного капитала и инвестиций испытывал мировой рынок технологий искусственного

интеллекта, поскольку многие ведущие ТНК стремятся интегрировать ИИ в свои корпоративные цифровые стратегии и больше всего здесь продвинулись корпорации США на основе развития прогрессивных инноваций и экосистем. В свою очередь, следует отметить новый этап развития мирового рынка робототехники, которая становится все более интеллектуальной и легко интегрируемой в бизнес-стратегии. Робототехника традиционно широко применяется в отраслях обрабатывающей промышленности (особенно в странах Азии), но промышленные роботы все интенсивнее проникают в энергетику, горнодобывающие отрасли, транспорт. При этом часто наблюдается интеграция робототехники с IoT, облачными вычислениями и ИИ. Следует отметить внедрение технологий 3D-печати, которые частично уже бросают вызов традиционным моделям офшоринга ТНК и способствуют рещорингу производств.

США являются безусловным лидером с точки зрения внедрения Big Data, ИИ, облачных вычислений и IoT. Однако в Китае и Индии и ряде других стран уже появились крупные конкуренты, работающие в указанных сферах, которые добились серьезных конкурентных преимуществ в цифровой экономике. Так, в Азии эффективно внедряются технологии IoT и робототехники, особенно промышленными ТНК Китая. В Европе следует отметить промышленные ТНК в Германии и корпорации в сфере услуг в Великобритании, однако Европа пока отстает от США по внедрению новых цифровых технологий.

Цифровизация стала важнейшим мегатрендом, влияющим на современные процессы интернационализации и зарубежной хозяйственной деятельности ТНК, поскольку цифровизация упрощает процессы интернационализации, тогда как в условиях цифровизации производительность труда и капитала возрастает

(хотя бы на уровне снижения операционных издержек). Вместе с тем, на основе автоматизации посредством роботизации, значимость традиционной стратегии индустриализации снижается, хотя известно, что для многих стран эта стратегия была ключевым направлением догоняющего развития и снижения неравенства в общемировом масштабе. Следует отметить, что цифровые технологии способствуют росту производительности в рамках ГЦСС, когда, например, на основе создания облачной платформы, компания в режиме реального времени улучшает информированность о ГЦСС. В случае оцифровки транзакций снижаются издержки функционирования ГЦСС, которое становится более прозрачным.

В последние годы (а в период текущей пандемии эта тенденция лишь усилилась) ТНК развивают онлайн-торговлю в тех странах, где не имеют собственных подразделений. Развитие ИКТ способствовало развитию электронной торговли и обеспечило уменьшение постоянных издержек, увеличив прибыльность новых проектов онлайн-торговли. На наш взгляд, при выборе ТНК стратегии цифровизации, ключевые изменения заключаются в следующем:

- ◆ изменяется система конкурентных преимуществ ТНК, поскольку эффективность ГЦСС сравнительно меньше значима для цифровой, нежели физической продукции (цифровые товары легко поддаются копированию и адаптация к потребностям клиентов без дополнительных затрат);
- ◆ уменьшение операционных издержек за счет большей стандартизации бизнес-процессов и упрощения координации и коммуникационной среды. Так, автоматизированное программное обеспечение обеспечивает снижение издержек на взаимоотношения с потребителями, а логистика поставок и закупок упрощается за счет цифрового учета [12, С. 199].
- ◆ снижение роли фактора местоположения и специфики активов, поскольку цифровые компании могут легко завоевывать зарубежные рынки даже без физического присутствия в странах продаж и не осуществляя крупные поставки;
- ◆ ТНК компенсируют свои ограничения по ресурсам посредством офшоринга и аутсорсинга определенных звеньев своих ГЦСС, и это позволяет им поддерживать прибыльность, расширяясь и не привязываясь к физическим производственным мощностям предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В.Б. Новая парадигма промышленного развития Германии — стратегия «Индустрия 4.0» // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 11–22.
2. Маркова В.Д. Цифровая экономика: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 186 с.
3. Тарасов И. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. № 6. С. 57–63.
4. Global Internet of Things (IoT) Security Market Forecast to Grow to USD36.6 Billion by 2025, at a CAGR of 23.9%. July 29, 20. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20200729005330/en/Global-Internet-of-Things-IoT-Security-Market-Forecast-to-Grow-to-USD-36.6-Billion-by-2025-at-a-CAGR-of-23.9>—ResearchAndMarkets.com (дата обращения: 12.08.2021).
5. IDC's First Global StorageSphere Forecast Sees Installed Base of Storage Capacity More Than Doubling by 2023, February 14. URL: <https://apnews.com/17d7f44f869a4516a589a140d6606c90> (дата обращения: 25.02.2021).
6. Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm> (дата обращения: 16.08.2021).
7. IoT in Healthcare Market worth \$188.2 billion by 2025. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/PressReleases/iot-healthcare.asp> (дата обращения: 22.08.2021).
8. Mlitz K. (2021). Data center storage capacity worldwide: consumer and business segments 2016–2021, January 12. URL: <https://www.statista.com/> (дата обращения: 12.04.2021).
9. Realising the potential of IoT in MENA. GSM Association, London, UK, December 2019, 30 p.
10. Smart Home Market with COVID-19 Impact Analysis by Product, Software & Services, and Region — Global Forecast to 2025. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/smart-homes-and-assisted-living-advanced-technologie-and-global-market-121.html> (дата обращения: 15.03.2021).
11. The evolution of data centers. 12 March 2020. <https://www.linesight.com/insights/the-evolution-of-data-centers/> (дата обращения: 22.05.2021).
12. Wittkop A., Zulauf K., Wagner R. (2018). How Digitalization Changes the Internationalization of Entrepreneurial Firms: Theoretical Considerations and Empirical Evidence. *Management Dynamics in the Knowledge Economy*, Vol.6, no.2, pp.193–207.
13. World Bank (2016). World Development Report. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Wash., DC, 330 p.

© Карелина Екатерина Александровна (opferpriesterin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ФОРМАТЕ АСЕАН + 3 В ПАРАДИГМЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ РЕГИОНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ECONOMIC COOPERATION OF THE REPUBLIC OF KOREA IN ASEAN + 3 FORMAT IN THE PARADIGM OF NEW CHALLENGES FOR THE REGION OF SOUTH-EAST ASIA

A. Kolesnikova

Summary. The purpose of this study is to analyze the roadmap for the “New South Policy” of the Republic of Korea in the ASEAN + 3 format, as well as to assess its implementation based on the achievements made. The article explores the respective roles of the private and public sectors, as so far, the main players have been private Korean companies, which have been supported to some extent by implementing government policies in the form of tariff liberalization under the ASEAN-Republic of Korea Free Trade Agreements. The adoption of the New Southern Policy signals the transfer of greater powers to the public sector and underlines the South Korean government’s commitment to play a much larger role in shaping economic relations with the alliance. The article assesses the form and possible results of this government initiative in the paradigm of new challenges in the Southeast Asia region. One of the sections of the study is an analysis of economic ties between the Republic of Korea and its southern partners, which highlights the strengths and weaknesses of these relations. As a second step, the author attempts to identify the contribution that a government strategy can make to an established partnership at the private sector level. In doing so, it will also consider external factors such as competition from other major players in the region, including the Russian Federation. The article ends with an assessment of the economic prospects for the New Southern Policy.

Keywords: ASEAN, Republic of Korea, New Southern Policy, economic cooperation.

Колесникова Александра Валерьевна
Аспирант, Московский Государственный
Университет имени М.В. Ломоносова
alexakolesnikova@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является анализ дорожной карты «Новой южной политики» Республики Корея в формате АСЕАН+3, а также оценка ее реализации на примере осуществленных достижений. В статье изучены соответствующие роли частного и государственного секторов, так как до сих пор основными игроками были частные корейские компании, которым в некоторой степени оказывалась поддержка за счет реализации государственной политики в форме либерализации тарифов в рамках Соглашений о Свободной Торговле АСЕАН — Республика Корея. Принятие Новой южной политики свидетельствует о передаче государственному сектору больших полномочий и подчеркивает стремление южнокорейского правительства играть гораздо большую роль в формировании экономических отношений с альянсом. В статье дается оценка формы и возможных результатов этой правительственной инициативы в парадигме новых вызовов региона Юго-восточной Азии. Одним из разделов исследования является анализ экономических связей между Республикой Корея и ее южными партнерами, в котором освещаются сильные и слабые стороны этих отношений. В качестве второго шага автором делается попытка определить вклад, который правительственная стратегия может внести в устоявшееся партнерство на уровне частного сектора. При этом он также будет учитывать внешние факторы, такие как конкуренция, исходящая от других крупных игроков в регионе, включая Российскую Федерацию. Статья завершается оценкой экономических перспектив Новой южной политики.

Ключевые слова: АСЕАН, республика Корея, Новая южная политика, экономическое сотрудничество.

Несмотря на то, что экономические отношения Республики Корея и стран АСЕАН кажутся относительно устоявшимися, в них все еще присутствуют неосвоенные векторы развития. Во-первых, активное экономическое участие Кореи в АСЕАН в некоторой степени является оптической иллюзией: до недавнего времени в рамках АСЕАН только Вьетнам имел большую значимость для Кореи, в то время как другие страны оставались относительно второстепенными партнерами с точки зрения торговли и прямых

иностранных инвестиций. Во-вторых, за исключением ОПР, роль корейского правительства до сих пор оставалась ограниченной в поддержке расширения экономических связей между Кореей и АСЕАН. Хотя можно сказать, что экономическая составляющая Новой южной политики Республики Корея опирается на прочный фундамент, ключевая задача заключается в том, чтобы определить, как обновленная стратегия сможет выйти за рамки существующих экономических отношений, основанных на частном секторе.

Приоритетом Новой южной политики Республики Корея (НЮП) является всестороннее развитие отношений страны с некоторыми ее партнерами в Юго-Восточной Азии и Южной Азии. Важной целью НЮП является выход за рамки существующего экономического партнерства, а также углубление и укрепление существующих экономических отношений. В то время как диверсификация и фрагментация экономической системы является ключевым принципом НЮП, необходимо подчеркнуть, что регион Юго-Восточной Азии всегда являлся предметом стратегических интересов Республики Корея, а в связи с противостоянием США и Китая и перестройкой цепочек добавленной стоимости с целью снижения зависимости от сверхдержав значение стран АСЕАН еще более возрастает. Принятый Республикой Корея вектор развития имеет определенное значение и для Российской Федерации.

Целью исследования является оценка дополнительной ценности Новой южной политики и способов ее реализации через призму ролей частного и государственного секторов. До сих пор основными игроками выступали частные корейские компании, которым в некоторой степени оказывалась поддержка за счет реализации государственной политики в форме либерализации тарифов в рамках ССТ. Принятие Новой южной политики свидетельствует о передаче государственному сектору больших полномочий и подчеркивает стремление южнокорейского правительства играть гораздо большую роль в формировании экономических отношений с альянсом. В статье дается оценка формы и возможных результатов этой правительственной инициативы в парадигме новых вызовов региона Юго-восточной Азии. Одним из разделов исследования является анализ экономических связей между Республикой Корея и ее южными партнерами, в котором освещаются сильные и слабые стороны этих отношений. В качестве второго шага автором делается попытка определить вклад, который правительственная стратегия может внести в устоявшееся партнерство на уровне частного сектора. При этом также будут учтены внешние факторы, такие как конкуренция, исходящая от других крупных игроков в регионе, включая Российскую Федерацию. Статья завершается оценкой экономических перспектив Новой южной политики.

С 1989 года торговля Кореи со странами АСЕАН резко возросла. С примерно 8 миллиардов долларов США в 1989 году товарооборот достиг 38,3 миллиарда долларов США в 2000 году и 160 миллиардов долларов США в 2018 году. Таким образом, наблюдается двадцатикратный рост торгового оборота за тридцать лет. В результате доля АСЕАН в торговой структуре торговли Республики Корея выросла с 8% в 1990 году до 14% в 2018 году, наравне с ЕС. Таким образом, АСЕАН в на-

стоящее время является вторым по величине торговым партнером Кореи, в то время как Корея является пятым по величине торговым партнером АСЕАН [OECD].

Более значимым является и тот факт, что структура торговли между Кореей и АСЕАН подчеркивает их высокую взаимодополняемость; Корея богата капиталом и технологиями, в то время как страны АСЕАН богаты трудовыми и природными ресурсами. Два партнера действительно связаны через региональные цепочки добавленной стоимости, при этом Корея импортирует сырье из АСЕАН (в частности, уголь и нефть из Индонезии) и экспортирует промежуточную продукцию в АСЕАН (электронные интегральные схемы в Малайзию, Таиланд и, что более важно, Вьетнам), а также реимпортирует конечную продукцию из АСЕАН. Взаимодополняемость можно также увидеть в финансовой сфере, когда корейские сбережения направляются в АСЕАН в качестве банковских кредитов, предоставленных либо корейским компаниям, имеющим представительство в странах АСЕАН, либо непосредственно финансовым институтам стран АСЕАН [Nicolas 2021: 5–10]. Что касается страновой структуры торговли, то первое место среди партнеров стран АСЕАН занимает Вьетнам, который перехватывает инвестиционные потоки для формирования международной площадки ведения бизнеса и становится точкой реэкспорта продукции ТНК на другие рынки. В 2018 году на Вьетнам приходилось 42,7% торгового оборота Кореи со странами АСЕАН (37,5% импорта и 50,7% экспорта), а к 2018 году он стал ее четвертым по величине партнером. Таким образом, торговля между Кореей и АСЕАН сильно смещена в сторону Вьетнама [Korea Eximbank].

Говоря о тенденциях прямых иностранных инвестиций, Корея и АСЕАН также тесно связаны. В период с 1980 по 2018 год совокупный объем прямых иностранных инвестиций Кореи (ПИИ) в АСЕАН был на одном уровне с корейскими ПИИ в Китай, что делает Корею пятым по величине источником прямых иностранных инвестиций в АСЕАН. Только в 2019 году инвестиции Кореи в АСЕАН составили 8,3 миллиарда долларов США. Крупные корейские компании, инвестирующие в АСЕАН, часто сопровождаются корейскими малыми и средними предприятиями (МСП), которые выступают в качестве поставщиков. Кроме того, корейские МСП инвестируют в трудоемкие виды деятельности, такие как текстильная промышленность, как в Камбодже или Индонезии, или в сферу услуг (рестораны, салоны красоты), как в Сингапуре. Однако большинство МСП, как правило, демонстрируют низкий средний показатель продаж или прибыли, что говорит о том, что именно в этой парадигме может пригодиться государственная поддержка. Что касается секторов, на которые нацелены корейские компании в АСЕАН, то прослеживается

определенная диверсификация в зависимости от страны инвестирования. Индонезия и Мьянма, например, привлекают значительные инвестиции в горнодобывающий сектор, в то время как ПИИ в промышленную сферу доминирует в Малайзии и Вьетнаме. С ростом доли обрабатывающей промышленности меняется и стратегия корейских компаний; регионы перестают нести в себе значение исключительно производственной базы, а все активнее показывают привлекательность растущего сектора услуг благодаря расширению местных рынков потребления.

В целом, страны АСЕАН приобрели важное значение в качестве пункта назначения корейских ПИИ: доля АСЕАН в общем инвестиционном потоке Кореи выросла примерно с 5% в 2001 году до 30% в 2010 году. С тех пор доля АСЕАН колеблется между 20 и 30%. Как и в случае с торговлей, в последнее время резкий рост ПИИ в АСЕАН в значительной степени обусловлен притоком инвестиций в одну страну — Вьетнам [OECD].

Увеличение потоков корейских ПИИ в АСЕАН отражает стратегию корейских компаний по перемещению производства для поддержания конкурентоспособности, а также для усиления взаимодополняемости между регионами. Несколько корейских компаний действительно решили переместить производство из Китая во Вьетнам в ответ на целый ряд факторов (рост затрат на рабочую силу и ужесточение политического контекста). Решение Samsung выбрать Вьетнам в качестве альтернативного места производства, принятое в 2013 году, было основано на предполагаемой привлекательности страны в качестве производственной базы. В результате в 2014 году объем производства корейской продукции во Вьетнаме превысил отметку в 1 миллиард долларов США. На сегодняшний день Samsung является крупнейшим иностранным инвестором во Вьетнаме с инвестициями на общую сумму 17 миллиардов долларов США [Moon 2019: 75–80]. Другие компании сделали аналогичные расчеты; например, Hyundai Motor увеличила производство автомобилей во Вьетнаме, приостановив производственную линию в Пекине. Более того, Вьетнам стал и точкой реэкспорта продукции — так, запчасти автомобилей, производимые на линиях во Вьетнаме, реэкспортируются и в Российскую Федерацию, что потенциально уменьшает издержки производства, учитывая благоприятный торговый климат РФ и СРВ, а также относительно низкие затраты на вьетнамскую рабочую силу с учетом ее постоянно растущей квалификации.

Кризис, связанный с Covid-19, вероятно, еще больше усилит эту тенденцию, поскольку участие в диверсификации цепочек добавленной стоимости и, в более общем плане, экономических партнерств все чаще восприни-

мается как наилучший способ свести к минимуму риск будущих сбоях в торговле и повысить устойчивость цепочки поставок. Помимо производства, корейские компании традиционно активно развивают инфраструктуру — сектор, в котором они получили государственную поддержку. Однако главная проблема заключается в том, что корейские строительные компании, которые часто являются малыми и средними, как правило, в основном занимаются простым субподрядом с небольшой добавленной стоимостью. Хотя описанные до сих пор тенденции в целом отражают независимую деятельность частного сектора, государственная политика имела некоторое влияние. Соглашения о свободной торговле (ССТ), заключенные Кореей и ее южными партнерами, вероятно, способствовали расширению двусторонней торговли и инвестиций, хотя эта тенденция наблюдалась и до вступления в силу этих ССТ.

До недавнего времени основной формой государственного экономического вмешательства Кореи в АСЕАН была политика официальной помощи в целях развития. Корейская политика ОПР основана на двух отдельных инструментах: во-первых, Фонд экономического развития и сотрудничества (EDCF) и, во-вторых, Корейское агентство международного сотрудничества (KOICA). Политика льготных кредитов, за которую отвечает Министерство финансов, реализуется фондом EDCF, управляемым Корейским импортно-экспортным банком (KEXIM). Политика предоставления грантов определяется Министерством иностранных дел, а затем реализуется KOICA. Правительство Кореи сильно заинтересовано в развитии отношений с АСЕАН и в оказании помощи менее развитым странам. Шесть стран АСЕАН входят в число приоритетных партнеров Кореи — Лаос, Мьянма и Вьетнам, Индонезия и Филиппины. Среди этих стран Вьетнам получает львиную долю, в среднем около 44% корейской ОПР в АСЕАН за последнее десятилетие. То же самое относится и к финансированию EDCF: по состоянию на 31 декабря 2019 года на Вьетнам приходилось 18,4% от общего объема выданных Кореей кредитов, опережая Бангладеш, Филиппины, Камбоджу и Мьянму. Что касается деталей деятельности, то корейская ОПР в АСЕАН сегодня сосредоточена на проектах в области инфраструктуры и устойчивого развития [Korea Eximbank].

Цифры, касающиеся торговли и инвестиций, отражают состояние дел до внедрения Новой Южной Политики и отражают долгосрочные тенденции. Из этих наблюдений вытекают следующие выводы.

За исключением ОПР роль правительства до сих пор оставалась ограниченной в поддержке расширения экономических связей между Кореей и АСЕАН. Экономическое присутствие и активность Кореи в АСЕАН

не являются чем-то новым, но в первую очередь это результат инициатив частного сектора, когда крупные корейские компании все больше инвестируют в регион, чтобы воспользоваться благоприятными условиями для бизнеса и уменьшить свою зависимость от Китая. В результате до сих пор экономическое присутствие Кореи в регионе не является результатом хорошо структурированного подхода. Более того, ключевая роль, которую играет частный сектор, может в значительной степени объяснить, почему присутствие Кореи в АСЕАН сильно смещено в сторону одного партнера. Очевидно, с точки зрения правительства, есть пределы тому, чего могут достичь корейские компании, действуя самостоятельно. Таким образом, существует явная необходимость в той или иной форме государственного вмешательства для переориентации корейских потоков и достижения лучшего баланса. Среди прочего, это и есть цель, к которой стремится Новая южная политика. Хотя инициатива может извлечь выгоду из уже существующих активов, чтобы быть успешно реализованной, ей необходимо привнести некоторую добавленную стоимость.

Одной из главных целей Новой южной политики в ее экономическом измерении является стремление уменьшить то, что воспринимается как чрезмерная экономическая зависимость Кореи от Китая. С точки зрения правительства Кореи, риск, связанный с такой зависимостью, был подчеркнут в 2017 году, когда после развертывания Кореей системы противоракетной обороны Терминальной высотной зоны (THAAD) Китай начал кампанию против корейских экономических интересов. Асимметрия в двусторонних отношениях сделала Корею особенно уязвимой. На момент возникновения спора на долю Китая приходилось примерно 25% корейского экспорта товаров и услуг, в то время как Корея была источником всего 10% китайского импорта товаров и не входила в число ведущих поставщиков услуг на материке.

Еще одна важная цель правительства Кореи — помочь компаниям участвовать в проектах по развитию инфраструктуры в АСЕАН. С этой целью президент Мун в 2018 году учредил Корейское сотрудничество по поддержке развития городов в области зарубежной инфраструктуры (KIND). Проект является государственным, роль которого заключается в содействии государственно-частному партнерству на международном уровне и поддержке корейских компаний на всех этапах реализации проекта.

С этой целью Корея планирует создать новый фонд на сумму 1,5 трлн. вон (1,2 млрд. долларов США), так называемый Глобальный фонд предприятий, инфраструктуры и умных городов (PIS) для поддержки экспорта

корейскими компаниями технологий умных городов. Страны АСЕАН и Корея уже заключили 23 партнерства в области развития умных городов с момента запуска Сети умных городов АСЕАН (ASCN) в 2018 году [Yoon 2020: 1–3].

Вместо явного субсидирования правительство Кореи сделало выбор в пользу косвенной поддержки посредством переговоров и реализации различных торговых соглашений (ССТ или Всеобъемлющих соглашений об экономическом партнерстве — СЕРА). В дополнение к соглашению о свободной торговле РК-АСЕАН, действующему с 2007 года, Корея заключила соглашение СЕРА с Индонезией и ведет переговоры с Филиппинами. Реализация соглашения, несомненно, будет способствовать дальнейшему укреплению торговых и инвестиционных отношений между Кореей и АСЕАН.

Дорожная карта Новой Южной политики Республики Корея действительно укладывается в стратегию экономического сотрудничества в формате АСЕАН + 3 в парадигме новых вызовов региона юго-восточной Азии и ставит несколько экономических целей с точки зрения торговли или инвестиций. Однако несмотря на то, что достижение цели в 200 миллиардов долларов США для торговли между АСЕАН и Кореей представляется относительно реализуемым, учитывая ранее существовавшую динамику, другие цели могут быть более комплексными и потребовать мобилизации финансовых средств. Так, на данный момент не так много сделано для исправления однобоких экономических отношений в пользу Вьетнама, чтобы способствовать расширению деятельности корейских компаний с более высокой добавленной стоимостью.

Что касается Российской Федерации, то успешная имплементация Новой Южной политики и сбалансирование торговых отношений РК и АСЕАН без существенного перекоса в сторону СРВ позитивно повлияет и на положение России в регионе. На данный момент наблюдается определенная конкуренция интересов на вьетнамском рынке, где российские и корейские компании конкурируют за одних и тех же потребителей или за проекты в одних и тех же отраслях. Россия традиционно является сильным партнером Вьетнама, и повышенная активность корейских компаний может вызывать оттягивание ресурсов. Реализация Новой Южной политики может решить данную проблему и способствовать диверсификации деятельности корейской стороны.

Таким образом, Новая Южная политика является экономически оправданной стратегией и может существенно повлиять на позитивное развитие экономических отношений Республики Корея и стран АСЕАН в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nicolas F. The Economic Pillar of Korea's New Southern Policy: Building on Existing Assets// *Asie.Visions*. 2021 No. 120. P. 4–26.
2. Moon, Han, Ryu. 한국의 아세안 투자 특성과 시사점: 해외 자회사 활동과 모기업 자료를 연계한 분석(Characteristics and Implications of Korea's Investment in ASEAN: an Analysis Linking Foreign Subsidiary Activities and Parent Data)// *세계지역전략연구*. 2019. Vol. 19. No. 09
3. Yoon. Korea's New Southern Policy: Progress, Problems and Prospects// *Asia Pacific Bulletin, East-West Center*. 2020 No. 513
4. Korea Eximbank. Режим доступа: URL: <https://stats.koreaexim.go.kr/en/enMain.do> (дата обращения: 20.11.2021)
5. OECD. Режим доступа: URL: <https://stats.oecd.org/> (дата обращения: 20.11.2021)
6. UN Comtrade. Режим доступа: URL: <https://comtrade.un.org/> (дата обращения: 20.11.2021)

© Колесникова Александра Валерьевна (alexakolesnikova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ВЗАИМУВЯЗКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТИМУЛИРУЮЩИХ ВЫПЛАТ РАБОТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ ВВЕДЕНИИ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА

INTERCONNECTION OF PERFORMANCE INDICATORS AND INCENTIVE PAYMENTS OF STATE AND MUNICIPAL SOCIAL INSTITUTIONS

N. Konyukova

Summary. The development of incentive payments and the prospects of their application in state and municipal institutions of various branches of the social sphere are considered. The analysis of methodological materials for determining the performance indicators of state and municipal institutions, regulations on incentive payments is carried out. It is proposed that when applying incentive payments, the main attention should be paid to their interconnection with the performance indicators of institutions.

Keywords: performance indicators, incentive payments, evaluation criteria, disaggregated indicators, education, health, culture.

Конюкова Наталья Ивановна

*К.э.н., доцент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, РФ, г. Новосибирск
konukovani@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрено развитие стимулирующих выплат и перспективы их применения в государственных и муниципальных учреждениях различных отраслей социальной сферы. Проведён анализ методических материалов по определению показателей эффективности государственных и муниципальных учреждений, положений о выплатах стимулирующего характера. Предложено при применении стимулирующих выплат основное внимание уделять их взаимосвязке с показателями эффективности деятельности учреждений.

Ключевые слова: показатели эффективности деятельности, стимулирующие выплаты, критерии оценки, дезагрегированные показатели, образование, здравоохранение, культура.

На современном этапе государственная политика нацелена на поступательное развитие экономики. Национальные проекты «Цифровая экономика», «Малое и среднее предпринимательство», «Наука» направлены на ускорение экономического роста и технологическое переоснащение российской экономики. Национальные проекты «Образование», «Здравоохранение», «Культура» имеют целью улучшение качества жизни граждан, повышение их благосостояния. Поставленные в национальных проектах цели требуют решения конкретных задач по определенным направлениям. Решение задач во многом обусловлено эффективностью деятельности работников учреждений.

Цель работы — на основе анализа развития стимулирующих выплат определить перспективы их применения в государственных и муниципальных учреждениях различных отраслей социальной сферы. Задачами является рассмотрение методических материалов по определению показателей эффективности государственных и муниципальных учреждений, положений о выплатах стимулирующего характера, а также

определение перспектив развития стимулирующих выплат и их взаимосвязка с показателями эффективности деятельности учреждений.

Информационную базу, проведенного исследования, составили материалы, собранные в процессе участия в программе «Подготовка управленческих кадров в сфере здравоохранения, образования и культуры», где рассматривалась, в том числе, практика применения стимулирующих выплат в учреждениях социальной сферы.

Стимулирующие выплаты по своей структуре неоднородны. Наибольший интерес, с точки зрения достижения поставленных целей, имеет стимулирующая выплата за результат. Возможность ее применения в отраслях социальной сферы (в первую очередь в образовании и здравоохранении) появилась с переходом на новую систему оплаты труда (2008 год). Стимулирующие выплаты за результат до введения новой системы оплаты труда в общем образовании и здравоохранении не применялись.

Выделение в структуре заработной платы стимулирующих выплат в государственных и муниципальных учреждениях обусловило необходимость разработки соответствующих методических рекомендаций профильными министерствами. Для образовательных учреждений методические рекомендации разрабатывались Министерством образования РФ, для учреждений здравоохранения Министерством здравоохранения РФ, для учреждений культуры Министерством культуры РФ. Подходы и методы, а также степень детализации вопросов в рекомендациях различных министерств существенно образом отличаются.

Методические рекомендации, подготовленные Министерством образования РФ включают два основных раздела [1]. Это показатели результативности работы руководителей и педагогов. Раздел первый охватывает примерные направления, в рамках которых будут определены конкретные показатели результативности и критерии в соответствии с которыми будет оцениваться работа руководителей. Раздел второй, соответственно, включает направления, в рамках которых будут определены конкретные показатели результативности и критерии по которым будет оцениваться работа педагогов.

Для педагогов общего образования такими направлениями определены: реализация дополнительных проектов, изучение и анализ достижений обучающихся, постоянный контакт с родителями обучающихся по результатам проведенного анализа, взаимодействие с детьми и родителями из социально неблагополучных семей, участие педагогов в различных проектах, а также в оформлении кабинетов, школьных музеев. Стимулирующая часть фонда оплаты труда распределяется образовательной организацией самостоятельно с учетом результатов деятельности педагога по конкретным направлениям. Конкретные показатели результативности в рамках представленных направлений и критерии для начисления стимулирующих выплат образовательные организации также определяют сами.

Как показал опрос руководителей образовательных организаций, определение конкретных показателей эффективности и их привязка к стимулирующим выплатам, часто вызывает у них затруднение. Многие отмечали необходимость более детальных рекомендаций по организации этого процесса.

Методические рекомендации Министерства здравоохранения носят более конкретный характер и распространяются на амбулаторно-поликлинические учреждения, детские и взрослые стационары, обособленные подразделения скорой медицинской помощи и другие [2]. Методические рекомендации включают показатели

и индикаторы оценки результатов деятельности учреждения, его руководителя, а также отдельных категорий работников: врача-терапевта участкового, врача ОВП, врача педиатра и других.

Для врача-терапевта участкового и врача ОВП предусмотрено восемь показателей эффективности деятельности, по каждому показателю установлены критерии достижения и баллы, которые можно получить при достижении этого критерия. Показатель «выполнение государственного заказа» может быть выполнен на 100 процентов, полученный балл при этом три, от 95 процентов до 100, полученный балл — один, от 90 до 95 процентов — баллы не начисляются. Показатель «удовлетворенность качеством оказанной медицинской помощи», если 50 процентов и более опрошенных удовлетворены, то начисляется один балл, если менее 50 процентов опрошенных удовлетворены, то баллы по этому показателю не начисляются. Таким образом идет определение баллов по всем показателям и рассчитывается общая сумма баллов за выполнение всех показателей. Определение баллов предусмотрено ежемесячное.

Предусмотрены случаи, когда стимулирующие выплаты не начисляются. Среди них дисциплинарное взыскание, обнаружение взимания денежных средств за медицинскую помощь, которая должна предоставляться бесплатно.

Распределение стимулирующих выплат рекомендовано осуществлять комиссией, состоящей из двух уровней.

Комиссия на уровне структурного подразделения включает заведующего отделением, старшую медицинскую сестру, председателя первичной профсоюзной организации. Она оценивает выполнение показателей работы персонала структурного подразделения и знакомит работников с оценкой их труда.

Комиссия на уровне организации включает руководителя, представителей экономических служб организации, отдела кадров, профкома. Комиссия определяет стимулирующие средства подразделений организации, величину премии работникам, не входящим в структурные подразделения, а также руководящему составу.

Предусмотрено, что при распределении стимулирующих выплат можно применять различные методические подходы, как вариант, предлагается балльный метод оценки результата.

Размер стимулирующей выплаты работника определяется умножением стоимости одного балла на количе-

ство баллов, набранных работником и на повышающий коэффициент соответствующей категории работников. Стоимость одного балла определяется путем деления фонда стимулирующих выплат на максимальную сумму баллов по учреждению. Повышающие коэффициенты призваны показать значимость той или иной категории персонала с точки зрения достигаемого результата. По врачам повышающий коэффициент — 3, по среднему персоналу — 2, по младшему персоналу — 1.

Методические рекомендации Министерства здравоохранения адресованы органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления для разработки показателей эффективности деятельности подведомственных учреждений.

Министерство культуры также разработало Методические рекомендации по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности государственных (муниципальных) учреждений в сфере образования, их руководителей и отдельных категорий работников [3]. Дополнительно разработаны Методические рекомендации по взаимосвязке системы отраслевых показателей эффективности деятельности в сфере культуры от федерального уровня до конкретного учреждения и работника, Примерное положение о выплатах стимулирующего характера (премии) по итогам выполнения показателей эффективности деятельности работника государственного (муниципального) учреждения культуры за отчетный период (месяц, квартал, год), а также подготовлен примерный порядок дезагрегирования показателей эффективности деятельности по типам учреждений культуры в показатели эффективности деятельности основных категорий работников.

Показатели эффективности разработаны для каждого типа учреждений культуры: общедоступные (публичные) библиотеки, музеи, театры, организации культурно-досугового типа, парки культуры и отдыха, цирки и цирковые коллективы, зоопарки, концертные организации, самостоятельные коллективы, производство, прокат и показ фильмов, радиовещание и телевидение, архивы, прочие учреждения стационарного и передвижного характера.

Взаимосвязка системы отраслевых показателей эффективности деятельности в сфере культуры от федерального уровня до конкретного учреждения и работника осуществляется через дезагрегирование показателей эффективности.

Рекомендуемые показатели результативности деятельности для общедоступных (публичных) библиотек

в основном ориентированы на количественные результаты работы. Это количество зарегистрированных пользователей, объем фонда библиотеки, количество обращений в библиотеку в определенном периоде, количество новых поступлений в библиотечный фонд, количество изданий в библиотеке в расчете на одного жителя, количество отреставрированных документов, количество справок, консультаций для пользователей.

Отдельно выделены показатели, связанные с цифровыми технологиями. Это количество новых поступлений на электронных носителях, количество справок, консультаций для пользователей в виртуальном режиме, количество оцифрованных документов, включенных в состав электронной библиотеки, количество записей электронного каталога и других баз данных, создаваемых библиотекой, количество записей, переданных библиотекой в Сводный электронный каталог библиотек России, количество посещений Интернет-сайта библиотеки (количество обращений в стационарном и удаленном режиме пользователей к электронным информационным ресурсам библиотеки) (единиц).

Достижение тех или иных показателей зависит от результативности деятельности определенных категорий работников. Поэтому используется подход, при котором показатели деятельности организации доводятся до той или иной категории работников. То есть показатели эффективности учреждения дезагрегируются до показателей эффективности деятельности основных категорий библиотечных работников.

Рассмотрим в качестве примера дезагрегирование одного из установленных показателей эффективности деятельности библиотек. Определив показатель, выделяют должности, от деятельности которых зависит его достижение и закрепляют за данной должностью индивидуальные показатели в рамках общих показателей эффективности. Например, показатель «объем фонда библиотеки». Должности, которые влияют на достижение данного показателя это эксперт по комплектованию библиотечного фонда, специалист по учетно-хранительской документации, специалист по превентивной консервации библиотечных фондов, специалист по массовой консервации библиотечных фондов. Далее устанавливаются показатели для каждой категории работников в рамках общих показателей эффективности. Для эксперта по комплектованию библиотечного фонда это прирост фонда библиотеки, для специалиста по учетно-хранительской документации это прирост фонда библиотеки по инвентарной книге, для специалиста по превентивной консервации библиотечных фондов — количество экземпляров книг и других предметов хранения, подлежащих превентивной

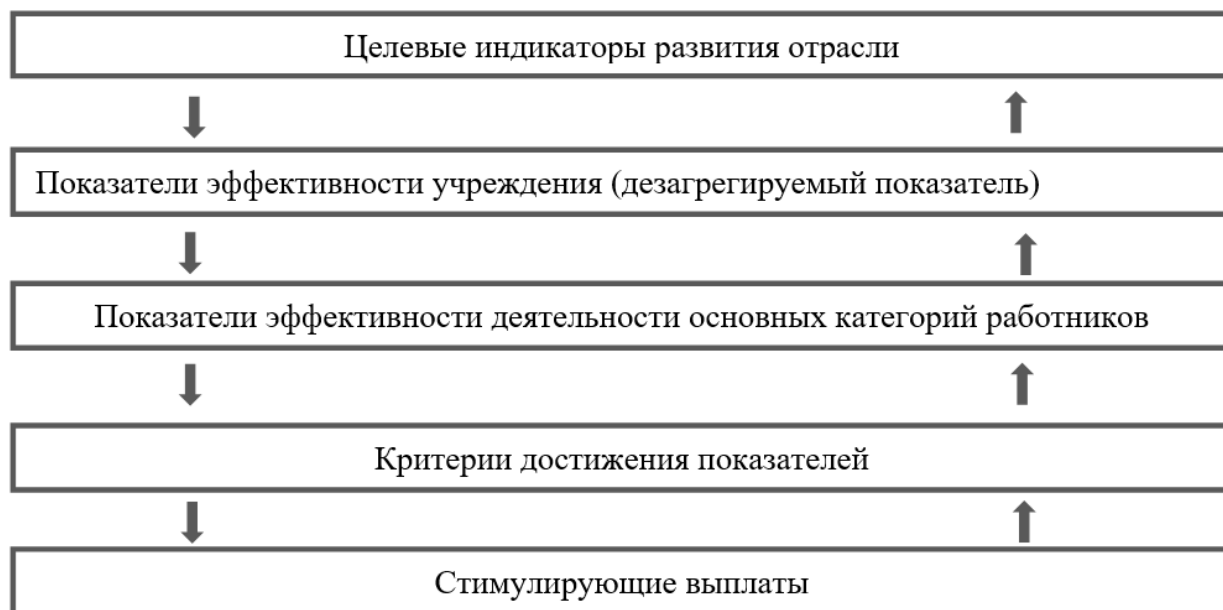

Рис. 1. Взаимосвязка показателей эффективности учреждения и стимулирующих выплат основных категорий работников

консервации, для специалиста по массовой консервации библиотечных фондов в качестве показателя установлено количество экземпляров книг и других предметов хранения, подлежащих массовой консервации.

Работая над выполнением индивидуальных показателей, работник тем самым вносит свой вклад в достижение общих для всей организации показателей эффективности.

Приведенный подход используется при определении показателей для каждого типа учреждений культуры. Для музеев, в частности, рекомендуемые показатели результативности деятельности также в основном ориентированы на количественные результаты работы. Это количество предметов, поступивших в музейное собрание в результате выполнения работ по выявлению и собиранию музейных предметов и музейных коллекций, количество музейных предметов, прошедших регистрацию в инвентарных книгах фондов, количество музейных предметов, прошедших поколлекционную сверку наличия, количество музейных предметов, требующих реставрации в текущем году/количество отреставрированных музейных предметов, количество посетителей экспозиций и выставок в музее.

Отдельно выделены показатели, связанные с применением цифровых технологий. Это количество изображений и описаний музейных предметов и музейных коллекций, внесенных в электронную базу данных музея, количество посещений Интернет-сайта музея.

Ещё одна группа показателей связана с выставочными проектами музеев. Это доля опубликованных музейных предметов во всех формах (публичный показ в экспозиции или на выставках музея, научные публикации, предоставление музейных предметов на выставки других музеев, воспроизведение в печатных изданиях, на электронных и других видах носителей, в том числе в виртуальном режиме) в общем количестве музейных предметов основного фонда, количество экспонируемых музейных предметов, количество выставок (выставочных проектов) музея.

Далее показатели эффективности деятельности учреждения дезагрегируются в показатели деятельности основных категорий музейных работников. Например, показатель «количество предметов, поступивших в музейное собрание в результате выполнения работ по выявлению и собиранию музейных предметов и музейных коллекций». Должности, которые влияют на достижение данного показателя это научный сотрудник, хранитель музейных предметов, специалист по учету музейных предметов. Показатели для каждой категории работников в рамках общих показателей эффективности. Для научного сотрудника это доля музейных предметов, получивших описание из поступивших в музейное собрание, для хранителя музейных предметов — доля музейных предметов, поступивших в сферу обслуживания работника с учетом сложности музейных предметов, для специалиста по учету музейных предметов таким показателем является доля учтенных музейных предметов и музейных коллекций от количества поступивших в музейное собрание.

Рекомендации Министерства культуры адресованы органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления для разработки показателей эффективности деятельности подведомственных учреждений.

Методический подход, используемый в рекомендациях Министерства культуры позволяет нацелить работников этой сферы на достижение показателей эффективности учреждения и отрасли в целом. Вместе с тем определив индивидуальные показатели для каждой категории работников различных типов учреждений культуры, не предложен алгоритм увязки стимулирующих выплат в зависимости от степени достижения данных показателей. Если посмотреть на рисунок 1, то рекомендации завершаются блоком «Показатели эффективности деятельности основных категорий работников».

Как показал проведенный нами анализ, отдельные регионы при разработке систем стимулирования подведомственных учреждений учитывали, разработанные Министерством социальной сферы рекомендации, не в полной мере. Многие руководители учреждений социальной сферы (образование, здравоохранение, культура), которые проходили повышение квалификации в СИУ РАНХиГС, отмечали, что не знакомы с рекомендациями и испытывают затруднение при распределении стимулирующих выплат. Обусловлено это, с нашей точки зрения, тем, что порядок и принципы распределения стимулирующих выплат в государственных и муниципальных учреждениях до последнего времени находились в ведении региональных и муниципальных органов власти, а разработанные министерствами положения и указания носили рекомендательный характер.

Изменения, внесенные в Трудовой кодекс РФ, позволяют Правительству Российской Федерации устанавливать порядок оплаты труда работников учреждений, оказывающих государственные (муниципальные) услуги, в том числе и стимулирующие выплаты [4]. Стимулирующие выплаты будут устанавливаться в соответствии с утверждаемым Правительством Российской Федера-

ции перечнем выплат, размерами и условиями их назначения.

Стимулирующими являются выплаты за интенсивность и высокие результаты работы, за стаж непрерывной работы, за качество выполняемых работ, а также премиальные выплаты по итогам работы [5].

Важным является не только определить перечень стимулирующих выплат, но и особое внимание уделить условиям их назначения. В первую очередь это касается премиальных выплат по итогам работы, а именно стимулирующих выплат за результат. Министерствами социальной сферы накоплен опыт по разработке показателей эффективности и систем стимулирования за их достижение. Необходимо изучить, обобщить этот опыт и лучшие практики использовать в дальнейшей работе.

Значимым является методический подход, предложенный Министерством культуры, по дезагрегированию показателей эффективности деятельности учреждений в показатели деятельности основных категорий работников. Он позволяет реализовать взаимосвязку показателей эффективности деятельности учреждения и стимулирующих выплат основных категорий работников. Не менее интересным является алгоритм расчета стимулирующих выплат, предложенный Министерством здравоохранения. Компиляция лучших практик и новые подходы позволят выработать механизм, который спроецирует результаты развития отдельных отраслей в показатели результативности деятельности отдельных учреждений и работников. Даст учреждениям социальной сферы простой и понятный способ увязки величины стимулирующих выплат каждого отдельного работника с результатами его работы, которые нацелены на достижение показателей эффективности учреждения и отрасли в целом.

Взаимосвязка показателей эффективности деятельности учреждения и стимулирующих выплат основных категорий работников в условиях введения единой системы оплаты труда усилит заинтересованность руководителей и работников учреждений в достижении показателей эффективности учреждения, и, как следствие, достижении целей развития отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методические рекомендации Минобрнауки России по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности государственных (муниципальных) учреждений в сфере образования, их руководителей и отдельных категорий работников (утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации 18 июня 2013 года). URL: <https://obraz.r45.tmbreg.ru/assets/files/doc/obraz/dokument/pokazateli-effektivnosti/metod%20rekommendacii.pdf> [дата обращения 07.12.2021]
2. Методические рекомендации по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных государственных (муниципальных) учреждений, их руководителей и работни-

- ков по видам учреждений и основным категориям работников (утв. приказом Минздрава России 28 июня 2013 г. № 421). URL: <https://docs.cntd.ru/document/499032957> [дата обращения 07.12.2021]
3. Методические рекомендации по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных учреждений культуры, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников (утв. приказом Министерства культуры России от 28 июня 2013 г. №920). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70327762/> [дата обращения 07.12.2021]
 4. Федеральный закон от 9 ноября 2020 г. №362-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011090012?index=0&rangeSize=1> [дата обращения 07.12.2021]
 5. Методические рекомендации по формированию систем оплаты труда работников общеобразовательных организаций от 29.12.2017 N ВП-1992/02. URL: <http://docs.cntd.ru/document/556329656> [дата обращения 07.12.2021]

© Конюкова Наталья Ивановна (konukovani@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Новосибирск

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кулиева Вафа Чингиз кызы

Диссертант, Нахичеванский Государственный

Университет

vefaquliyeva96@gmail.com

MAIN INDICATORS IN FOOD SECURITY DETERMINATION

V. Guliyeva

Summary. The solution to the existing problem is possible by properly assessing and identifying the causes. For this reason, the article examines the measurement criteria that allow us to assess food security as a global problem. The indicators were analyzed against the background of different approaches to the concept of food security. As a result, possible directions have been identified to achieve sustainable and sustainable development in ensuring food security.

Keywords: food security, indicators, food shortages, food safety measurement criteria, global food safety index.

Аннотация. Решение имеющейся проблемы возможно при правильной оценке и выявлении причин. В связи с чем, в статье исследуются критерии измерения, позволяющие оценить продовольственную безопасность как глобальную проблему. Показатели анализировались на фоне разных подходов к концепции продовольственной безопасности. В результате были определены возможные направления достижения длительного и устойчивого развития в обеспечении продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, индикаторы, нехватка продуктов питания, критерии измерения продовольственного безопасности, глобальный индекс продовольственной безопасности.

С начала XX века войны, массовые уничтожения, экономические кризисы, быстрый рост населения по сравнению с предыдущим временем, разный уровень снабжения продовольствия между регионами, сокращение производства продовольствия и неравномерное распределение по регионам, а также изменения в производственных условиях привели к слабой адаптации ряда стран к новым структурам, к подчинению некоторых стран в управлении колониальных систем и неспособность эффективно использовать имеющиеся ресурсы, изменения вкусов и потребностей потребителей, а также другие факторы способствовали превращению продовольственной безопасности в глобальную проблему [1].

Продовольственная безопасность означает создание благоприятной социальной, экономической и экологической среды для безопасного доступа к основным продуктам питания с целью обеспечения активной и здоровой жизни для всех людей. Продовольственная безопасность на разных уровнях развития определяется по четырем параметрам: наличие, доступность,

индивидуальное потребление и стабильность как мера времени, влияющая на все уровни. [2]. Согласно концепции продовольственной безопасности, для обеспечения полного доступа к продуктам питания необходимо добиться неприкосновенности по четырем перечисленным параметрам. В некоторых экономических литературных источниках устойчивое развитие рассматривается как пятый критерий достижения продовольственной безопасности. Критерии измерения продовольственной безопасности в глобальном масштабе очень сложны и применяются или рассчитываются в различных формах в зависимости от показателей развития экономических систем.

Для измерения продовольственной безопасности на уровне домохозяйств используются пять показателей: частота питания, затраты на питание, потребительское поведение, самооценка и практические показатели. Следует отметить, что мировая экономика в настоящее время находится в критической ситуации с удовлетворением спроса на продукты питания. Среди целей, поставленных международными организациями, а также ПСО шесть лет назад, должна быть приме-

чаться полная ликвидация всех форм голода и недоедания в мире к 2030 году.

Тем не менее, текущее состояние мирового продовольственного рынка и уровень продовольственной безопасности населения доказывает, что в достижении этой цели нет значительного прогресса. Правильно оценена глобальная важность продовольственной проблемы на тот период и с оптимизмом отмечалось, что на счет систематических мер обеспечить безопасный доступ к безопасной питьевой воде и продуктам питания для всего населения мира к 2030 году.

Между тем, взгляд на соответствующий годовой отчет, опубликованный ПСО, показывает, что ряд непредвиденных событий снизили эффективность работы, проделанной в этом направлении. Программы, основанные на правильных трансформационных подходах, не принесли ожидаемых результатов. В отчете, опубликованном в 2021 году, говорится, что ущерб, нанесенный пандемией Covid-19 мировой экономике и мировому продовольственному рынку, втягивает человечество в одну из самых глубоких рецессий со времен Второй мировой войны. Замечены не только прогрессы в обеспечении продовольственной безопасности, наоборот в нынешней ситуации человечество находится под угрозой продовольственной безопасности уязвимых групп и детей [3].

Поскольку продовольственная безопасность — это многогранная концепция, ею можно управлять, используя множество переменных и критериев. Чтобы обеспечить продовольственную безопасность на глобальном уровне, правильностью всех критериев должно соблюдаться одновременно. В настоящее время критерии измерения продовольственной безопасности на международном уровне, следующие [4]:

1. Специфика — показатели должны быть четко сформулированы и учитывать специфические характеристики изучаемых территорий. После определения показателей следует принимать только те, которые имеют отношение к исследованию.
2. Должны быть измеримыми — данные должны быть надежными и доступными.
3. Достижимость — показатели должны быть легкими для получения и анализа. В этом контексте ПСО рассматривает состояние транспортной инфраструктуры и отдельных лиц.
4. Соответствие — должны отвечать на вопросы сторон, занимающих руководящую позицию в данной сфере.
5. Ограничение по времени — индикаторы должны быть получены в течение требуемого ограниченного периода времени.

База данных ПСО по безопасности пищевых продуктов определяет качество питательных микроэлементов и поставку продуктов питания, колебания в производстве продуктов питания и внешней торговли для обеспечения устойчивости, а также доступ к возможности для здоровья людей, питьевой воде и безопасным пищевым ресурсам для поддержания их средств к существованию.

Главный критерий продовольственной безопасности — доступность, что обозначает наличие достаточного количества пищи для всего населения мира. Адекватность, снабжение продовольствием и качество питательных микроэлементов контролируются путем оценки переменных потерь продовольствия, непосредственно связанных с производством, в соответствии с критериями доступности.

Наиболее широко используемым показателем для мониторинга критериев доступности является индекс «Уровня питания» ПСО. Этот показатель определяет долю населения, которая не может потреблять минимальное количество продуктов питания, необходимое для удовлетворения их повседневных потребностей. В отчете ООФИ за 2019 год указывается, что распространенность нехватки продовольствия составляет 10,8%. Хотя этот показатель широко используется на практике, он считается эффективным только в домашних хозяйствах, а также в местных исследованиях, поскольку он не может измерить качество питания. Из-за ограниченности информации сфера применения значительно сузилась за последние годы [5].

Ежегодно МНИИПП разрабатывает «Глобальный индекс голода» (ГИГ) для изучения и отслеживания уровня голода в 119 странах. Во время индексации страны классифицируются на основе соответствующих критериев. Баллы индекса рассчитываются с использованием трех базовых измерений равного веса и четырех различных показателей, которые представляют эти параметры. К ним относятся:

1. Доля населения с недостаточным потреблением калорий.
2. Соотношение слабости, роста и смертности детей до пяти лет.

Если мы посмотрим на результаты ГИГ за последние годы, то в глобальном масштабе уровень голода оценивается как «серьезный» в 43 странах и «тревожный» в 4 странах. Этот индекс не считается максимально подходящим для оценки из-за некоторых недостатков. Например, слабость и задержка роста — не только происходит от недоедания. Существует ряд географических, этнических или генетических факторов влияющее на это, а также на это влияет отсутствие надлежащего

медицинского обслуживания, семейное положение, социальное окружение и другие факторы. Индекс их не учитывает.

Еще одним критерием продовольственной безопасности является физический и экономический доступ к продовольствию. Исследование экономической доступности проводится по ВВП на душу населения по странам, а исследование физической доступности основывается на данных о логистической инфраструктуре. Меры доступа разрабатываются с показателем безопасности пищевых продуктов на основе анкет домохозяйств.

Кроме того, проводятся опросы по шкале безопасности пищевых продуктов, которая переведена на 200 языках. Первый, второй и третий вопросы на шкале указывают на «легкую», четвертый, пятый и шестой вопросы указывают на «умеренную», а седьмой и восьмой вопросы указывают на серьезное недоедание (т.е. уровень голода) [5].

С 2019 года ООФИ ежегодно рассчитывает и распространяет информацию о серьезной нехватке продовольствия. В прошлом году показатель глобального дефицита продовольствия составил 9,2%. Это соотношение составляло 22% в Африке и 7,8% в Азии, а в соседняя страна Турция имеет 5,73% [6]. Количество анализов и исследований, проводимых в этой области, в последнее время значительно увеличилось, и эти исследования позволяют нам изучить взаимосвязь между продовольственной безопасностью и демографическими и социально-экономическими характеристиками людей.

Исследования показывают, что уровень анализа и количество детей в семье оказывают значительное влияние на продовольственную безопасность и не связаны напрямую с уровнем экономического развития страны. Депрессия и психические расстройства также чаще встречаются в районах с плохой продовольственной безопасностью. Изучение теоретических и концептуальных основ продовольственной безопасности показывает, что наиболее важными детерминантами отсутствия продовольственной безопасности являются низкий уровень образования, ограниченные социальные ресурсы и проживание в стране с низким ВВП на душу населения. Другое исследование показало, что нехватка продуктов питания наиболее распространена среди мужчин, курильщиков, алкоголиков и молодежи [7].

С начала XXI века стали появляться новые подходы к продовольственной безопасности. Одна из них — концепция «устойчивой продовольственной системы».

Устойчивая продовольственная система означает продовольственную систему, которая обеспечивает продовольственную безопасность, но также обеспечивает устойчивость производства продуктов питания для будущих поколений без ущерба для экологических, экономических и социальных основ. Не исключено, что в ближайшее время на этом направлении могут возникнуть более опасные условия. Было подтверждено на международном уровне что изменение климата является угрозой для продолжительности продовольственной безопасности.

Однако эти два процесса взаимно развиваются и создают циклы. Таким образом, обеспечение продовольственной безопасности зависит от уровня развития сельскохозяйственного производства. В настоящее время только парниковые газы для сельскохозяйственного производства составляют 20–30% от общего объема эмиссий. Другими словами, так же, как изменение климата угрожает продовольственной безопасности, сельскохозяйственное производство тоже является фактором изменения климата. На фоне этих взаимных обменов и циклических процессов существует потребность в новых, комплексных и систематических подходах, направленных как на обеспечение продовольствием населения мира, так и на минимальное негативное воздействие на окружающую среду [8].

В результате можно предложить шесть решений для решения проблемы продовольственной безопасности и продовольственной нехватки и обеспечения устойчивого и всеохватного доступа к продовольствию для всех:

1. развитие в районах, затронутых конфликтом, интеграция гуманитарной и мирной политики;
2. повышение устойчивости к климату и сезонности в производстве продуктов питания;
3. повышение устойчивости экономично-уязвимых групп;
4. вмешиваться в цепочки поставок продуктов питания с целью удешевления основных продуктов питания;
5. бороться с бедностью и структурным неравенством, чтобы программы в этой области были всеобъемлющими;
6. укрепление пищевой среды и изменение поведения потребителей для стимулирования потребления продуктов питания, оказывающих положительное влияние на здоровье человека и окружающую среду.

Политические решения, инвестиции и комплексный законодательный пакет для обеспечения продовольственной безопасности позволят странам преобразоваться в систему продовольственной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туран О. Методы, используемые при оценке продовольственной безопасности: — 2012. — С. 102.
2. Пэнг В., Берри М.Э. Концепция продовольственной безопасности // Энциклопедия продовольственной безопасности и устойчивости. — 2019. — С. 1–7.
3. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. Преобразование продовольственных систем для обеспечения продовольственной безопасности, улучшения питания и доступного здорового питания для всех // Рим. — 2021. — С. 240.
4. Контрерас Э.М., Диуф А.А. Продовольственная безопасность // Центр Развития и Окружающей Среды. — 2019. — С. 438–550.
5. Вайнгертнер Л. Концепция продовольственной безопасности и безопасности питания // ВР I: Концепция СПП. — 2004. — С. 12–28.
6. Коч Г., Узмай А. Оценка по мониторингу и картированию глобальной продовольственной безопасности // Журнал УАМ по сельскому хозяйству. -2019. — Т.16. — No 2. — С. 237–244.
7. Мурадов А. Обеспечение продовольственной безопасности как важное условие человеческого развития // Материалы международной научно-практической конференции «Социально-экономические проблемы продовольственной безопасности». — 2011. — С. 2–8.
8. Гурбанзаде А. Модернизация продовольственного комплекса и проблемы устойчивого развития // Кооперация. — 2017. — С. 192.

© Кулиева Вафа Чингиз кызы (vefaquliyeva96@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нахичеванский Государственный Университет

ИННОВАЦИИ БАНКОВСКОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

INNOVATIONS
IN BANKING BUSINESS IN RUSSIA*E. Metreveli*

Summary. Within the framework of this article, an analysis of different approaches to understanding banking innovations is carried out. The stages of development of banking innovations and their implementation in the Russian banking business are systematized and summarized. Based on data from foreign studies, the most promising banking innovations in our country are highlighted.

The study outlines the main characteristics of the current stage of development of the Russian banking sector, characterized as a stage of research and implementation of innovative products in the banking sector.

Keywords: innovations, innovative products, newest technologies, commercial bank, banking innovations.

Метревели Елизавета Георгиевна

*Преподаватель, Московский промышленно-экономический колледж РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Москва
metrevelieg@yandex.ru*

Аннотация. В рамках настоящей статьи проведён анализ разных подходов к пониманию банковских инноваций. Систематизированы и обобщены стадии разработки банковских инноваций и их внедрения в российском банковском бизнесе. На основе данных иностранных исследований выделены наиболее перспективные банковские инновации в нашей стране.

В ходе исследования обозначены основные характеристики нынешнего этапа развития российского банковского сектора, характеризующегося в качестве этапа исследований и внедрения инновационных продуктов в банковский сектор.

Ключевые слова: новшества, инновационные продукты, новейшие технологии, коммерческий банк, банковские инновации.

Банковская система постоянно развивается и совершенствуется. Современный этап её развития характеризуется протеканием в условиях финансового кризиса и жёсткой конкуренции. Успешное формирование отечественного банковского сектора возможно при непрерывной реализации политики инноваций. В настоящее время использование инновационных технологий и инноваций выступает ключевым условием и предпосылкой устойчивого экономического развития, конкурентоспособности и стабильности коммерческих банков.

Изменения в экономике происходят очень стремительно. Соответственно, экономическая система функционирует в условиях высокого риска и жёсткой конкуренции. Это основные факторы, заставляющие банки и кредитно-финансовые учреждения повышать уровень конкурентоспособности и развивать свой бизнес.

В попытках не только выжить в условиях усиливающейся конкуренции, но и не выпасть из современных мировых тенденций, многие российские кредитно-финансовые учреждения и экономические структуры создают управленческие и экономические механизмы, способствующие внедрению в их деятельность дости-

жений науки и техники (инновационных технологий и инноваций). Это свидетельствует о понимании важности инноваций.

Глобализация мировой экономики стала причиной кардинальных перемен в развитии финансового рынка в целом. В итоге коммерческие банки и кредитно-финансовые учреждения встали на путь инновационного развития. Эти же процессы подняли целый пласт актуальных научных задач, обладающих высоким прикладным значением для российской экономики. К числу таких задач относятся:

- ♦ проведение аналитической оценки перспектив дальнейшего инновационного развития коммерческих банков;
- ♦ внедрение инноваций и инновационных технологий в российском банковском секторе;
- ♦ разработка методов создания инновационного пространства в банковском секторе.

Постоянные инновационные преобразования мировой и отечественной экономики обуславливают необходимость в постоянном уточнении методологических вопросов создания инновационного пространства в российском банковском секторе.

Учитывая невысокую инновационную активность российских экономических структур и коммерческих банков, существует объективная потребность в создании механизмов, которые направляли бы инновационное формирование и развитие коммерческих банков за счёт создания инновационного пространства, способствующего эффективной инновационной деятельности.

Экономисты и представители других наук понимают под инновациями следующее:

- ◆ принципиально новый подход к социальным услугам;
- ◆ улучшенный или новый продукт;
- ◆ улучшенный или новый технологический процесс.

Обобщив подходы, представленные в научной литературе, можно выделить несколько значений термина «инновации». Так, этот термин используется для обозначения инновационных систем менеджмента качества обслуживания и мониторинга кредитных рисков банка; банковских продуктов, кардинально отличающихся от существовавших до этого; новых организационных структур; инновационных банковских технологий; освоения новых рынков благодаря расширению географического присутствия банка, а также посредством расширения продуктовой линейки.

Всем указанным элементам концепции инноваций в российском банковском секторе присуща одна общая характерная черта, характеризующая с позиции применимости ко всем видам нововведений в банковском операционном процессе, положительно сказывающихся на управлении (в стратегическом или экономическом плане). Выделим несколько видов таких эффектов:

- ◆ повышение инвестиционной привлекательности банка;
- ◆ снижение затрат на совершение банковских операций;
- ◆ повышение лояльности клиентов;
- ◆ расширение базы клиентов;
- ◆ увеличение показателей продаж;
- ◆ расширение своей доли на рынке;
- ◆ увеличение конкурентоспособности на финансовом рынке.

Инновации в целом и банковские инновации в частности характеризуются такими основными качествами: коммерческая реализуемость, прогрессивность, научно-техническая новизна, способность к коммерциализации.

Важно понимать, что сегодня одних только банковских инноваций для развития сектора недостаточно.

Нужно ещё сформировать соответствующее инновационное пространство, в котором развитие будет идти ускоренными темпами. Только таким образом можно приблизиться к мировому уровню развития.

Обзор научных исследований, посвящённых управлению инновациями в бизнес-деятельности, позволяет сделать вывод, что во многих российских коммерческих банках высшее руководство стремится решать текущие операционные проблемы. Стратегическому развитию при этом уделяется необоснованно мало внимания. Динамика инновационных процессов в небольшой степени зависит от того, как поставлена работа банковских работников. Также немаловажным значением обладает организация труда, в основу которой положены консервативные традиционные принципы, сложившиеся в отечественном банковском секторе. В настоящее время качество управления в российских коммерческих банках не всегда находится на высоком уровне. Это отрицательно сказывается на эффективности и скорости развития всего банковского сектора. Поэтому очень важно принять меры по реформированию системы менеджмента коммерческими банками. Только так можно приблизиться к мировому уровню.

Проанализировав научные источники, можно обозначить несколько основных этапов эффективного управления инновационным процессом и инновационной стратегией в коммерческих банках:

1. Этап первый: мониторинг внутренней и внешней среды коммерческого банка. На этом этапе выявляются потребности в изменении банковских операций и внедрении инновационных технологий.
2. Этап второй: разработка программы и стратегии изменений.
3. Этап третий: создание условий для инновационной деятельности банковских работников и оказание всей необходимой поддержки.

Сегодня существует два направления в инновационном развитии банковского сектора России:

1. Первое направление заключается в поиске и разработке новых, ранее неизвестных организационных методов стратегического менеджмента, базирующихся на инновационном подходе.
2. Вторым подходом предполагается постепенная трансформация банков в посреднические финансовые структуры (предоставление более широкого спектра традиционных и нетрадиционных услуг, включая услуги страхования, лизинга, траста, консультирования и др.).

Итак, можно с уверенностью утверждать, что инновации в банковской сфере и непрерывное повышение

инновационного потенциала обеспечивают повышение конкурентности российских торговых отношений в ближайшем будущем и возможности занятия достойного места в глобальном финансовом секторе. Именно такой вывод следует из обобщения вышеприведённых специфических особенностей реализации инновационной политики в банковском секторе России.

В завершение следует сказать о том, что внедрение инноваций в банковском секторе способно обеспечить

устойчивый экономический рост банков и их стабильную работу.

В настоящее время успех банковского дела всё в большей степени зависит от инновационной деятельности, ведь создать конкурентные преимущества для банка и обеспечить оказание услуг высокого качества можно только при условии внедрения инновационных продуктов и использования инновационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альберт В.А. Тенденции и реалии инновационного развития банковского сектора // *Фундаментальные исследования*. — 2018. — № 4. — С. 123–130.
2. *Банковский менеджмент: Учебник* / под ред. Я.Ю. Радюкова, О.Н. Чернышова, А.Ю. Федорова. — М.: ИНФРА-М, 2020. — 379 с.
3. Безуглый Э.А. Банковская инновация как процесс модернизации деятельности банка // *Успехи современной науки и образования*. — 2016. — № 3. — С. 26–27.
4. Викулов В.С. Инновационная деятельность кредитных организаций // *Менеджмент в России и за рубежом*. — 2015. — № 1. — С. 23–29.
5. Дьячков М.Н. Понятие и сущность банковских инноваций // *Экономические науки*. — 2015. — № 10. — С. 36.
6. Еремина В.В. Банковские инновации и направления их развития в РФ // *Финансы и кредит*. — 2017. — № 5. — С. 54–60.
7. Иванов Л.Р. К вопросу о банковских инновациях // *Финансы и кредит*. — 2016. — № 4. — С. 70–75.
8. Кондрашов В.А. Тенденции развития банковских инноваций в современной России // *Российское предпринимательство*. — 2017. — № 8 (206). — С. 101–105.
9. Семагин И.А. Теоретические основы банковских инноваций // *Экономические науки*. — 2017. — № 10 (71). — С. 254–258.

© Метревели Елизавета Георгиевна (metrevelieg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КЛАСТЕРОВ НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

THE HISTORY OF THE EMERGENCE OF AGRICULTURAL CLUSTERS ON THE EXAMPLE OF WESTERN EUROPE

Yu. Mindlin

Summary. Clusters and the spatial concentration of economic development are topics that have come up more and more in recent discussions of social and economic history. This article aims to foster an interdisciplinary intersection of theories and ideas between economic geographers and historians and focuses on the development of several agribusiness industries (dairy, horticulture, olive oil and agricultural machinery) in Southwest and Northwest Europe over the past two centuries. These five case studies reveal and analyze the links and interdependencies between economic agents, knowledge institutions and government in the agri-food chain.

This analysis leads to four main conclusions. First, not only natural conditions, but also other economic determinants, such as easy access to markets, played an important role in the formation of regional economic clusters. Social and cultural ties between individuals and organizations, which formed over time and were associated with geographic proximity, were also important. Second, governments, entrepreneurs and stakeholders, which are deeply rooted in the history of the region, have often collaborated and spurred cluster development through regulatory frameworks, educational and scientific policies. Third, not only consensus, but also disagreement and competition can contribute to the clustering of economic activity. Finally, understanding the importance of linkages between clusters and actors outside the region requires a multiscale perspective.

Keywords: agricultural clusters, agribusiness, farms, regional economy.

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru*

Аннотация. Кластеры и пространственная концентрация экономического развития — это темы, которые все чаще и чаще всплывают в последних дискуссиях по социальной и экономической истории. Эта статья призвана способствовать междисциплинарному пересечению теорий и идей между экономико-географами и историками и фокусируется на развитии нескольких отраслей агробизнеса (молочная промышленность, садоводство, оливковое масло и сельскохозяйственная техника) в Юго-Западной и Северо-Западной Европе в течение последних двух столетий. Эти пять тематических исследований раскрывают и анализируют связи и взаимозависимости между экономическими субъектами, институтами знаний и государством в агропродовольственной цепочке.

Этот анализ приводит к четырем основным выводам. Во-первых, в формировании региональных экономических кластеров большую роль играли не только природные условия, но и другие экономические детерминанты, такие как легкий доступ к рынкам. Социальные и культурные связи между отдельными людьми и организациями, которые формировались с течением времени и были связаны с географической близостью, также были важны. Во-вторых, правительства, предприниматели и заинтересованные организации, которые прочно укоренились в истории региона, часто сотрудничали и стимулировали развитие кластеров с помощью нормативно-правовой базы, образовательной и научной политики. В-третьих, не только консенсус, но и разногласия и конкуренция могут способствовать кластеризации экономической деятельности. Наконец, для понимания важности связей между кластерами и субъектами за пределами региона необходимы многомасштабные перспективы.

Ключевые слова: сельскохозяйственные кластеры, агробизнес, фермерские хозяйства, региональная экономика.

Влияние промышленной революции на сельское хозяйство привело к появлению новых методов переработки сырья: ручные технологии производства были заменены механическими технологиями, приводимыми в движение паром. В результате финансовые и организационные связи между сельским хозяйством и продовольствием активизировались перерабатывающая промышленность (часто называемая агропромышленностью). Термин «Агробизнес», распространенный в настоящее время, относится к взаимозависимости между ними и иллюстрирует размытие разделительной линии между «первичным»

и «вторичным» секторами. Агробизнес в Европе начался примерно в 1850 году, когда начала развиваться агропромышленность. Сам термин был введен в Европе из Соединенных Штатов в начале 1960 — х годов [13]. Он был в основном сосредоточен в таких сельскохозяйственных секторах, как молочная, картофельная, мукомольно-крупяная, сахар, производство мяса, консервная промышленность, оливковое масло и другие товары, где продукция могла быть переработана промышленным способом. Однако в настоящее время он относится к более крупному сектору, включающему экономическую деятельность как на входной, так

и на выходной сторонах фермы. Агробизнес подталкивал фермеров в сторону банкиров, транспортников, агрохимической и агрофармацевтической промышленности, знаний и (государственных или частных) институтов сферы услуг. Ферма превратилась из автономного субъекта в небольшое звено в цепи производства продуктов питания [12].

Разнообразие субъектов и кластеризация, вовлеченные в агробизнес, делают этот вид деятельности подходящим для исследования взаимосвязей между различными звеньями «экономической цепи». Прежде всего, Агробизнес вырос из местных условий, и географическое соотношение между производителями и переработчиками сельскохозяйственной продукции сыграло важную роль в возникновении агропромышленности. Близость субъектов является существенным аспектом в развитии агробизнеса. И можно предположить, что на эту географическую корреляцию также повлияли социальные и/или культурные аспекты.

Эта статья объединяет пять тематических исследований, в которых внутренняя динамика экономических секторов объясняется (имплицитно или эксплицитно) вопросами близости между субъектами [24]. В нем представлены региональные тематические исследования из Испании, голландских провинций Фрисландия и Лимбург, а также Западной Швеции. В этом введении мы представляем и раскрываем концептуальную структуру, которая связывает их вместе. Эти материалы ясно показывают, почему исследования кластеров и экономической деятельности ценны не только для изучения истории сельских районов и продовольствия, но и для экономической и социальной истории в целом. Они показывают, что экономические отношения коренятся в региональных условиях, и дают примеры того, как интерпретировать эти территориальные условия. Показано, что социальные и культурные связи, заложенные в истории региона, оказывают влияние на процесс экономического развития отдельных отраслей экономики. Кроме того, в большинстве тематических исследований подчеркивается важная роль государства. Правительства стимулировали географическую концентрацию экономической деятельности с помощью нормативно-правовой базы и образовательной и научной (региональной) политики.

Один из способов подчеркнуть актуальность этого специального вопроса — начать с общей проблемы связности. Многие из тех, кто хочет разобраться в этом сложном процессе, начнут с выявления наиболее важных действующих лиц, а затем спросят, как они повлияли друг на друга. Рассматривая эволюцию агробизнеса как пример сложного исторического процесса, мы можем выделить различные экономические и вза-

имозависимые субъекты, будь то отдельные лица или отдельные организации/институты. В дополнение к (1) фермерам и (2) их поставщикам машин, саженцев и т.д., (3) пищевая промышленность занимает центральное место в сети. Другими агентами в агробизнесе являются (4) финансисты, (5) институты знаний как новаторы, (6) потребители и потребительские организации, (7) дистрибьюторы и (8) правительственные организации. С точки зрения фермера, поставщики, а также финансисты, институты знаний и правительственные учреждения относятся к входящей стороне, в то время как другие субъекты в основном концентрируются на выходной стороне. Однако историческое развитие отношений внутри агробизнеса гораздо сложнее, чем ограниченное измерение фермера.

Для того чтобы понять взаимные отношения, связанные с производством продуктов питания, используется метафора «цепи» [25]. Растущая литература о пищевых цепочках подчеркивает необходимость изучения властных отношений внутри цепочек экономической деятельности. Отношения и их развитие, изменение во времени — это процесс со своей собственной (положительной и отрицательной) динамикой. В течение двух предыдущих столетий пищевая цепочка претерпела фундаментальные изменения. В литературе выделяют четыре основных процесса. Во-первых, удлинялась пищевая цепь или система, а значит, увеличивалось число промежуточных звеньев. Во-вторых, происходил процесс дифференциации. Отдельные звенья цепи становились все более сложными. В-третьих, происходил процесс интенсификации. Взаимозависимость различных звеньев становилась все больше, и система становилась все более тесно взаимосвязанной. Наконец, произошел сдвиг власти. Ученые подчеркивают, что в XX веке крупные компании и супермаркеты стали все более доминирующими в агробизнесе [4].

Долгое время фермерские хозяйства имели прямую связь с рынком. Сами фермеры или торговцы продавали свою сельскохозяйственную продукцию на рынке, непосредственно потребителям, но эта ситуация изменилась с XIX века и далее, параллельно с индустриализацией. Эта «классическая» модель трансформировалась в течение следующего столетия в то, что Бруно Бенвенути назвал моделью TATE (Technical Administrative Task Environment). Агропромышленники, банки и правительство начали «окружать» ферму. Их влияние на фермеров и сельскохозяйственную политику неуклонно росло. Вертикальная организация этой цепи относительна. В большинстве случаев в цепочке доминирует одна организация (часто транснациональная компания), но отдельные ее звенья способны переходить в другие цепочки. Этот способ сетевого взаимодействия является, по сути, продолжением спец-

ифических форм кластерных систем агробизнеса, которые существуют уже более длительное время. Местные условия (такие как почва, климат, доступ к рынкам) стимулировали рост специфической сельскохозяйственной деятельности (см. также региональную модель землепользования фон Тунена), которая легла в основу развития агропромышленной деятельности [18]. В то же время появились новые инициативы и экономические субъекты, которые удовлетворяют новые потребности фермеров и фирм, таких как институты знаний и производители сельскохозяйственной техники и других ресурсов. Например, в бывших торфяных колониях в северной части Нидерландов во второй половине XIX-первой половине XX века развивались и таким образом взаимосвязывались по меньшей мере четыре агропромышленные отрасли (молочная, сахарная, картофельная мука и соломенная доска).

Концептуальная модель агропромышленного комплекса как сеть открывает интересные исследования Бенвенути, перспективы и возможности исследования взаимных взаимозависимостей различных участников пищевой цепи. Одной из таких перспектив являются уже упомянутые географические измерения сетей. Концентрация предприятий, в том числе агробизнеса, часто происходила в городах, поселках и агломерациях. Основными факторами, обуславливающими такую концентрацию, были наличие природных ресурсов, рабочей силы и инфраструктуры, таких как порты или хорошо развитые потребительские рынки. Кроме того, современный рост и развитие связаны с инфраструктурой знаний, которая может быть закреплена и в региональных условиях [5]. Однако пространственная концентрация факторов производства, включая знания, почти очевидна. Фактически, связь между пространственной близостью и экономическим развитием оспаривается среди экономико-географов.

В различных публикациях итальянский профессор региональной экономики Роберта Капелло предложила парадигматическую альтернативу неоклассическому взгляду на экономическое пространство. Она сформулировала этот новый подход как «диверсифицированную реляционную» концепцию пространства, возникшую за счет «единой абстрактной» концепции. Последняя, доминировавшая в экономической науке в течение XX века (и все еще влиятельная), использует макроэкономические модели для объяснения региональных явлений. Она основана на неоклассической теории регионального роста. Начиная с 1970-х годов этот подход подвергался критике за игнорирование специфических (иногда уникальных) условий внутри регионов. Поэтому был разработан целый ряд «диверсифицированных реляционных» теорий, подчеркивающих особые аспекты региональных экономик. Эти

теории пытаются «идентифицировать все материальные и нематериальные элементы в локальной области, которые определяют ее долгосрочную конкурентоспособность (...)» [22].

Кластерные теории были одним из наиболее влиятельных ответов на этот призыв уделять больше внимания уникальности регионов. Уникальные аспекты шире, чем просто экономические переменные, и включают социальные, политические и культурные элементы. Кластерная теория открыта для всех видов переменных и объединяет их таким образом, что оставляет достаточно места для изучения «диверсифицированных реляционных» процессов. Среди прочих, это был экономист Майкл Портер, который ввел понятие кластера, которое он определил как «систему взаимосвязанных фирм и институтов, ценность которых больше, чем сумма ее частей» [16]. Он использовал этот термин для того, чтобы подчеркнуть добавленную стоимость кластеров в процессе инноваций и экономического обновления:

Конкурентные преимущества возникают в результате тесных рабочих отношений между поставщиками мирового класса и отраслью. Поставщики помогают фирмам воспринимать новые методы и возможности для применения новых технологий. Фирмы получают быстрый доступ к информации, новым идеям и инсайтам, а также к инновациям поставщиков (...). Все эти преимущества усиливаются, если поставщики находятся в непосредственной близости от фирм, сокращая линии связи [19].

С начала 1990-х годов многие ученые работали с этой концепцией и внесли свой вклад в теорию кластеров. В содержательном обзоре литературы были обобщены три ключевых элемента в рамках использования кластерной концепции:

1. Компоненты кластера должны быть расположены в их географической близости;
2. Кластеры — это социальные сети, в которых осуществляется обмен информацией о технологиях, рынке труда и инфраструктуре;
3. Развитие кластеров определяется культурными аспектами, такими как институты, общие стандарты и ценности, благоприятный для бизнеса климат, сотрудничество и неформальные контакты [20].

Недавно в программном документе Европейской комиссии кластеры были определены как «группа фирм, связанных экономических субъектов и учреждений, которые расположены рядом друг с другом и достигли достаточного масштаба для развития специализированных экспертных знаний, ресурсов услуг,

поставщиков и навыков» [6]. В нашем собственном и альтернативном определении мы хотим расширить сферу охвата и лучше связать ее с (региональной) экономической историей. Поэтому мы определяем экономические кластеры как региональные интегрированные системы и/или географически зависимые сети сотрудничающих организаций, таких как предприятия, поставщики, институты знаний и правительственные организации. Географический охват кластера нельзя определить априори, поскольку это зависит от местных и региональных условий. Более того, кластеры действительно эволюционируют с течением времени, и поэтому их географическое проявление также может измениться. Определение и разграничение кластеров в конкретных регионах—это одна из проблем, которая должна быть изучена исторически.

Таким образом, кластеры быстрее и четче обмениваются информацией о новых возможностях. Кроме того, кластеры обладают хорошей способностью к обучению и могут действовать более гибко, чем компании вне кластеров. Это также относится к процессам НИОКР, которые могут быть организованы более эффективно и с меньшими затратами, когда учреждения в регионе сотрудничают. Сама концепция кластера также вызвала критику. В отличие от «однородных абстрактных» концептуализаций пространства, переменные экономического роста сложнее группировать в количественных моделях. Это делает теоретические концепции, такие как кластеры, уязвимыми для критики за то, что они слишком расплывчаты и слишком политизированы [8]. Кроме того, некоторые экономико-географы проблематизировали взаимосвязь между пространственной близостью и экономическим развитием [21]. По их мнению, связь между кластеризацией и экономическим развитием носит условный характер и зависит от регионального контекста, который часто меняется. Такая критика подчеркивает необходимость эмпирических исследований, которые показывают, как работают (или не работают) кластерные идеи. Историкам здесь есть что предложить.

Чтобы сделать эти идеи продуктивными для экономических исследований, мы можем изучить, как развивались отношения близости внутри городов, агломераций, регионов или даже внутри группы стран. С точки зрения кластерной теории можно было бы ожидать, что прямые контакты между отдельными лицами и организациями в конкретной области приводят к созданию атмосферы доверия и сотрудничества, тем самым обеспечивая пространство для открытых инноваций и общих объектов. Несомненно, Кремниевая долина сегодня является культовым примером этого [17]. Но в прошлом можно найти много других примеров кластеров. Иногда они развивались в результате случайных (историче-

ских) обстоятельств, но часто определяемые причины играли важную роль, такие как географические особенности региона, наличие квалифицированных рабочих, легкий доступ к новым знаниям о производственных процессах и т.д. Эти теоретические возможности достаточно интересны, чтобы связать их с экономической и социальной историей и исследовать, что может предложить концепция кластера.

Ученые в области экономики, географии и истории были озадачены вопросом о том, как и почему промышленная деятельность объединилась в определенных регионах. На теоретическом уровне французский экономист Франсуа Перру предложил свою идею «полюса роста», в которой крупная промышленность функционирует как двигатель экономического развития в пределах определенной области, поскольку такие полюса роста связывают комплекс взаимосвязанных видов экономической деятельности [7]. Шведский ученый Гуннар Мюрдаль работал над подобными понятиями. Его концепция «кумулятивной причинности» ввела мощную идею переплетения экономических видов деятельности, которые усиливают друг друга в рамках региональной производственной системы [9]. С 1950-х годов теории агломерации стали более уточненными.

Историки экономики также работают над региональным измерением экономического развития. С помощью сочетания количественных и качественных методов они пытались охватить динамику районов, расположенных между местным уровнем отдельных городов или городов и национальным уровнем государства. Британский историк экономики Сидни Поллард сыграл важную роль в историографии региональной индустриализации. В 1981 году он опубликовал свою книгу «Мирное завоевание», в которой он переосмысливает промышленную революцию как совокупность региональных процессов [23]. Поколение немецких историков анализировало промышленную революцию в своей стране с региональной точки зрения. В работе Хуберта Кизеветтера, например, регионы рассматриваются как двигатели роста [11]. Согласно Кизеветтеру, причины и последствия индустриализации можно объяснить только региональными сравнениями. Поэтому история должна сосредоточиться на развитии региональных экономик, сравнивать их друг с другом и тщательно изучать их взаимозависимость. Этот региональный подход был позже принят другими немецкими историками, которые также использовали экономические теоретические понятия. Эти и другие достижения изменили историческое понимание промышленной революции.

Тем не менее, хотя региональные подходы к экономической истории почти исключительны, объяснения

экономического роста и развития в основном сосредоточены на национальном или даже континентальном совокупном уровне. В историографии по-прежнему доминируют национальные сравнения экономического роста и институтов отдельных стран. Переход от аграрно-индустриальной экономики к экономике, основанной на знаниях, действительно открывает возможности для возрождения региональных аспектов экономической истории. Работа американского социолога Анны Ли Саксениан о Кремниевой долине вновь продемонстрировала, насколько полезным может быть изучение региональных экономик [2]. Однако социологи и экономисты — скорее теоретики, чем эмпирики. Иногда социологи и историки работают вместе и изучают взаимосвязь между технологическими инновациями и экономическим развитием [15]. Эти Междисциплинарные инициативы могут стать началом исторических исследований, в которых географический аспект является неотъемлемой частью аналитической структуры. В конце концов, все еще существует потребность в исторических исследованиях, которые могли бы более подробно объяснить взаимосвязь между экономикой, основанной на знаниях, и пространственным измерением экономической деятельности.

Причина, по которой такие исследования редки, может быть связана с недостаточным интеллектуальным обменом между историками и экономико-географами. Тем не менее, изучение, как экономической географии, так и истории может укрепить каждую дисциплину. Концепции и теории из области экономической географии могут вдохновить историков на постановку новых вопросов. Отвечая на них, историки могут предоставить экономико-географам эмпирические исследования, способствующие совершенствованию их теоретических представлений. Обе дисциплины в последнее время проявляют интерес к институтам, влияющим на экономический рост и спад. Поэтому точкой соприкосновения между ними могут быть социально-экономические и культурные аспекты (региональных) экономических процессов.

Джон Уилсон и Эндрю Попп внесли глубокий и провокационный вклад как в экономическую географию, так и в экономическую историю, тщательно изучив временные аспекты кластеров [1]. Согласно этим британским историкам бизнеса, экономические кластеры возникают не сразу, а развиваются с течением времени. Новые союзы между участниками и новые отношения власти являются результатом развития событий в рамках сети. Иногда сетям удается адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, но иногда фиксированные интересы настолько доминируют, что процессы блокировки приводят к упадку экономических кластеров. Сила их исследования заключается в историческом по-

вестовании, в котором на первый план выступают различные варианты выбора различных действующих лиц. Их сравнительный подход обнажает переменные, влияющие на возникновение и развитие кластеров. Этими переменными являются, в частности, способность сети к обучению и экономическая структура кластера. К сожалению, отредактированный том и другие работы Уилсона и Поппа не содержат тематических исследований по агробизнесу. Литература по географическому измерению агробизнеса по-прежнему скудна и в основном написана с национальной точки зрения [3].

Однако междисциплинарный переход от концепций экономической географии к историческому изучению агробизнеса может привести к сложным перспективам. Одной из наиболее интересных тем для рассмотрения являются взаимоотношения между различными участниками пищевой цепочки. Первоначально фермеры были ключевыми участниками пищевой цепочки. Но после промышленной революции, когда они начали производить массовые товары для перерабатывающего сектора, фермеры становились все более и более связанными и зависимыми от других субъектов. Контракты, а также требования к качеству перерабатывающих компаний и правительства все больше определяли их сельскохозяйственную политику. Модернизация сельского хозяйства, сначала медленно, но после Второй мировой войны очень быстро, привела к появлению различных новых институтов, которые впоследствии стали сельскохозяйственными кластерами. Отношения между различными участниками становились все более сложными. Например: фермеры должны были занимать все больше и больше денег у (часто специализированных сельскохозяйственных) банков для финансирования новых инвестиций. Их локальная связанность является примером того, как кластеризация часто определяла и стимулировала развитие сельского хозяйства на местном уровне. Но правительство и его инициативы в области инженерии знаний также стали важным субъектом.

По аналитическим соображениям мы сосредоточимся в этой статье на взаимозависимости между тремя областями. Первая область — это экономическая сфера, ограниченная фермерами, с одной стороны, и пищевой промышленностью — с другой. Вторая область — это область знаний учреждений, таких как образование и лаборатории. Третья область включает правительственные организации. Отношения между действующими лицами в этих трех областях менялись на протяжении истории, но каким образом близость обуславливала их устойчивость? Хотя с конца XIX века агробизнес, по-видимому, является в значительной степени глобализованным сектором экономики, в котором глобальные игроки диктуют направление,

это также сектор, который черпает свою инновационную мощь из местных кластеров. Даже сегодня транснациональные компании (ТНК) в глобализирующейся агропромышленности имеют прочные (исторические) корни в локальных сетях. Методы промышленной переработки и экономическая глобализация стимулировали, начиная с конца XIX века, процессы концентрации и расширения производства в агропромышленном комплексе. В конкретных местах и регионах государство, предприниматели, а также институты знаний стимулировали создание, распространение и принятие инноваций. Пространственная близость способствовала не только циркуляции научно-технических знаний, но и более скрытым знаниям и навыкам, необходимым для агропромышленного производства [10]. Вопрос о том, как на самом деле функционировали (или не функционировали) эти отношения близости и как следует понимать развитие кластеров агробизнеса, нуждается в дальнейшем углубленном и сравнительно-историческом исследовании.

В этой статье представлен ряд исследовательских материалов, в которых концепция кластеров операционализируется в различных региональных тематических исследованиях агробизнеса в Европе (с акцентом на различные регионы Испании, Нидерландов и Швеции). Вместе эти материалы образуют ряд взглядов на взаимосвязь и географическую близость между экономическими субъектами, институтами знаний и правительством. Вклад Фернандо Коллантеса включает в себя всесторонний взгляд на молочную промышленность начиная с 1930-х годов. Анализируя переход от организованного капитализма (середина 1960-х - середина 1980-х гг.) до периода дерегулирования в Испании после 1986 г. автор уточняет преемственность молочных кластеров на севере Испании. Однако сильное вмешательство государства, приведшее к росту молочных кластеров в других частях страны, подчеркивает важность политического регулирования рынка. Еще один интересный аспект кластерных экономик затрагивается во вкладе Collantes. Хотя период организованного капитализма пошел на убыль после вступления Испании в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), молочные кластеры за пределами северной части страны сохранились. Средиземноморскому региону и Каталонии даже удалось подняться выше по «лестнице создания стоимости» по сравнению с Севером, что иллюстрирует важность инноваций и НИОКР как факторов размещения. Статья, написанная Рамоном Рамон-Муньосом, сужает географический охват, сосредоточившись на производстве оливкового масла в Южной и Западной Каталонии. Он делает два интересных замечания в своем вкладе. Во-первых, он раскрывает количественный способ определения экономических кластеров в прошлом. Во-вторых, он принимает кон-

цепцию «жизненных циклов» и применяет ее к кластеру оливкового масла, тем самым операционализируя важную концепцию для анализа непрерывности и изменений в экономической истории. Он показывает, как отдельные компании и предприниматели играли ведущую роль в адаптации к глобализированному рынку в течение десятилетий между 1890 и 1910 годами. Использование новых технологий, таких как гидравлический пресс, а также маркетинговых методов, было одним из движущих факторов этого процесса адаптации.

В статьях Марин Молема и Ива Сегерса исследуется сотрудничество между субъектами из нескольких областей общества. Оба вклада сосредоточены на взаимодействии между предпринимателями, частными и общественными организациями и институтами знаний в голландских регионах. Молема фокусируется на молочной школе как особом институте знаний во фризской молочной промышленности, который был создан в результате тесного сотрудничества между государством и экономическими субъектами, которые действовали в разных масштабах с различными ожиданиями друг от друга. Он интерпретирует дифференциацию нескольких ролей в рамках региональной экономической сети как процесс обучения, который был основополагающим для построения моделей сотрудничества между экономическими субъектами и государством в конце XIX века. Эти мультискалярные паттерны, как показывает Молема, являются результатом самого исторического процесса, который укрепил Фризский молочный кластер. Сегерс придерживается более общего взгляда на фруктовый сектор голландского Лимбурга. Он анализирует реакцию ряда экспертов и организаций на глобализацию и жесткую конкуренцию в период с конца XIX века по 1940 год. Он показывает, как предприниматели и правительство создавали совместные объекты, которые действовали в региональном масштабе, такие как аукционы и государственное садоводческое консультирование, чтобы реагировать на глобальную конкуренцию и стимулировать формирование регионального экономического кластера. Более того, он вкладывает процесс экономического развития в возникновение сетей знаний, в которых научные и экономические ноу-хау циркулируют между различными участниками кластера.

Последняя статья переносит нас на север Европы. Ларс Нистром анализирует производство сельскохозяйственной техники в Квануме. В этом регионе на западе Швеции сформировалась сеть инженеров, тесно связанных с практикой пахотного земледелия. Самое интересное, что Нистром обнаруживает, что конкуренция и недоверие были двумя силами, которые дали Квануму его динамическую мощь. Этот заключительный вклад также подчеркивает, что экономико-географические теории

не могут быть переведены непосредственно в социальную и экономическую историю без использования повествовательных навыков историка для иллюстрации связей между различными субъектами.

Выводы. Вышеописанные примеры подводят нас, наконец, к некоторым основным выводам. Мы начали эту статью с поднятия проблемы связности. Концепция кластера обеспечивает как теоретическую, так и методологическую основу для изучения его пространственных измерений. Все тематические исследования включают примеры региональных реакций на экономические изменения, вызванные технологическими сдвигами и/или глобализацией рынков. Старые и новые связи с другими региональными субъектами, стимулирующие таким образом кластеризацию экономической деятельности, способствовали адаптации к меняющимся условиям. В рамках кластеров решающую роль играли государство, предприниматели и организации, представляющие экономические интересы. Это особенно ясно видно в статьях о Каталонии, Фрисландии и Южном Лимбурге. Большинство ведущих субъектов кластера были частью истории территорий, тем самым напоминая нам, что движущие силы инноваций могут быть укоренены в региональных традициях. Подчеркивание роли социальных и культурных связей, однако, не означает, что кластерное развитие свободно от разногласий. В случае Фрисландии и Южного Лимбурга, но особенно в случае Кванума, мы находим ясные доказательства того, что конкуренция и споры также могут оказывать стимулирующее воздействие на эволюцию кластеров. Развитие кластера — это в значительной степени трудоемкий и организационный процесс, в ходе которого ожидания между несколькими участниками должны быть сформированы и изменены, согласованы и пересмотрены. Примеры Испании, Фрисландии и Южного Лимбурга подчеркивают значимость национального государства как посредника и стимулятора региональных экономических кластеров. Национальные правовые рамки и субсидии для общих объектов, таких как институты знаний, могут дать решающие стимулы для кластеризации.

Качественные подходы подходят для того, чтобы выделить наиболее важные субъекты и сделать соци-

ально-культурные отношения между ними более явными. Однако не следует пренебрегать и количественным аспектом. Экономическая история должна давать информативные представления о масштабах изучаемых нами явлений. Примеры того, как измерять региональные экономические кластеры, представлены испанской молочной сетью и каталонским кластером оливкового масла. С помощью статистических показателей, таких как численность занятых и объемы производства, можно измерить размер кластеров. Тематические исследования показывают, насколько плодотворным может быть сочетание количественных и качественных методологий. Будущие исследования должны быть направлены на такие комбинации и должны быть нацелены на улучшение количественных подходов с помощью новых идей из экономической географии, что уже было сделано несколькими экономическими историками [14].

Несмотря на эвристическую ценность кластерного подхода, мы не должны фокусироваться только на внутрениней динамике экономических кластеров. Все тематические исследования показали, в большей или меньшей степени, важность внерегиональных связей. Близость выходит за пределы пространства, как это уже было выдвинуто критическими экономико-географами. Региональные изменения связаны с взаимодействием с субъектами и институтами вне экономических кластеров. При анализе эволюции кластеров следует учитывать эту многомасштабную перспективу регионального развития. Как и любая экономическая система, кластеры должны адаптироваться к (внутренним и внешним) изменяющимся обстоятельствам, обусловленным структурными экономическими преобразованиями, технологическими прорывами и, среди прочего, (геополитическими) сдвигами. Чтобы улучшить наше понимание таких адаптационных процессов, ученые должны больше вкладывать в теоретическую и методологическую рефлексию, а также пытаться понять факторы и обстоятельства, которые могут помочь прояснить (не)успешное развитие кластеров. Тематические исследования в этой статье дают, без сомнения, ценную информацию для дальнейшего изучения процессов кластеризации и региональной концентрации экономической деятельности в целом и в агробизнесе в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. A. Popp and J. Wilson, «Life cycles, contingency, and agency: growth, development, and change in English districts and clusters», *Environment and Planning*, 39 (2007) 2975–2992; J.F. Wilson and A. Popp (eds.), *Industrial clusters and regional business networks in England, 1750–1970* (Aldershot 2003).
2. A. Saxenian, *Regional advantage: Culture and competition in Silicon Valley and Route 728* (Cambridge 1994).
3. A. Tessari and A. Godley, «Made in Italy. Made in Britain. Quality, brands and innovation in the European poultry market, 1950–80», *Business history* 56:7 (2014) 1057–1083; S. Hamilton, «Agribusiness, the family farm, and the politics of technological determinism in the post-World War II United States», *Technology and Culture* 55:3 (2014) 560–590.

4. B. Benvenuti, «General systems theory and entrepreneurial autonomy in farming: towards a new feudalism or towards democratic planning?», *Sociologia Ruralis* 15 (1975) 46–64.
5. B. Johansson and C. Karlsson, «Knowledge and regional development», in: R. Capello and P. Nijkamp (eds.), *Handbook of regional growth and development theories* (Cheltenham and Northampton 2009) 239–225.
6. Commission of the European Communities, *The concept of clusters and cluster policies and their role for competitiveness and innovation: main statistical results and lessons learned*. Commission staff working paper SEC (2008) no. 2637, 5.
7. F. Perroux, «Economic space: theory and applications», *Quarterly Journal of Economics* 64 (1955) 89–104.
8. G. Duranton, «California Dreamin»: The feeble case for cluster policies, *Review of Economic Analysis* 3:1 (2011) 3–45.
9. G. Myrdal, *Economic theory and under-developed regions* (London 1957).
10. H. Collins, *Tacit and explicit knowledge* (Chicago 2010).
11. H. Kiesewetter, *Industrielle Revolution in Deutschland. Regionen als Wachstumsmotoren* (Stuttgart 2004). The German tradition within this respect is older, see for example: R. Fremdling, T. Pierenkemper and R.H. Tilly, «Regionale Differenzierung in Deutschland als Schwerpunkt wirtschaftshistorischer Forschung», in: R. Fremdling and R.H. Tilly (eds.), *Industrialisierung und Raum. Studien zur regionalen Differenzierung im Deutschlanddes 19. Jahrhunderts* (Stuttgart 1979) 9–26.
12. J. Bieleman, «Boeren werd agri-business — een synthese», in: J.W. Schot et. al. (eds.), *Techniek in Nederland in de 20e eeuw. Landbouw en Voeding* (s.l., 2000) 337–233; Y. Segers, J. Bieleman and E. Buyst (eds.), *Exploring the food chain. Food production and food processing in Western Europe, 1850–1990* (Turnhout 2009); L. Van Molle and Y. Segers (eds.), *The agro-food market: production, distribution and consumption* (Turnhout 2013).
13. J. Davis, *A concept of agribusiness* (Boston 1957); G. Sykes, *Poultry — A modern agribusiness* (London 1963).
14. J. R. Roses, «Why isn't the whole of Spain industrialized? *New Economic Geography and Early Industrialization, 1797–1910*», *The Journal of Economic History* 63:4 (2003) 995–1022; N. Crafts and N. Wolf, «The Location of the UK Cotton Textiles Industry in 1838: A Quantitative Analysis», *The Journal of Economic History* 74:4 (2014) 1103–1139.
15. M. Davids and K. Frenken, «Proximity, knowledge base and the innovation process. The case of Unilever's Beceel diet margarine», *Papers in Innovation Studies* 7 (2015).
16. M.E. Porter, *On competition* (Cambridge 2008).
17. M. Kenney and U. von Burg, «Technology, entrepreneurship and path dependence: industrial clustering in Silicon Valley and Route 128», *Industrial and Corporate Change* 8 (1999) 67–103.
18. M. Kopsidis and N. Wolf, «Agricultural productivity across Prussia during the Industrial Revolution: A Thunen perspective», *Journal of Economic History* 72:3 (2012) 634–670.
19. M. Porter, *The competitive advantages of nations* (New York 1990) 103.
20. M.T. Martinez-Fernandez, J. Capo-Vicedo and T. Vallet-Bellmunt, «The present state of research into industrial clusters and districts. Content analysis of material published in 1997–2006», *European Planning Studies* 20:2 (2012) 281–304.
21. R. Boschma, «Proximity and innovation: A critical assessment», *Regional Studies*, 39 (2005) 61–74; R. Martin and P. Sunley, 'Conceptualizing cluster evolution: Beyond the life cycle model?' *Regional Studies*, 45 (2011) 1299–1318; B. Asheim, «The changing role of learning regions in the globalizing knowledge economy: A theoretical re-examination», *Regional Studies*, 46 (2012) 993–1004.
22. R. Capello, 'Space, growth and development', in: Capello and Nijkamp, *Handbook*, 33–52, 38.
23. S. Pollard, *Peaceful conquest. The industrialization of Europe 1760–1970* (Oxford 1981); Idem, «Regional and inter-regional economic development in Europe in the eighteenth and nineteenth centuries», in: P. Subacchi (ed.), *Debates and controversies in economic history. Proceedings nth International Economic History Congress* (1994) 57–92.
24. The connections and relationships between actors within agribusiness were analyzed and discussed during *Rural History 2015*, the international conference organized by the European Rural History Organization (EURHO) in September 2015 in Girona (Spain).
25. Y. Segers, «Food systems in the nineteenth century», in: M. Bruegel (ed.), *In the age of empire. A cultural history of food* (New York and London 2012) 49–66.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БОРЬБА С БЮДЖЕТНЫМ ДЕФИЦИТОМ В США. МЕТОДЫ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Незамайкин Валерий Николаевич

Д.э.н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
nezamaikinvn@mail.ru

Налтакян Татевик Арменовна

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
tatevik.naltakyan@yandex.ru

FIGHTING THE BUDGET DEFICIT IN THE U.S.A. METHODS IN THE NEW REALITY

**V. Nezamaykin
T. Naltakyan**

Summary. The relevance of this study is due to new methods of financing public debt in the United States. The article analyzes the levels of budget deficit and inflation, which have reached high levels. The current situation in the world, in particular the COVID –19 pandemic, is considered as an inflationary driver.

Keywords: US government budget, budget deficit, inflation, public debt.

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена новыми методами финансирования государственного долга в США. В статье анализируются уровни бюджетного дефицита и инфляции, которые достигли высоких показателей. Рассматривается сложившаяся ситуация в мире, в частности пандемия COVID — 19, как инфляционный драйвер.

Ключевые слова: государственный бюджет США, бюджетный дефицит, инфляция, государственный долг.

В течение нескольких десятилетий одной из наиболее значимых проблем американской экономики является дефицит федерального бюджета. Кейнсианская концепция дефицитного финансирования развития в целях обеспечения полной занятости была принята в 1940-е г. Именно с этого момента бюджетный дефицит стал рассматриваться как важнейший элемент государственной политики, который может быть применен в условиях экономического спада. Данные о доходах, расходах, а также отклонения от сбалансированного бюджета представлены в таблице — 1 на период с 2000 по 2025 гг.

Как видно, из таблицы — 1 экономический спад начался в 2001 году. Дефицит с США связан с 3 факторами:

1. Снижение налоговых ставок
2. Борьба с терроризмом (после террористической атаки 11 сентября)

3. Военные операции в Ираке и Афганистане.

Экономический рост в 2005 и 2006 годах привел к резкому увеличению доходов, что помогло сократить дефицит до 161 миллиарда долларов (1,1 процента ВВП) к 2007 году.

В декабре 2007 года экономика впала в рецессию, которая была значительно усугублена мировым финансовым кризисом. Снижение доходов, которое произошло впоследствии: снижения налоговой ставки, уменьшения экономической активности, повышения пособий по безработице, увеличения расходов на оборону, привели к дефициту, достигшему максимума в 2009 году. Дефицит оставался выше 1 триллиона долларов в течение еще три года, прежде чем резко снизился, достигнув 442 миллиардов долларов в 2015 году, частично из-за укрепления экономики и увеличение на-

Таблица 1. Бюджет США с 2000 по 2025 гг. в млн. долларах. [3]

Год	Доходы	Расходы	Профицит или дефицит (-)
2000	2 025 191	1 788 950	236 241
2001	1 991 082	1 862 846	128 236
2002	1 853 136	2 010 894	-157 758
2003	1 782 314	2 159 899	-377 585
2004	1 880 114	2 292 841	-412 727
2005	2 153 611	2 471 957	-318 346
2006	2 406 869	2 655 050	-248 181
2007	2 567 985	2 728 686	-160 701
2008	2 523 991	2 982 544	-458 553
2009	2 104 989	3 517 677	-1 412 688
2010	2 162 706	3 457 079	-1 294 373
2011	2 303 466	3 603 065	-1 299 599
2012	2 449 990	3 526 563	-1 076 573
2013	2 775 106	3 454 881	-679 775
2014	3 021 491	3 506 284	-484 793
2015	3 249 890	3 691 850	-441 960
2016	3 267 965	3 852 616	-584 651
2017	3 316 184	3 981 630	-665 446
2018	3 329 907	4 109 044	-779 137
2019	3 463 364	4 446 956	-983 592
2020	3 421 162	6 550 396	-3 129 234
2021 план	3 580 777	7 249 456	-3 668 679
2022 план	4 174 197	6 011 148	-1 836 951
2023 план	4 641 026	6 012 960	-1 371 934
2024 план	4 827 811	6 186 795	-1 358 984
2025 план	5 037 903	6 507 720	-1 469 817

Таблица 2. Государственный долг США 1994–2020 гг. [2]

Год	Общий долг В трлн. \$	ВВП в трлн. \$	Год	Общий долг В трлн. \$	ВВП в трлн. \$
1994	4,5	7,1	2008	9,2	14,7
1995	4,8	7,5	2009	10,6	14,4
1996	5	7,9	2010	12,3	14,7
1997	5,3	8,4	2011	14	15,3
1998	5,5	8,9	2012	15,2	16
1999	5,6	9,4	2013	16,4	16,6
2000	5,8	10	2014	17,3	17,1
2001	5,7	10,5	2015	18,1	18
2002	5,9	10,8	2016	18,9	18,5
2003	6,4	11,2	2017	19,9	19,2
2004	7	11,9	2018	20,5	20,2
2005	7,6	12,8	2019	21,9	21,1
2006	8,2	13,6	2020	23,2	21,6
2007	8,7	14,2			

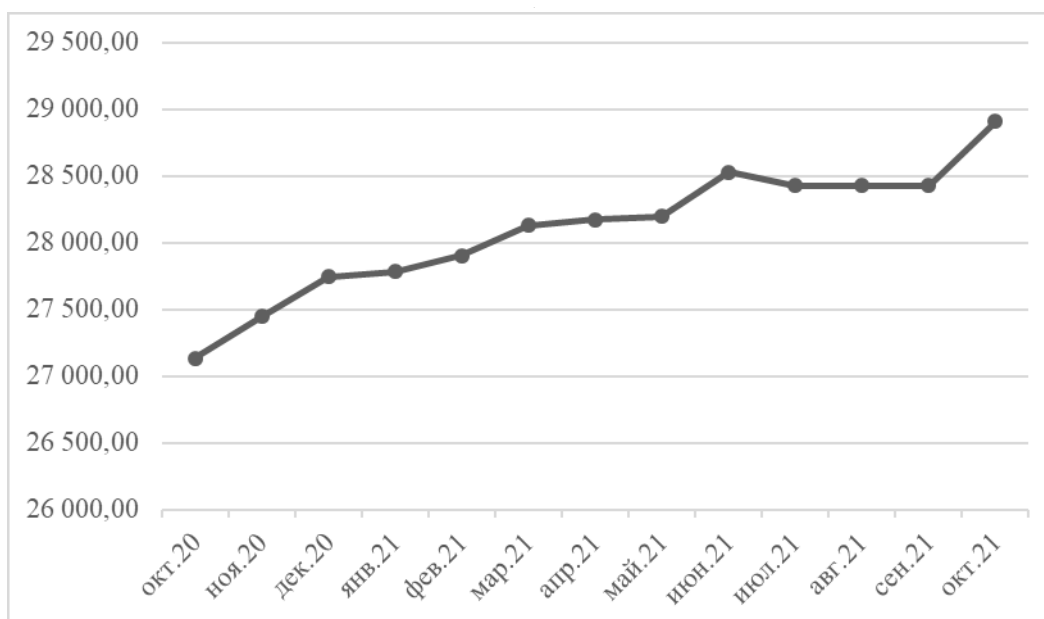

Рис. 1. Государственный долг США с 10.2020 по 10.2021 в трлн. долларах США. [8]

логовой ставки. Дефицит снова начал расти в 2016 году и в 2019 году и составил 984 миллиарда долларов (4,6 процента ВВП). В результате дефицита произошло увеличение государственного долга с 39,4 процента ВВП в 2008 году до 79,2 процента в 2019 году.

Экономический эффект и федеральные меры реагирования на чрезвычайную ситуацию из-за пандемии COVID-19 привели к дефициту в 2020 году в размере 3,129 [4] триллиона долларов, что является самым большим дефицитом в экономике с 1945 года. Государственный долг вырос до 100,1 процента ВВП в 2020 году.

Теоретически увеличение бюджетного дефицита может стимулировать вялую экономику, предоставляя больше денег людям. Однако долгосрочный дефицит способен нанести ущерб экономическому росту и стабильности. В течение последнего десятилетия в США постоянно был дефицит. Экономисты и аналитики расходятся во мнениях о влиянии бюджетного дефицита на экономику. Некоторые считают, что это стимулирует экономику в то время, как другие утверждают, что дефицит бюджета:

1. манипулирует процентными ставками,
2. правительство вынужденно поддерживает неконкурентные фирмы,
3. происходит расширение влияния нерыночных субъектов,
4. приводит к высоким налогам либо к росту инфляции.

В ближайшие несколько лет дефицит будет лишь увеличиваться, поскольку пандемия вызвала всплеск без-

работицы, многие предприятия закрылись, а это в свою очередь снизило налоговые поступления и сократило доходы. В то же время Конгресс принял несколько законопроектов в размере более 9 трлн. долларов, чтобы простимулировать экономику. Стоит отметить, что государственный долг США непрерывно растет в таблице 2 представлены данные с 1994 по 2020 гг.

Как видно государственный долг с США вырос более чем в 4 раза начиная с 2000 года и этому способствовали некоторые события. В 2008 году был мировой финансовый кризис, и чтобы простимулировать экономику и предотвратить дальнейший спад США приняли большой пакет мер, далее огромное влияние оказала пандемия в 2020 году.

Государственный долг — это общая непогашенная задолженность федерального правительства, он состоит из задолженностей перед обществом (облигации) и внутригосударственного долга (долг перед различными органами власти).

Все дефициты должны быть профинансированы. Первоначально это делается путем продажи государственных ценных бумаг, таких как казначейские облигации (Т-облигации). Частные лица, предприятия и другие правительства покупают казначейские облигации и одалживают деньги правительству. Явное первоначальное воздействие государственных займов заключается в том, что оно сокращает резерв доступных средств, которые будут предоставлены или инвестированы в другие предприятия. Таким образом, весь дефицит приводит к со-

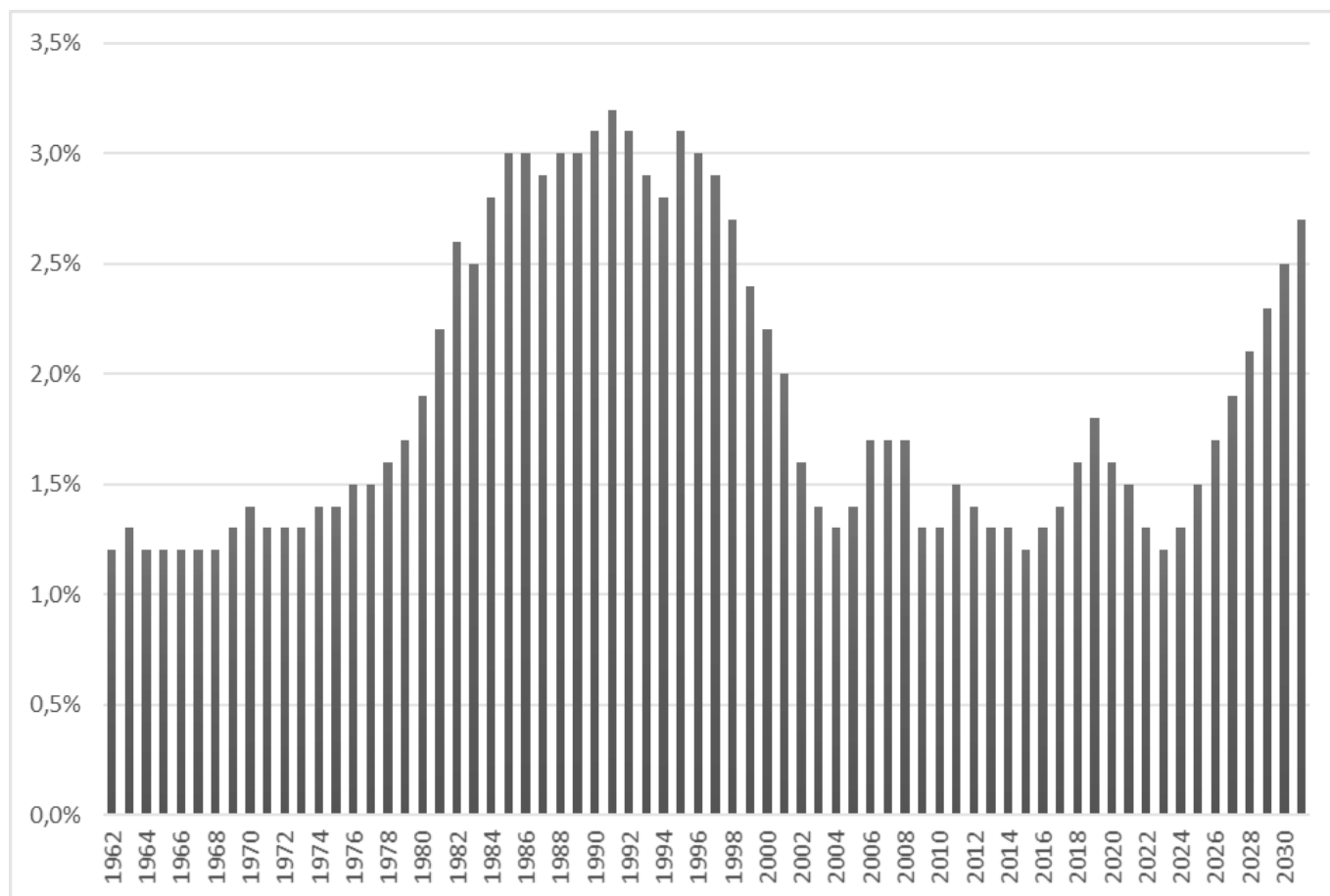

Рис. 2. Проценты выплачиваемые на обслуживание государственного долга США от ВВП страны [7].

кращению потенциального основного капитала в экономике.

Кроме того, продажа государственных ценных бумаг, используемых для финансирования дефицита, оказывает прямое влияние на процентные ставки. Государственные облигации считаются чрезвычайно безопасными инвестициями, с которыми должны конкурировать почти все другие финансовые инструменты. Если государственные облигации платят 2%, другие виды финансовых активов должны платить достаточно высокую ставку, чтобы побудить покупателей отказаться от государственных облигаций.

В то время как некоторые считают, что чрезмерные государственные займы могут быть вредными в долгосрочной перспективе, другие утверждают, что они выступают в качестве мощного инструмента стимулирования роста. В США с 2008 года государственный долг вырос почти на 200%, достигнув 27 триллионов долларов по состоянию на октябрь 2020 года. На рисунке 4 представлена информация о размере государственного долга и динамике его роста.

В соответствии с рисунком 1 в октябре 2021 года государственный долг США составил около 28,91 триллиона долларов США, что примерно на 1,77 трлн. больше, чем в октябре 2020 года, когда он составлял около 27,14 трлн. долларов США.

Хотя США постоянно погашают часть своего долга общая сумма, которую они должны, увеличивается с каждым годом с 2001 года. Это потому, что федеральное правительство имеет постоянный дефицит бюджета, что означает, что оно тратит больше, чем зарабатывает. Во время экономических кризисов этот дефицит может стать невероятно большим.

Говоря о государственном долге, стоит также упомянуть о расходах на его обслуживание. Хотя долг США велик, однако обслуживание его довольно недорогое. На рисунке 2 представлены данные о процентах, которое выплачивает правительство на обслуживание своего долга от ВВП страны.

В 2020 финансовом году чистые расходы правительства на проценты составили 345 миллиардов долларов

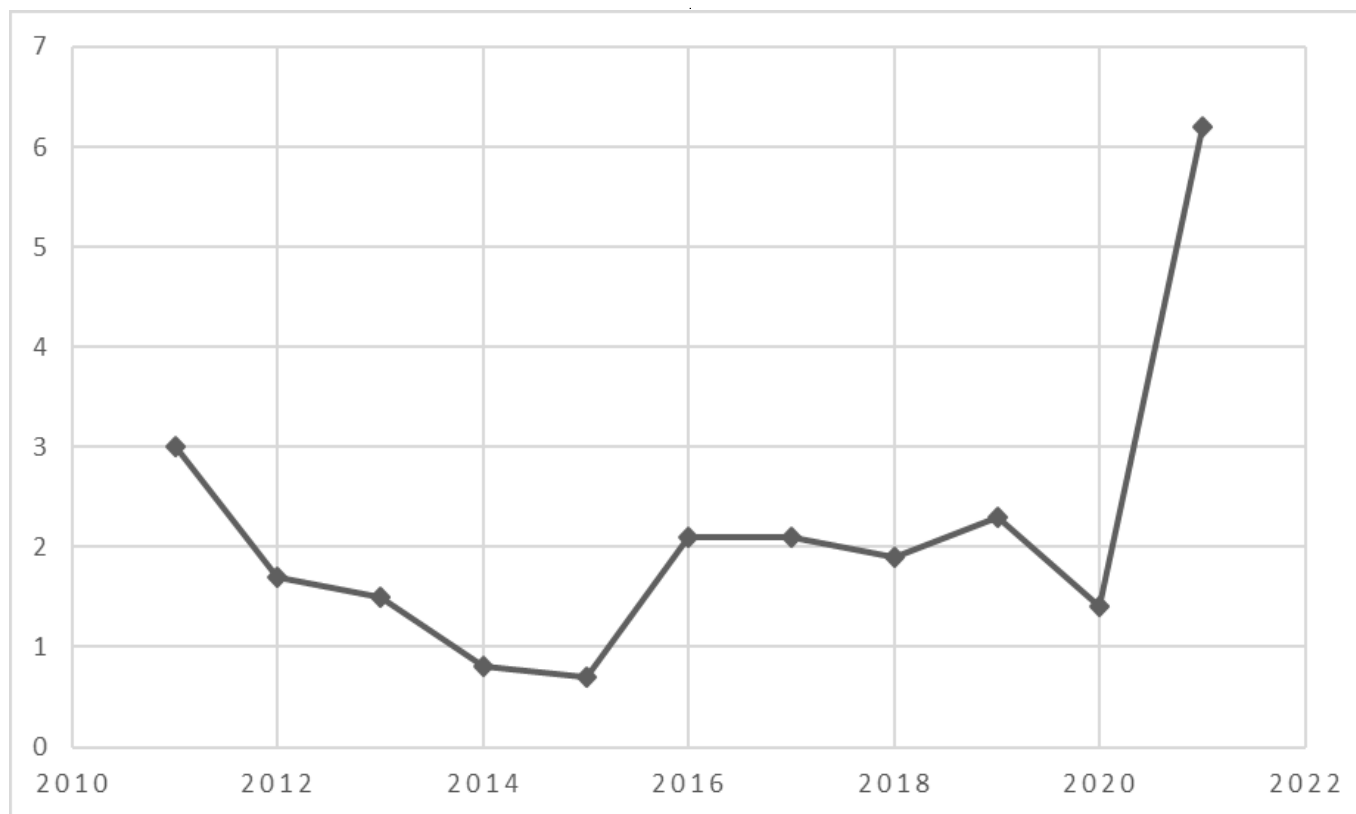

Рис. 3. Годовые темпы инфляции в США 2011–2021 гг. [10]

США, что составляет 1,6 процента валового внутреннего продукта (ВВП) и составляет 5,3 процента от общего объема расходов. Проценты, которые правительство платит за долг остаются низкими в процентах от ВВП, даже несмотря на то, что этот долг вырос до исторически высоких уровней. Эксперты считают, что процентные расходы будут постоянно и неуклонно расти по мере роста государственного долга. Хотя за последние 10 лет федеральное правительство увеличило свои заимствования у общественности на 12 триллионов долларов (или примерно на 130 процентов), чистые ежегодные расходы на проценты выросли на 149 миллиардов долларов (или примерно на 75 процентов), потому что процентные ставки упали до исторически низких уровней.

Стоит отметить, что существует несколько способов уменьшить государственный долг:

1. уменьшения расходов,
2. повышения налоговых ставок
3. монетизация долга
4. реструктуризация долга
5. дефолт

Многие эксперты отмечают, что заимствование денег сегодня требует более высоких налогов в будущем, что несправедливо наказывает будущие поколения на-

логоплательщиков за удовлетворение потребностей текущих бенефициаров.

Говоря о бюджетном дефиците в США, нельзя не упомянуть о инфляции в стране.

Инфляция в США на протяжении многих лет была довольно низкой на уровне 1%. Однако на данный момент цифры инфляции неустанно растут не только в США, но и по всему миру.

Экономисты предсказывали гиперинфляцию в США еще в 2009 году, когда ФРС «напечатала» на тот момент беспрецедентное количество денег. Однако этого не произошло. Это событие показывает, что в современной финансовой системе и в структуре мировой экономике перестали работать основные законы. Лауреат Нобелевской премии Милтон Фридман утверждал, что «Инфляция всегда и везде является денежным феноменом», [6] т.е. инфляция вызвана, в основном, денежными факторами — финансовой политикой государства. Фридман с большим скепсисом относился не только к подчинению денежной политики фискальным нуждам, но и к бесконтрольной денежной политике независимого центрального банка, подчеркивал ее инфляционные последствия.

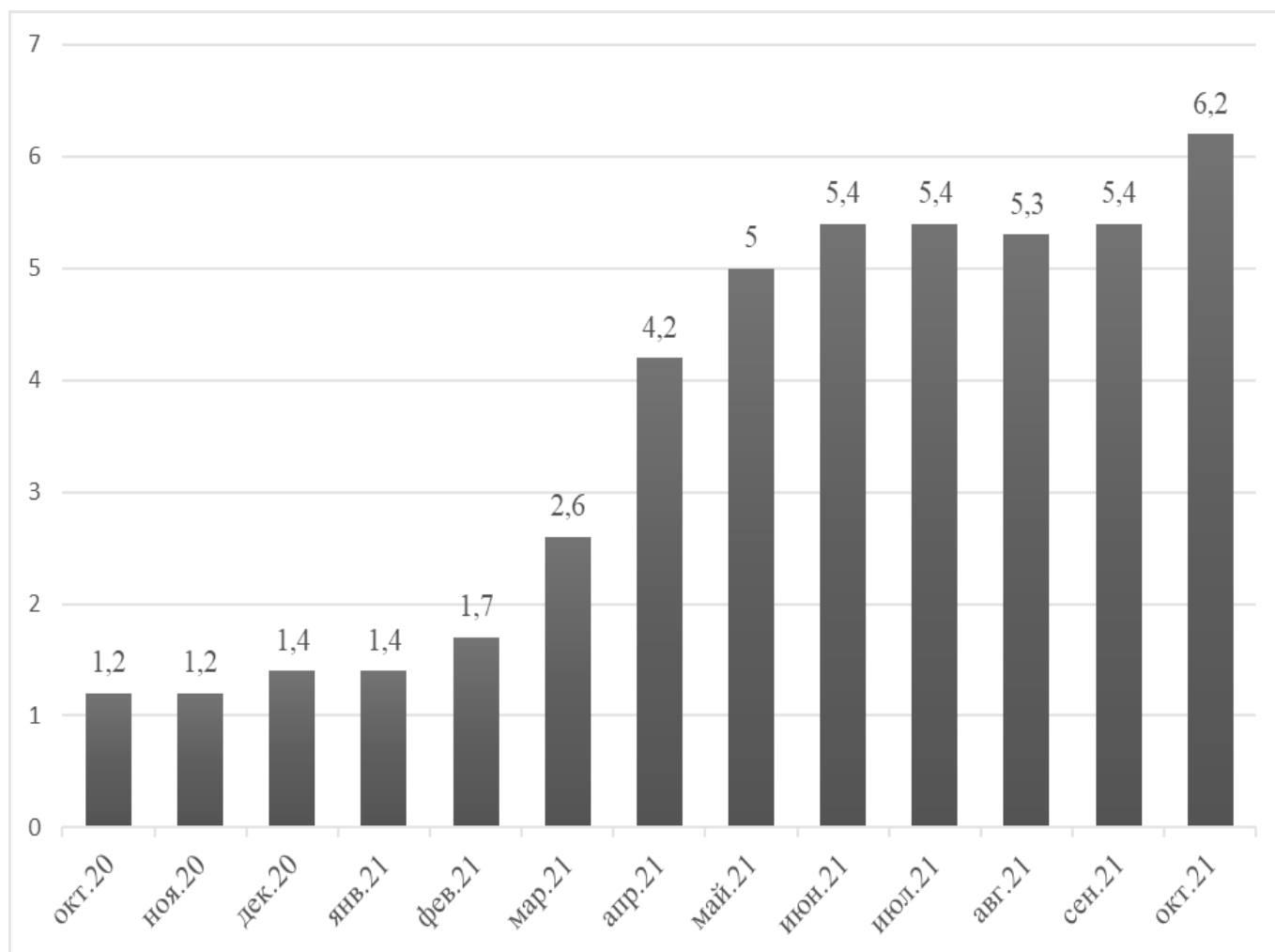

Рис. 4. Темпы роста инфляции в США с 10.2020 по 10.2021 [9]

Годовой уровень инфляции в Соединенных Штатах составляет 6,2% за 12 месяцев, закончившихся в октябре 2021 года, что является самым высоким показателем с ноября 1990 года. На рисунке 3 представлена информация о уровне инфляции в США с 2011 по 2020 гг.

Стоит отметить, что дальнейший рост инфляции может привести к тому, что ФРС ужесточит политику раньше, чем изначально планировалось.

Что же вызвало такой скачок инфляции?

Прежде всего, пандемия COVID-19. Экономика США рухнула весной 2020 года в разгар пандемии, был объявлен локдаун, многие предприятия закрылись навсегда, некоторые были вынуждены уволить сотрудников или сократить заработную плату, чтобы остаться на плаву, большинство переквалифицировали свой бизнес, чтобы выжить в сложившейся ситуации. Экономическая активность упала на 31%, работодатели

сократили 22 млн. рабочих мест. И чтобы предотвратить дальнейший спад был принят Закон о чрезвычайной помощи и экономической безопасности в связи с коронавирусом (Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act, CARES Act). Закон был принят 116-м американским Конгрессом и представляет собой законопроект об экономическом стимулировании в размере 2,2 трлн. американских долларов. Данный законопроект является беспрецедентным по своим масштабам и размером финансирования, которое составляет 10% от общего ВВП США. Вслед за данным пакетом мер, были приняты ряд других мер стимулирования экономики, отдельно стоит отметить Закон об Американском плане спасения (American Rescue Plan Act of 2021), принятый в марте 2021 года, подписанный президентом — Джо Байденом, в размере 1,9 трлн. долларов. Данные законопроекты были направлены на предотвращение экономического спада, увеличение пособий по безработице, прямые выплаты гражданам, помощь многим секторам экономики.

Инфляция — это неизбежный результат выхода из пандемии. В попытках предотвратить экономический коллапс, США перестимулировали экономику и недооценили инфляцию.

Массовая вакцинация позволило многим предприятиям вновь открыть свои двери и вернуться в привычный режим работы. Внезапно бизнесу пришлось столкнуться с высоким спросом. Необходимо было вновь принять на работу многих сотрудников, бизнес был не в состоянии достаточно быстро приобрести расходные материалы, чтобы удовлетворить весь спрос. Порты и грузовые верфи не могли справиться с трафиком. Глобальные цепочки поставок начали давать сбои. Затраты выросли и компаниям ничего не оставалось, кроме как увеличить цены. На данный момент проблемы с цепочками поставок одна из основных в США. Из-за карантина падает производство. А что будет, если объемы снижаются на 50%, а людям начинают раздавать деньги? Конечно, будет рост цен. И именно это и случилось в США.

Многие специалисты отмечают, что COVID-19 может привести к меньшей глобализации и большему популизму. Структурно это инфляционный драйвер. Также стоит отметить, что к инфляции привело то, что пакеты фискальных компенсаций США направляются прямо в кошельки людей (разовые выплаты, еженедельные пособия по безработице). Теоретически, относительно более высокие льготы должны привести к тому, что работники с низким доходом начнут требовать более высокой заработной платы.

Считается, что уровень инфляции в США в скором времени понизится, однако он все еще будет выше привычной нормы. На рисунке 4 представлена информация о темпах роста инфляции с октября 2021 года по октябрь 2021 года

Чтобы бороться с ростом инфляции ФРС начнет сокращать ежемесячные покупки облигаций, которые она начала в прошлом году, в качестве чрезвычайной меры по попытке стимулирования экономики. В сентябре также прогнозировалось, что ФРС повысит процентную ставку с рекордно низкого уровня, близкого к нулю к концу 2022 года. Однако сейчас многие инвесторы уверены, что высокий уровень инфляции может заставить ускорить этот график и дважды поднять процентную ставку до конца 2022 года. [5]

На сегодняшний день многих волнует вопрос — грозит ли гиперинфляция США.

В гиперинфляционной экономике население теряет полное доверие к валюте страны, в некоторых случаях деньги стоят меньше, чем бумага, на которой они были

напечатаны. Люди прибегают к использованию валюты другой страны или же к бартеру. Так, например, случилось в Венгрии в 1945–1946 гг., война уничтожила половину производственного потенциала страны, базовая инфраструктура была разрушена, правительство страны захотело быстро восстановить экономику и обратилось к «печатному станку» в результате чего, цены в Венгрии стали удваиваться каждые 15 часов. Еще одним примером может стать Зимбабве в 2000 году правительство начало проводить земельную реформу, в рамках социальной политики (разделение ферм на более мелкие). Последствия были катастрофическими, и в мире появилась первая купюра в размере 100 трлн. долларов.

Как видно из примеров гиперинфляция не всегда является просто вопросом некомпетентности правительства. Это вопрос отчаяния. Обычно это начинается с экономического взрыва.

Почему же в США не может быть гиперинфляции:

1. На самом деле США не печатают деньги. Количественное смягчение обычно описывается как «печать денег», но на самом деле это не совсем так. Количественное смягчение включает в себя покупку ФРС долгосрочных облигаций в банках. Он просто обменивает один актив на другой — в данном случае наличные деньги на долгосрочные облигации
2. В США нет проблем с продажей долга (инвесторы всегда рады купить облигации США)
3. США — это высокоразвитая страна, с крупнейшей экономикой мира. Почти все примеры гиперинфляции являются результатом огромных экономических потрясений, которые настолько опустошают экономику, что лидеры считают «печать денег» единственным решением для роста.

В заключение хотелось бы отметить, что США — крупнейшая экономика мира. От ее самочувствия зависит ситуация во всех уголках планеты. Экономика США поднимается во многом благодаря заемным деньгам. Но лишь четверть этого долга — гособлигации, купленные другими странами, а все остальное — внутренний долг.

Так почему же США могут бороться с бюджетным дефицитом прибегая к печатному станку, не боясь гиперинфляции в то время, как другим странам такое недоступно? Прежде всего — это то, что американская валюта имеет глобальный статус. Очень трудно напечатать столько долларов, чтобы мировая экономика не смогла их абсорбировать [1]. Весь мир торгует на американских фондовых рынках. Поэтому печатать доллары они могут почти в неограниченных количествах. И тем самым могут финансировать дефицит бюджета за счет эмиссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дембинская Н. Печатный станок: грозит ли США гиперинфляция// РИА новости — 08.03.2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20210308/inflyatsiya-1600129557.html>
2. Министерство финансов США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://home.treasury.gov>
3. Официальный сайт правительства США <https://www.whitehouse.gov/omb/historical-tables/>
4. Федеральная резервная система экономических данных [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://fred.stlouisfed.org/graph/?g=ldg4>
5. Cox J.U.S. consumer prices jump 6.2% in October, the biggest inflation surge in more than 30 years// CNBC — 10.11.2021. Mode of access: URL: <https://www.cnbc.com/2021/11/10/consumer-price-index-october.html>
6. Friedman, Milton. A Monetary History of the United States 1867–1960 (1963)
7. Holland B., McCormick L., Tanzi A. The Real Cost of U.S. Debt Is Nearer the Floor Than the Ceiling// Bloomberg — 04.10.2021. Mode of access: URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-04/the-real-cost-of-u-s-debt-is-nearer-the-floor-than-the-ceiling>
8. Statista <https://www.statista.com/statistics/273294/public-debt-of-the-united-states-by-month/>
9. Statista Mode of access: URL: <https://www.statista.com/statistics/273418/unadjusted-monthly-inflation-rate-in-the-us/>
10. US Inflation Calculator Mode of access: URL: <https://www.usinflationcalculator.com/inflation/current-inflation-rates/>

© Незамайкин Валерий Николаевич (nezamaikinvn@mail.ru), Налтакян Татевик Арменовна (tatevik.naltakyan@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УНИВЕРСИТЕТАХ ВЬЕТНАМА ЧЕРЕЗ СПИН-ОФФ КОМПАНИИ

PROBLEMS OF COMMERCIALIZATION OF RESULTS OF SCIENTIFIC RESEARCH IN UNIVERSITIES VIETNAM THROUGH SPIN-OFF COMPANY

*E. Pavlova
T.T.H.Nguyen*

Summary. Previously, the main tasks of traditional universities were research, the dissemination of knowledge, and the development of highly educated workers. In the early years of the 21st century, universities became creative centers where students and scientists acquire interdisciplinary knowledge and create new ideas. Currently, universities are carrying out a third mission to commercialize research results. The form of commercialization of science through the creation of spin-off companies at universities was popular in Europe and some developed countries of Asia.

Commercialization of research results plays an important role in socio-economic development based on science, technology. In Vietnam, promoting the commercialization of research results in universities to serve the enterprise's innovation activities is encouraged by the Government. However, the number of commercialization results through the spin-off company from universities is still limited. This article reflects the theoretical and practical creation of spin-off companies at universities in Vietnam. And proposed solutions for the creation of spin-off companies and activation of the commercialization of university innovations.

Keywords: spin-off company, commercialization, entrepreneurial university, technology transfer.

Павлова Елена Александровна

К.э.н., доцент, Университет ИТМО, Санкт-Петербург

eapavlova@itmo.ru

Нгуен Тхи Тхань Хуен

Аспирант, Университет ИТМО, Санкт-Петербург

huyennguyen.cit@gmail.com

Аннотация. Раньше основными задачами традиционных университетов были исследования, распространение знаний и развитие высокообразованных работников. В первые годы 21-го века университеты стали творческими центрами, где студенты, ученые приобретают междисциплинарные знания и создать новые идеи. В настоящее время, университеты выполняют третью миссию по коммерциализации результатов исследований. Форма коммерциализации науки через создание спин-офф компании в университетах были популярны в Европе и некоторых развитых странах Азии.

Коммерциализация результатов исследований играет важную роль в социально-экономическом развитии на основе науки, техники. Во Вьетнаме правительство поощряет коммерциализацию результатов исследований в университетах для продвижения инновационной деятельности. Тем не менее, количество результатов коммерциализации через спин-офф компании из университетов еще ограничено.

В данной статье отражены теоретические и практические создания спин-офф компании в университетах Вьетнама. И предложены решения по созданию спин-офф компаний и активизации коммерциализации вузовских инноваций.

Ключевые слова: спин-офф компания, коммерциализация, предпринимательский университет, трансфер технологии.

Введение

Цели и задачи университетов резко изменились за последнее столетие. Университеты с третьей миссией являются трансфером технологии, коммерциализации результатов научных исследований [1]. В частности, ряд университетов трансформировались в направлении инициирования бизнеса, связанного с инновациями, стремясь создать новые ценности путем культивирования инновационных экосистем, развития бизнеса и коммерциализации результатов ис-

следований путем создания спин-офф университетских компаний.

Во Вьетнаме университеты и ученые все больше заинтересованы в совместной деятельности с предприятиями. Это напрямую связано с управлением инновационной деятельностью, развитием спин-офф компании в университете. Тем не менее, эта деятельность университетов все еще имеет много ограничений, а эффективность сотрудничества все еще низка, технологические инновации и продвижение инноваций все еще медлен-

ны, результаты научных исследований редко используются в практических целях. Поэтому снижает эффективность вклада университетов в экономику и общество.

Цель исследования

Основываясь на обзоре академических исследований, эта статья анализирует и разъясняет организационную структуру и связанные с ресурсами факторы, чтобы сформировать спин-офф компанию во вьетнамских университетах. Оттуда, предложить политические предложения и совершенствовать механизм государственного управления университетами. Также, повышение эффективности управления инновациями в университетах в направлении создания инноваций и большей автономии.

Материал и методы исследования

С 1990-х годов когнитивный разрыв между университетами и предприятиями сократился, и исследователи наблюдали появление предпринимателей в университетах. Предприниматели занимаются производством и коммерциализацией, связанной с результатами научных исследований, на рынке с выгодой для себя. Согласно Yokoуama [2], в контексте университетов, предпринимательство не обязательно понимается как сфокусированное на получении прибыли на основе рисков и высоком уровне коммерциализации. Это относится к усилиям по достижению финансовой независимости и улучшению исследовательского потенциала, повышению эффективности трансфера технологий в университете. Теоретическое исследование Shore & McLauchlan [3], связанное с «третьей миссией» университета, показало, что природа и процессы этой предпринимательской деятельности связаны между исследовательской деятельностью и коммерциализацией исследовательского результата на уровне университета. Это включает в себя деятельности: внедрение инновационных исследований, получение патентов и технологических лицензий, инновации в бизнесе, инкубационные и формирующие компании.

Ученые сходятся во мнении, что деятельность предпринимательства в вузе состоит из трех основных групп: трансфера технологий, коммерциализация интеллектуальной собственности и создание спин-офф компаний университета [4].

В настоящее время, со стороны политиков и ученых растет интерес к экономическому, коммерческому и общественному влиянию интеллектуальной собственности, создаваемой исследованиями. Литература по трансферу технологии от исследовательских организаций в основном сосредоточена на двух направле-

ниях. Особенно трансфера в форме университетского спин-офф компании [5].

Согласно OECD [6], не существует стандартного определения о спин-офф. В узком представлении это может быть определено как любая новая фирма, которая включает государственного сектора или сотрудника университета в качестве учредителя. В более широком смысле она может быть определена как любая новая фирма, включая сотрудника государственного сектора или университета, студента / выпускника или бывшего сотрудника государственного сектора в качестве учредителя, на основе патента и / или других форм ИС (например, авторского права) и / или нетехнические инновации (например, улучшения бизнес-модели).

Характерной особенностью спин-офф компаний является формирование и воспитание в университетах и важная роль ученых, изобретателей с творческими идеями. Эти компании обычно представляют собой малые и средние, чтобы ограничить риски для университета и владельца. Университет является идеальной средой для развития предпринимательства [7]. Некоторые исследования также показали, что поддержка со стороны матерой организации на ранней стадии коммерциализации ускоряет процесс спин-офф и помогает спин-офф от университета быстрее получать первые доходы [8].

Университеты создают спин-офф с целью:

- ◆ Сосредоточения ресурсов на научных исследованиях, обновление материальной базы учебного процесса, рост внебюджетных доходов.
- ◆ Развития инновационных технологий, осуществления фундаментальных исследований, осуществления прикладных исследований, бенчмаркинг.
- ◆ Создания связей между профессиональной подготовкой и исследованиями, приобретения обучающимися новейших знаний, распространения инновационных технологий обучения, создания возможностей трудоустройства для выпускников.
- ◆ Усиления влияния университета на региональную инновационную систему, получения социальной поддержки от городского сообщества.
- ◆ Улучшения рейтингов, влияния вуза.

Некоторые из этих целей не могут быть направлены на то, чтобы «заработать деньги». Поэтому необходимо различать различные типы эффективности:

- ◆ Общая эффективность спин-офф включает экономические, научные, технологические, образовательные и социально-политические цели, которые преследует университет.

- ◆ Экономическая эффективность спин-офф определяется пропорцией результатов (дохода), которые университет (бизнес-инкубатор) получает от деятельности спин-офф компаний и затрат университета на их создание и поддержку.

Итогами деятельности спин-офф являются коммерциализация результатов исследовательской деятельности, дополнительные финансовые поступления от реализации проекта, а также положительный опыт инновационного развития для всех его участников.

Результаты исследования и их обсуждение

Важность исследований для развития инновационной экономики стимулировала поиск путей, с помощью которых университет мог бы внести свой вклад посредством коммерциализации результатов. Такие усилия требуют последовательных и мощных политических рамок, и несколько стран в Юго-Восточной Азии смогли превратить результаты исследований в спрос на новые технологии для различных сообществ пользователей [9]. Политика стимулирования коммерциализации результатов исследований в университетах позволила установить более тесные связи между исследованиями, финансируемыми университетами, и сектором частного предпринимательства. Такая правовая среда только недавно появилась в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, таких как Вьетнам [10]. Политика развития спин-офф компаний в университетах выражена в следующих 2 документах. Решение № 68/1998 / QD-ТТг разрешает пилотное создание государственных предприятий в учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях (научно-исследовательских институтах, университетах). Решение № 2133 / QD-ТТг требует: «Содействовать применению результатов научных и технологических исследований к производству; коммерциализация научно-технической продукции. Поддерживать деятельность по бизнес-инкубации, создание и развитие спин-офф компаний».

В настоящее время во Вьетнаме насчитывается 237 университетов и институтов. Тем не менее, только 14 компаний были созданы из университетов [11]. В основном общество с ограниченной ответственностью. И они в государственных университетах. Это отражает тот факт, что частные университеты во Вьетнаме в основном создаются частными предприятиями, и они стремятся инвестировать в вопросы зачисления, даже не рассматривая возможность создания компаний в университетах.

Таким образом, количество компаний, созданных из университетов Вьетнама, очень мало. Эти компании

осуществляют деятельность на основе научно-технических результатов университета. Но не полностью «спин-офф» модели компаний в мире. Основными причинами этой проблемы являются:

Во-первых, чисто академические идеи и изобретения преподавателей в университетах (центрах, исследовательских институтах) необходимы, но не достаточны для создания спин-офф компаний. Чтобы получить право на пробное производство и тестирование на рынке, эти идеи или технологические продукты необходимо развивать и обеспечивать юридическую и ресурсную поддержку. Только когда эти продукты созданы и имеют потенциал для коммерциализации, они могут привлечь инвесторов в производство. Это «достаточное условие» для формирования спин-офф компаний и для спин-офф компаний привлекает инвестиций. Действительность во Вьетнаме, идеи и технологии не получили достаточной и быстрой поддержки, чтобы полностью подготовиться к коммерциализации. Это связано с тем, что большинство исследований в вузе проводятся только для того, чтобы выполнить требования для получения государственных исследовательских грантов. Университеты пока не имеют механизма, который заставлял бы ученых, руководителей проектов искать и связываться с компаниями и сторонами, желающими предпринять для коммерциализации результатов исследований.

Во-вторых, фактические данные о кадровых ресурсах университетов также показывают, что преподаватели, которые провели серьезные исследования и имеют высокий академический потенциал, в основном работали в университетах в течение 10–20 лет. У них есть офисные должности, и они хотят сохранить стабильность, не хотят покидать свои официальные должности. Между тем, молодые преподаватели, которые готовы покинуть офисные должности, не готовы к управлению бизнесом и еще не имеют исследований, которые могут коммерчески жизнеспособны или передавать технологии. В настоящее время во Вьетнаме, в Законе о предпринимательстве, Законе о кадрах и государственных служащих и Законе о борьбе с коррупцией, и т.д. не позволяют ученым и преподавателям создавать и участвовать в управлении предприятием во время работы в университетах (должности, которые они не хотят оставлять).

В третьем, реальность такова, что многие спин-офф компании не смогли преодолеть трудности, возникшие в ходе начального процесса разработки, особенно их трудности с привлечением капитала. Вопросы привлечения капитала на ранних этапах предпринимательства являются проблемой малых предпринимательских предприятий во всем мире. Но такие проблемы,

вероятно, более серьезны во Вьетнаме [12]. Они также не смогли решить проблему отношений с материнской исследовательской организацией (институтами, университетами), оставаясь при этом зависимыми от головной организации в области НИОКР, не имея независимых технологических возможностей. В настоящее время не существует правил оценки и использования имен, брендов, капитала и активов, полученных из государственного бюджета и прав землепользования университетов при создании предприятий. Это мешает университетам создавать акционерные общества (при желании) для привлечения инвестиций. В 2017 и 2019 годах Вьетнамский национальный университет Ханой (ВНУ) принял решение о роспуске 2 предприятий (акционерного общества по передаче знаний и акционерного общества по технологиям микробиологии IMBT). Примечательно, что трудности, приводящие к этим решениям, не связаны с проблемой потребления товаров и услуг. На самом деле, предприятия по-прежнему работают эффективно. Они связаны с правилами капитальных вложений, оценке земли, выделенной государством, и конфликтам между владельцами и руководителями этих предприятий.

В четвертом, Вьетнам постепенно создает рыночную экономику, но без установления полного институционального статуса. Фактически, первые шаги перехода от многоэкономической плановой структуры к социалистически ориентированной рыночной структуре не создали подходящих условий для развития спин-офф компаний. До сих пор недостаточно законов, которые бы напрямую регулировали деятельность спин-офф, start-up компании. С коммерциализацией научно-технических достижений отсутствие сильного режима защиты прав интеллектуальной собственности препятствовало усилиям спин-офф компании по созданию прочной позиции на рынке.

По мнению исследователей политики, модель Triple Helix включает в себя: государство — университет — промышленность — это модель, которую развитые страны применяют для достижения сильного развития посредством применения науки и техники и предпринимательства. В этой модели промышленность является местом, где можно получать и продавать продукты научных и технологических исследований от университетов, государство играет вспомогательную роль в продвижении этого процесса. Следовательно, для развития спин-офф компании в университете во Вьетнаме должны быть внесены изменения, основанные на взглядах на обязанности и роли всех трех сторон: государства, университетов и промышленности.

С точки зрения университета, им нужны исследовательские мощности, лаборатории и исследовательские

институты / центры для выработки бизнес-идей, новых технологий и полезных изобретений, и решений. Чтобы коммерциализировать научно-исследовательскую продукцию, университетам необходимо создать бюро по передаче технологий и бизнес-инкубаторы. Эффективная работа этих подразделений будет способствовать передаче технологий и коммерциализации результатов исследований. В то же время способствовать формированию новых спин-офф компаний в университетах. Необходимо синхронное создание офисов трансфера технологий и бизнес-инкубаторов в университетских структурах; продвижение потенциально коммерциализированных исследований в исследовательских институтах (лабораториях, центрах, институтах). Это помогает создать резонанс: вспомогательные подразделения помогают университету и преподавателям в создании компаний. В свою очередь, компании, когда они сформированы, привлекают инвестиционного капитала для получения финансирования и содействия работе этих подразделений. Между тем, совместная деятельность этих спин-офф компаний с организациями в университете будет влиять на намерения и желания преподавателей и исследователей создавать бизнес и увеличивать потребность в передаче технологий и инкубаторах в рамках организационных структур университетов.

Кроме того, университеты должны совершенствовать механизмы управления инновациями в направлении автономии, гибкие процессы принятия решений и содействия развитию спин-офф компаний в университетах. Устранение барьеров, повышение автономии и самостоятельность исследовательских подразделений и факультетов. Поощрение факультет к активному поиску ресурсов, расширению инвестиций, созданию совместных предприятий, совместные в области обучения и научных исследований. Обнародование политики и разработка механизмов, стимулирующих сотрудничество между учеными, преподавателями и предприятиями на первом этапе экспериментальных исследований и раннее создание спин-офф компаний. Создание правил о передаче и коммерциализации результатов исследований и использование государственных активов, земли в качестве вклада в спин-офф компанию.

Помимо обновления университетов, государство также должно применить много изменений. Законы, такие как иностранные инвестиции, борьба с коррупцией, интеллектуальная собственность и нормативные акты о государственных служащих и государственных служащих, должны быть единообразно изменены для создания предпринимательской экосистемы. В частности, правительство должно отменить правила, заставляющие государственным служащим и служащим участвовать в управлении частными предприятиями (по крайней мере, для должностных лиц в государ-

ственных университетах) в соответствующих законах, таких как Закон о кадрах и государственных служащих, Закон о борьбе с коррупцией и т. Это позволило бы высшим должностным лицам и преподавателям университетов создавать и участвовать в управлении спин-офф компаниями, основанными на их исследовательских продуктах, или их собственными стартапами компаниями. И правительству необходимо усовершенствовать правовые документы, с тем, что университет имеет автономию в своей деятельности.

Заключение

Создание и развитие в университете спин-офф компании наряду с совершенствованием управления инновационной деятельностью способствует формированию предпринимательского университета — университетская модель, которой стремятся университеты

Вьетнама. Эти мероприятия играют все более важную роль в обмене знаниями, распределении ресурсов между университетами, промышленностью и обществом. Создание в университете спин-офф компании включает в себя не только создание новых компаний и содействие развитию бизнеса, сотрудничество с промышленностью для коммерциализации результатов научных исследований, но и процесс трансформации мышления в университетах для создания инновационной среды и предпринимательства.

Таким образом, правительство, министерства должны всегда играть вспомогательную роль, создавая правовую базу и создавая соответствующую среду для коммерциализации результатов исследований в университете. Связь между тремя сторонами в модели triple helix обеспечит устойчивое развитие университетов во Вьетнаме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boffo, S., & Cocorullo, A. University Fourth Mission, Spin-offs and Academic Entrepreneurship: Connecting public policies with new missions and management issues of universities. In: Higher Education Forum. Research Institute for Higher Education, Hiroshima University. 2019. P. 125–142.
2. Yokoyama K. Entrepreneurialism in Japanese and UK Universities: Governance, Management, Leadership and Funding. Higher Education. 2006. vol. 52. no. 3. P. 523–555.
3. Shore, C., & McLauchlan, L. Third mission activities, commercialisation and academic entrepreneurs. Social anthropology. 2012. vol. 20. no. 3. P. 267–286.
4. Bozeman, B. and Boardman, C. Research Collaboration and Team Science: A State-of-the-Art Review and Agenda, Springer. 2014. P. 33–45.
5. Steffensen, M., Rogers, E.M. and Speakman, K. Spin-offs from research centers at a research university. Journal of Business Venturing. 2000. vol. 15. no. 1. P. 93–111.
6. OECD. Commercialising Public Research: New Trends and Strategies. Paris: OECD Publishing. 2013. P. 36–42.
7. Dinh, V.T. Promoting university startups' development: International experiences and policy recommendations for Vietnam. Vietnam's Socio-Economic Development. 2017. vol. 22. no. 90. P. 19–42.
8. Slavtchev, V. and D. Goktepe-Hulten. Support for public research spin-offs by the parent organizations and the speed of commercialization. Journal of Technology Transfer. 2016. vol. 41. P. 1507–1525.
9. Mazzoleni, R. and R.R. Nelson. Public research institutions and economic catch-up. Research Policy. 2007. vol. 36. P. 1512–1528.
10. Sharif, N. and E. Baark. The Transformation of Research Technology Organizations (RTOs) in Asia and Europe. Science, Technology & Society. 2011. vol. 16. no. 1. P. 1–10.
11. Dinh, V.T. Development of Enterprises in Universities and Policy Implications for University Governance Reform in Vietnam. VNU Journal of Science: Economics and Business. 2019. vol. 35. no. 1. P. 1–14.
12. Tran, H.T. and Santarelli, E. Capital constraints and the performance of entrepreneurial firms in Vietnam. Industrial and Corporate Change. 2013. vol. 23. no. 3. P. 827–864.

© Павлова Елена Александровна (eapavlova@itmo.ru), Нгуен Тхи Тхань Хуен (huyennguyen.cit@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДХОДЫ К ОПТИМИЗАЦИИ ВЗЫСКАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ НАЛОГОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

APPROACHES TO OPTIMIZING THE COLLECTION OF PROPERTY TAXES IN MODERN CONDITIONS

**R. Rozhkov
S. Rozhkov
N. Salakaya**

Summary. This article discusses issues of increasing debts from individuals on property taxes, and the need to determine ways to reduce this debt. The structure of revenues of the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation in 2020 is given. The dynamics of tax revenues of the consolidated budget of the Russian Federation and budgets of state extra-budgetary funds is determined. The importance of paying taxes to the budget of the Russian Federation is revealed, it is determined when taxes are accrued and when they need to be paid, the sanctions that come for non-payment of taxes are given, and the specifics of the procedure for collecting tax arrears are determined. An algorithm is proposed to improve the efficiency of debt collection on property taxes.

Keywords: the Tax Code of the Russian Federation, taxes and fees, tax authorities, property taxes, debt, tax notification, collection, income, budget, extra-budgetary funds, sanctions, inflation.

Проблема определения оптимальной налоговой нагрузки встает перед управленцами и мыслителями, наверное, со времен появления государства. Давид Рикардо говорил: «Нет ни одного налога, который не вел бы к сокращению накопления. Любой налог неизбежно бьет по капиталу или доходу». Данное высказывание затрагивает тему налогов в жизни общества, а также сферу экономики и уже в общих чертах определяет проблему: отношение к налогам у всех членов общества разное.

Смысл данного высказывания в том, что налоги — обязательные, индивидуальные безвозмездные платежи, принудительно взимаемые органами государственной власти различных уровней в целях фи-

Рожков Роман Сергеевич

*К.э.н., доцент, ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России», г. Химки
rbt07@mail.ru*

Рожков Сергей Николаевич

*К.э.н., профессор, ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России», г. Химки
r.1964.s.n@gmail.com*

Салакая Надежда Тамазиевна

*Московский городской педагогический университет; специалист 1 разряда, Инспекция Федеральной налоговой службы России № 9 по г. Москве
s.n@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы возрастающей задолженности с физических лиц по имущественным налогам, и необходимости определения путей снижения данной задолженности. Приводится структура доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2020 г. Определяется динамика налоговых доходов консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов в разрезе проблематики взыскания имущественных налогов. Раскрывается важность уплаты налогов в бюджет Российской Федерации, определяется, когда начисляются налоги и когда их нужно оплачивать, приводятся санкции, которые наступают за неуплату налогов, а также определяются особенности процедуры взыскания задолженности по налогам. Предлагается алгоритм повышения эффективности взыскания задолженности по имущественным налогам.

Ключевые слова: Налоговый кодекс Российской Федерации, налоги и сборы, налоговые органы, имущественные налоги, задолженность, налоговое уведомление, взыскание, доходы, бюджет, внебюджетные фонды, санкции, инфляция.

нансового обеспечения деятельности государства или муниципальных образований. В данном случае, упоминаемая о накоплении капитала, автор подразумевает, что капитал — это сумма благ в виде материальных, интеллектуальных и финансовых средств в качестве ресурса в целях получения прибыли. Иными словами, он хочет донести до людей, что ни один капитал или накопление не может существовать без налогов, то есть для того чтобы что-то получить, необходимо что-то отдать. Таким образом, налоги являются неотъемлемой частью налоговой системы, а также основным доходом государственного бюджета. Но, как было отмечено ранее, не всё общество готово в полной мере реализовывать свою налоговую нагрузку, и постоянно растущие суммы задолженности по налогам и сборам были, есть и оста-

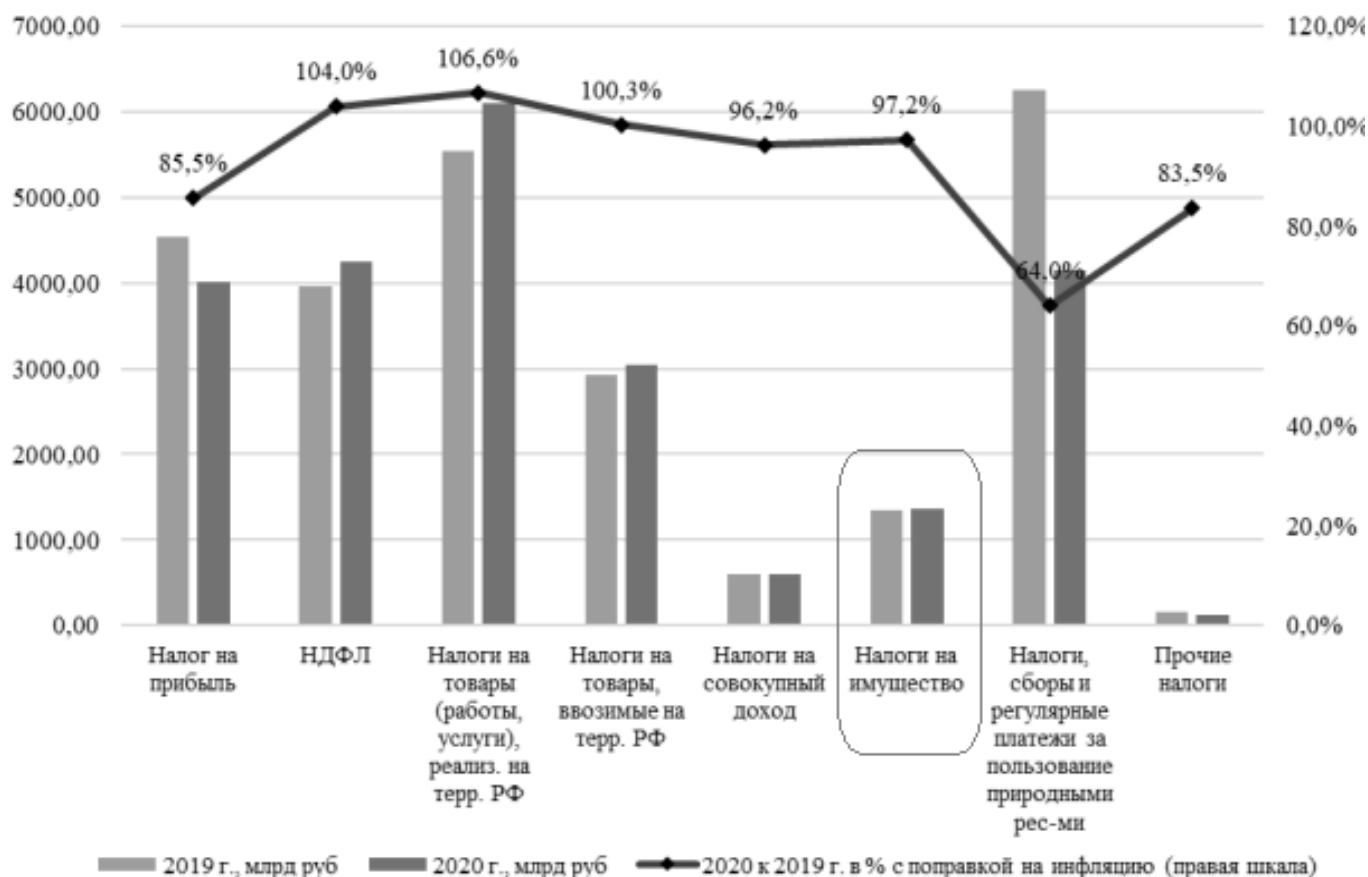

Рис. 1. Динамика налоговых доходов консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов, млрд. руб. и% (По данным РЭУ им. Плеханова. Анализ тенденций в бюджетно-налоговой сфере (дата обращения 27.11.2021г))

ются актуальной проблемой, связанной с уменьшением финансовых накоплений страны.

Если обратить внимание на динамику налоговых доходов консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов, то можно отметить практически нулевой прирост в имущественных налогах. А если оценивать динамику с учетом инфляционных поправок, то реальный объем будет составлять 97,2% от показателя 2019 года (см. рис 1):

В качестве исследуемого проблемного вопроса выступает вопрос постоянной и периодически растущей задолженности с физических лиц по имущественным налогам и необходимости определения путей снижения данной задолженности [1]

Так, согласно отчету о результатах контрольного мероприятия «Проверка администрирования территориальными налоговыми органами имущественных

налогов (земельного, транспортного налогов и налога на имущество физических лиц), уплачиваемых за 2016 и 2017 годы, включая работу по сокращению дебиторской задолженности по имущественным налогам с физических лиц», утвержденному Коллегией Счётной палаты Российской Федерации 26 июня 2019 года и 9 июля 2019 года, задолженность по имущественным налогам с физических лиц по Российской Федерации в 2016 году составила 212 610, 60 тыс. руб., в 2017 году — 237 021, 60 тыс. руб., в 2018 году — 194 366, 50 тыс. руб. Если говорить про все налоги в общем, то по итогу 2020 года задолженность по налогам выросла до 1,8 трлн. руб [2].

Одной из актуальных проблем, с которой придется сталкиваться в настоящее время — взыскание задолженности с физических лиц по имущественным налогам.

В дальнейшем, для определения путей решения поставленного проблемного вопроса, будет рассматри-

Рис. 2. Структура доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2020 г. (по данным РЭУ им. Плеханова. Анализ тенденций в бюджетно-налоговой сфере (дата обращения 27.11.2021г)

ваться процесс взыскания Инспекциями Федеральной налоговой службы России (далее — Инспекции) имущественных налогов с физических лиц в досудебном и судебном порядках.

Перед поиском оптимального подхода взыскания рассмотрим следующие вопросы:

- ◆ важность уплаты налогов в бюджет Российской Федерации;
- ◆ что относится к имущественным налогам и кто их платит;
- ◆ когда начисляются налоги и когда их нужно оплачивать;
- ◆ какие санкции наступают за неуплату налогов;
- ◆ какова процедура взыскания задолженности по налогам [3].

Конституция Российской Федерации в статье 57 закрепляет за каждым гражданином обязанность по уплате законно установленных налогов и сборов. Почему же данная обязанность закреплена на федеральном уровне? Каждому известно, что бюджет любого государства состоит из расходной и доходной частей. Доходная его часть показывает поступления средств в бюджет государства. Главным источником доходной части и выступают налоги. Благодаря данной форме поступлений средств бюджет государства получает наибольшую наполняемость. То есть без постоянно уплачиваемых на-

логов будет страдать бюджет, что негативно отразится на состоянии экономики в государстве [4].

Имущественными налогами являются налоги, уплачиваемые гражданами Российской Федерации за принадлежащие им на правах собственности объекты имущества. К таким налогам относят налог на имущество физических лиц, транспортный налог с физических лиц и земельный налог. Объектом налогообложения налога на имущество выступают: квартира, жилой дом, комната, гараж, машино-место, сооружение и другое. Объектом налогообложения транспортного налога с физических лиц являются: автомобили, мотоциклы, самолеты, вертолеты, гидроциклы, судна, катера, яхты и другое. Объектами налогообложения земельного налога признаются земельные участки.

Имущественные налоги исчисляются налоговыми органами на основании сведений, представляемых органами, осуществляющими государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ними, также нотариусами, если иное не предусмотрено статьей 408 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), в том числе от государственной инспекции безопасности дорожного движения [5].

Таким образом, налоги исчисляются налоговыми органами по истечении налогового периода с направ-

лением в адрес налогоплательщика налогового уведомления посредством почтовой связи или Интернет-сервиса «Личный кабинет налогоплательщика для физических лиц» для уплаты налога.

На практике Инспекциями формируются и направляются налоговые уведомления в периоды с конца августа по середину ноября.

В настоящее время, перечислить сумму налога в бюджет необходимо не позднее 1 декабря года, следующего за истекшим налоговым периодом (транспортный налог абз. 3 п. 1 ст. 363 НК РФ, земельный налог абз. 3 п. 1 ст. 397 НК РФ), налог на имущество физических лиц п. 1 ст. 409 НК РФ).

Необходимо отметить, что федеральный и региональные бюджеты, в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации, имеют свои налоговые поступления:

В случае, если имущественные налоги не были уплачены до установленного законодательством срока, начинает начисляться пеня. Согласно п. 4 статьи 75 НК РФ пеня за каждый календарный день просрочки исполнения обязанности по уплате налога определяется в процентах от неуплаченной суммы налога. Процентная ставка пени принимается равной одной трехсотой действующей в это время ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации [6].

Начисление пени в некотором смысле уже является санкцией, применяемой в адрес налогоплательщика. Еще одним видом санкции, применяемой Инспекциями в досудебном порядке, является выставление и направление в адрес налогоплательщика требования об уплате налога, сбора, страховых взносов (для физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями).

Требование об уплате налога представляет из себя извещение о неуплаченной сумме налога, а также об обязанности уплатить в установленный срок неуплаченную сумму налога. В данном требовании указывается вид налога, его реквизиты (код бюджетной классификации — КБК, общероссийский классификатор территорий муниципальных образований — ОКТМО), установленный срок уплаты, сумма налога и сумма пени, начисленная на период выставления требования. Требование об уплате налога должно быть исполнено в течение восьми дней с даты получения указанного требования (требование считается полученным на 6 день), если более продолжительный период времени для уплаты налога не указан в этом требовании. Все вопросы, связанные с требованием об уплате, регламентированы в статьях 69 и 70 НК РФ.

В случае, если налогоплательщиком по прошествии всех вышеуказанных мер не исполнена обязанность по уплате имущественных налогов, и сумма текущей задолженности равна или превышает 10 000 руб., Инспекции в соответствии с нормами действующего законодательства о налогах и сборах (статья 48 НК РФ) применяют меры принудительного взыскания путем формирования и направления заявления о вынесении судебного приказа в мировой судебный участок по месту регистрации налогоплательщика.

Заявление о вынесении судебного приказа, оформленное по всем правилам и заверенное ответственным лицом с печатью Инспекции направляется сперва в адрес налогоплательщика. Затем второй экземпляр данного заявления направляется с пакетом всех необходимых документов и подтверждением направления первого экземпляра налогоплательщику в мировой судебный участок по месту регистрации налогоплательщика.

Какие же документы прикладываются к заявлению? К заявлению о вынесении судебного приказа прикладываются следующие документы:

1. Учетные данные налогоплательщика (с указанием фамилии, имени и отчества, даты рождения, места рождения, места регистрации, идентификационный номер налогоплательщика — ИНН, номер телефона, если имеется);
2. Сведения об имуществе (в случае, если на момент направления заявления о вынесении судебного приказа у налогоплательщика не имеется в собственности имущество, то прилагается документ, свидетельствующий о дате начала факта владения и окончания факта владения имуществом);
3. Требование об уплате налога, сбора, страховых взносов (для физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями);
4. Доказательство направления требования об уплате налога, сбора, страховых взносов (для физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями);
5. Карта расчета пени на момент выставления и направления требования об уплате налога, сбора, страховых взносов (для физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями);
6. Налоговое уведомление;
7. Доказательство направления налогового уведомления;
8. Документы об образовании ответственного исполнителя и приказ о назначении на должность, который подтверждает право ответственного исполнителя обращаться в мировой судебный участок от лица Инспекции.

Рис. 3. Алгоритм повышения эффективности взыскания задолженности по имущественным налогам

После направления заявления о вынесении судебного приказа в мировой судебный участок, судебный участок рассматривает в установленный период времени все предоставленные документы. Если по прошествии времени никаких разногласий не выявлено, судья мирового участка в пятидневный срок выносит судебный приказ, который направляется в адрес Инспекции, а потом Инспекция направляет его для дальнейшего взыскания в Федеральную службу судебных приставов, только при наличии на текущий момент времени задолженности по данному судебному приказу.

В теоретическом плане никаких трудностей в применении мер принудительного взыскания в судебном порядке не должно возникнуть, однако же на практике все совсем не так. Достичь 100% взыскания не получается. На это есть свои основания.

Мировой судебный участок возвращает заявление о вынесении судебного приказа и полный комплект прилагаемых документов при наличии разногласий. Примеры выявленных разногласий, встречающиеся на практике:

1. Отсутствие места рождения.

Это проблема возникает в связи с некорректно внесенными данными в систему учета, из которой формируется документ — учетные данные налогоплательщика;

2. Отсутствие полного адреса места регистрации налогоплательщика.

В основном, данная информация отсутствует у иностранных граждан, ввиду их регистрации либо на адрес посольства, либо на адрес апартаментов и др.

3. Не достижение налогоплательщиков возраста полной дееспособности — 18 лет.

До достижения налогоплательщиком дееспособного возраста — 18 лет обязанность по уплате налогов полностью ложится на его законных представителей. Так как на сегодняшний момент данной практики нет, то и взыскать имеющуюся сумму задолженности по налогу в судебном порядке не имеется возможным. Процент погашения такой задолженности слишком мал, но возможен. Погашается такая задолженность законными представителями не достигшего дееспособного возраста — 18 гражданина либо при получении требования об уплате (по прошествии срока уплаты, указанного в требовании и направления заявления о вынесении судебного приказа), либо при явке законного представителя в территориальный налоговый орган.

9. Возврат заявления при отсутствии заявленного документа в приложении заявления.

В таком случае, после получения Инспекцией заявления и пакета документов, пакет документов дополняется необходимыми документами и направляется повторно на рассмотрение в мировой судебный участок.

10. Пропущен срок взыскания.

Инспекция имеет право обратиться в мировой судебный участок с заявлением о вынесении судебного до истечения шестимесячного срока после срока упла-

ты, указанного в требовании об уплате. В таком случае Инспекция может повторно подать заявление о вынесении судебного приказа на рассмотрение в мировой судебный участок, но уже с приложением ходатайства о восстановлении пропущенного срока. Если после этого судебный участок все же вернет заявление о вынесении судебного приказа обратно (с определением об отказе в принятии), то следующим этапом будет являться подача заявления в рамках искового производства в районный суд.

Для того, чтобы достичь наибольшего процента эффективности взыскания имеющейся задолженности по имущественным налогам следует провести работы по актуализации и корректности сведений, имеющихся в базе данных Инспекций. В данном случае можно организовать мероприятия, направленные либо на ежемесячную повторную выгрузку данных из Управления записи актов гражданского состояния (далее — Управление), либо взаимодействие Инспекций с Управлением по электронным каналам связи. В последнем случае желательно установить срок, в течение которого Управление будет предоставлять Инспекциям запрашиваемую информацию, чтобы установленный законодательством срок для взыскания просроченной задолженности не был пропущен.

Так как Федеральная налоговая служба, в частности Инспекции, не являются первоисточниками сведений об адресе места жительства физических лиц (места регистрации), то Инспекции вправе запрашивать данную информацию у соответственного органа — у Министерства внутренних дел Российской Федерации. Тут, как и в первом случае, стоит организовать мероприятия по действующему взаимодействию между государственными органами и установить срок предоставления необходимой информации для дальнейшей работы [7].

Также следует выработать судебную практику по взысканию задолженности с лиц, не достигших 18 — летнего возраста через их законных представителей.

Решение данной проблемы сможет увеличить процент поступления средств в бюджет страны, создаст предпосылки к изменению судебной практики.

Стоит отметить, что мы живем в мире, в котором стремительно набирают оборот научные разработки. Поэтому следует разработать новый способ информирования граждан об имеющейся у них задолженности. При создании некоего, допустим, программного обеспечения, стоит брать во внимание и стремиться достичь того, чтобы система информирования работала бесперебойно, без технических сбоев, чтобы отсутствовали неточности в данных, рассылаемых налогоплательщикам и, естественно, чтобы сумма задолженности была актуальной на дату информирования.

Таким образом, можно схематично представить подходы к оптимизации взыскания имущественных налогов в современных условиях (рис 3):

В качестве итога и заключения, стоит обратить внимание на подбор и обучение сотрудников государственных органов. Достичь необходимого уровня эффективности взыскания задолженности можно благодаря развитию и совершенствованию деятельности органов государственной и муниципальной власти по управлению процессами сбора налогов.

Также важно, чтобы не только в Инспекциях Федеральной налоговой службы, но и в других государственных органах, с кем взаимодействуют или будут взаимодействовать налоговые органы, например, мировых судебных участках, Федеральной службе судебных приставов и других органах, работали высококвалифицированные сотрудники. Обязать, чтобы каждый год сотрудники проходили обучение, повышали свою квалификацию. Ведь квалифицированные сотрудники — это слаженная и безошибочная работа, которая приведет только к положительным результатам, в том числе, и к повышению эффективности взыскания задолженности по имущественным налогам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ), от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // «Российская газета», № 148–149, 06.08.1998
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 15.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.07.2021) // Официальный интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 01.07.2021
4. Приказ ФНС России от 14.08.2020 № ЕД-7–8/583@ (ред. от 01.06.2021) «Об утверждении форм документа о выявлении недоимки, требований об уплате (возврате) налогов, сборов, страховых взносов, пени, штрафов, процентов, а также документов, используемых налоговыми органами при применении обеспечительных мер и взыскании задолженности по указанным платежам» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.09.2020

5. Письмо ФНС России от 20.01.2017 № СА-4-7/873@ «О передаче функций по подготовке и подаче заявлений о вынесении судебного приказа»// Документ опубликован не был
6. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации URL: <https://ach.gov.ru> (дата обращения 27.11.2021 год).
7. Официальный сайт Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова URL: <https://www.rea.ru/ru/Pages/analiz-tendencij-v-budzhetno-nalогоvoj-sfere-rossii.aspx> (дата обращения 27.11.2021)

© Рожков Роман Сергеевич (rbt07@mail.ru),

Рожков Сергей Николаевич (r.1964.s.n@gmail.com), Салакая Надежда Тамазиевна (s.n@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский городской педагогический университет

СОВРЕМЕННАЯ КОНГРЕССНО-ВЫСТАВОЧНАЯ ИНДУСТРИЯ — ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

MODERN CONGRESS AND EXHIBITION INDUSTRY — PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

K. Suleymanova

Summary. The article substantiates the special importance of exhibition marketing among the promotion tools, provides melon world exhibition statistics for 2018–2019. The author describes the impact of Covid 19 coronavirus infection on the world exhibition industry in 2020, analyzes the statistics of the world Association of the exhibition industry UFI, the center for research of the exhibition industry CEIR, the Russian Union of exhibitions and fairs (RUEF) on the results of the quarantine imposed due to the spread of Covid-19.

Keywords: exhibition activities, world Association of exhibition activities (UFI), exhibition industry.

Сулейманова Карина Ашотовна

*К.э.н., доцент, Российский Экономический
Университет имени Г.В. Плеханова (Москва)
Suleymanova.KA@rea.ru*

Аннотация. В статье обосновывается особое значение выставочного маркетинга среди инструментов продвижения, приводятся динные всемирной выставочной статистики за 2018–2019 гг. Автор описывает влияние коронавирусной инфекции Covid 19 на всемирную выставочную индустрию в 2020 году, анализирует статистические данные Всемирной ассоциации выставочной индустрии UFI, Центра исследований выставочной индустрии CEIR о результатах карантина, введенного из-за распространения Covid-19.

Ключевые слова: выставочная деятельность, Всемирная Ассоциация выставочной деятельности (UFI), выставочная индустрия.

Каждый год в мире проходит около 30 тысяч всевозможных выставок, в которых участвуют 4,5 млн. компаний-экспонентов и более 270 млн. посетителей. Данная статистика всемирной выставочной индустрии однозначно подтверждает факт того, что среди многообразных инструментов продвижения выставки остаются востребованными и перспективными.

Если в конце 2015 года объем выставочного рынка по совокупности 14 основных региональных рынков, таких как США, Китай, Великобритания, Франция, Италия, Бразилия, государства Совета по сотрудничеству стран Персидского залива, Россия, Гонконг, Турция, Мексика, Индия и Индонезия, оценивался в 24,3 млрд. долл., то по прогнозу консалтингового агентства AMR International к 2022 году он вырастет до 34,5 млрд. долл. США [1].

Выставочная деятельность в современном глобальном мире становится одним из важнейших факторов развития мировой экономики и ключевым направлением международного сотрудничества. Мировой уровень проведения выставок обеспечивается благодаря деятельности Всемирной Ассоциации выставочной деятельности (UFI) — лидирующей мировой организации в области профессиональной выставочной индустрии, охватывающей международные и национальные ассо-

циации в области выставочной индустрии, а также их партнеров [2]. UFI объединяет 684 члена-организации в 239 городах в 85 странах на 6 континентах, по данным этой организации 95 процентов лиц, отвечающих в компаниях за реализацию маркетинговой стратегии, встречаются и взаимодействуют в основном на международных специализированных тематических выставках. Практически все участники выставок считали, что участвуя в них, компании получают уникальный опыт и знания, которых не дает использование других маркетинговых каналов. В мире, перенасыщенном рекламным шумом, выставки дают возможность экспонентам и посетителям пообщаться с глазу на глаз без посредников, и что крайне важно — эта коммуникация проходит на нейтральной территории для обоих участников выставочного процесса.

Ассоциация немецкой выставочной индустрии AUMA в своем исследовании выставочных перспектив и трендов отмечает, что доля выставок среди интегрированных средств маркетинговых коммуникаций значительно выросла за последние несколько лет. 84 процента респондентов называют выставочные коммуникации многофункциональным средством представления своих компаний на рынках. Почти треть немецких компаний подчеркивают, что с 2018 года готовы все больше инвестировать в свое участие в выставках как внутри страны, так и за рубежом. В среднем, по данным

AUMA, немецкая компания участвовала в 8,6 выставках в 2018–2019 гг. А для крупных компаний с оборотом, превышающим 125 млн. евро, это цифра составляла около 20 [3].

Пандемия COVID-19 больно ударила практически по всем отраслям event-сферы — запрет на проведение массовых мероприятий практически закрыл на замок всю отрасль выставок и ярмарок [4]. С марта 2020 года большинство конгрессно-выставочных мероприятий по всему миру стали переноситься на неопределенное время. Принятие решений по введению ограничений на проведение этих мероприятий обусловлено негативными проявлениями внешней среды в связи с текущей санитарно-эпидемиологической ситуацией. Мировая выставочная отрасль, столкнувшись с пандемией коронавируса, стала одной из наиболее уязвимых и пострадавших, поскольку на нее влияют одновременно сразу все ограничения, связанные с туризмом, перевозками, запретом на проведение массовых мероприятий. К тому же выставки, в отличие от других массовых мероприятий, привязаны к конкретным датам проведения на ежегодной основе. Перенос или отмена мероприятия имеют более долгосрочный отрицательный эффект воздействия на всю отрасль. Масштаб бедствия увеличивает то, что при подготовке и обеспечении проведения всякого крупномасштабного конгрессно-выставочного мероприятия необходимо задействовать специалистов в разных областях: это дизайнеры, выставочные застройщики, электромонтажники, работники общепита, охрана, логистические структуры, такси, гостиницы, не считая персонал, который работает непосредственно во время мероприятия, в том числе, переводчики и представители средств массовой информации, а также представители культурно-досугового сектора, за которую отвечает туристическая отрасль. И все эти люди могут оказаться безработными.

Общее количество отмененных или перенесенных на более поздний срок из-за пандемии COVID-19 мероприятий по всему миру уже приближается к нескольким тысячам. Около 20% из них — мероприятия, имеющие большую важность для отдельного государства, либо для мирового сообщества.

По количеству отмененных в 2020 году значимых мероприятий лидировали Италия, США, Россия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Среди отмененных событий высокой значимости в этих и других странах — Петербургский международный экономический форум, ежегодная энергетическая конференция CERWeek в Хьюстоне, Берлинский энергетический диалог (Berlin Energy Transition Dialogue — 2020), первая сессия Всекитайского собрания народных представителей, Женевский автосалон, Ежегодная конференция F8

в Сан-Хосе, Международная туристическая ярмарка ITB в Берлине и т.д.

По числу случаев переноса мероприятий в лидерах — спорт, промышленность, туризм, экономика и бизнес. По числу переноса мероприятий, представляющих высокую важность для России, лидируют политика и экономика. Так среди наиболее значимых мероприятий, проведение которых перенесено на неопределенный срок (лишь в единичных случаях острожно называются новые даты) — Российский инвестиционный форум, Красноярский экономический форум, Ялтинский международный экономический форум, Международный экономический саммит «Россия — Исламский мир: KazanSummit», Специальный саммит Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и США, Заседание генеральной ассамблеи Международной ассоциации научных организаций (ANSO) в Москве и др. [5].

В марте 2020 года UFI выпустила глобальные данные, отражающие влияние, которое переносы и отмены выставок из-за COVID-19 оказывают на мировую выставочную индустрию:

- ◆ с начала марта 2020 года из-за отмены большинства выставок не было заключено контрактов на 134 миллиардов евро.
- ◆ 81,6 млрд. Евро от общего объема производства не были сгенерированы выставочной индустрией к концу второго квартала 2020 года.
- ◆ заказы, не обеспеченные компаниями-экспонентами, к концу второго квартала 2020 года, составили в целом около 135 млрд. Евро.

В настоящее время рынки, где отрасли полагаются на торговлю, закрыты по всему миру. Массовое закрытие мероприятий из-за COVID-19 теперь также достигло Северной и Южной Америки, что означает, что вся глобальная событийная индустрия замирает [6].

Пандемия коронавируса заставила обратить особое внимание на развитие новых технологий выставочного бизнеса, особенно на возможности эффективного использования в этой области «всемирной паутины». Глобальные коммуникации меняют лицо выставочной индустрии, давая возможность организатору современной выставки свести вместе покупателя и продавца, используя доступные новые инструменты, и прежде всего — Интернет. Сегодня интернет-технологии активно используются для организации нового выставочного продукта — виртуальных выставок, предлагая целый комплекс программных решений и дополнительных сервисов для выставочной индустрии. Современная виртуальная выставка представляет собой событие, условно не ограниченное во времени и в пространстве, реализуемое посредством интернет-ресурса, в рамках

которого можно размещать текстовую информацию, а также графическое, аудио- и видеоизображение экспонатов и образцов или же знакомиться с ними.

Для организации и проведения виртуальных выставок создана, например, специализированная платформа Online Expo, представляющая объединение выставочных центров по всему миру в одну сеть, которая представляет собой гибрид офлайн выставок и виртуальных сервисов. Тем самым создан эффективный Маркетплейс, который позволяет экспонентам продавать свои товары и услуги посетителям со всего мира. Сам сервис выступает в качестве гаранта сделки. Проводимые на его основе онлайн-выставки позволяют собрать больше экспонентов в одном месте (так как место проведения не ограничивается физическими квадратными метрами) и предоставляют широкие возможности в поиске деловых партнеров. Экспоненты могут участвовать в выставках по всему миру с максимальным эффектом и выгодой, привлекая значительно большее количество участников и клиентов в сравнении с традиционными выставками. География посетителей виртуальных выставок не ограничивается конкретным городом или регионом, компании находят покупателей по всему миру с минимальными затратами. Сегодня в мире проводится уже около 50 виртуальных выставок, в которых участвует более 13 тысяч экспонентов из 135 стран. Каждую выставку в среднем посещает более 1 миллиона пользователей со всего мира. На платформе успешно оцифрованы такие офлайн мероприятия как Международный конгресс недвижимости и инвестиций в Берлине и промышленная выставка Hannover Messe, что позволило увеличить их конверсию на 400%.

В России интернет-проект «Виртуальные выставки ТПП России» проводится с 2001 года под патронатом ТПП РФ при поддержке Правительств Российской Федерации и Москвы. Виртуальная выставка работает 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, что подразумевает неограниченное рекламное время в открытом доступе в Интернет. Выставочные стенды, представленные в виртуальном пространстве, позволяют пользователям Интернета не только наглядно ознакомиться с продукцией и услугами компании-экспонента, но и напрямую связаться с потенциальным партнером и наладить деловые связи. Простота и удобство использования ресурса позволяют получить полную информацию о производимой экспонентом продукции и предоставляемых им услугах непосредственно на рабочем месте, независимо от того, где находится гость виртуальной выставки — в Москве, Владивостоке или за пределами России. Участники «Виртуальных выставок ТПП России» обладают возможностью регулярно улучшать содержание своей экспозиции, оперативно меняя изображения образцов новой продукции, комментарии технических

специалистов и множество другой важной и нужной партнерам информации. Кроме того, сведения об экспоненте находятся в Сети обмена деловой информацией системы ТПП России, объединяющей интернет-сайты территориальных торгово-промышленных палат, представительств ТПП России за рубежом и организаций — партнеров палаты. На сегодняшний день участниками проекта стали уже более 900 российских и зарубежных компаний.

В рамках «всемирной паутины» передавать информацию и устанавливать деловые контакты на расстоянии становится все проще и удобнее. В этой связи существует мнение, что в скором времени деловые выставки онлайн могут стать серьезными конкурентами офлайн выставок. Действительно, преимуществом онлайн выставок для экспонентов является широкий географический охват аудитории; не ограниченная по времени работа выставок; невысокая стоимость и легкость размещения баннерной и контекстной рекламы; возможность изучать и проникать в социальную и профессиональную среду, получать обратную связь. В свою очередь, покупатели получают огромный выбор предложений; отсутствие временных и географических ограничений; низкую стоимость работы на выставке.

Также как и выставки, интернет-технологии захватывают и проводятся в их рамках различные конгрессные мероприятия. По своей сути формат конгресса не обеспечивает непосредственных условий для сбыта или закупок. Его задача заключается в организации встречи представителей отраслей и профессий, в создании коммуникационной площадки для обмена специальной информацией, распространения передового опыта и профессиональных знаний, обсуждения инновационных идей и направлений развития, коллективного поиска решений. Этой цели служат широко распространенные в настоящее время так называемые вебинары — конференции и семинары, проходящие в режиме онлайн. Они похожи на обычные конференции — последовательные доклады, показ демонстраций, вопросы и ответы, однако все это происходит в режиме реального времени через Интернет. Тем самым, несмотря на то, что все участники физически находятся далеко друг от друга, образуется виртуальная «аудитория», объединяющая всех. Основными преимуществами онлайн проведения конгрессных мероприятий являются возможность проведения многосторонней видео- и аудио-конференции; загрузка и просмотр презентаций и видео; организация (по необходимости) для большого количества зрителей возможности превращаться в реальных собеседников. Кроме того, для участия в таких вебинарах не нужно уезжать за сотни и тысячи километров, чтобы попасть на семинар; не нужно тратить время и деньги на дорогу, проживание в гости-

нице, вырываться из рабочего процесса на несколько дней; если вы не смогли подключиться к вебинару по каким-либо причинам, вы всегда сможете скачать его запись. Веб-семинар можно использовать в различных формах начиная от проведения онлайн-конференций, лекций, семинаров до проведения маркетинговых презентаций (продаж) в интернете. И для этого никому не нужно никуда ехать. Можно участвовать хоть с мобильного телефона, лишь бы был устойчивый интернет-канал. Основным преимуществом вебинаров является то, что они позволяют экономить деньги как их создателю, так и участникам. Не нужно расходовать средства на аренду зала и проезд к месту презентации. Кроме этого, в вебинаре можно комфортно участвовать с любого устройства.

Как показывает практика, перевод конгрессных мероприятий в онлайн оказался особенно эффективным из-за:

- ◆ Полного отсутствия офлайн-логистики, что является основной организационной сложностью. Нет затрат на аренду помещений и оборудования, поездки и встречи, офлайн-регистрацию и персонал, работающий на площадке, размещение и питание участников.
- ◆ Доступности спикеров, которая стала на порядок выше: обсуждения выступлений перешли в мессенджеры и конференц-коллы в Zoom, а период участия сократился до подготовки к выступлению и самого эфира.
- ◆ Удобства для зрителей: прямые трансляции можно смотреть в любой точке мира, а доступ к видео архивам расширяет аудиторию в разы.
- ◆ Экологичности. Ни тонн утилизированных стендов, ни миллиона единиц одноразовой посуды, ни бумажных раздаточных материалов. Нет мероприятий — нет мусора.

Помимо этого, инструменты работы с интернет-аудиторией, которые организаторы успешно применяли ранее лишь как часть глобального процесса подготовки — это и регистрация участников, открытая в сети заранее, и проведение онлайн-голосований для формирования деловой программы, и опросы для сбора обратной связи — сейчас заняли чуть ли не главные позиции и ускорили ее в разы [7].

Многие считают, что онлайн-мероприятия — не более чем временная замена офлайну, которая исчезнет вместе с пандемией, но это совсем не так. Да, изоляция способствовала возросшей популярности формата. Но и без этого время виртуальных событий так или иначе пришло бы. Возможно, не так скоро и точно не так резко. Просто без влияния дополнительных внешних факторов развитие этой ниши было не в приоритете.

Развитие виртуальных мероприятий произошло в итоге не за счет какого-то мощного технологического скачка — все необходимые инструменты существовали и до пандемии.

И все же надо понимать, что главным содержанием любого конгрессно-выставочного мероприятия остается коммуникация и взаимодействие людей, которые приходят на это мероприятие со своими ожиданиями и потребностями. Там они обмениваются информацией, знаниями, эмоциями и уходят с впечатлениями, которые сформированы не только контентом, но и атмосферой. Опыт же показывает, что онлайн со всеми технологическими возможностями не способен стать полноценным аналогом офлайна и не может заменить настоящий, живой диалог. Часто между участниками онлайн общения не возникает делового энергетического посыла, многим необходимы единомышленники и даже оппоненты, находящиеся рядом. Исходя из этого, можно предположить, что в будущем конгрессно-выставочная отрасль будет развивать как онлайн, так и офлайн форматы. Организаторы офлайн-событий будут активно использовать опыт, приобретенный во время кризиса, и усиливать цифровыми решениями очные мероприятия.

Послековидное будущее конгрессно-выставочной индустрии — за гибридной моделью. Она сохранит все то, что ценится в очных мероприятиях, а виртуальная надстройка будет только расширять аудиторию и добавлять впечатлений благодаря богатому набору инструментов. Участие в онлайн выставках и интернет-активность обеспечат более полное и разностороннее воздействие на целевые аудитории выставочной отрасли, делая рекламную и маркетинговую программы еще более эффективными. У участников мероприятия должен быть выбор — присутствовать на площадке или присоединиться на расстоянии с помощью ставших привычными онлайн-инструментов. При этом гибридная модель будет развиваться и выполнять свою основную функцию — дарить новый опыт и эмоции, при этом учитывая особенности разных сегментов участников конгрессно-выставочных мероприятий, их потребности и возможности.

Выставочный маркетинг и интернет-маркетинг не соперничают, а выгодно дополняют друг друга, при этом ведение электронной коммерции на виртуальных рынках не является поводом для того, чтобы отказаться от выставок офлайн. Расширение использования интернет-маркетинга не означает, что для установления деловых отношений необходимость в личном контакте полностью отпадет. Формат живого общения будет востребован всегда. Пандемия же привела к необходимости персонализировать отношения с клиентами, уси-

лить автоматизацию стандартных операций. Необходимо будет использовать новые мобильные форматы и их креативное сочетание в выставочном пространстве.

Надо подчеркнуть, что сохранение конгрессно-выставочной индустрии в условиях борьбы всего мира с COVID-19 является жизненно важной задачей, поскольку эта отрасль поможет мировой экономике бы-

стрее восстановиться после пандемии. Именно эта индустрия поможет реабилитировать продажи, наладить контакты, создать прибыль, открыть рабочие места по всему миру. Безусловно, есть отрасли, значимость которых больше, чем конгрессно-выставочная индустрия. Однако именно она позволит создать рыночные площадки и площадки для встреч, что поможет поддерживать другие индустрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. <https://amrinternational.com/product/globex-2018/>
2. Сулейманова К.А. UFI и РСВЯ — гаранты качественного выставочного продукта мирового уровня // KANT 2018. № 2 (27). С. 352–356
3. <http://expoclub.ru/press/52885/>
4. Сулейманова К.А. Влияние пандемии коронавирусной инфекции Covid 19 на всемирную выставочную индустрию // Экономика и предпринимательство. 2020. № 2 (115). С. 228–233
5. Официальный сайт ADVERTOLOGY наука о рекламе [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.advertology.ru/article148669.htm> (дата обращения 17.04.2020)
6. Всемирная ассоциация выставочной индустрии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ufinet.org> (дата обращения 07.04.2020)
7. Собченко О. Что ждет рынок деловых мероприятий после пандемии. <https://snob.ru/entry/193335/>

© Сулейманова Карина Ашотовна (Suleymanova.KA@rea.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЭА им. Г. В. Плеханова

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ПО РАЗВИТИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

MODELING THE STRUCTURE AND CONTENT OF A PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP MECHANISM FOR THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES BASED ON INSTITUTIONAL MATRICES

P. Tkachuk

Summary. The article is devoted to modeling the structure and content of the mechanism of public-private partnership for the development of entrepreneurial activity on the basis of institutional matrices. The study found that the main directions of public-private partnership for the development of entrepreneurial activity are: implementation of a unified state socio-economic policy; ecological and economic development of territories; development and implementation of infrastructure projects; digitalization of social and economic relations.

In addition, it is emphasized that the structure of the mechanism of public-private partnership for the development of entrepreneurial activity appears as a set of elements functioning among themselves on the basis of a system of relationships and regulations in order to achieve the set goals and objectives. This made it possible to substantiate that the basis of the "single" organizational and economic mechanism of public-private partnership for the development of entrepreneurial activity can be the following "dominant-complementary" mechanisms: financial, informational, institutional.

In turn, the compilation of institutional matrices and the interpretation of the results in the plane of research problems allowed us to come to the conclusion that, within the framework of each separately taken mechanism of public-private partnership, it is advisable to single out at least the following blocks: theoretical (object, subject, postulates, principles, etc.); methodical (techniques, tools, etc.); functional (algorithms, models, etc.); practical (clear directions for the implementation of the mechanism).

Keywords: public-private partnership; entrepreneurial activity; power structures; business structures; institutional matrices.

Ткачук Петр Юрьевич

*К.э.н., доцент, ГОУ ВО Луганской Народной
Республики «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»
petertkachuk@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена моделированию структуры и содержания механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности на основе институциональных матриц. В ходе исследования установлено, что основными направлениями государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности являются: реализация единой государственной социально-экономической политики; эколого-экономическое развитие территорий; разработка и реализация инфраструктурных проектов; цифровизация социально-экономических отношений.

Кроме того, акцентировано внимание, что структура механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности предстает в качестве совокупности элементов, функционирующих между собой на основе системы взаимосвязей и регламентов с целью достижения поставленных целей и задач. Это позволило обосновать, что основу «единого» организационно-экономического механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности могут составлять следующие «доминантно-комплементарные» механизмы: финансовый, информационный, институциональный.

В свою очередь, составление институциональных матриц и интерпретация результатов в плоскость проблематики исследования позволили прийти к выводу, что в рамках каждого отдельно взятого механизма государственно-частного партнерства целесообразно выделить, как минимум, следующих блоков: теоретического (объект, субъект, постулаты, принципы и т.д.); методического (методики, инструментарий и т.д.); функционального (алгоритмы, модели и т.д.); практического (четкие направления реализации механизма).

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; предпринимательская деятельность; властные структуры; предпринимательские структуры; институциональные матрицы.

Современные особенности государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности ярко демонстрируют его многоаспектность, дискуссионность, а также направленность на решение проблем, требующих достижения консенсуса между различными субъектами экономики.

При этом такое взаимодействие для достижения максимального эффекта и учета интересов всех его участников должно осуществляться на основании четкого и понятного механизма. Это связано, как минимум, с тем, что разработка любого механизма государственно-частного партнерства, направленного на развитие предпринимательской деятельности, предполагает:

- ◆ формирование концептуальных основ взаимодействия и властных, и предпринимательских структур на основе системы принципов при помощи определенного инструментария и т.д.;
- ◆ гармоничное сочетание в рамках единого механизма ряда других механизмов составляющих его структуру и направления реализации, а также логику их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Понимание вышесказанного приводит к тому, что в специальной экономической литературе уделяется значительное внимание исследуемой проблематике. Так, большинство современных публикаций (например, работы Васильчикова А.В. [3], Глушко Ю.В. [4], Голубкиной К.В. [5], Загоруйко И.Ю. [7], Муртазина И.Р. [10], Половяна А.В. [11]) направлены на формирование теоретико-методологических основ реализации различных механизмов государственно-частного партнерства. Ключевые различия в, безусловно, обстоятельных работах ученых связаны с разной проблематикой исследований: от специфики региона до отраслевых различий.

Обращают на себя внимания работы, результаты которых затрагивают исследуемую проблематику с позиций институциональной теории. Так, для представленного исследования особое значение имеют публикации, посвященные институциональным матрицам (речь идет об исследованиях Ерзнкян Б.А. [6], Иванова А.А. [8], Кирдиной С.Г. [9]). Интерпретация результатов, полученных указанными учеными, в рамки представленного исследования позволяет выделить предметную плоскость, на исследование которой направлена цель статьи, а именно: моделирование структуры и содержания механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности на основе институциональных матриц.

Результаты критического анализа специальной экономической литературы (речь идет о публикациях [1–5;

7; 9–11]) позволяют констатировать, что основными направлениями государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности являются: реализация единой государственной социально-экономической политики; эколого-экономическое развитие территорий; разработка и реализация инфраструктурных проектов; цифровизация социально-экономических отношений.

При этом важно понимать, что эффективность реализации указанных направлений зависит от взаимодействия участников государственно-частного партнерства между собой в рамках единого механизма. Фундаментом, на котором базируется функционирование такого механизма является перечень функций, которые должны выполнять участники государственно-частного партнерства (государственные органы, субъекты предпринимательской деятельности, общественные и правозащитные организации).

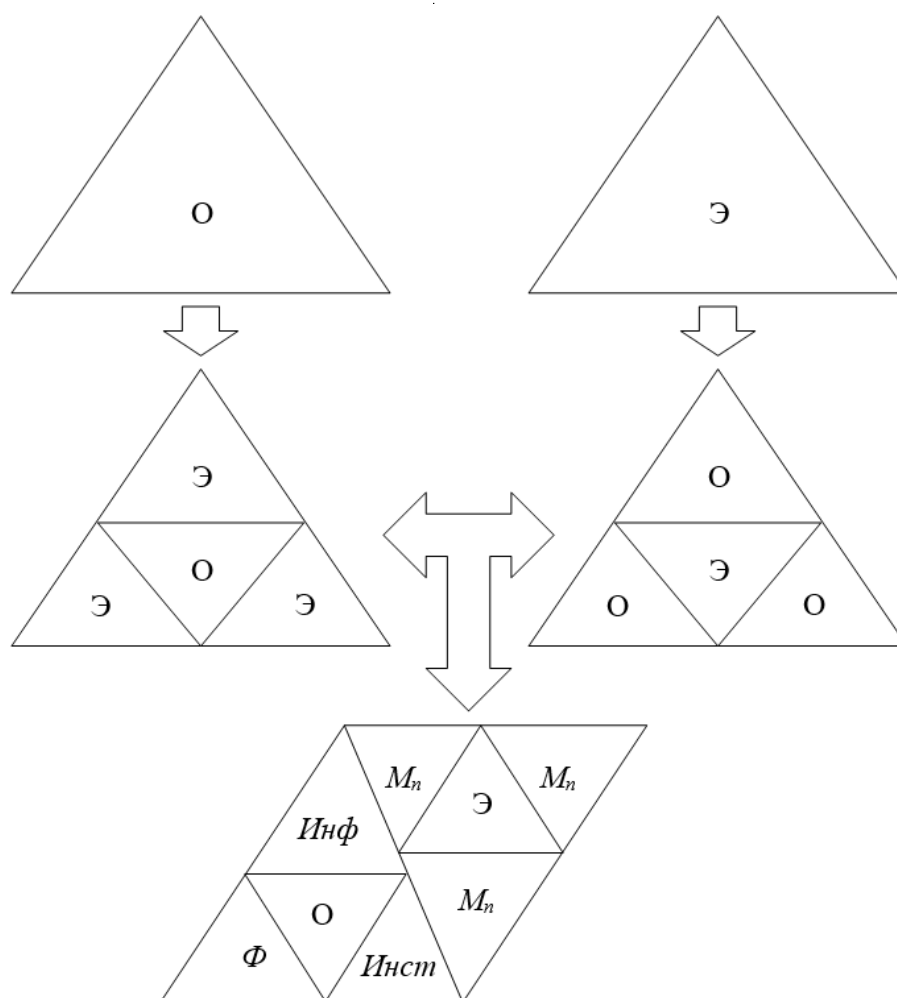
Так, на государственные органы возложены обязанности по: формированию законодательных основ государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности; поддержке участия всех субъектов в процессе государственно-частного партнерства; привлечение иностранных партнеров для обмена опытом и т.д.

Субъекты предпринимательской деятельности (в лице представителей) должны взять на себя солидарную ответственность за разработку, согласование и реализацию проектов государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности.

В свою очередь, деятельность общественных и правозащитных организаций в рамках государственно-частного партнерства должна быть направлена на поддержку и контроль реализации согласованных властными и предпринимательскими структурами проектов. Такой, своего рода, «общественный контроль» мотивирует субъектов государственно-частного партнерства на решение социальных проблем, имеющих первозданное значение для повышения качества жизни населения и благосостояния граждан.

Нельзя отдельно не отметить, основные направления взаимодействия указанных выше участников в рамках государственно-частного партнерства:

1. финансовое (формирование ресурсного обеспечения проекта государственно-частного партнерства и подходов к распределению возможных инвестиционных средств);
2. информационное (разработка системы коммуникационных каналов между участниками и поддержание их в «рабочем состоянии» посредством

Условные обозначения:
 О – организационный механизм государственно-частного партнерства;
 Э – экономический механизм государственно-частного партнерства;
 Э – финансовый механизм государственно-частного партнерства;
 Инф – информационный механизм государственно-частного партнерства;
 Инст – институциональный механизм государственно-частного партнерства;
 М_n – другие механизмы государственно-частного партнерства;

Рис. 1. Модель линейного континуума возможных трансформаций механизмов государственно-частного партнерства на основе институциональных матриц (составлено с учетом [52])

их информирования о об этапах и результатах реализации проекта государственно-частного партнерства);

3. методическое (согласование инструментария реализации проекта государственно-частного партнерства и обоснование этапов его применения);
4. институциональное (создание системы «правил игры» по реализации проекта на основе совокупность формальных и неформальных норм, традиций и т.д.).

Во многом указанные направления определяют структуру единого механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности, который по своей сути является организационно-экономическим. Такое умозаключение сделано на основе анализа сущности различных экономических механизмов и организационных особенности их реализации (здесь обращают на себя внимание исследования [1; 2; 11]).

Структура механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской де-

тельности, по нашему мнению, предстает в качестве совокупности элементов, функционирующих между собой на основе системы взаимосвязей и регламентов с целью достижения поставленных целей и задач. Такая позиция, с одной стороны, формирует альтернативные варианты подчиненности и взаимосвязи элементов между собой, а с другой — определяет процессную основу реализации механизма государственно-частного партнерства в реализации соотношения «...доминантно-комплементарных матриц...» [9, с. 71].

Итак, мы склонны полагать, что основу «единого» организационно-экономического механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности могут составлять следующие «доминантно-комплементарные» механизмы: финансовый, информационный, институциональный. Однако, здесь уместно акцентировать внимание, что перечень таких механизмов не может быть исчерпывающим, поэтому были указаны основные, по нашему мнению, из них.

Здесь уместней акцентировать внимание на сроках реализации таких механизмов, а не на их составе, так как последний является сугубо специфичным для каждой реалити ведения предпринимательской деятельности. Так, целесообразно выделить следующие механизмы государственно-частного партнерства: 1) долгосрочные (направлены на достижение глобальных целей, преимущественно, на макро уровне экономики); 2) среднесрочные (ориентированы на достижение тактических целей развития предпринимательской деятельности в отдельных регионах или отраслях экономики); 3) краткосрочные (реализация связана с получением экономического, социального, экологического эффекта на уровне отдельных субъектов предпринимательской деятельности).

Для моделирования механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности представляет интерес формирование институциональных матриц. Их формирование позволит обосновать структуру и содержание исследуемого механизма, через призму его институциональных свойств (организационных и экономических) (рис. 1).

Возможные структурно-содержательные изменения элементов в механизме основываются на образовании и функционировании доминантно-комплементарных вариантов последних. Если расположить по их росту/падению (согласно [9, с. 71]), получим изображение в виде линейного континуума возможных трансформаций институциональных матриц механизмов государственно-частного партнерства.

Свойства симметричности, взаимообусловленности и доминантности-комплементарности институциональных матриц наглядно демонстрируют трансформации, которые могут произойти в структуре механизма государственно-частного партнерства. В пределах линейного континуума теоретически вполне возможным вариантом является формирование и существование так называемой равновесной (сбалансированной) институциональной матрицы, с одинаковым количеством составляющих механизмов в рамках организационного и экономического механизма государственно-частного партнерства.

При этом мы склонны полагать, что в рамках каждого отдельно взятого механизма государственно-частного партнерства целесообразно выделить, как минимум, следующих блоков: теоретического (объект, субъект, постулаты, принципы и т.д.); методического (методики, инструментарий и т.д.); функционального (алгоритмы, модели и т.д.); практического (четкие направления реализации механизма).

Сказанное выше можно позиционировать в пределах не только линейного континуума (путем добавления позиций в соответствующие треугольники на рисунке 1), но и свести в рамки условной формулы:

$$F = \sum a_i + \sum b_j + \sum c_k + \sum n_l, \quad (1)$$

где F — «единый» организационно-экономический механизм государственно-частного партнерства;

i, j, k, l — элементы блоков (теоретического, методического, функционального, практического) механизмов;

a, b, c, n — механизмы государственно-частного партнерства (организационный, информационный, институциональный и т.д.).

Генеральная институциональная матрица является множеством F элементов или субматриц (в нашем случае механизмов), где каждый треугольный элемент может принадлежать любому механизму государственно-частного партнерства. Кроме того, согласно формуле структура «единого» организационно-экономического механизма государственно-частного партнерства зависит от соотношения элементов блоков механизмов между собой. Речь идет об условном соотношении блоков механизмов, связанных с теорией (i+k) и практикой (j+l). В зависимости от такого соотношения при реализации механизмов государственно-частного партнерства будет наблюдаться «перекося» в теоретическую и практическую плоскость, что неизбежно скажется и их на эффективности.

Рассуждая об эффективности механизмов государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности целесообразно говорить

о ряде общих и специфических показателей. При этом ключевое значение, по нашему мнению, имеют общие показатели, которые связаны с расчётом (по возможности) экономического, социального, экологического эффекта от реализации соответствующих механизмов.

Так, выводы об экономической эффективности механизмов государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности могут делаться на основании расчета темпов роста валового внутреннего (регионального) продукта, динамики производства продукции и товарооборота, уровня конкурентоспособности продукции и т.д.

В свою очередь, социальную эффективность механизмов государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности наилучшим образом характеризует уровень занятости населения, текучести кадров и т.д.

Для расчета экологической эффективности механизмов государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности важное значение имеют показатели выбросов вредных веществ, уровня промышленных токсичных отходов; и ряд дру-

гих (исходя из особенностей предпринимательской деятельности).

Вместе с тем, эффективность механизмов государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности, кроме общих показателей, характеризуют и специфические. Их выбор определяется прежде всего функциями участников государственно-частного партнерства, а также спецификой проекта, в рамках которого они взаимодействуют друг с другом.

Таким образом, в ходе исследования предложена структура и содержание механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности. Обосновано, что основу «единого» организационно-экономического механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности могут составлять, как минимум, следующие «доминантно-комплементарные» механизмы: финансовый, информационный, институциональный. Вследствие этого, в статье схематично предоставлена модель линейного континуума возможных трансформаций механизмов государственно-частного партнерства на основе институциональных матриц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелина, И.А. Методический подход к анализу и оценке взаимодействия властных и предпринимательских структур / И.А. Ангелина // Вестник ДОНУЭТ. Сер. Экономические науки. — 2014 — № 1 (61). — С. 64–70.
2. Бессарабов, В.О. Проектирование государственно-частного партнерства по обеспечению экономической безопасности предпринимательской деятельности / В.О. Бессарабов // Аудит и финансовый анализ. — 2020. — № 5–6. — С. 185–191.
3. Васильчиков, А.В. Пути реализации потенциала региона через механизм государственно-частного партнерства / А.В. Васильчиков // Известия СПб-ГЭУ. — 2019. — № 6 (120). — С. 68–73.
4. Глушко, Ю.В. Совершенствование механизма государственно-частного партнерства в России // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. — 2021. — № 1 (54). — С. 172–182.
5. Голубкина, К.В. Механизм реализации проектов на основе государственно-частного партнерства / К.В. Голубкина, С.К. Абрамян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — № 7. — С. 216–218.
6. Ерзнкян, Б.А. Является ли Институциональная матрица институциональной матрицей / Б.А. Ерзнкян // ЭНСР. — 2007. — № 2. — С. 52–63.
7. Загоруйко, И.Ю. Пути реализации и становления экономико-правового механизм государственно-частного партнерства / И.Ю. Загоруйко, Ж.В. Эстерлейн // Московский экономический журнал. — 2019. — № 11. — С. 406–415.
8. Иванов, А.А. К вопросу о типологии институциональных преобразований / А.А. Иванов // Свободная мысль. — 2021. — № 5 (1689). — С. 33–38.
9. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию (издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное) / С.Г. Кирдина. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 468 с.
10. Муртазина, И.Р. Формирование механизмов государственно-частного партнерства в промышленном секторе экономики РФ / И.Р. Муртазина, И.Ю. Васьковская // Московский экономический журнал. — 2020. — № 8. — С. 222–230.
11. Половян, А.В. Развитие цифровой инфраструктуры с использованием механизма государственно-частного партнерства / А.В. Половян, Н.В. Шемякина, А.А. Поомаренко // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. — 2021. — № 4–1. — С. 524–528.

© Ткачук Петр Юрьевич (petertkachuk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕОФШОРИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ

DEOFFSHORIZATION IN THE RUSSIAN FINANCIAL LAW

N. Andrianova

Summary. Rapid development of legislative regulation of relations in the field of deoffshorization in Russia in the context of improvement of international anti-offshore regulation sets the task of theoretical analysis of deoffshorization. The article analyzes the legal relations in the field of deoffshorization and establishes that deoffshorization is an independent institution of the Russian financial law, in which the author identifies several sub-institutions.

Keywords: deoffshorization, offshore jurisdictions, financial law institute, international taxation, taxation of foreign assets, tax evasion.

Андреанова Наталья Геннадьевна

*Соискатель, Институт государства и права
Российской академии наук
natalia.g.andrianova@gmail.com*

Аннотация. Стремительное развитие законодательного регулирования отношений в сфере деофшоризации в России в условиях совершенствования международного антиофшорного регулирования ставит задачу теоретического анализа деофшоризации. В статье анализируются правовые отношения в сфере деофшоризации и устанавливается, что деофшоризация является самостоятельным институтом российского финансового права, в котором автором выделяется несколько субинститутов.

Ключевые слова: деофшоризация, офшорные юрисдикции, институт финансового права, международное налогообложение, налогообложение зарубежных активов, уклонение от уплаты налогов.

Международные тенденции антиофшорного регулирования во многом предопределили появление и развитие правового регулирования отношений в сфере деофшоризации в России. Многообразие офшорных юрисдикций и разнообразный характер их использования в транснациональной предпринимательской деятельности [1] обуславливает необходимость комплексного подхода к деофшоризации: система мер в сфере деофшоризации должна противостоять незаконным и недобросовестным практикам использования офшорных организаций для целей минимизации и уклонения от уплаты налогов, легализации денежных средств, при этом, в целом, эффективность мер в сфере деофшоризации во многом зависит от условий осуществления и налогообложения предпринимательской деятельности на территории России, в том числе условий для репатриации капитала из-за рубежа.

Стремительное развитие законодательного регулирования отношений в сфере деофшоризации в России ставит задачу теоретического анализа и осмысления деофшоризации. Рассмотрим возможность выделения деофшоризации в качестве самостоятельного института финансового права. По мнению С.С. Алексеева институт права — это «подразделение юридических норм внутри отрасли права, которое обеспечивает цельное самостоятельное регулирование группы отношений или осуществление особой задачи, функции в этом регулировании, воплощают в своем содержании особую юридическую конструкцию, некоторые общие положения, принципы» [2, с. 214]. Финансово-правовым инсти-

тутом является законодательно обособленная совокупность правовых норм, обеспечивающих комплексное регулирование определенной группы общественных отношений [3, с. 58]. На основании приведенных определений можно судить, что институт финансового права объединяет совокупность правовых норм, по объему меньший, чем подотрасль или отрасль права и его отличают такие основные критерии, как предмет и метод правового регулирования, юридическое единство правовых норм, единство содержания правового института, видовой состав правовых норм.

Очевидно, что одной и важнейших задач разработки мер по деофшоризации является создание действенного механизма налогообложения и контроля трансграничных операций и зарубежных активов, принадлежащих российским резидентам. В этой связи можно выявить устойчивую связь деофшоризации с процессом аккумулирования денежных средств в публичные денежные фонды. Процесс аккумулирования публичных денежных фондов относится к предмету правового регулирования финансового права [4, с. 49–50; 5, с. 9], и, в свою очередь, оказывает влияние на процессы распределения и использования таких фондов, так как «недополучение» бюджетом определенного размера доходов влечет необходимость сокращения уровня расходов. Данные виды общественных отношений также регулируются нормами финансового права.

Преобладание норм-запретов и обязывающих норм в сфере деофшоризации указывает на преимущественно императивный характер общественных отношений,

складывающихся в этой сфере. Обязанности в сфере деофшоризации устанавливаются нормами финансового права в интересах государства в целом. Например, обязанность по предоставлению уведомлений об участии в иностранных организациях или уведомлений о контролируемых иностранных компаниях, которая была установлена для контролирующих лиц — российских налоговых резидентов, преследует цель получения информации об иностранных организациях, контролируемых физическим лицом или организацией — российским налоговым резидентом, для дальнейшего налогообложения в России нераспределённой прибыли такой иностранной компании. Такая обязанность устанавливается в интересах государства в целом. Тем не менее, условно-диспозитивный метод правового регулирования также воздействует на отношения в сфере деофшоризации определенным образом. Его влияние проявляется в предоставлении возможности выбора вариантов поведения субъектами финансового права в рамках, установленных финансовым законодательством. В частности, в рамках процесса добровольного декларирования зарубежных активов физическим лицам — российским налоговым резидентам была предоставлена возможность добровольно предоставить декларацию, содержащую сведения об имуществе, владельцем которого является декларант; о счетах в зарубежных банках; о контролируемых иностранных компаниях, в отношении которых декларант является контролирующим лицом, то есть предоставлялось право выбора — вступать или не вступать в отношения по добровольному декларированию зарубежных активов по собственной инициативе. Однако в случае, если лицо не вступало в такие отношения, владея незадекларированными иностранными активами, в дальнейшем существенно повышались риски привлечения к ответственности, так как такому лицу становились недоступны гарантии освобождения от уголовной, административной или налоговой ответственности, предоставляемые при подаче специальной декларации. Сочетание уполномочивающих, обязывающих и запрещающих норм в сфере деофшоризации оказывает разностороннее воздействие и позволяет обеспечить полноту регулирования всей совокупности общественных отношений, регулирующих сферу деофшоризации.

Единство содержания правовых норм в сфере деофшоризации выражено во взаимосвязи всех положений с регулированием отношений с офшорными юрисдикциями, иностранными организациями или зарубежными активами, принадлежащими российским резидентам. Комплексность правовых мер, направленных на деофшоризацию, закрепление их нормами налогового, банковского, валютного права, нормами о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, регулирующим отношения в сфе-

ре деофшоризации, обеспечивают системный подход к проблеме противодействия практикам незаконного и недобросовестного использования офшорных структур. Кроме того, юридическое единство правовых норм в сфере деофшоризации обеспечивается действием общих принципов, распространяющимся на всю совокупность отношений в сфере деофшоризации, важнейшими из которых являются баланс публичных и частных интересов и принцип определенности правового регулирования отношений в сфере деофшоризации.

Правовые отношения, складывающиеся в сфере деофшоризации, являются финансово-правовыми, так как обладают всеми основными характеристиками отношений, составляющих предмет финансово-правового регулирования [7, с. 124–132; 8, с. 7–11]. К таким характеристикам относится:

1. обусловленность имущественным характером отношений — отношения в институте деофшоризации имеют тесную связь с процессом аккумуляции публичных денежных фондов и направлены на обеспечение налогообложения трансграничных операций и зарубежных активов российских налоговых резидентов;
2. императивно-властный характер отношений, проявляющийся в вертикальном характере возникающих отношений в сфере деофшоризации, подчиненностью и обязанностью физических лиц и организаций следовать обязательным предписаниям уполномоченных государственных органов;
3. обязательным участником таких отношений является государство в лице компетентных органов, что проявляется в участии российских налоговых органов, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Банка России и др. как стороны отношений по деофшоризации;
4. конфликтность таких отношений, ввиду стремления частных субъектов в минимизации налоговых отчислений и обеспечении конфиденциальности владения активами при публичном интересе, заключающемся в обеспечении налогообложения трансграничных операций и зарубежных активов российских налоговых резидентов, а также повышении уровня финансовой прозрачности.

Таким образом, деофшоризация является самостоятельным институтом российского финансового права.

Актуально мнение о том, что в основе системы права лежат объективные факторы — потребности и интересы общества, развитие общественных отношений, диктующие объективную необходимость появления новых правовых институтов, которые призваны охватить сво-

им влиянием те сферы общественных отношений, которые актуальны на сегодняшний день [6, с. 44]. Развитие международного антиофшорного регулирования привело к появлению в российском праве совокупности правовых норм в сфере деофшоризации, которая может быть отнесена к институту особенной части финансового права ввиду того, что регулирование сферы деофшоризации осуществляется преимущественно налогово-правовыми мерами, а также валютно-правовыми, банковско-правовыми мерами, мерами в сфере противодействия легализации денежных средств и мерами, направленными на репатриацию капитала, при этом деофшоризация как институт финансового права обладает собственными предметом правового регулирования не схожим с предметом правового регулирования названных подотраслей и институтов финансового права. Выделение института деофшоризации наряду с другими институтами в системе финансового права обеспечивает целостность и упорядоченность всей системы финансового права в современных условиях.

Направленность деофшоризации в России на противодействие уклонению от уплаты налогов и злоупотребление нормами финансового права, противодействие незаконной легализации денежных средств и стимулирование возвращения капитала российских налоговых резидентов из-за рубежа [8, с. 7–11; 9, с. 34–40] предопределяет возможность выделения правовых единиц более низкого порядка в институте деофшоризации — субинститутов права. Как известно, субинституты права являются структурными элементами сложных крупных институтов права, в которых можно выделить группы правовых норм, обладающих определенной спецификой предмета и метода правового регулирования и обладающих признаком однородности и системности. Как было сказано ранее, многоаспектность правового регулирования мер по деофшоризации и направленность на противодействие «вредоносному» характеру использования офшорных структур предопределяет разносторонность характера правовых норм в сфере деофшоризации. В сфере деофшоризации можно выделить следующие субинституты в институте деофшоризации:

1. субинститут противодействия уклонению от уплаты налогов и злоупотреблению нормами финансового права с использованием иностранных юрисдикций;
2. субинститут противодействия незаконной легализации денежных средств с использованием иностранных юрисдикций;
3. субинститут репатриации активов на территорию Российской Федерации;
4. субинститут финансового контроля в сфере деофшоризации.

Каждый из названных субинститутов представляет собой совокупность правовых норм, направленных на регулирование определенного круга общественных отношений, отличающихся спецификой предмета и метода правового регулирования и возникающих в институте деофшоризации, при этом выделенные субинституты находятся в системной связи между собой и институтом деофшоризации в целом. Общая направленность всех правовых норм в сфере деофшоризации заключается в защите российского фискального интереса и обеспечении регулирования и налогообложения трансграничных операций и зарубежных активов российских налоговых резидентов. Одним из примером системности и взаимосвязи данных субинститутов может быть тот факт, что субинститут финансового контроля в сфере деофшоризации непосредственно связан с каждым из трех других выделенных субинститутов, так как правовые нормы, входящие в состав данного субинститута, направлены на поддержание правопорядка в сфере деофшоризации. Так, регулирование правил о контролируемых иностранных компаниях осуществляется в рамках субинститута по противодействию уклонению от уплаты налогов и злоупотреблению нормами финансового права с использованием иностранных юрисдикций, при этом, в субинституте финансового контроля можно выделить налоговый контроль правил соблюдения норм о контролируемых иностранных компаниях, в рамках которого контролируется: (1) соблюдение налогоплательщиками обязанности и сроков подачи уведомлений об иностранных организациях, об учреждении иностранных структур без образования юридического лица, о контролируемых иностранных компаниях, факт непредставления указанных уведомлений или предоставление уведомлений, содержащих недостоверные сведения, свидетельствует о противодействии налогоплательщика процессу осуществления налогового контроля и признания его контролирующим лицом иностранных организаций; (2) правильность включения доли прибыли контролируемой иностранной компании в декларации по налогу на прибыль организаций и по налогу на доходы физических лиц в зависимости от категории налогоплательщика, а также полнота исчисления и уплаты этих налогов. Такие виды взаимосвязей прослеживаются и между другими выделенными субинститутами.

В условиях стремительного развития правового регулирования отношений в сфере деофшоризации в России ввиду совершенствования международных антиофшорных инициатив и тенденции повышения ответственности за совершение правонарушений в этой сфере (например, размер штрафа, предусмотренного пунктом 1 статьи 129.6 Налогового Кодекса Российской Федерации за неправомерное непредставление

уведомления о контролируемых иностранных компаниях, был повышен до 500 000 рублей) существенно возрастает роль комплаенса, а именно соблюдения требований действующего законодательства в сфере деофшоризации. В этой связи представляется необходимым внедрение и развитие деофшоризационного комплаенс-контроля, заключающегося в обеспечении соблюдения требований законодательства в сфере деофшоризации за счет мониторинга организациями и физическими лицами, осуществляющими трансграничные операции и владение зарубежными активами, законодательных изменений, судебной и правоприменительной практики в сфере деофшоризации и проверке соответствия деятельности организации или физического лица таким требованиям. В крупных организациях для эффективной реализации деофшориза-

ционного комплаенс-контроля рекомендуется разработка деофшоризационной комплаенс-политики.

Таким образом, стремительное развитие правового регулирования сферы деофшоризации в России ставит вопрос о необходимости анализа деофшоризации научкой финансового права. Представляется обоснованным выделение деофшоризации как самостоятельного комплексного института в особенной части финансового права. Многоаспектность деофшоризации и разносторонний характер правового регулирования мер по деофшоризации в России позволяет сделать вывод о возможности выделения ряда субинститутов в институте деофшоризации, находящихся в системной взаимосвязи и обеспечивающих комплексное регулирование деофшоризации в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andrianova N. Low-Tax Jurisdictions in International Tax Planning // Russian Law Journal. 2021. № 9(3).
2. Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права. М.: Юрид. лит., 1987.
3. Финансовое право: учебник. Под ред. Карасевой М.В. М.: Юристъ, 2007.
4. Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.
5. Актуальные проблемы финансового и налогового права: учебное пособие / отв. ред. М.В. Карасева. М.: Проспект, 2021.
6. Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды. Учебное пособие. Саратов, 2000.
7. Кобзарь-Фролова М.Н. Концептуальные основы теории налоговой деликтологии: монография. — М.: Изд-во ВГНА, 2010 473с.
8. Кобзарь-Фролова М.Н. Тенденции и ориентиры инвестиционной политики Российской Федерации на ближайшую перспективу//Финансовое право, М.: 2014, № 9 С. 7–11
9. Кобзарь-Фролова М.Н. Налогово-правовые проблемы привлечения в российскую экономику иностранных инвестиций// ИД «Финансы и кредит», 22(79), сентябрь 2010 С. 34–40

© Андрианова Наталья Геннадьевна (natalia.g.andrianova@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВОЗДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

INVESTIGATING GLOBALIZATION AND THE IMPACT OF ENVIRONMENTAL CRISES ON HUMAN RIGHTS

*Ch. Bakhdivand
S. Rastegari*

Summary. Globalization affects the environment and sustainable development in a variety of ways and through many channels. The purpose of the article is to examine various arguments about human rights and environmental sustainability, to assess their coherence and consistency, and to evaluate competing views.

The article attempts to analyse the effects of globalization and its impact on different sectors.

Keywords: pandemic, environment, ecological, globalization, world challenges, world threats, security.

Бахадиванд Чегини Захра

*Преподаватель, Башкирский государственный
медицинский университет*

Растегари Сайедэбрахим

*Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
ebrahimrastegari@gmail.com*

Аннотация. Глобализация влияет на окружающую среду и устойчивое развитие самыми разнообразными способами и по множеству каналов. Цель статьи состоит в том, чтобы изучить различные аргументы о правах человека и экологической устойчивости, чтобы оценить их согласованность и последовательность, а также оценить конкурирующие точки зрения.

В статье предпринята попытка проанализировать последствия глобализации и ее влияние на различные секторы.

Ключевые слова: пандемия, экология, экологическое, глобализация, мировые вызовы, мировые угрозы, безопасность.

Термин «глобализация» используется для описания различных экономических, культурных, социальных и политических изменений, которые сформировали мир за последние 50 с лишним лет, от широко известной революции в области информационных технологий до уменьшения национальных и геополитических границ в постоянно расширяющемся транснациональном движении товаров, услуг и капитала. Растущая гомогенизация потребительских вкусов, консолидация и расширение корпоративной власти, резкое увеличение богатства и бедности, «макдональдизация» продуктов питания и культуры и растущее распространение либерально-демократических идей — все это, так или иначе, связано с глобализацией. (Шалмали Гуттал) [1]

Глобализация — процесс, в котором люди, компании и правительства разных стран взаимодействуют и интегрируются посредством международной торговли и инвестиций, оказывает влияние на окружающую среду, культуру, политические системы, экономическое развитие и физическое благополучие людей в обществах по всему миру. Благодаря Интернету, средствам

массовой информации, самолетам, международному бизнесу и посольствам мы теперь более тесно связаны друг с другом, чем когда-либо прежде. [5]

Взаимодействие процессов, связанных с глобализацией (в том числе и с глобальным распространением и упрочением прав человека), с одной стороны, и государственных суверенитетов, с другой, часто рассматривается как одно из системных противоречий современного мира. Действительно, многие суверенные государства долгое время ставили во главу угла свою абсолютную самостоятельность и независимость, а потому объявляли соблюдение прав человека на собственной территории своим внутренним делом. В значительной степени во многих регионах такая ситуация сохраняется до сих пор.

В экономической области глобализация связана с развитием капитализма как экономической системы, часто основанной на вере в саморегулирующиеся рынки. Глобализация привела к развитию экономической свободы и, как утверждается, повысила уровень жизни

во всем мире, даже если в относительном выражении разрыв между богатыми и бедными растет.

Глобализация связана с развитием международной торговли и глобальным распределением производства товаров и услуг за счет снижения барьеров в международной торговле, таких как тарифы, экспортные пошлины и импортные квоты, а также уменьшения ограничений на движение капитала и инвестиции.

Глобализация ускорила процессы аутсорсинга и офшоринга. Транснациональные корпорации (ТНК) могут интенсивно и с наименьшими затратами эксплуатировать малые и средние предприятия на мировом уровне благодаря аутсорсингу. Однако малым и средним предприятиям может быть трудно противостоять глобальной конкуренции и обеспечивать права своих работников. ТНК нелегко привлечь к ответственности за нарушения прав человека, когда корпорация юридически зарегистрирована в одном государстве, в то время как она осуществляет свою деятельность в другом государстве.

Глобализация также оказала влияние на приватизацию коммунальных услуг и таких товаров, как водоснабжение, здравоохранение, безопасность и даже управление тюрьмами. В последнее время другие товары, такие как семена или лекарства, рассматриваются как экономические товары и включаются в торговые соглашения. [4]

Глобализация способствовала развитию корпоративной социальной ответственности и заботе об ответственности негосударственных субъектов, таких как транснациональные корпорации, за их деятельность, особенно в тех случаях, когда она оказывает негативное воздействие на окружающую среду, на общины и так далее. Сегодня мы также можем наблюдать рост числа компаний, разрабатывающих кодекс поведения для своей деятельности. Потребительские бойкоты и кампании также заставили ТНК уделять больше внимания социальной ответственности и риску для своей репутации.

Глобализация сама по себе не нарушает прав человека; главная проблема заключается в том, что она негативно влияет на реализацию универсальных прав человека во всем мире. Эти проблемы включают обязательства негосударственных субъектов в области прав человека, например транснациональных компаний, которые усугубляются тем фактом, что национальные правительства в связи с экономической и политической глобализацией в меньшей степени контролируют социальные и экономические процессы. Другой пример касается приоритета, который соображения прав

человека должны иметь в правительственных решениях, что вызывает сомнения, особенно когда экономическая политика правительств зависит от колебаний рынка и действий иностранных инвесторов, а также при урегулировании торговых споров.

Некоторые из прав человека, которые поставлены на карту в условиях глобализации, заключаются в следующем:

- ◆ Права на равенство в достоинстве и на недискриминацию, например, из-за плохих условий охраны труда и техники безопасности для работников в развивающихся странах
- ◆ Права на здоровье, питание и жилье, в частности, путем установления торговых барьеров для развивающихся стран или путем покупки пахотных земель в странах Африки и Азии для производства экспортных культур или биотоплива
- ◆ Право на труд, например, путем перемещения отраслей промышленности в страны с более дешевой рабочей силой и где могут быть установлены более низкие социальные стандарты
- ◆ Права на жизнь, например, посредством торговых соглашений, которые запрещают людям в бедных странах доступ к лекарствам
- ◆ Право на владение собственностью, например, путем выселения в ситуациях крупных инфраструктурных проектов, таких как плотины или трубопроводы
- ◆ Право на здоровье и здоровую окружающую среду, например, из-за концентрации опасных отходов в развивающихся странах или из-за отсутствия международного консенсуса в отношении мер по изменению климата, которые должны быть приняты правительствами
- ◆ Право на защиту от вредных форм труда и эксплуатации, например, со стороны правительств, допускающих вредные формы труда, чтобы не потерять интерес иностранных инвесторов
- ◆ Права коренных народов на их культуру и развитие, например, в результате обезлесения и/или сильного загрязнения, которые уничтожают районы, в которых проживали общины коренных народов, промышленной эксплуатации их земель и экспроприации.

Соглашения ВТО часто имеют последствия для прав человека, даже если в них не обязательно упоминаются права человека. Например, Соглашение ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТАПИС), принятое в 2001 году, содержит требования, которым должны соответствовать законы стран для защиты авторских прав, в том числе в таких секторах, как фармацевтическая промышленность и другие патенты. Для государств, которые не располагают фи-

нансовыми ресурсами для оплаты запатентованных лекарств — или возможностями для производства собственных дженериков, — это требование противоречит праву на здоровье (и обязательствам того же государства в этом отношении).

С тех пор как феномен глобализации вышел на первый план как одна из наиболее обсуждаемых проблем конца двадцатого века и нового тысячелетия, он привлек внимание всего мира различными способами. Теперь, в силу многогранного характера глобализации, важно понять различные мотивирующие силы, которые движут этими событиями помимо чисто экономических, а также признать различные направления, с которых они исходят. Неотъемлемой частью этой формы глобализации является растущая правовая и институциональная основа, в рамках которой осуществляются режимы современной международной торговли, финансов и инвестиций. [6]

Другая форма глобализации оказывает свое влияние на борьбу за охрану окружающей среды и права человека. Правозащитное движение уже давно претендует на универсализирующую миссию. Это очевидно из утверждения о том, что режим прав и свобод, установленный Всеобщей декларацией прав человека и многочисленными другими документами, которые с тех пор были приняты в том же духе, выходит за рамки чисто национальных интересов.⁸ Концепция устойчивого развития становится модным словом, и для реализации этой концепции были заключены некоторые важные международные конвенции.

Термин «устойчивое развитие человеческого потенциала» может быть определен как способность всех человеческих сообществ, включая наиболее обездоленных, удовлетворять свои основные потребности в жилье, питьевой воде, продовольствии, удовлетворительных условиях здоровья и гигиены, участия в принятии решений, социальной сплоченности, социальной структуре, культурном и духовном самовыражении и т.д. Это влечет за собой адаптацию технологий и образа жизни к социальному, экономическому и экологическому потенциалу каждого региона, интернализация затрат и создание систем, совместимых с биосферой. [5]

Такой подход делает устойчивое развитие человеческого потенциала многогранным процессом. Он стремится к балансу между экологической, экономической и социальной сферами, а также учитывает политические (участие и демократизацию), этические (ответственность, солидарность, социальная справедливость и достаточность) и культурные (местное разнообразие и художественное самовыражение) соображения.

Устойчивое развитие человеческого потенциала также требует фундаментальной переоценки наших основных принципов и образа жизни, а также того, как функционируют наши общества, особенно в отношении производства и потребление. Это подразумевает значительные изменения в установках и поведении, при которых осознание жизни в общем пространстве, индивидуальная ответственность за действия и умение определять долгосрочные перспективы и партнерские отношения между игроками в разных регионах мира, включая правительства, международные институты, бизнес и гражданское общество, имеют приоритет над материальными факторами. [1]

Всемирная комиссия МОТ по социальным аспектам глобализации опубликовала доклад «Справедливая глобализация: создание возможностей для всех», в котором говорится о необходимости уважения прав человека в процессах глобализации. Комиссия определила 9 мер, которые необходимо принять с этой целью:

Сосредоточенность на людях. Требования людей должны быть удовлетворены: уважение их прав, культурной самобытности и автономии; достойная работа; и расширение прав и возможностей местных общин, в которых они живут. Гендерное равенство имеет важнейшее значение.

Демократическое и эффективное государство. Государство должно обладать способностью управлять интеграцией в мировую экономику и обеспечивать социальные и экономические возможности и безопасность.

Устойчивое развитие. Необходимо обеспечить взаимокрепляющие основы экономического развития, социального развития и охраны окружающей среды на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях.

Продуктивные и справедливые рынки. Учреждениям необходимо поощрять возможности и предпринимательство в хорошо функционирующей рыночной экономике.

Справедливые правила. Глобальная экономика должна предоставлять равные возможности и доступ для всех стран и признавать разнообразие национальных возможностей и потребностей в области развития.

Глобализация с солидарностью. Глобализация должна способствовать преодолению неравенства как внутри стран, так и между ними и способствовать ликвидации нищеты.

Большая ответственность перед людьми. Государственные и частные субъекты должны нести демокра-

тическую ответственность за проводимую ими политику и принимаемые ими меры.

Более глубокие партнерские отношения. Диалог и партнерство между участниками глобализации — международными организациями, правительствами и парламентами, бизнесом, профсоюзами, гражданским обществом — как важнейший демократический инструмент.

Заключение

На основе вышеизложенных обсуждений автор приходит к выводу, что важной проблемой, стоящей сегодня перед директивными органами, является сложная задача сохранения природной среды при одновременном содействии развитию для удовлетворения основных потребностей человечества. С принятием глобализации торговая политика была либерализована, что привело к дальнейшему разрушению окружающей среды.

В этой области обсуждения возникло множество проблем, касающихся сложных взаимосвязей между

правами человека и ухудшением состояния окружающей среды. [7]

Несмотря на борьбу между правами человека и защита окружающей среды ясно одно: человечество является частью природы, и разделение интересов людей и окружающей среды довольно сложно, потому что человеку для выживания требуются воздух, вода и пища, но, с другой стороны, загрязнение, загрязнение или разрушение этих элементов представляет прямую угрозу здоровью, жилью, пище и благополучию человеческой жизни.

На самом деле права человека и окружающая среда идут рука об руку, потому что деградация окружающей среды нарушает многочисленные общепризнанные права человека. Это основополагающий принцип что никакая жизнь невозможна без определенного уровня здоровой окружающей среды. Именно поэтому можно утверждать, что право на окружающую среду является условием, предшествующим всем другим правам человека, но в то же время основой права на здоровую окружающую среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shalmali Guttal, "Globalisation" in Development in practice, vol. 17 no. 4/5, August 2007, pp. 523–531 www.jstor.org/stable/25548249 Resolution of the ETUC Executive Committee on the Social Dimension of Globalisation, 2005: www.etuc.org/a/365
2. Бушуева Н.В., Аношкин А.А., Финансовая глобализация: содержание и проблемы // Под редакцией Ю.С. Руденко, Л.Г. Руденко. 2016. С. 129–139.
3. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование). — М.: ИНФРА-М, 2016. — 332 с.
4. Меркулов А.В., Авдеева И.Л., Головина Т.А. Информационное обеспечение системы публичного управления с учетом современных вызовов и угроз // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 153–165. DOI: 10.22394/2071-23672018-13-1-153-165.
5. Разем Р.А., Черкашнев Р.Ю., Глобализация мирового экономического пространства: возможности и угрозы для национальных экономик // Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина — 2016. С. 281–286.
6. Региональные аспекты экономической безопасности страны в условиях глобализации / О.Н. Чувилова и др. — М.: Проспект, 2016. — 815 с.
7. Россия в архитектуре глобального мира. Цивилизационное измерение: моногр. — М.: Языки славянской культуры, Знак, 2015. — 520 с

© Бахадиванд Чегини Захра, Растегари Сайедэбрахим (ebrahimrastegari@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМАТИКА ЭЛЕКТРОННОЙ РЕГИСТРАЦИИ (СОЗДАНИЕ, РЕОРГАНИЗАЦИЯ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РФ

PROBLEMS OF ELECTRONIC REGISTRATION (CREATION, REORGANIZATION) OF LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

I. Vilisova

Summary. In the article, based on the analysis of modern civil legislation, the practice of its application, the provisions of the Concept of the development of civil legislation of the Russian Federation, an idea of the legal essence of reorganization as one of the ways of termination of legal entities through electronic registration is formed. The specifics of the work of the Federal Tax Service in the framework of electronic registration, the features of the registration process are revealed. The unified system of state registration of legal entities and individual entrepreneurs is investigated; examples of uniform forms of documents confirming their state registration are given. In addition, the author highlights the experience of implementing the experimental version of the "Electronic Registration" program in Moscow. Based on the consideration of practical experience, the main conclusions of the case study are determined.

Keywords: legal entity, termination of a legal entity, reorganization, forms of reorganization, succession, electronic registration, federal tax service, experimental program.

Вилисова Ирина Борисовна

Аспирант, Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации
vilisova_i@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа современного гражданского законодательства, практики его применения, положений Концепции развития гражданского законодательства РФ сформировано представление о правовой сущности реорганизации как одного из способов прекращения юридических лиц через электронную регистрацию. Раскрывается специфика работы ФНС в рамках электронной регистрации, особенности регистрационного процесса. Исследуется единая система государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, приводятся примеры единых форм документов, подтверждающих их государственную регистрацию. Кроме того, автор освещает опыт реализации экспериментальной версии программы «Электронная регистрация» в г. Москва. На основе рассмотрения практического опыта, определяются основные выводы по тематическому исследованию.

Ключевые слова: юридическое лицо, прекращение юридического лица, реорганизация, формы реорганизации, правопреемство, электронная регистрация, федеральная налоговая служба, экспериментальная программа.

Актуальность темы исследования

Государственная регистрация — это упорядочение системы государственного контроля и регулирования экономики и хозяйственной деятельности страны. Исследование государственной регистрации юридических лиц в Российской Федерации обусловлено осмыслением накопленного практического, а также научно-теоретического опыта и применением его в целях совершенствования процедуры государственной регистрации юридических лиц.

Развитие частного сектора предпринимательства в стране позволяет создавать новые рабочие места, разрабатывать новые технологии производств, инновационные продукты, способствовать развитию российского общества.

Совершенный, продуманный механизм регистрации коммерческих организаций даст возможность

беспрепятственно реализовывать гражданам и их объединениям свое право на ведение предпринимательской деятельности. Государство играет ключевую роль в данном процессе: совершенствует законодательство в сфере государственной регистрации и налогообложения, снижает затраты на урегулирование споров, снимает административные барьеры для ведения бизнеса, предоставляет различные льготы. Все это обуславливает необходимость исследования проблем государственной электронной регистрации юридических лиц, особенно во время пандемии.

Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений, возникающих в связи с государственной регистрацией юридических лиц.

Предметом исследования является совокупность норм отечественного и зарубежного законодательства о государственной регистрации коммерческих юридических лиц, теоретические представления об институте

государственной регистрации коммерческих организаций, тенденции и перспективы его развития в современных политико-правовых условиях, а также научные подходы и складывающаяся в данной сфере правоприменительная практика.

Однако после анализа нормативной правовой базы РФ, регулирующей отношения, возникающие в сфере регистрации юридических лиц, и изучения результатов деятельности федеральных органов исполнительной власти можно сделать вывод о том, что действующий в данной сфере механизм требует совершенствования.

Для того чтобы выявить проблемные аспекты государственной регистрации юридических лиц, необходимо произвести сравнительный анализ ранее действовавшего и современного законодательства о регистрации юридических лиц. В связи с этим, стоит упомянуть, что Федеральным законом от 01.07.2011 № 169-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] внесены изменения в Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». [2]

Так усилился контроль за достоверностью сведений об участниках юридических лиц. Согласно поправкам в ст. 5 данного Закона, информация об изменении паспортных данных и сведений о месте жительства учредителей (участников) юридического лица — физических лиц, лиц, имеющих право без доверенности действовать от имени юридического лица, будет предоставляться не только юридическими лицами, но и органами, осуществляющими выдачу и замену документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, либо регистрацию физических лиц по месту жительства (ФМС России). Регистрирующим органом данные сведения подлежат предоставлению в электронной форме в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, и сроком предоставления данных сведений составляет пять рабочих дней со дня выдачи соответствующего документа либо регистрации указанных лиц по месту жительства.

Кроме того, лицензирующим органом согласно новой редакции Закона в налоговую службу также будут предоставляться сведения о лицензиях юридического лица. При этом согласно поправкам в Закон № 129-ФЗ несоответствие сведений, внесенных в государственный реестр, будет определяться по всем документам, на основании которых были внесены соответствующие записи, а ранее данное несоответствие устанавливалось только на основании документов, представленных в налоговый орган при государственной регистрации.

На мой взгляд, эти поправки позволяют налоговым органам располагать полной и актуальной информацией о юридическом лице и его участниках, кроме того, это обстоятельство необходимо учитывать при направлении в налоговый орган различной документации, в том числе заявлений о предоставлении информации или совершении каких-либо регистрационных действий. Так как на практике нередкой является ситуация, когда налоговый орган отказывает в совершении регистрационного действия или предоставлении информации по причине того, что сведения, указанные в заявлении, не соответствуют сведениям, содержащимся в государственном реестре. [3]

Кроме того, новая редакция ст. 12 и ст. 14 Закона № 129-ФЗ устанавливает дополнительный способ передачи документов в регистрирующий орган — в электронном виде через сеть Интернет, тем самым упрощая порядок совершения регистрационных процедур.

На территории г. Москвы ФНС России запустила экспериментальную версию программы «Электронная регистрация». Данная программа реализует возможность направления при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей электронных документов. Теперь электронные документы для государственной регистрации могут быть направлены заявителями или нотариусами. В связи с этим ФНС России на своем официальном сайте представила перечень нотариусов, которые участвуют в опытной эксплуатации программного обеспечения «Электронная регистрация». Кроме того, направить документы на государственную регистрацию через сеть Интернет можно при наличии сертификата ключа подписи, выданного удостоверяющим центром, аккредитованным в сети доверенных удостоверяющих центров, участником которой является ФНС России, а также установленной программы CryptoPro. Учредительные документы будут подписаны электронной подписью регистрирующего органа, и экземпляр документов на бумажном носителе с отметкой регистрирующего органа в такой ситуации будет предоставлен заявителю только при указании на необходимость получения и способа получения документов при их направлении в регистрирующий орган. [4]

Регистрирующий орган может воспользоваться своим правом в отказе в государственной регистрации, однако законодатель в качестве оснований для отказа в регистрации юридического лица выделяет лишь количественные критерии. Они связаны с нарушением правил оформления представленных на регистрацию документов. Качественная же сторона остается за рамками регистрации.

Регистрирующий орган законодательно не наделен полномочиями на проверку соответствия действительности сведений, представленных при государственной регистрации. При том нормативно-явочном порядке государственной регистрации юридических лиц, который существует в настоящее время в российских условиях, совершенно очевидно, что никакой правовой экспертизы регистрирующий орган не осуществляет, а потому запись, внесенная в Единый Государственный Реестр Юридических Лиц, не может признаваться так или иначе «гарантированной» со стороны государства с точки зрения ее юридической корректности.

Д.И. Степанов приходит к заключению, что «при нормативно-явочном порядке государственной регистрации юридических лиц, когда не проводится серьезная правовая экспертиза документов, либо при уведомительном порядке регистрации реестр юридических лиц не может указывать на законность или, напротив, незаконность существования юридического лица: он несет лишь информационную нагрузку, предоставляя участникам оборота в централизованном порядке сведения о юридических лицах, не добавляя законности или незаконности подобным сведениям».[5]

Подводя итог выше изложенному, можно сделать вывод о том, что все-таки на данный момент в России стала действовать единая для всей страны система государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, единые формы документов, подтверждающих их государственную регистрацию, появился федеральный информационный ресурс, содержащий сведения о юридических лицах, налицо существенные сдвиги в лучшую сторону по упрощению процедуры государственной регистрации юридических

лиц и индивидуальных предпринимателей. В то же время законодательство в сфере регистрации юридических лиц имеет свои недостатки в плане достижения заданного результата: эффективного функционирования института регистрации коммерческих юридических лиц.

Опрос среди экспертов (специалистов, для которых регистрация коммерческих юридических лиц является основным или главным направлением деятельности) показал, что последние информацию о необходимых документах для определенного регистрационного действия получают в первую очередь из Интернет-ресурсов, интернет-сообществ, форумов (74% опрошенных), тогда как к первоисточнику (закону) обращаются только 55% респондентов. Это, в свою очередь, требует доработки законодательства, а также препятствует эффективному регулированию рассматриваемых правоотношений. [6]

В юридической литературе недостаточно проработан вопрос о системе стадий государственной регистрации юридических лиц, нет научного понятия юридической проверки документов, представленных на государственную регистрацию. Вне рамок исследования остается институт административной ответственности при осуществлении государственной регистрации коммерческих организаций.

С введением онлайн-сервиса «Обратиться в ИНФС России» решились различные проблемы, связанные с некорректным внесением данных в ЕГРЮЛ и с незаконными отказами, также даются разъяснения по многим спорным вопросам, которые впоследствии могут быть использованы заявителем при обращении за услугой государственной регистрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N129-ФЗ (последняя редакция)
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.07.2011 N169-ФЗ (последняя редакция)
3. Костикова Г.В. Присоединение как форма реорганизации юридического лица: новеллы законодательства // Вестник ВИ МВД России. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisoedinenie-kak-forma-reorganizatsii-yuridicheskogo-litsa-novelly-zakonodatelstva> (дата обращения: 16.11.2021).
4. Яценко, Т.С. Проблема обеспечения достоверности сведений в Едином государственном реестре юридических лиц / Т.С. Яценко // Юрист. — 2014. — № 13. — С. 13–16.
5. Мифтахутдинов Р.Т. Реорганизация как способ прекращения юридических лиц: сущность, формы, правопреемство // ВЭПС. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reorganizatsiya-kak-sposob-prekrascheniya-yuridicheskikh-lits-suschnost-formy-pravopreemstvo-1> (дата обращения: 16.11.2021).
6. Бабак Д.В. Право или обязанность: проблема реализации статьи 21 Федерального закона «о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 № 129-ФЗ // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-ili-obyazannost-problema-realizatsii-stati-21-federalnogo-zakona-o-gosudarstvennoy-registratsii-yuridicheskikh-lits-i> (дата обращения: 08.12.2021).
7. Данилов-Данильян А.В., К вопросу о границах правосубъектности органов контроля и надзора в представлениях российского бизнеса // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-granitsah-pravosubektnosti-organov-kontrolya-i-nadzora-v-predstavleniyah-rossiyskogo-biznesa> (дата обращения: 08.12.2021).

8. Домнин О.В., Правовое обеспечение информационной безопасности в сфере использования цифровых технологий хозяйствующими субъектами в условиях дистанционной работы // Закон и право. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-informatsionnoy-bezopasnosti-v-sfere-ispolzovaniya-tsifrovyyh-tehnologiy-hozyaystvuyuschimi-subektami-v> (дата обращения: 08.12.2021).
9. Колесникова Е.Н., Особенности применения специальных бухгалтерских познаний в целях выявления и документирования признаков совершения мошеннических действий в агропромышленном комплексе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-spetsialnyh-buhgalterskih-poznaniy-v-tselyah-vyyavleniya-i-dokumentirovaniya-priznakov>

© Вилисова Ирина Борисовна (vilisova_i@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ

ON THE ISSUE OF ORGANIZING
COOPERATION TO COUNTERACT
THE ILLEGAL TRAFFICKING
OF NARCOTIC DRUGS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES
IN THE PRE-TRIAL DETENTION CENTER

*E. Vitovskaya
Ya. Vitovsky*

Summary. In the article considers the internal and external organization of interaction in the field of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in the units of the pre-trial detention center. Various definitions of the category «interaction» are given, and the application of this concept to the activities of a pre-trial detention facility is analyzed. The author describes the powers of the head of the pre-trial detention facility from the point of view of the subject of organizing internal and external interaction in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. The analysis of the main directions of organizational activities in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances allowed us to divide interaction into several categories, including the exchange of information in the system of interacting entities, the implementation of specific measures at the request of another or within the framework of an agreement of several departments.

Keywords: pre-trial detention center; counteraction; interaction; coordination; measures.

Витовская Евгения Сергеевна

Преподаватель, ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России (Новокузнецк)
Jane-vit@mail.ru

Витовский Ярослав Дмитриевич

Курсант, ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН
России (Новокузнецк)

Аннотация. В статье рассмотрена внутренняя и внешняя организация взаимодействия в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в подразделениях следственного изолятора. Приводятся различные определения категории «взаимодействие», анализируется применение данного понятия к деятельности следственного изолятора. Описаны полномочия начальника следственного изолятора с точки зрения субъекта организации внутреннего и внешнего взаимодействия в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Анализ основных направлений организационной деятельности в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ позволил разделить внешнее взаимодействие на несколько категорий, среди которых обмен информацией в системе взаимодействующих субъектов, выполнение конкретных мероприятий по просьбе иного или в рамках соглашения нескольких ведомств.

Ключевые слова: следственный изолятор; противодействие; взаимодействие; координация; мероприятия.

В связи с достаточно сложной оперативной обстановкой, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в целом по России и в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в частности, следственному изолятору отведена особая роль в механизме противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Это и понятно, так как одним из главных направлений противодействия незаконному наркообороту является предупреждение и пресечение последнего в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Эффективность деятельности следственного изолятора в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ во многом зависит от успешного взаимодействия всех его структурных подразделений, отделов, служб. Именно взаимодействие позволяет сконцентрировать необходимое количество сил и средств в тех направлениях деятельности, где имеются проблемы в достижении стоящих перед учреждением целей и задач. Такое взаимодействие может быть определено как объективно-субъективное.

Объективность и неизбежность преемственной, взаимодополняемой деятельности в сфере противодействия незаконному наркообороту в организационно-функциональной основе следственного изолятора обусловлена рядом причин. Во-первых, объединение действий всех подразделений следственного изолятора определено наличием общих целей, сформулированных в Федеральном законе от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и уголовно-процессуальном законодательстве. Во-вторых, в реальной действительности функционирование следственного изолятора таково, ни одно из подразделений, обеспечивающих исполнение режимных требований, выполнение функций охраны, воспитательной работы, оперативно-розыскную деятельность, не может нормально функционировать без взаимосвязи.

Отношения в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ имеют также субъективный характер. Субъективные факторы заключаются в непосредственных задачах, специфике деятельности следственного изолятора. Среди таких факторов следует выделять наличие конкретизированных общих задач, которые подразделения следственного изолятора должны решать сообща; наличие планов совместной деятельности структурных подразделений; издание документов (положений, приказов, инструкций, наставлений, рекомендаций), регулирующих порядок взаимодействия между подразделениями следственного изолятора в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Например, внутренняя инструкция по взаимодействию сотрудников дежурной службы, отдела режима, оперативного отдела при проведении оперативно-режимных мероприятий.

Рассмотрим, как раскрыт термин «взаимодействие» в литературе. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под взаимодействием понимается взаимная связь двух явлений, их взаимное воздействие [1, с. 63]. Встретилось и такое высказывание, где взаимодействие определено как явление необходимое для функционирования определенной системы, так как «без связей и фактического взаимодействия частей не может быть организованного целого» [2, с. 237].

Разделяя в целом указанные позиции, Н.П. Барабанов отмечает, что взаимодействие представляет собой совместную равную деятельность элементов конкретной системы, направленную на решение общей задачи [3, с. 14]. Г.В. Артамонов, раскрывая организационные основы взаимодействия органов внутренних дел и ор-

ганов уголовно-исполнительной системы, отмечает, что под взаимодействием следует понимать взаимосвязанную, согласованную по месту и времени деятельность нескольких субъектов, направленную на выполнение общей задачи [4, с. 11].

Следует отметить, что легальное определение термина «взаимодействие» отсутствует в законодательстве, что приводит к мысли о необходимости четкого теоретического определения указанной категории.

Внутреннее взаимодействие структурных подразделений следственного изолятора представляет собой систему действий, подчиненных общей цели — противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. В множественности действий представляется возможным выделить основные: предупреждение незаконного наркооборота, в том числе выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений; выявление, расследование и пресечение правонарушений; минимизация и ликвидация последствий правонарушений в сфере незаконного наркооборота.

Общая целевая направленность деятельности является одним из главных признаков, характеризующих взаимодействие внутри структурных подразделений следственного изолятора. Эта направленность выражается в том, что противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ представлена взаимосвязанной, согласованной по месту и времени управленческой деятельностью, представляющей собой систему оперативно-служебных связей между структурными подразделениями следственного изолятора, осуществляемых в целях достижения эффективных результатов деятельности учреждения в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Исследование сложного механизма функционирования следственного изолятора позволяет прийти к выводу о том, что взаимодействие между структурными подразделениями следственного изолятора в сфере противодействия незаконному наркообороту достаточно часто носит формальный характер, поскольку ряд подразделений не находятся в субординационных отношениях. Не редкость и такие ситуации, когда одно подразделение вмешивается в компетенцию другого, что также является недопустимым. В основу взаимодействия структурных подразделений следственного изолятора должны быть положены взаимосвязь, согласованность, целесообразность, сочетание приемов (способов) и общая направленность действий всех субъектов.

Полагаем, что в целях обеспечения единообразного подхода к пониманию взаимодействия подразделений следственного изолятора в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ необходимо закрепить и конкретизировать в положениях и должностных инструкциях отдельных служб, отделов учреждения условия, порядок и формы осуществления такого взаимодействия. Такая регламентация приведет к уяснению единства и общности целей и задач деятельности в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, стоящих перед следственным изолятором.

Основным субъектом управления по взаимодействию структурных подразделений следственного изолятора в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ является начальник учреждения, поскольку он осуществляет свою деятельность на плановых началах сознательно и целенаправленно. Н.П. Барабанов отмечает, что профессиональный, квалифицированный подход к организации взаимодействия между структурными подразделениями означает не модификацию функциональных основ деятельности, что очень часто встречается на практике, а использование возможностей отдела, службы для комплексного обеспечения эффективного выполнения задач по противодействию незаконному наркообороту [3, с. 34].

Координируя взаимодействие структурных подразделений следственного изолятора в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, начальник следственного изолятора обеспечивает учет развития криминогенной ситуации на всех уровнях и тенденций развития негативных процессов среди спецконтингента; анализ оперативной обстановки; достоверность выводов по условиям содержания спецконтингента, организации воспитательной работы, лечения лиц, имеющих зависимость от приема наркотиков, ВИЧ-инфицированных; объективность анализа деятельности структурных подразделений и каждого сотрудника в осуществлении работы в рассматриваемой сфере, в том числе по вопросам перекрытия и ликвидации каналов и источников поступления к спецконтингенту наркотиков; организацию содействия правоохранительным органам в расследовании возбужденных уголовных дел по лицам, содержащимся в следственном изоляторе; информирование персонала о проблемах деятельности следственного изолятора, связанных с организацией надзора и режима, воспитательной работы со спецконтингентом, состоянии оперативной обстановки, об уровне и динамике правонарушений среди спецконтингента; принимает личное участие в инструктаже персонала, осу-

ществляющего надзор за поведением спецконтингента, в разработке специальных планов по профилактике, предупреждению и раскрытию преступлений в сфере незаконного наркооборота.

Неразрывная связь внутреннего и внешнего взаимодействия в целом определяет единство признаков, зафиксированных в понятии «взаимодействие». Это понятие выражает общую обусловленность управляемых видов правоохранительной деятельности. Анализ основных направлений деятельности в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ позволил условно разделить внешнее взаимодействие в рассматриваемой сфере на несколько категорий.

1. Обмен информацией в системе взаимодействующих правоохранительных органов. Обмен оперативно значимой информацией возможен в следующих формах: направление по инициативе подразделений следственного изолятора в соответствующие подразделения органов внутренних дел сообщений о подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ; о лицах, причастных к криминальной деятельности; направление в органы внутренних дел явок осужденных с повинной по ранее не раскрытым преступлениям; иной оперативно значимой информации.
2. Выполнение отдельных мероприятий по просьбе другого правоохранительного органа или в рамках соглашения нескольких ведомств. При этом руководителям взаимодействующих субъектов необходимо четко определить круг задач, которые следует решить в ходе проведения такого мероприятия, а после его завершения сообщить результаты заинтересованным лицам.
3. Совместное планирование мероприятий. Оно достигается путем составления самостоятельных планов взаимодействующих правоохранительных органов исходя из конкретной обстановки и в итоге обобщается единым совместным планом мероприятий.
4. Совместное проведение мероприятий. Эта форма применяется при решении задач, стоящих перед всеми взаимодействующими субъектами. В таких случаях создается временная группа, состоящая из сотрудников взаимодействующих правоохранительных органов во главе с наиболее компетентным и полномочным представителем одной из служб. При этом ставится конкретная задача каждому участнику такой группы, совместно разрабатывается тактика проведения мероприятия, уточняются способы обмена информацией и т.д. По окончании мероприятия

желательно провести оперативное совещание с приглашением участников совместной операции тщательный анализ и обсуждение результатов мероприятия. При возможности необходимо поощрить сотрудников, отличившихся при проведении совместного мероприятия.

Для внешнего взаимодействия в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ необходимы следующие условия, обеспечивающие его эффективность. Так, внешнее взаимодействие структурных подразделений следственного изолятора с иными правоохранительными структурами всегда предполагает взаимное информирование о ходе выполнения совместно разработанных или согласованных планов, результатах, полученных в процессе проверки заданий взаимодействующих органов; своевременное и полное выполнение совместных или согласованных планов и мероприятий, а также отдельных заданий и просьб взаимодействующих сторон; надлежащий контроль за выполнением обязанно-

стей по взаимодействию и координации этой работы; четкую правовую регламентацию обязанностей подразделений, участвующих во взаимодействии; проведение взаимодействующими субъектами совместных занятий, тренировок в условиях, максимально приближенных к условиям выполнения возможных задач.

Таким образом, внешнее и внутренне взаимодействие структурных подразделений следственного изолятора в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ имеют общую основу, единую целевую направленность. В реальной действительности структурные подразделения следственного изолятора являются самостоятельными субъектами в механизме противодействия незаконному наркообороту в целом. Иными словами, взаимодействие структурных подразделений следственного изолятора в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ — неотъемлемая составная часть общей системы противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1994. — 907 с.
2. Виханский, О.С. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. — М.: Издательство Московского университета, 1995. — 415 с.
3. Барабанов, Н.П. Роль начальника исправительно-трудовой колонии в организации борьбы с наркоманией. — Рязань: Рязанский институт права и экономики, 1995. — 82 с.
4. Артамонов, Г.В. Организационно-правовые основы взаимодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы и подразделений по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. — Рязань, 2009. — 26 с.

© Витовская Евгения Сергеевна (Jane-vit@mail.ru), Витовский Ярослав Дмитриевич.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРА ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

PROBLEMATIC ASPECTS OF A DEPENDENT LIFELONG MAINTENANCE CONTRACT AND WAYS TO SOLVE THEM

**A. Gudkov
A. Krasilschikov
V. Mishchenko**

Summary. This article provides a comprehensive assessment of the state of civil law regulation of the institution of a life annuity contract and a derivative contract of life support with dependence in the current legislation. In addition, a consistent analysis of scientific research in this area has been carried out. The authors draw attention to some problems of domestic practice in relation to the contract of lifelong maintenance with dependent, make proposals for improving the regulation of this institution in Russian legislation.

Keywords: contract for life annuity, contract for life maintenance with dependence, annuity, annuity payer, annuity recipient, civil legislation.

Гудков Анатолий Иванович
К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
gudkovaniv@yandex.ru

Красильщиков Анатолий Владимирович
К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
krasilschikov@inbox.ru

Мищенко Вячеслав Иванович
К.ф.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Аннотация. В данной статье проведена комплексная оценка состояния гражданско-правового регулирования института договора пожизненной ренты и производного договора пожизненного содержания с иждивением в действующем законодательстве. Кроме этого, выполнен последовательный анализ научных исследований в указанной сфере. Авторы обращают внимание на некоторые проблемы отечественной практики в отношении договора пожизненного содержания с иждивением, высказывают предложения по совершенствованию регламентации данного института в российском законодательстве.

Ключевые слова: договор пожизненной ренты, договор пожизненного содержания с иждивением, рента, плательщик ренты, получатель ренты, гражданское законодательство.

Исследования последнего времени, а также правовая практика действия такого гражданского института, как содержание с иждивением, прежде всего, в области социального развития, показывает, что особенности его юридической идентификации, а также неконкретизированность цивилистической основы реализации данного института не всегда позволяют субъектам гражданских отношений использовать свое правовое положение в полной мере [1, с. 56].

Как справедливо отмечает Я.А. Ключеникова, даже в активной фазе развития гражданского законодательства, достаточно плотно затронувшего отношения в сфере рентных обязательств, законодателями не было уделено

должного внимания некоторым вопросам. В результате этого договор пожизненного содержания с иждивением стал одним из тех в правовой практике, в отношении действия которого правоприменители постоянно обнаруживают какие-то пробелы и противоречия. Более того, ввиду изначального отсутствия в законе примерного перечня обязательств плательщика ренты, указанный договор мог заключаться сторонами при условиях явно неконкретного характера, ставших в дальнейшем предметом разнообразных судебных споров [2, с. 5].

Между тем, немного забегаая вперед, следует отметить, что такое положение дел обусловлено разными причинами, одной из которых является то, что в оте-

чественной практике субъективная сторона такого явления, как содержание с иждивением, в силу недостаточной изученности и, как следствие, недостаточного законодательного регулирования лишена устойчивой правовой опоры, что, по сути, вынуждает участников гражданских отношений действовать скорее интуитивно, опираясь на доктринальную логику и судебный прецедент. Все это указывает на то, что всестороннее и полное изучение договора пожизненного содержания с иждивением не окончено и продолжает оставаться темой для различных исследований, в ходе которых могут быть обнаружены и различные проблемы.

Диалектика фиксируемых нарушений, в большей степени допускаемых при реализации рассматриваемого института в ходе договорных отношений, свидетельствует о неправильности понимания со стороны субъектов его правовой сущности. Так, согласно позиции ряда исследователей, иждивение представляет собой форму гражданского взаимодействия, при которой одна из сторон вправе заключить соглашение, направленное на получение необходимой помощи в виде пожизненного содержания, в свою очередь, правообязывающее другую сторону указанное содержание обеспечить. При этом именно в рамках данного соглашения содержание сопровождается уплатой ренты за предоставление лицом, находящимся на таком содержании, своего дома, участка земли или иного объекта недвижимости в собственность, который впоследствии продолжает использоваться обеими сторонами, в том числе и для совместного проживания [3, с. 94]. Стоит отметить, что такое определение достаточно некатегорично и по представленным признакам в определенной степени указывает на схожесть с иными формами договорного права, где вопрос рентной платы также затрагивается.

Между тем, учитывая сложность затронутого вопроса, а также частичное совпадение выраженной позиции с позицией законодателя (ч. 3 ст. 9 ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» [4]), можно привести пример вышеуказанной схожести, сравнивая действия такого соглашения с другими через призму завещательного отказа,— одного из проблемных институтов современной цивилистики. В частности, одной из попыток освещения данной проблемы была предпринята исследователем М.Н. Рахваловой, которая в своей диссертационной работе «Отказополучатели и получатели ренты как субъекты жилищных правоотношений» констатирует слабость использования данного института на практике, мотивируя такое положение дел несовершенством (нераскрытостью) именно такого явления, как «содержание с иждивением», а также пробелами в жилищном законодательстве. К примеру, как подчеркивает исследователь, если рассматривать возможность его использования при передаче недвижимого имущества

в рамках завещательного отказа (отказополучатель), то проблематика возможных нарушений прав в данном вопросе вызвана, прежде всего, отсутствием должного механизма его исполнения. При этом одной из причин отсутствия данного механизма стало то, что на законодательном уровне очень часто вносятся коррективы в аспект регулирования, связанный с понятийным представлением и применением на практике такой категории, как «титульный собственник», а также по причине продолжающегося до сих пор внесения изменений в классификацию жилищных фондов, влекущих за собой деформацию правового режима отдельных видов жилых помещений. Это, как следствие, сделало невозможным со стороны законодателя фундаментализировать особенности правового статуса отказополучателя в зависимости от типа договорных отношений и их сложности, в первую очередь, с точки зрения последующей защиты его прав и интересов [5, с. 18].

К примеру, если затронуть особенности правового положения будущего отказополучателя по договору пожизненного содержания с иждивением, то можно отметить, что юридическая основа данного статуса фрагментарно может совпадать с правовым положением аналогичного субъекта отношений по договору ренты. Как правило, логика нарушения состоит в том, что на практике договор ренты в силу необходимости нотариального заверения нередко подменяется договором пожизненного содержания с иждивением, несмотря на то, что структура данных договоров, а также сравнительная характеристика элементов обязательств, вытекающих из них, в том числе и по причине внесения изменений в статус некоторых жилых помещений, имеют свои принципиальные отличия. Стоит отметить, что такие отличия не урегулированы законом на безусловной основе и на практике определяются как тождественные.

Попробуем рассмотреть особенности реализации права на отказ со стороны получателя ренты, претендующим на проживание в переданном в рамках договора пожизненного содержания с иждивением. Данное право обусловлено положениями статьи 34 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ [6]), в соответствии с которой пользование жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением реализуется в порядке, установленном в статье 33 ЖК РФ, при условии, что порядок такого пользования не установлен условиями данного соглашения. Сразу же отметим, что такая позиция еще раз подтверждает наши предыдущие выводы относительно того, что основу действия рассматриваемых отношений составляет именно договорная логика.

Вместе с тем положения ст. 33 ЖК РФ указывают, что право пользования жилым помещением со стороны от-

казополучателя регулируется определенным сроком, указанным в завещании, и при окончании данного срока прекращается при условии, что данное отношение не возникло на ином законном основании. Следовательно, прекращение права в пользовании может реализовываться посредством истечения определенного срока, указанного в соглашении или в завещании.

В свою очередь, положения ст. 601 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [7], правоустанавливающие порядок заключения договора пожизненного содержания с иждивением, указывают на то, что к данному типу договоров, а, соответственно, и к порядку его заключения и расторжения, применяются правила, предусмотренные ст. ст. 583–600 ГК РФ, в соответствии с которыми такой договор подлежит нотариальному удостоверению, а в случае перехода права собственности — государственной регистрации. Из чего мы делаем вывод, что отказ от права проживания на рентованной жилой площади должен быть оформлен исключительно нотариально.

Еще одним вопросом, который может со временем перерасти в проблему, является вопрос разрешения ситуации, при которой плательщик ренты умышленно воздействует на положение или состояние её получателя, тем самым стараясь приблизить момент прекращения содержания иждивенца. Здесь исследователи, прежде всего, настаивают на наличии правового пробела, который заключается в том, что законодателем не предусмотрено оснований для расторжения (привлечения к ответственности) договора содержания с иждивением, если плательщик ренты причиняет вред жизни и здоровью рентополучателя, и это несмотря на то, что подобное соотношение частных и публичных норм не чуждо гражданскому праву [8, с. 104].

Так, п. 1 ст. 1117 ГК РФ [9] предусмотрена возможность лишения права на наследство, если будет установлено, что потенциальный наследник предпринимает меры, направленные на приближение факта вступления в не-

обходимые права путем физического или психического воздействия на наследодателя. Вместе с тем исследователями этого вопроса в категоричной форме заявляется необходимость внесения поправок в уголовное законодательство. Например, Е.С. Душков предлагает ввести ответственность по статье 105 Уголовного кодекса Российской Федерации для тех лиц, которые совершили убийство получателя ренты по причине необходимости досрочного прекращения её выплаты. А в случае, если это не может быть реализовано законодательно по причине сложности оценки (выявления причин) обстоятельств совершаемого, следует в нормах гражданского права предусмотреть условие, которое будет допускать прекращение возникших обязательств, если одна из сторон действует в нарушение основных принципов договорного права: законность, добросовестность, разумность и справедливость [10, с. 32].

Подводя итог проведенному исследованию, можно отметить следующее.

В настоящее время договор пожизненного содержания с иждивением является одной из основных форм договорного права, посредством которой решается социальный аспект необходимого обеспечения граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В силу указанного становится понятно, что некоторые вопросы, в том числе и нашедшие свое отражение в различных исследованиях, необходимо решать уже сейчас. В частности, к одному из таких следует отнести необходимую категоризацию понятий, используемых в области договорных отношений, где предметом исполнения возникших обязательств является уплата ренты. Другим проблемным вопросом является создание условий для эффективной защиты участников таких отношений. К примеру, если отклонить предложения специалистов по части введения необходимых санкций уголовно-правового характера, то следует хотя бы рассмотреть возможность внесения в гражданское законодательство новых оснований для расторжения такого договора при условии, что одна из сторон действует недобросовестно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашенцева С.А. Проблемы и перспективы гражданско-правового регулирования пожизненного содержания с иждивением / С.А. Пашенцева, М.М. Попович // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению: сборник материалов международной научно-практической конференции: в 3 ч., Вологда, 11 ноября 2020 года. — Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. — С. 54–60.
2. Ключеникова Я.А. Правовое регулирование договора пожизненного содержания с иждивением: дис. ... канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Москва 2005. 209 с.
3. Лобзова К.Ю. Проблемы определения места и роли договора пожизненного содержания с иждивением / К.Ю. Лобзова, Е.А. Шергунова // Концепция развития частного права: стратегия будущего: Всероссийская национальная научная конференция с международным участием студентов, магистрантов и аспирантов, Курск, 20 мая 2021 года / Юго-Западный государственный университет. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. — С. 93–99.

4. Федеральный закон от 17.12.2001 N173-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. N52 (1 ч.). Ст. 4920. (в указанном источнике дается правовая характеристика понятия «иждивение»).
5. Рахвалова М.Н. «Отказополучатели и получатели ренты как субъекты жилищных правоотношений»: дис. . . . канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2008. 210 с.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N188-ФЗ (ред. от 28.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. N1 (часть 1). ст. 14.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. N5. ст. 410.
8. Кузина С.В. Проблемные аспекты договора пожизненного содержания с иждивением и пути их решения / С.В. Кузина, О.С. Серегина, В.М. Неживова // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сборник статей по материалам LXV международной научно-практической конференции, Новосибирск, 31 мая 2021 года. — Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга», 2021. — С. 99–104.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. N49. ст. 4552.
10. Душков Е.С. Актуальные проблемы договора пожизненного содержания с иждивением: сравнительный анализ законодательства стран СНГ / Е.С. Душков // Державинский форум. — 2020. — Т. 4. — № 14. — С. 30–39.

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru),

Красильщиков Анатолий Владимирович (krasilschikov@inbox.ru), Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЮИ ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

SOME ASPECTS OF THE CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS

*I. Zhuravleva
K. Nikolayev*

Summary. The article is devoted to the problem of protecting the rights of minors within the framework of the application of criminal and international law. The authors, having analyzed the norms of international legislation and the Criminal Code of the Russian Federation, identified a number of legislative gaps and offered their vision of the problem and justifying its solution.

Keywords: criminal law, criminal legal protection, minors, human rights, law, migration.

Журавлева Ирина Александровна

*К.ю.н., доцент, Омский государственный педагогический университет, г. Омск
lralk2006@yandex.ru*

Николаев Константин Дмитриевич

К.ю.н., доцент, Омская академия МВД России, г. Омск

Аннотация. Статья посвящена проблеме защиты прав несовершеннолетних в рамках применения норм уголовного и международного права. Авторы, проанализировав нормы международного законодательства и Уголовного кодекса РФ, выявили ряд законодательных пробелов и предложили свое видение проблемы и обосновали ее решение.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовая защита, несовершеннолетние, права человека, право, миграция.

Одной из проблем современной реальности стали миграционные процессы. Политическая и экономическая нестабильность в ряде стран вынуждает огромные массы людей перемещаться в более стабильные государства. Учитывая, что наиболее стабильные в экономическом отношении страны стараются максимально ограничить приток мигрантов, многие иностранцы пытаются пересечь границу нелегальным путем. Причем, как правило, эти пути далеко не безопасны. В миграцию, наравне со взрослыми лицами, вовлекается значительное количество несовершеннолетних, которые являются наиболее уязвимыми в этой ситуации. В связи с этим возникает вопрос, имеющий международное значение, об уголовно-правовой охране несовершеннолетних при осуществлении миграции.

На международном уровне права несовершеннолетних мигрантов закрепляются в различных документах. Верховный Суд РФ предписывает при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних наряду с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации учитывать положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенции о правах ребенка (1989 г.), Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.), Миланского плана действий и Руководящих принципов в области предупреждения преступности

и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (1985 г.), Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципов, 1990 г.) и другие официальные документы, например Рекомендации № Rec (2003) 20 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних [3].

Российская Федерация старается придерживаться международных договоров по наиболее важным проблемам международной политики, в том числе и в вопросах миграции. России, как и другим странам, присущи проблемы нелегальной миграции, которые она пытается регулировать правовыми мерами в различных отраслях законодательства. Несмотря на то, что нормы, регулирующие миграционные отношения, не объединены в единую правовую систему, можно говорить, что в России имеется миграционное право. Основные вопросы миграции регулируются Федеральным законом от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», а также Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Существует и ряд других нормативных актов, затрагивающих различные аспекты миграции, в том числе в админи-

стративном и уголовном законодательстве, которые направлены на пресечение правонарушений в данной сфере.

Следует отметить, что ни в одном из нормативных документов российского законодательства, несовершеннолетний иностранный гражданин не выделяется в качестве самостоятельного субъекта миграционных отношений, что не позволяет отразить особенности его правового положения. По действующему законодательству, дети, прибывшие с родителями или иными законными представителями, рассматриваются как члены их семей. Это обстоятельство указывает на то, в российском законодательстве защита прав и интересов несовершеннолетних иностранных граждан не регламентирована в достаточной степени, хотя нельзя вести речь о том, что она не осуществляется. Так, при возникновении необходимости депортации несовершеннолетних иностранных граждан, с территории РФ правоохранительные органы руководствуются Соглашением о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания от 07.10.2002 года [1].

Однако проблема защиты прав несовершеннолетних при незаконной миграции не самая острая, поскольку они в достаточной степени обеспечиваются международным и российским правом. Гораздо более актуальным является то, что в результате незаконного перемещения несовершеннолетних, подростки сами становятся объектами преступных посягательств и вовлекаются в совершение преступлений. Нередко их перемещение в другую страну происходит с целью участия в совершении преступлений или использования несовершеннолетних как объекта продажи, сексуальной эксплуатации или для трансплантации органов. В международной судебной практике имеются случаи вовлечения детей в совершение террористических актов, экстремизм, незаконное производство и распространение наркотических и психотропных веществ, незаконную торговлю оружием. Несовершеннолетних не только привлекают к участию в боевых действиях в составе запрещенных террористических организаций, но и используют как смертников-шахидов. Подобная практика известна в Израиле, Алжире, Перу, Турции, Франции. Дети используются в качестве живых контейнеров для перевозки наркотиков, оружия и взрывчатых веществ [8]. Трагизм ситуации очевиден. Распространено также использование подростков для совершения терактов. Логика действий преступников в том, что они спекулируют чувствами правоохранителей, когда последним сложно выстрелить в ребенка при задержании и обезвреживании. Для подготовки подростков-смертников террористы отрывают их от се-

мей, нередко незаконно перемещают в другие государства, где подсаживают на наркотики, используя порой возрастную склонность некоторых из них к суициду.

Таким образом, считаем, борьба с терроризмом должна вестись на основе норм международного законодательства. [6]. Это в полной мере можно отнести и к незаконной миграции, которая связана не только с терроризмом, но и с другими международными преступлениями. Одним из которых, выступает незаконный оборот наркотиков. Несовершеннолетние не только вовлекаются в незаконное потребление наркотиков, но и в нелегальную перевозку через границу. Незаконная миграция несовершеннолетних может осуществляться и с целью сексуальной эксплуатации, а также использование детей в изготовлении порнографической продукции [2]. В последние годы несовершеннолетние все чаще становятся объектами похищения и перепродажи в притоны. Угрожающий характер носит принудительная проституция, признанная одной из форм рабства девушек. Секс-туризм и детская порнография приводят к тому, что дети становятся обычным товаром на рынке сексиндустрии. В некоторых государствах Азии, особенно Таиланде, в странах Латинской Америки — Бразилии, Мексике — возраст «товара» не превышает 15 лет, а сам рынок можно назвать международным [7, с. 179].

Нелегальная миграция несовершеннолетних может преследовать различные цели: торговля детьми для незаконного усыновления, их сексуальная эксплуатация; рабский труд на подпольных производствах, в домашнем хозяйстве; использование детей и детей-инвалидов «профессиональными нищими»; трансплантация органов; использование в вооруженных формированиях и т.д. [9].

Незаконная торговли детьми, рабство, похищения, контрабандный провоз, а также проблемы в области злоупотребления, эксплуатации и коммерческого использования здоровья детей являются актуальными проблемами во всех регионах мира. Именно поэтому в ноябре 2000 г. 55 сессия Генеральной Ассамблеи ООН в г. Палермо (Италия) приняла Конвенцию против транснациональной организованной преступности и дополняющий протокол о предупреждении, пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее [4]. В число десяти наиболее неблагополучных в этом отношении стран мира входят: Россия, Колумбия, Мексика, Бразилия, Филиппины, Венесуэла, Эквадор, Нигерия, Индия и ЮАР [5]. Статья 35 Конвенции о правах ребенка предписывает государствам-участникам принимать на национальном, двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения похищения детей, торговле детьми

или контрабанды в любых целях и любой форме. Необходимость разработки мер по охране прав ребенка в силу его физической и умственной незрелости потребовала выделения международной защиты прав детей в особое направление.

Отечественная система законодательства, включая нормы уголовного права, следует этому направлению. Так, Уголовный кодекс РФ содержит положения, прямо направленные на защиту прав несовершеннолетних в указанной сфере. В частности, ч. 2 ст. 126 УК РФ «Похищение человека» в п. «д» закрепляет ответственность за похищение заведомо несовершеннолетнего. Далее нормы ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» в п. «б» ч. 2 предусматривает ответственность в отношении купли-продажи и иных сделок несовершеннолетних, в п. «г» за действия, которые связаны с перемещением потерпевшего через Государственную границу страны или с его незаконным удержанием за границей.

Нормы ст. 322.1 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за организацию незаконной миграции, где в п. «б» ч. 2 имеется отягчающее обстоятельство в виде цели совершения преступления на территории России. Но норма не конкретизирует, у кого должна быть цель, у субъекта данной нормы или у нелегальных мигрантов. Многие нормы уголовного закона предусматривают специальный признак объекта охраны, указывающего на повышенную общественную опасность посягательства. Таким обстоятельством выступает признак несовершеннолетнего или малолетне-

го лица (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «д» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ и т.д.). Следует отметить, что уголовное законодательство России, регулирующее вопросы миграции, содержит пробел в установлении правового статуса детей иностранных граждан и лиц без гражданства, которые могут ввозиться на территорию России или следовать транзитом в другое государство с целью совершения преступления в отношении них или с их использованием.

Учитывая современные тенденции миграции и транснациональной преступности, российскому законодателю необходимо рассмотреть вопрос о внесении изменений в действующее законодательство в части уголовно-правовой охраны прав несовершеннолетних мигрантов и ввести в качестве квалифицирующего признака в ст. 322.1 УК РФ (Организация незаконной миграции) отягчающее обстоятельство в отношении несовершеннолетних в целях вовлечения в совершение преступления на территории Российской Федерации или осуществления незаконных действий в отношении них.

Таким образом, проблема вовлечения несовершеннолетних в преступление и незаконные действия в отношении них при осуществлении незаконной миграции является актуальной не только на российском, но и на международном уровне, прежде всего стран СНГ. Это требует объединения усилий в сфере охраны прав несовершеннолетних и унификации законодательства на международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания (Вместе с «Перечнем транзитных учреждений, через которые устанавливается межгосударственная перевозка...»). Заключение в г. Кишиневе 07.10.2002. // Собрание законодательства РФ. 23 октября 2006 г. № 43. Ст. 4418.
2. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, 2000 г.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Доступ из СПС КонсультантПлюс
4. Жавзандолгор Баттогтох. Международно-правовая защита прав детей (международно-правовые аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004
5. Лисукова К.В. Международно-правовое сотрудничество государств по защите прав несовершеннолетних, вовлеченных в преступную деятельность // Адвокат. — 2008. — № 10.
6. Лукашук И.И. Терроризм и международное право // Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум. 2006: <http://www.waaf.ru>
7. Рубина И.Е. Проблема торговли женщинами в современном международном праве // Международное право. — 2001. — № 5.
8. URL <http://www.megapolis.org>.
9. URL <http://www.undp.ru/index.phtml?iso=RU&lid;=2&cmd;=publications1&id;=52>

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОДСТАВНЫХ ЛИЦ

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED THROUGH THE USE OF FIGUREHEAD

E. Karpova

Summary. The relevance of criminological analysis of crimes committed using front persons is due to the need to understand the main factors of crime growth in various spheres of public life and the role of formally legitimate organizations in the commission of crimes. The current state of economic crime is characterized by high latency. One of the ways to ensure latency is the activity of criminals through front persons. The scale of the use of figureheads in crimes is now truly impressive. At the same time, in the practice of countering these crimes, there is no necessary characteristic of determinants, which in turn hinders the implementation of crime prevention with the involvement of nominal persons. The basis for the successful fight against criminal activity carried out through front persons is a built-up system of general social prevention in matters of eliminating the causes that affect the criminalization of the economic system. It is also important to have a well-developed legislative framework and law enforcement practice regulating the procedure for the creation, functioning and liquidation of legal entities. It is also important to establish cooperation between regulatory and law enforcement agencies on the exchange of information about the activities of certain organizations that arouse suspicion.

Keywords: surrogates is a formal and legitimate organization, the causes of crime, crime prevention, latent crime, the purpose of criminal activity.

Карпова Екатерина Геннадьевна

*Сюскаатель, Нижегородская академия МВД России
karpova_eg@yandex.ru*

Аннотация. Актуальность криминологического анализа преступности совершаемых с использованием подставных лиц обусловлена необходимостью понимания основных факторов роста преступности в различных сферах общественной жизни и роли формально легитимных организаций в совершении преступлений. Современное состояние экономической преступности характеризуется высокой латентностью. Одним из способов обеспечения латентности является деятельность преступников посредством подставных лиц. Масштабы использования подставных лиц в преступлениях в настоящее время поистине внушительны. В то же время в практике противодействия указанным преступлениям отсутствует необходимая характеристика детерминантов, что в свою очередь препятствует осуществлению профилактики преступности с привлечением номинальных лиц. Основой успешной борьбы с преступной деятельностью, осуществляемой через подставных лиц, является выстроенная система общесоциальной профилактики в вопросах устранения причин, оказывающих воздействие на криминализацию экономической системы. Также важна корректно разработанная законодательная база и практика правоприменения, регулирующая порядок создания, функционирования и ликвидации юридических лиц. Немаловажно налаживание взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов по вопросам обмена сведениями о деятельности тех или иных организаций, вызывающих подозрение.

Ключевые слова: подставные лица, формально-легитимные организации, причины преступности, предупреждение преступности, латентные преступления, цели преступной деятельности.

При изучении преступлений, совершаемых посредством привлечения и дальнейшего использования подставных лиц, крайне высокую значимость приобретает понимание субъективных признаков, поскольку именно они свидетельствуют о конкретном преступном результате, для достижения которого и функционируют организации, уже традиционно именуемые фирмами-однодневками. Вместе с тем, для успешной уголовной политики по противодействию подобным криминальным формированиям, первостепенную значимость имеют фактические обстоятельства, исследуемые уголовно-правовой и криминологической науками в разрезе диалектико-материалистической методологии. В таком ключе предлагается обратить исследовательское внимание к детерминан-

там, обуславливающим возникновение и рост той части экономических преступлений, совершение которых характеризуется привлечением подставных лиц.

Ознакомление со статистическими данными демонстрирует и доказывает, что рост преступлений, предусмотренных ст. ст. 173¹ и 173² УК РФ, географически неоднороден, что может быть обусловлено существенными различиями в экономической обстановке различных субъектов Российской Федерации. При этом, несмотря на относительно благоприятные показатели в отдельных регионах, статистику по федеральным округам в целом можно признать весьма неблагоприятной. Так, согласно Сборнику сведений о результатах работы подразделений экономической

безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации по форме Ф.495 темп прироста выявленных преступлений (относительно аналогичного периода прошлого года — далее АППГ) по ст. 173¹ УК РФ составил по федеральным округам (далее — ФО):

А) в 2014 году: в Центральном ФО — 50%; Дальневосточном ФО — 400%;

Б) в 2015 году рост наблюдался в: Южном ФО (109,5%); Сибирском ФО (383,3%); Дальневосточном ФО (220%); всего по территории России прирост составил 22,4%;

В) в 2016 году прирост наблюдался в: Центральном ФО (192,9%), при этом в г. Москва и в Тверской области он характеризовался показателем в 800% АППГ, в Липецкой области 1600% АППГ; Северо-Западном федеральном округе (440%); Северо-кавказском федеральном округе (290%), где существенный прирост произошёл за счет статистических данных из республики Дагестан (1300% АППГ); Приволжском федеральном округе (383,5%), где рекордсменом по приросту стала Республика Башкортостан, в которой выявление 18 преступлений по ст. 173¹ УК РФ обеспечило ей показатели 1800% АППГ, при этом в количественном соотношении больше всего преступлений по данной статье уголовного закона выявлено в Пермском крае, где показатель в 88 выявленных преступлений соответствует 1157,1% АППГ; Уральском ФО (1050%); Сибирском ФО (248,3%); Дальневосточном ФО (81,3%). Всего по России в 2016 году по ст. 173¹ УК РФ зафиксирован прирост выявленных преступлений в 218,3% АППГ.

Г) тенденция роста была продолжена и в 2017 году: в Центральном ФО (112,2%), где основной относительный прирост пришелся на Владимирскую область (3000%); Северо-западном ФО (214,8%); Северо-кавказском ФО (235,9%); Южном ФО (165,1%); Приволжском ФО (96,3%); Уральском ФО (626,1%); Сибирском ФО (226,7%); Дальневосточном ФО (103,4%). Всего по России за 2017 год прирост составил 174% АППГ, было выявлено 1718 преступлений по ст. 173¹ УК РФ, **и только по 1304 преступлениям были возбуждены уголовные дела;**

Д) январь-декабрь 2018 года — наблюдается замедление негативной статистической динамики, где относительно АППГ прирост составил в: Центральном ФО (74,7%); Северо-Западном ФО (114,1%); Северо-Кавказском ФО (19,8%); Южном ФО (41,2%); Приволжском ФО (82,2%); Сибирском ФО (35,6%); Дальневосточном ФО (127%). Всего прирост по России составил по итогам 2018 года 54,9%. Из 2661 выявленного преступления уголовные дела возбуждены лишь по 2017;

Е) аналогичный процесс прослеживается и в 2019 году в: Центральном ФО (34,2%); Северо-Западном ФО (20,3%); Южном ФО (52,2%); Приволжском ФО (5,5); Сибирском ФО (4,2); Дальневосточном ФО (0%). Всего по России в 2019 году наблюдался прирост статистических показателей по ст. 173¹ УК РФ на 5,6%. Из 2809 выявленных преступлений уголовные дела возбуждены лишь по 2275.

Следует отметить, что существует, как минимум, два пути по толкованию представленной динамики:

А) ввиду того, что преступления, совершаемые путем использования подставных лиц, ориентированы, в первую очередь, на сокрытие реального целеполагания своей деятельности (что роднит их и тесно связывает с легализацией в контексте ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ), логичным видится вывод, что и образование организаций через подставных лиц относится к преступлениям с высокой латентностью. В таком случае, непропорционально возрастающая с каждым годом динамика может быть объяснена тем, что ранее, когда обсуждаемые составы преступлений были только введены в отечественное уголовное законодательство, существовали объективные сложности по выявлению соответствующих преступлений правоохранными органами. Нередко это происходит из-за «недобросовестного отношения к своим служебным обязанностям...» или когда из-за чрезвычайной загруженности «некоторые представители правоохранительных органов предпочитают регистрировать только серьезные преступления». Как верно отмечает Ю.А. Джахбаров, прокурорские проверки демонстрируют, что органами дознания и предварительного следствия *«укрывается огромная масса совершенных преступлений, которые остались без своевременной регистрации и по которым не возбуждены уголовные дела в соответствии с действующим законодательством»* [1, С. 189]. Аналогично и справедливо М.Х. Адухов отмечает, что проведенное им *«исследование на основании изучения материалов следственной и судебной практики в регионах Российской Федерации показало, что результативность работы правоохранительных органов по привлечению к ответственности лиц, совершивших преступления данной категории, остается пока низкой»* [2, С. 103]. Во многом, это может быть связано и с консерватизмом правоприменителя, его нежеланием приспособливаться к стремительным изменениям уголовного законодательства, что знаменует порочность отечественной правовой системы в целом и характеризует ее как систему, не склонную к жизнеспособности без постоянных вмешательств в ее конструкцию.

В таком случае, обнаруженная динамика с ее увеличивающимися от года к году показателями может свидетельствовать не столько о распространении преступлений, совершаемых путем использования подставных лиц, сколько о росте выявляемости данной категории преступлений, когда правоприменитель постепенно адаптируется к изменившемуся УК РФ и осваивается в квалификационных аспектах. К сожалению, однозначного ответа: так это или нет, дать не представляется возможным. Весьма вероятно, что в действительности имеют место множество факторов, и изменчивая латентность в том числе.

Б) Сложившаяся динамика может быть объяснена и тем, что растет число преступлений, совершаемых с использованием подставных лиц. Это также может быть соотнесено с латентностью этих общественно-опасных деяний, поскольку потенциальные правонарушители чувствуют свою безнаказанность. Таким образом, второй путь интерпретации изложенных выше показателей сводится к **«несостоятельности принципа неотвратимости ответственности»** [3].

Преступность как явление недопустимо исследовать в отрыве от модели поведения, определяющей механизм общественно опасного поведения. Для получения хотя бы обобщенного представления о процессах совершения изучаемых деяний, а также поиска оптимального пути по противодействию этим криминальным проявлениям, необходимо изучить психические процессы, что происходят в уме злоумышленника, уделить внимание личности преступника. И дело не только в приоритетном для отечественного уголовного права субъективном вменении, поскольку речь в данный момент идет не о квалификационных особенностях. Нас интересует именно криминологическая характеристика девианта, способной пойти на запрещенные ст. ст. 173¹ и 173² УК РФ действия. Определив, чем обусловлена деформация правосознания таких граждан, представляется возможность выявить и устранить ее первопричину, предупредив таким образом совершение данных преступлений, а равно их рецидивы. Кроме того, изучение личности правонарушителя позволяет заключить, в чем путь наиболее эффективной борьбы с посягательствами, совершаемыми с использованием подставных лиц, как лучше предупреждать совершение новых подобных деяний: следует ли осуществлять гуманизацию ответственности или наоборот, ужесточить ее путем дополнительной пенализации. В совокупность все это также позволит усовершенствовать механизм индивидуализации наказания судами, сделав его более действенным, поскольку судья сможет более подробно установить степень общественной опасности.

Соответственно, изучение личности криминального контингента по

ст. ст. 173¹ и 173² УК РФ является неотъемлемым условием эффективного применения перспективной и ретроспективной юридической ответственности в плоскости противодействия фирмам-однодневкам.

Лицам, принимающие непосредственное участие в совершении общественно опасных деяний, запрещенных ст. ст. 173¹ и 173² УК РФ, свойственны отличительные особенности, не типичные для большинства преступников. Так, чтобы быть способным к незаконному образованию юридического лица, для представления документов на подставное лицо в регистрирующий орган необходимо, как минимум, быть сведущим в этой области, иметь знания о порядке регистрации и прекращения деятельности организаций.

Как правило, исполнителями преступлений по вышеназванным составам выступают бывшие, и даже действующие предприниматели, соучредители или члены органов управления юридических лиц, в том числе, некоммерческих организаций. В этом смысле, их криминальную активность можно признать профессиональной преступностью, поскольку требует специализированных познаний. Во многом, именно из-за наличия этих знаний к ним обращаются другие граждане, которым необходимо создать фирму-однодневку, например, для отмыывания доходов [4], для обналаживания денежных средств [5]. В этом ключе, лица, совершающие преступления, предусмотренные ст. 173¹ УК РФ, своего рода, обслуживают интересы криминала, администрируют теневой бизнес. Поэтому, не редко — это высокообразованные граждане, сведущие в юриспруденции, коммерции, бухгалтерском учете или тесно сопричастные с этими сферами экономической деятельности.

Вместе с тем, как отмечает М.Х. Адухов, виновные по ст. 173² УК РФ не характеризуются столь высокими организаторскими и интеллектуальными способностями [3, С. 103] (подразумевая, вероятно, преступление, предусмотренное именно ч. 1 ст. 173² УК РФ), поскольку «одно дело» образовать юридическое лицо посредством использования чужого документа или персональных данных, совершенно другое — предоставить этот документ. Последнее не требует существенных когнитивных способностей и субъекты преступлений по указанной части должны даже изучаться с позиций виктимологии, так как ими, как правило, выступают социально незащищенные слои, экономически необеспеченные. Кроме того, в эту «группу риска» входят, студенты, склонные к тому, чтобы быть обманутыми из своих наивных предпочтений о «легких деньгах».

К сожалению, как следует из массы криминальных сводок и разного рода научных исследований, жизнь таких граждан, ставшими преступниками по ч. 1 ст. 173² УК РФ может оборваться весьма внезапным для них образом, по волеизъявлению лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 173¹ УК РФ, а равно тех злоумышленников, чьи интересы обслуживаются созданными ими фирмами-однодневками.

Таким образом, следует заключить, что личность преступника по исследуемой группе деяний зависит от конкретного состава:

1. по ст. 173¹ УК РФ и ч. 2 ст. 173² УК РФ это, как правило, высокообразованные зрелые граждане мужского пола, имевшие опыт в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

1.1. предупреждение по данной группе преступлений лежит в плоскости ужесточения принципа неотвратимости ответственности, дополнительной пенализации и повышения уровня подготовки сотрудников правоохранительных органов, оперативных подразделений в частности;

2. по ч. 1 ст. 173² УК РФ личность преступника характеризуется виктимными чертами. Это либо социально-неблагополучные граждане, либо экономически несамостоятельные и поставленные в соответствующую зависимость, а равно молодые (до 25 лет) люди, в том числе учащиеся, вовлеченные в криминалитет в качестве подставного лица из-за малого жизненного опыта, юридической, экономической и общесоциальной грамотности;

2.1. наиболее эффективной **профилактикой** преступности по данному составу видится работа с населением: памятки, беседы, информирование граждан посредством средств массовой информации.

Вместе с тем возникает проблема определения факторов, которые придают отличительную характеристику преступности, с использованием подставных лиц. Данный вопрос целесообразно изучить путем ретроспективного анализа. В криминологической науке существует отдельный раздел, связанный с изучением момента возникновения преступности в той или иной сфере, именуемый детерминантами преступности. Детерминанты преступности включают в себя совокупность причин и условий прямо или косвенно влияющих на зарождение преступности в той или иной группе общественных отношений. В настоящей статье сделан упор именно на разбор причин преступности, поскольку требуется выявить явления, происходящие в обществе которые, тем или иным образом, послужили

основой для осуществления преступной деятельности с использованием подставных лиц. Говоря о причинах преступности, необходимо уяснить определение данного понятия с точки зрения криминологической науки. По мнению Кудрявцева В.Н и Эминова В.Е. причины преступности следует изучать в их корреляции с объективными и субъективными факторами, определяющими общественно опасное поведение [6, С. 11–12].

Данное суждение указывает на наличие множества факторов, способствующих криминализации той или иной сферы общественной жизни. В контексте существования преступности, в которой ряд действий осуществляется при помощи создания подставных лиц, имеется совокупность отличительных черт присутствующих только им, а именно: осуществление противоправной деятельности с привлечением несколько лиц прямо или косвенно замешанных в совершении преступлений, использование фиктивных документов при регистрации организации, совершение ряда иных предикатных посягательств. Основными причинами, способствующими росту криминальной активности с использованием подставных лиц, являются: социально экономические [7], правовые, психологические, организационно управленческие.

Говоря о **социально экономических причинах**, необходимо иметь в виду неблагоприятное состояние экономической системы Российской Федерации на протяжении 30 лет. С начала 90-х годов прошлого века экономика России переживала болезненную трансформацию с планового типа организации на рыночную, что благоприятно сказывалось на криминализации всех сфер экономической жизни общества. До начала нулевых годов сектор теневой экономики был базовым для общества, что в свою очередь сказывалось на укреплении криминального бизнеса в долгосрочной перспективе. Впоследствии с момента стабилизации легального сектора экономики, преступность стала также видоизменяться, а именно «мимикрировать» под легальные виды деятельности при помощи различных способов сокрытия противоправной деятельности. Одним из способов маскировки преступной деятельности стало использование формально-легитимных организаций. Осуществление деятельности с использованием подставных лиц стало решающим фактором, способствующим росту латентности экономической преступности [8]. С 2014 г. кризис в отношениях с западными странами привел к применению санкций в отношении российского государства и впоследствии негативно отразился на экономической обстановке в стране. Можно констатировать значительное ухудшение устойчивости субъектов хозяйственной деятельности, что, без сомнения, создало благоприятную почву для совершения преступных действий при помощи подстав-

ных лиц. Проблемы экономического характера были связаны с другими негативными явлениями, а именно **отсутствием должного правового регулирования** в данной сфере общественных отношений. Так, до настоящего момента Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ предусмотрен достаточно простой порядок регистрации и ликвидации юридических лиц, который заключался в подаче небольшого количества документов, подтверждающих будущую деятельность и небольшой уставный капитал. Указанные требования давали возможность преступникам широкие возможности для осуществления преступной деятельности под видом легальной, как раз благодаря малозатратности и простоте процедуры создания организаций. Ещё одной слабой стороной нынешней правовой системы является неопределённость в разработке норм, устанавливающих юридическую ответственность за использование организаций в качестве номинальных.

К примеру, в уголовном законодательстве до сих пор нет чёткой системы норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений с использованием подставных лиц. Так поспешная декриминализация лжепредпринимательства без замещения корректных норм, охватывающих весь спектр использования юридических лиц в преступных целях, негативно отразилась на дальнейшей практике правоприменения. Дефицит правовых норм и некорректная правовая основа, регламентирующая деятельность юридических лиц, способствовала формированию большого количества организаций, созданных для преступных целей. В совокупности вышеперечисленные причины оказали влияние на формирование третьей причины — **социально-психологической**.

Негативные явления в общественной жизни, низкий уровень благосостояния и отсутствие доверия к государству в целом, повлияли на возникновение толерантного отношения общества к делинквентному поведению, связанному с использованием номинальных организаций. У многих граждан не наблюдается негативного отношения к деятельности, связанной с использованием фирм однодневок, созданных для облегчения совершения преступлений, поскольку большинство граждан не осознают их деструктивного влияния на общественные институты. Обыватель может не обнаружить общественную опасность ведения деятельности через подставных лиц, поскольку достаточно проблематично на первый взгляд найти причинно-следственную связь между деятельностью формально легитимных организаций и наступивших общественно вредных последствий. К тому же, для некоторых злоумышленников вовлечение в создание подставных лиц может иметь материальную выгоду. Так, социально неблагополучные лица или лица, имеющие низкий доход, часто привлека-

ются в качестве учредителей фиктивных организаций. По материалам судебно-следственной практики можно проследить тенденцию оформления фиктивных организаций на лиц без определенного места жительства и иных представителей неблагополучного социального слоя общества. Нередко можно встретить предложения о быстром и лёгком заработке при помощи процедур оформления организаций на своё имя. Многие молодые люди (учащиеся старших классов, студенты и т.д.) с целью материальной выгоды готовы выступить подставным лицом в силу того, что не осознают противоправности данных действий, либо в связи с безразличным отношением к негативным последствиям в результате оформления сомнительных организаций на своё имя. На лицо наглядный пример проявления правового нигилизма среди широких слоёв населения. Важно понимать, что безразличное, а иногда позитивное отношение граждан к преступлениям, совершаемым с использованием подставных лиц труднее всего поддается коррекции со стороны государства, поскольку подобное отношение общества вызвано длительным деформационным воздействием. Вместе с тем, социально-экономическое воздействие на такие слои граждан является основным способом профилактики рассматриваемых преступлений [2].

Последней ключевой причиной является **организационно-управленческая**. Деятельность органов государственной власти, в компетенции которых входит контроль за деятельностью юридических лиц, в настоящее время организована отнюдь не на высоком уровне, а именно вопрос подведомственности и обмена информацией, касаемой выявления и раскрытия преступлений остается не решённым до конца. Часто для быстрого выявления преступной деятельности с участием подставных лиц важна оперативность и мобильность, что не всегда обеспечивается по причине излишней бюрократизации процедур получения сведений для правоохранительных органов. Пока происходит процедура обмена сведениями о предполагаемой преступной деятельности между исполнительными органами государственной власти и правоохранительными структурами, злоумышленникам удается осуществлять свои противоправные намерения и скрыть следы криминальной активности. Вдобавок к этому, отдельные должностные лица органов государственной власти склонны к коррупционному поведению. В итоге можно констатировать, что причины преступлений, совершаемых с использованием подставных лиц, имеют комплексный характер [9], поскольку спектр применения подставных лиц в противоправной деятельности достаточно обширен. Исходя из этого, возникают дополнительные трудности при определении критериев предупреждения преступности. Важно своевременно совершенствовать систему учета юридических лиц и индивидуаль-

ных предпринимателей для обнаружения признаков, свидетельствующих о возможном участии лиц в качестве подставных. Ключевым органом осуществляющий первичные регистрационные действия и последующий контроль за организациями и индивидуальными предпринимателями является Федеральная налоговая служба, поэтому основная задача иных правоохранительных и контролирующих органов должна заключаться в совершенствовании надлежащего взаимодействия по обмену информацией о финансово-хозяйственной

деятельности фирм на территории обслуживания. Эффективность профилактики также будет зависеть от качественной нормативно-правовой базы [10]. Прежде всего необходима проработка правовой базы, наличие которой не будет приводить к правовым коллизиям и допущению пробелов в законодательной регламентации. Часто при выявлении подставных лиц не совсем ясна процедура определения вида юридической ответственности, а именно разграничения уголовной, административной и гражданско-правовой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джахбаров, Ю.А. Методы выявления и противодействия латентной преступности как основание для принятия управленческих решений // Вопросы управления. — 2015. — № 2 (14). С. 187–193. — Текст: непосредственный.
2. Адухов, М.Х. Криминологические особенности незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица и незаконного использования документов для образования юридического лица // Проблемы экономики и юридической практики. — 2016. — № 5. — С. 102–104. — Текст: непосредственный.
3. Сабитов, Т.Р. О принципе неотвратимости ответственности в российском уголовном законодательстве // Вестник ТГПУ. — 2006. — № 11. — С. 63–65. — Текст: непосредственный.
4. Танюшева, Н.Ю. Об элементах финансового механизма отмывания денег // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2011. — № 13. — С. 35–40. — Текст: непосредственный.
5. Белохребтов, В.С. Противодействие преступлениям, связанным с незаконным обналичиванием денежных средств // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2017. — № 4–2. — С. 82–87. — Текст: непосредственный.
6. Кудрявцев, В.Н. Причины преступности в России: криминологический анализ / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. — Москва: Норма, 2006. — 112 с. — Текст: непосредственный.
7. Гармаш, А.М. Низкий уровень предпринимательской культуры как одна из причин предпринимательской преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2012. — № 5. — С. 143–146. — Текст: непосредственный.
8. Иванов, П.И., Шегабудинов, Р.Ш. Экономическая и коррупционная преступность и ее латентность как объект криминологического изучения // Вестник экономической безопасности. — 2017. — № 3. — С. 111–120. — Текст: непосредственный.
9. Садуллаева, А.А. Уголовно-правовое противодействие «Фирмам-однодневкам» в экономическом обороте // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 1. С. 87–94. — Текст: непосредственный.
10. Гармаш, А.М. Причины предпринимательской преступности, связанные с недостатками законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. — 2012. — № 4. — С. 58–62.

© Карпова Екатерина Геннадьевна (karpova_eg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАХОВАНИЕ ВКЛАДОВ: КТО ИМЕЕТ ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ В ПОВЫШЕННОМ РАЗМЕРЕ

DEPOSIT INSURANCE: WHO IS ELIGIBLE FOR THE INCREASED COMPENSATION

M. Katvitskaya

Summary. This article discusses the provisions of the Federal Law of May 25, 2020 No. 163-FZ, which made significant changes to the law of the Russian Federation on deposit insurance. In particular, the list of circumstances is highlighted, the presence of which gives rise to the depositor's right to receive reimbursement of funds, including in an increased amount upon the occurrence of an insured event. It is noted that the revocation of a license from a banking institution acts as such an insured event. Particular attention is paid to the practical mechanism and timing of the payment of compensation, the necessary documentation, which the depositor undertakes to provide in order to achieve the specified goal.

Keywords: deposit, bank, depositor, cash, insurance case.

Катвицкая Мария Юрьевна

*Международная академия информатизации
в Генеральном консультативном статусе социального
и экономического совета ООН, г. Москва
z1437430@yandex.ru*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются положения Федерального закона от 25.05.2020 года № 163-ФЗ, который внес существенные изменения в закон РФ о страховании вкладов. В частности, освещается перечень обстоятельств, наличие которых порождает у вкладчика право на получение возмещения денежных средств, в том числе, в повышенном размере при наступлении страхового случая. Особое внимание уделяется практическому механизму и срокам выплаты возмещения, необходимой документации, которую вкладчику необходимо предоставить для достижения указанной цели.

Ключевые слова: вклад, банк, вкладчик, денежные средства, страховой случай.

Известно, что в целях повышения степени доверия граждан к банковской системе Российской Федерации, объективной необходимостью является внедрение широкой совокупности способов, направленных на повышение обеспечения исполнения банками своих обязательств. К числу таких способов вполне можно отнести страхование вкладов юридических и физических лиц, что особенно актуально для случаев, когда у банка отзывают лицензию на право осуществления профессиональной деятельности.

На современном этапе развития в качестве основного нормативно-правового акта, регламентирующего отношения в сфере обеспечения сохранности вкладов населения выступает Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (далее-Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации») [3]. Размер страхового возмещения, как следует из содержания данного нормативно-правового акта, как и во всем мире ограничен: так, государством гарантируется возврат вклада в размере, который не превышает 1,4 млн. рублей. Отметим, что данный показатель существовал на территории нашей страны не всегда: так, если в 2006 году он был равен 190 тысячам рублей, то уже в 2007 году его размер составил 400 тыс. рублей. Последующее увеличение можно было наблюдать

в 2008 году, так как в данный период размер страхового возмещения подняли до 700 тысяч рублей и затем повышение произошло в 2014 году, когда объем выплат достиг 1,4 млн. рублей (с 2015 г. и для индивидуальных предпринимателей) [4].

Также, 25 мая 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Федеральный закон от 25 мая 2020 г. № 163-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанный НПА внес существенные изменения в Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации», в частности, в нем появилась отдельная глава 2.1, получившая название «Особенности страхования отдельных видов вкладов. Порядок и условия выплаты возмещения по вкладам при наличии особых обстоятельств». Так, в соответствии с положениями указанной главы, размер страхового возмещения вкладчику-физическому лицу по некоторым видам счетов был увеличен и достиг показателя 10 млн. рублей. Данное правило действует в том случае, если на счетах гражданина временно находились денежные средства в данном объеме, сформировавшиеся на фоне особых жизненных обстоятельств. К числу обстоятельств подобного рода законодатель относит приобретение, либо продажу объектов недвижимого имущества, выплаты по возмещению ущерба, приобре-

тение наследства, выплаты по решению суда, социальные выплаты, выплаты по грантам (в виде субсидии).

Как следствие, страхование в повышенном размере будет распространяться на данные денежные средства, которые были зачислены на счета вкладчика в безналичном порядке в течение трех месяцев со дня наступления страхового случая и по истечении трех месяцев с момента, когда данные денежные средства были зачислены на счет. На них распространяется стандартный лимит страхового возмещения, представленный суммой 1,4 млн. рублей. Отметим, что в указанных случаях страховое возмещение будет выплачиваться в размере 100% суммы, которая находится на счете на день наступления страхового случая, однако сумма не может превышать в своей совокупности предела в 10 млн. рублей. Отметим, что в данную сумму также включается стандартное возмещение по вкладам, которое равняется сегодня показателю в 1,4 млн. рублей [5].

На этом фоне, объективной необходимостью является более детальное рассмотрение перечня обстоятельств, дающих возможность вкладчику получить возмещение при наступлении страхового случая в повышенном размере в отношении:

— *денежных средств, которые были получены от реализации жилого помещения и (или) от реализации земельного участка, на котором располагался жилой дом.*

В данном случае правом на получение повышенного страхового возмещения будет обладать вкладчик, являющийся физическим лицом, на счетах которого размещены денежные средства, полученные им от реализации жилого помещения или земельного участка на основании договоров мены или купли-продажи в рамках трех месяцев. Данный срок будет исчисляться со дня зачисления данных денежных средств со счета лица, которое указано в договоре, на счет вкладчика и только при соблюдении условия о том, что по состоянию на данный день, переход права собственности на объект недвижимости зарегистрирован. Также данный срок может исчисляться со дня регистрации перехода права собственности, но в том случае, если денежные средства были зачислены на счет до этой регистрации (пп. 1, 2 статья 13.4 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»).

При обращении в АСВ с требованиями относительно выплаты страхового возмещения, вкладчику необходимо предоставить следующий пакет документов:

1. документы, которые удостоверяют личность человека (применяется лишь для физических лиц);

2. документы, которые будут подтверждать право лица на наследство или право использование денежных средств наследодателя;
3. доверенность, удостоверенная нотариусом в случае, если обращается представитель вкладчика, представитель наследника или правопреемника. Однако в качестве исключения будет выступать лицо, которое уполномочено действовать от имени правопреемника, вкладчика или наследника без доверенности.
4. копия договора купли-продажи, которая заверена нотариально и имеет совершенную регистрационную запись, произведенную органом, производящим государственную регистрацию права.

— *денежных средств, которые были получены как наследство.*

В данном случае правом на получение повышенного страхового возмещения будут обладать физические лица, являющиеся наследниками, а право действует в отношении денежных средств, которые размещены на счете физического лица, выступающего в качестве наследодателя. Речь в данном случае идет о денежных средствах, которые поступили в связи с закрытием счета наследодателя, переоформлением данных денежных средств на имя наследника, в том числе, после получения документов, которые подтверждают право на наследство. Стоит отметить, что возникновение права на получение страхового возмещения будет возникать у физического лица наследника и наследственного фонда при наступлении страхового случая в период со дня открытия наследства и до истечения трех месяцев с даты, когда наследник или наследственный фонд получил документ, который подтверждает право на наследство. Страхование в этой ситуации также будут подлежать денежные средства, которые поступили на счет наследника или наследственного фонда со счета физического лица в безналичном порядке.

Согласно п. 3 ст. 13.5 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» при получении возмещения по вкладу наследственным фондом, он имеет право обратиться в АСВ, однако выплата страхового возмещения в данном случае может быть осуществлена только на счет наследственного фонда в любой другой кредитной организации.

— *денежных средств, которые были получены в рамках исполнения судебного решения.*

Что касается данного случая, то правом на получение страхового возмещения в этой ситуации будет возникать у вкладчика, являющегося физическим лицом,

а возникать оно будет в отношении денежных средств, которые поступили на счет вкладчика в связи с исполнением вступившего в законную силу судебного акта суда РФ, в том числе, арбитражного суда РФ, в течение трех месяцев с даты, когда данные средства были зачислены на счет в безналичном порядке. Отметим, что страхованию будут подлежать денежные средства в размере, установленном судебным актом суда РФ, арбитражного суда РФ, согласно которому они перечислены на счет или взысканы в его пользу. Также страхованию будут подлежать денежные средства или в меньшем размере в случае частичного исполнения такого судебного акта на день, когда наступил страховой случай.

При обращении в АСВ с требованием относительно выплаты страхового возмещения по денежным средствам, вкладчик должен предоставить следующий пакет документов:

1. Заявление установленного образца;
2. Документы, которые удостоверяют личность физического лица;
3. Документы, подтверждающие право на наследство;
4. Доверенность для представителя.
5. Оригинал судебного акта или копию, заверенную судом.

Также согласно пп. 4, 5 ст. 13.6 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» в отношении включенных в реестр обязательств банка перед вкладчиками обязательств, информация о тех или иных денежных средствах может быть запрошена у граждан и организаций дополнительно. Такая информация должна быть представлена в АСВ в течение 5 рабочих дней.

— денежных средств, которые были получены как возмещение ущерба, ранее причиненного здоровью, жизни или личному имуществу, а также денежных средств, которые представляют собой социальные выплаты, компенсационные выплаты и иные выплаты подобного характера.

Очевидно, что право на получение страхового возмещения в указанном случае будет возникать у вкладчика, являющегося физическим лицом, в течение 3 месяцев с даты зачисления данных денежных средств на счет вкладчика — физического лица в безналичной форме. Под денежными средствами в указанном аспекте стоит понимать страховые выплаты, произведенные в рамках договоров об обязательном имущественном страховании, обязательном личном страховании и выплаты в виде пособий и компенсаций, размер и порядок перевода которых регламентирован действующим законодательством. В частности, это могут быть посо-

бия и компенсации на фоне прекращения трудового договора и увольнения со службы и некоторые иные.

В этих случаях вкладчик представляет в АСВ следующие документы:

1. Заявление установленного образца;
2. Документы удостоверяющие личность физического лица;
3. Документы подтверждающие право на наследство;
4. Доверенность для представителя;
5. Договор страхования и подтверждающие документы.

АСВ в данном случае производит запрашивает в ПФР и ФСС России и иных организациях информацию относительно выплат, произведенных в отношении вкладчика. Данные организации должны своевременно отреагировать на запрос АСВ и предоставить запрашиваемую информацию в течение 5 рабочих дней со дня, когда соответствующий запрос поступил (п. 5 ст. 13.7 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»).

— денежных средств, которые получены как гранты и имеющие форму субсидии.

Правом на получение страхового возмещения в повышенном размере в отношении денежных средств, которые были получены как гранты и имеющие форму субсидий будет обладать вкладчик, являющийся физическим лицом, в течение трех месяцев со дня, когда такие денежные средства поступили на счет вкладчика в безналичной форме.

В этих случаях вкладчик представляет в АСВ следующие документы:

1. Заявление установленного образца;
2. Документы удостоверяющие личность физического лица;
3. Документы подтверждающие право на наследство;
4. Доверенность для представителя;
5. Копия договора о предоставлении гранта.

♦ *денежных средств, которые были размещены на совместном счете и право на которое принадлежит всем вкладчикам совместно в зависимости от их доли (размера доли).*

Возмещение по вкладам в соответствии с п. 1 ст. 13.9 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» будет производиться в отношении долей владельцев совместного счета. В соответствии с общим правилом, доли владельцев совместного счета определяются пропорционально сумме

денежных средств, которые были внесены на совместный счет каждым из таких вкладчиков, либо третьими лицами в пользу вкладчика, если иное прямо не предусмотрено договором совместного счета. После того, как наступил страховой случай, изменение размера доли владельцев совместного счета не будет оказывать влияния на размер страхового возмещения, которое подлежит выплате каждому из владельцев совместного счета.

В практической деятельности каждый владелец совместного счета имеет право на обращение за выплатой возмещения, но только в отношении той доли счета, которая принадлежит именно ему. Стоит отметить, что право на получение возмещения иных долей в совместном счете может быть предоставлено на основе доверенности, которая была получена им от иных со-владельцев.

— денежных средств, которые ранее были размещены на специальном счете или на специальном депозите, который был предназначен для формирования и для дальнейшего использования фонда капитального ремонта имущества всех собственников жилья в многоквартирном доме.

Страховое возмещение по специальному депозиту, который был оформлен для использования средств фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме, будет выплачиваться в размере 100% суммы, которая находится на специальном счете на день наступления страхового случая, однако не может превышать предельного лимита в 10 млн. рублей.

В том случае, когда вкладчик имеет несколько специальных счетов в одном кредитном учреждении, возмещение будет выплачиваться по каждому из них в размере 100% той суммы, которая находится на каждом специальном счете, но не более 10 млн. рублей по каждому из таких специальных счетов.

Согласно п. 4 ст. 13.10 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» выплата возмещения по специальному счету АСВ производится посредством перечисления денежных средств на счет, указанный владельцем или на счет регионального оператора.

В той ситуации, когда банк, в отношении которого наступил предусмотренный законодательством страховой случай, выступал по отношению к вкладчику кредитором, размер возмещения по специальному счету будет определен исходя из разницы между суммой обязательств банка и суммой требований банка по обязательствам владельца специального счета. Обязатель-

ства подобного рода могут возникать из договоров, которые заключены вкладчиком на основании решений собрания собственника помещений и по иным договорам, образующим специальные счета.

При наступлении страхового случая, выплата возмещения по специальному счету производится АСВ в течение 1 месяца со дня, когда вкладчик представил заявление, однако не ранее чем 3 рабочих дня со дня, когда АСВ получили информацию, которая подтверждает определенные сведения о владельце счета. Данное правило действует в случае, если АСВ фактически запрашивал сведения подобного рода. Стоит отметить, что срок возмещения также может быть увеличен на основании решения правления АСВ, однако данное продление не может быть более, чем один месяц. АСВ в обязательном порядке уведомляет вкладчика о продлении указанного срока в течение 3 рабочих дней со дня, когда такое решение было принято в объективной действительности.

Также в данном аспекте необходимо акцентировать внимание на том, что при наступлении страхового случая, вкладчик имеет право получить возмещение по вкладам с использованием финансовой платформы, которое не подразумевает обращение в АСВ, что прямо предусмотрено ст. 13.11 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации».

Согласно п. 1 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» ЦБ РФ уведомляет регистратора финансовых транзакций о наступлении страхового случая в день, когда такой случай наступил, в том числе, на фоне отзыва у банковского учреждения лицензии на осуществление банковских операций. В свою очередь, регистратор финансовых транзакций, в течение 3 дней со дня получения от ЦБ РФ указанного уведомления предоставляет в АСВ информацию об обязательствах такого банка по вкладам, которые были размещены с использованием финансовой платформы и с учетом согласия вкладчиков. Сведения представляются в АСВ не позднее рабочего дня, который следует за днем получения от регистратора финансовых транзакций указанной информации. Данная информация должна быть направлена АСВ в банк, в отношении которого наступил страховой случай, что необходимо в целях формирования реестра обязательств банка перед вкладчиками.

Выплата возмещения по вкладам, которые были размещены с использованием финансовой платформы, осуществляется АСВ и без обращения вкладчика в течение 3 рабочих дней с даты, когда началась выплата возмещения по вкладам, указанной в соответствующем уведомлении. Кроме того, информация об этом должна быть опубликована на сайте АСВ в сети «Интернет».

Практический механизм состоит в том, что АСВ осуществляет выплату на базе реестра обязательств банка перед вкладчиками, посредством перечисления денежных средств на специализированный счет оператора финансовой платформы. Отметим, что обязательства АСВ по выплате возмещения будут считаться исполненной с того дня, когда денежные средства были зачислены на специальный счет оператора финансовой платформы.

В той ситуации, когда у вкладчика имеется несколько вкладов, которые были размещены с использованием нескольких финансовых платформ, выплата возмещения будет производиться на специальные счета операторов этих платформ, пропорционально размерам данных вкладов. Однако сумма возмещения в совокупности по таким вкладкам не может превышать установленный лимит в размере 1,4 млн. рублей. Кроме того, если у вкладчика кроме вкладов, которые размещены с использованием финансовой платформы, имеются вклады, которые были размещены без ее использования, размер возмещения по таким вкладкам будет определяться в следующем порядке:

1. размер возмещения будет составлять 100% суммы такого вклада, который будет уменьшен на размер встречных требований к вкладчику, которые возникли до дня наступления страхового случая. Однако в совокупности размер воз-

мещения не может превышать предела в 1,4 млн. рублей.

2. размер возмещения по вкладкам, которые были размещены вкладчиком с непосредственным использованием финансовой платформы, будет определяться как 100% суммы таких вкладов, однако не может превышать размер возмещения по вкладкам. В указанной ситуации, размер возмещения вкладчику по каждому из вкладов, который размещен с использованием финансовой платформы, будет определен пропорционально их размерам.
3. размер возмещения по вкладкам, которые были размещены без применения финансовых платформ, будет определен в размере 100% суммы такого вклада, которая будет уменьшена на размер встречных требований к вкладчику, которые возникли до дня наступления страхового случая. В совокупности сумма возмещения не должна превышать размера возмещения по вкладкам (1,4 млн. руб.) и должна быть уменьшена на размер возмещения по вкладкам, которые размещены с применением финансовой платформы. Стоит отметить, что в данном случае, размер возмещения вкладчику по каждому из вкладов, которые были размещены вне рамок использования финансовой платформы, будет определяться пропорционально их размерам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 № 295-ФЗ, с изм. от 08.07.2021 № 33-П) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Российская газета. 2021. 6 июля; 2021. 19 июля;
2. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (в ред. от 02.07.2021 № 353-ФЗ) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492; Российская газета. 2021. 9 июля;
3. Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 № 343-ФЗ) «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 52. Часть I. Ст. 5029; Российская газета. 2021. 8 июля;
4. Расчетный счет все вопросы по открытию и обслуживанию счетов обществ с ограниченной ответственностью и индивидуальных предпринимателей. Статья: страхование расчетного счета // Интернет ресурс: <https://raschetniy-schet.ru/strahovanie-raschetnogo-scheta/>;
5. Третьяк А. Как изменится страхование вкладов // Ведомости. 2020. 25 мая. Интернет ресурс: https://www.vedomosti.ru/personal_finance/articles/2020/05/25/831016-kak.

© Катвицкая Мария Юрьевна (z1437430@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СВОБОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ)

CRIMINAL PROTECTION OF FREEDOM OF ECONOMIC RELATIONS (EXPERIENCE OF GREAT BRITAIN AND GERMANY)

P. Korotkii

Summary. The scientific article provides an overview of the development of British legislation on liability for economic crimes over the past twenty years. The most illustrative examples from law enforcement practice are given.

The author pays special attention to the issue of punishments envisaged in Great Britain for encroachments on the freedom of economic relations. The priority place among them is given to the criminal-legal means of property character. The British legislator seeks to make the commission of such crimes economically disadvantageous.

A similar approach to the British approach to the criminal law against encroachments on the freedom of economic relations can be traced in the legislation of the Federal Republic of Germany. In Germany, in the sanctions of articles providing for criminal liability for the commission of economic crimes, punishments not related to imprisonment are highlighted. The principle "a crime should not pay for itself" has been implemented.

In the author's opinion, the potential for the development of domestic legislation on criminal liability for encroachments on the freedom of economic relations in this regard is not fully disclosed. This, in turn, requires further research, including relying on the legislative experience of foreign countries.

Keywords: freedom of economic relations; collusion; corruption; state procurements; criminal liability of legal entities; fine; confiscation of property; ban on professional activities.

Короткий Филипп Викторович

*К.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
philipp-kor@rambler.ru*

Аннотация. В научной статье дан обзор развития британского законодательства об ответственности за экономические преступления за последние двадцать лет. Приведены наиболее показательные примеры из правоприменительной практики.

Особое внимание автором уделено вопросу о наказаниях, предусматривающихся в Великобритании за посягательства на свободу экономических отношений. Приоритетное место среди них отведено уголовно-правовым средствам имущественного характера. Британский законодатель стремится к тому, чтобы сделать совершение подобных преступлений экономически невыгодным.

Схожий с британским подход к уголовно-правовому противодействию посягательствам на свободу экономических отношений прослеживается и в законодательстве Федеративной Республики Германия. В ФРГ в санкциях статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение экономических преступлений, на первый план выдвинуты наказания, не связанные с лишением свободы. Реализован принцип «преступление не должно себя окупать».

На взгляд автора, потенциал развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за посягательства на свободу экономических отношений в этом отношении раскрыт далеко не полным образом. Это, в свою очередь, требует дальнейших исследований, в том числе с опорой на законотворческий опыт зарубежных стран.

Ключевые слова: свобода экономических отношений; сговор; коррупция; государственные закупки; уголовная ответственность юридических лиц; штраф; конфискация имущества; запрет на осуществление профессиональной деятельности.

Разработка предложений по совершенствованию законодательства в области уголовно-правовой охраны свободы экономических отношений должна опираться на системный комплексный подход. Это, наряду с прочим, подразумевает необходимость обращения к мировому опыту.

Значимость подобного научного исследования обусловлена целым рядом факторов: потребностью теоретического переосмысления нормативного содержания

и практики уголовно-правовой охраны свободы экономических отношений в условиях международной экономической интеграции; имеющимся запросом на преодоление комплекса проблем, связанных с недостатками правового регулирования и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовой охраны свободы экономических отношений; необходимостью выработки научно обоснованных предложений по совершенствованию действующего в данной сфере законодательства.

Особый интерес в этой связи вызывает опыт стран со стабильной экономической системой, прочными гарантиями охраны прав собственности, а также апробированными механизмами правового регулирования экономики и обеспечения рыночной свободы. В число таких стран, несомненно, входят Великобритания и Германия. Будучи лидерами европейской экономики, эти страны принадлежат к различным правовым системам. Великобритания — к англосаксонской, а Германия — к романо-германской (континентальной). Это не может не накладывать отпечаток на реализованные в этих странах подходы к уголовно-правовой охране свободы экономических отношений.

Согласно Индексу восприятия коррупции 2020, обнародованному Transparency International 28 января 2021 г., Великобритания занимает 11-е место в рейтинге среди 180 проанализированных указанной неправительственной организацией стран мира. Индекс основан на опросах и экспертных оценках уровня коррупции в государственном секторе [см.: 19]. Тем самым, уровень коррумпированности государственного аппарата Великобритании оценивается как достаточно низкий по сравнению с остальными странами мира. Это оказывает самое непосредственное влияние на возможность осуществления свободной экономической деятельности, так как в британской экономике государство является заметным игроком. Правительство Великобритании ежегодно тратит около трёхсот миллиардов фунтов стерлингов на закупку товаров, работ и услуг для публичных нужд. К примеру, в 2017/18 году общие расходы на государственные закупки составили 284 миллиарда фунтов стерлингов, что образует примерно одну треть общих расходов публичных органов власти (28 процентов и 47 процентов расходов центрального правительства и местных органов власти соответственно) [см.: 11, р. 2–5].

Тем не менее, в Великобритании время от времени обнаруживаются криминальные факты картельных сговоров участников хозяйственных отношений, которые вкуче с подкупом должностных лиц государственных органов создают угрозу реализации права на свободу экономических отношений [см.: 13, р. 230–231].

В 2000–2006 гг. Управлением добросовестной торговли (Office of Fair Trading (OFT)) был выявлен целый ряд сговоров участников публичных торгов при строительстве школ, университетов, больниц и организаций частного сектора на общую сумму более 200 миллионов фунтов стерлингов. Были наложены штрафы в размере 129,2 млн. фунтов стерлингов на 103 компании [см.: 17]. В этот период OFT также рассматривался вопрос о том, следует ли в качестве превентивной меры, направленной на предотвращение картелизации экономики,

рекомендовать государственным закупщикам исключить фирмы-нарушители из аукционов по публичным закупкам. Однако, на тот момент это было признано нецелесообразным в силу того, что многие из компаний, допустивших нарушение законодательства, ранее добросовестно относились к соблюдению законодательства о конкуренции и предприняли шаги, которые позволяют избежать нарушений закона о конкуренции в будущем [см.: 17].

В 2008 г. были вынесены обвинительные приговоры в соответствии с нормами Закона о предприятиях 2002 года (EA2002) по делу о глобальном картельном сговоре на торгах судовыми шлангами. Картель разделил рынки контрактов, как исходящих от Министерства обороны, так и частных заказчиков. Трое подсудимых по этому делу признали себя виновными в участии в картельном сговоре после их ареста и заключения соглашений о признании вины на территории США. Указанные лица были возвращены в Великобританию при условии, что также признают себя виновными в английских судах. Они были приговорены к тюремному заключению и лишены права исполнять обязанности директоров компаний. Также у них были конфискованы активы на сумму более 1 миллиона фунтов стерлингов [см.: 16].

В течение последних двадцати пяти лет в Великобритании было серьезным образом ужесточено законодательство, направленное на пресечение различных форм монополизма в экономике. Картельная деятельность, включая сговор на торгах, запрещена нормами главы I Закона о конкуренции 1998 года (CA1998) (по образцу статьи 101 Договора о функционировании Европейского Союза (TFEU)), а также нормами Закона о предприятиях 2002 года (EA2002). Установлен запрет на картельные соглашения, заключаемые между предприятиями, то есть корпорациями, товариществами или другими участниками экономической деятельности. На практике реализация этого запрета обеспечивается Управлением по вопросам конкуренции и рынкам (CMA), а также рядом отраслевых регулирующих органов (в отношении хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в подведомственных указанным органам секторах экономики). CMA, действующее в соответствии с интегрированной административной моделью, при обеспечении соблюдения антимонопольного законодательства вправе налагать штрафы на юридические лица в размере до 10 процентов от оборота соответствующей компании в финансовом году, предшествовавшему вынесению решения. CMA также вправе инициировать процедуру дисквалификации директоров компаний-нарушителей.

В свою очередь, государственные заказчики также могут отстранять предприятия-нарушителей от госу-

дарственных закупок при наличии достаточно веских оснований для вывода о том, что они участвуют в сговорах, направленных на ограничение конкуренции.

Непосредственно участвующие в картельных соглашениях лица подлежат уголовной ответственности. Лицо, признанное судом присяжных виновным в совершении преступления, посягающего на свободу экономических отношений, может быть приговорено к тюремному заключению сроком до пяти лет, а также штрафу, размер которого чётко не установлен и в каждом конкретном случае определяется судом. Расследование и судебное преследование в Англии и Уэльсе возбуждается СМА или же Управлением по борьбе с серьёзным мошенничеством (SFO).

В 2010 году британское правительство пересмотрело множество антикоррупционных законов (в частности, Закон о коррупции в государственных органах 1889 г., Закон о предотвращении коррупции 1906 и 1916 годов, Закон 1977 года об уголовном праве и Закон о борьбе с терроризмом, преступностью и безопасности 2001 г. [см.: 18, р. 26]) и инициировало издание одного из самых строгих антикоррупционных законодательных актов в мире — Закона о взяточничестве 2010 года (BA2010). Принятие указанного Закона явилось результатом участия Великобритании в ряде различных международных антикоррупционных конвенций (в их числе: Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции [см.: 1] (UNCAC) и Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития о подкупе иностранных должностных лиц [см.: 2]). Были криминализованы: (i) взяточничество (активное — предложение или предоставление финансовых или других преимуществ, и пассивное — вымогательство или получение названных преимуществ), совершенное как отдельными лицами, так и корпорациями с целью подкупа должностных лиц и сотрудников частных компаний, а равно с целью вознаграждения их за совершение коррупционных деяний (разделы 1 и 2); (ii) подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций (раздел 6); и (iii) неспособность предотвратить получение взяток от имени организации (раздел 7).

Нормы Раздела 7 направлены на преодоление сложностей, связанных с привлечением к уголовной ответственности юридических лиц (в том числе в соответствии с разделами 1 и 6). Британский законодатель исходит из того, что подтверждением вины юридического лица служит осведомлённость контролирующего его деятельность органа корпоративного управления (как правило, совета директоров) о преступном поведении («принцип идентификации») [см.: 14, Chap. 6, 6.3].

Раздел 7 устанавливает уголовную ответственность корпораций за попустительство совершённому её сотрудником или агентом экономическому преступлению, как внутри страны, так и за её пределами. Уголовная ответственность компании исключается в случае наличия у неё корпоративных правил и процедур антикоррупционного поведения сотрудников [см.: 8, с. 95; 7, с. 45].

Важной частью корпоративных правил является механизм, позволяющий сотрудникам сообщать в правоохранительные органы сведения о ставших им известными фактах незаконных действий, касающихся деятельности компании. «Whistleblowing — это сравнительно новое требование корпоративной культуры, означает публичное раскрытие лицом, обычно госслужащим или работником частной компании, информации о злоупотреблениях, коррупции, нарушении закона его/ее работодателем» [см.: 9, с. 47].

Для физических лиц за совершение взяточничества предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет. Кроме того, как физическим, так и юридическим лицам может быть назначен штраф, верхняя граница размера которого законодателем оставлена открытой. Часть 2 Закона о доходах от преступной деятельности 2002 года (POCA) предусматривает вынесение постановлений о конфискации на основании постановлений о гражданском взыскании после осуждения по уголовным делам. Полученное преступным путем имущество обращается в собственность государства.

Британский законодатель справедливо исходит из того, что выявляемые в рассматриваемой сфере преступления представляют собой криминальную форму экономического поведения. При их совершении злоумышленники руководствуются корыстными мотивами, в силу чего приоритетное место в системе уголовно-правовых средств противодействия общественно опасным посягательствам на свободу экономической деятельности следует отводить инструментам имущественного характера. Совершение подобных преступлений должно быть экономически неразумным, а потенциальные риски для недобросовестных лиц, оценивающих возможность преступного посягательства, должны существенным образом превышать выгоды, которые они могли бы получить в результате своей криминальной деятельности.

Аналогичный подход принят и во многих других экономически развитых странах. Так, к примеру, в США специальное законодательное положение (раздел 4А Закона Клейтона) позволяет правительству взыскивать с виновных в нарушении антимонопольного зако-

нодательства суммы, трёхкратные причинённому ими ущербу [см.: 12, р. 20]. В Германии государственные организации, пострадавшие в результате сговора на торгах или другого антиконкурентного поведения, также регулярно требуют компенсации в судах [см.: 15, р. 8].

В Великобритании корпорации, уличённые в преступном ограничении свободы экономических отношений, могут быть также на определённый период времени лишены права участвовать в торгах по контрактам в государственном секторе. Существующие государственные контракты подлежат расторжению. В свою очередь, преступление в сфере публичных закупок, совершённое государственным служащим, карается максимальным наказанием в виде пожизненного лишения свободы.

При этом, начиная с 2014 г. в Великобритании активно используется такой правовой инструмент, как соглашение об отсрочке судебного преследования (*deferred prosecution agreement, DPA*). Указанное соглашение заключается между юридическим лицом, обвиняемым в уголовном порядке в совершении антиконкурентных действий, с одной стороны, и возбудившим уголовное производство прокурором, с другой стороны. Предметом соглашения выступает «отсрочка» судебного преследования компании в обмен на уплату штрафа. «При привлечении к ответственности транснациональные организации, как правило, признают вину и заключают соответствующую сделку с правоохранительными органами. Так, британский машиностроительный холдинг *Rolls-Royce* согласился заплатить 809 млн. долл.» [см.: 6, с. 29]

Схожий с британским подход к уголовно-правому противодействию посягательствам на свободу экономических отношений прослеживается и в законодательстве Федеративной Республики Германия. В ФРГ в санкциях статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение экономических преступлений, на первый план выдвинуты наказания, не связанные с лишением свободы. В их числе: штраф, конфискация имущества, запрет на осуществление той или иной профессиональной деятельности, лишение права занимать должности, а также предостережение под условием наказания [см.: 4, с. 47]. Важно подчеркнуть, что на основании § 41 Уголовного кодекса ФРГ [см.: 3], штраф может быть назначен в качестве дополнительного наказания даже при осуждении по тем статьям, санкции которых прямо не называют его в перечне возможных наказаний. Этот подход находит отражение и в правоприменительной практике. Так, в частности, в приговорах, вынесенных германскими судами в отношении обвиняемых в преступлениях, совершённых в сфере несостоятельности (банкротства),

наказание в виде реального лишения свободы назначается не более чем в трёх процентах случаев [см.: 5, с. 493].

Тем самым, как пишет У. Хельманн, «в немецком уголовном праве реализуется принцип «преступление не должно себя окупать»» [см.: 10, с. 567]. На реализацию названного принципа направлено и применение такого, предусмотренного § § 73, 73а, 74с Уголовного кодекса ФРГ, уголовного наказания, как конфискация имущества. Основанием его применения служит доказанный в судебном порядке факт незаконности происхождения имущества. Причём изъятию подлежит как само незаконно приобретённое имущество (либо же его денежный эквивалент), так и вырученные винным от его использования доходы [см.: 5, с. 319].

В Германии также широко применяется такой вид уголовного наказания, как запрет на осуществление профессиональной деятельности. Речь идёт, прежде всего, о лицах, занимающих руководящие должности в органах корпоративного управления, должностных лицах государственных органов, а также обладателях профессионального статуса, позволяющего им заниматься тем или иным видом экономической деятельности (в частности, в банковской сфере, в сфере биржевой торговли и т.п.). Согласно ч. 1 § 70 Уголовного кодекса ФРГ, запрет на занятие профессией, ремеслом или видом ремесла назначается судом в отношении лица, злоупотребившего своим статусом в криминальных целях, при условии наличия у него склонности к повторному совершению аналогичных преступлений. Запрет на осуществление профессиональной деятельности может быть назначен виновному на неограниченный срок. При этом, он вправе ходатайствовать о приостановлении указанного запрета с назначением ему испытательного срока.

Таким образом, представляется возможным говорить о наличии консенсуса по вопросу пенализации экономических преступлений, отражённого в британском и немецком законодательстве, направленном на уголовно-правовую охрану свободы экономических отношений. В обеих правовых системах приоритет отдан наказаниям, не связанным с лишением свободы. Прежде всего, таким, как штраф, конфискация имущества и запрет на осуществление профессиональной деятельности. Уголовно-правовое воздействие направлено на то, чтобы сделать совершение экономических преступлений невыгодным. Потенциал развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за посягательства на свободу экономических отношений в этом отношении раскрыт далеко не полным образом. Это, в свою очередь, требует дальнейших исследований, в том числе с опорой на законодательский опыт зарубежных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 26.06.2006. № 26. Ст. 2780.
2. «Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» [рус., англ.] (Конвенция заключена 21.11.1997) // Собрание законодательства РФ. 23.04.2012 № 17. Ст. 1899.
3. Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 311 с.
4. Грибов А.С. Система наказаний и дифференциация ответственности за экономические преступления в уголовном праве ФРГ // Российский следователь. 2013. № 1. С. 45–48.
5. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: Проспект, 2004. 560 с.
6. Молчанова М.А. Международные антикоррупционные стандарты в транснациональных компаниях: основные векторы развития // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6. С. 27–32.
7. Молчанова М.А. Меры по предупреждению коррупции в организациях: основные направления и перспективы развития // Безопасность бизнеса. 2018. № 6. С. 44–49.
8. Трунцевский Ю.В., Марьин А. Законодательные меры предупреждения экономических преступлений и ответственности юридических лиц: новеллы и инициативы в Великобритании // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6(67). С. 93–98.
9. Трунцевский Ю.В. Whistleblowing (доносительство) как требование корпоративной культуры по предупреждению взяточничества и коррупции // Международное публичное и частное право. 2017. № 3. С. 45–48.
10. Хельманн У. Изъятие имущества «неясного происхождения» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 567–570.
11. Government procurement: The scale and nature of contracting in the UK. December 2018. P. 2–5.
12. First H. Lost in Conversation: The Compensatory Function of Antitrust Law // NYU Law and Economics Research Paper. 2010. № 10–14. 62 p.
13. Harding C. and Joshua J. Regulating Cartels in Europe. Oxford: OUP, 2010.
14. Horder J. Ashworth's Principles of Criminal Law. Oxford: OUP, 9th ed, 2019.
15. Kühn S. and Sherman L.B. Curbing Corruption in Public Procurement: A Practical Guide. Berlin: Transparency International, 2014.
16. OFT, «Three Imprisoned in first OFT Criminal Prosecution for Bid-rigging» Press Release, 11 June 2008.
17. Policy Roundtables, Collusion and Corruption in Public Procurement DAF/COMP/GF(2010)6 (15 October 2010)), UK contribution at <https://www.oecd.org/competition/cartels/46235884.pdf> Дата обращения — 1.12.2021.
18. Raphael M. QC, Bribery: Law and Practice. Oxford: OUP, 2016.
19. Transparency International // URL: <https://transparency.org.ru/> Дата обращения — 1.12.2021.

© Короткий Филипп Викторович (philipp-kor@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЕНКА И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОРЯДКА ОБЩЕНИЯ С НИМ РОДИТЕЛЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО ОТДЕЛЬНО

SOME ISSUES OF EXECUTION OF A COURT DECISION ON DETERMINING THE PLACE OF RESIDENCE OF A CHILD AND DETERMINING THE ORDER OF COMMUNICATION WITH A PARENT LIVING SEPARATELY

**N. Kuznetsova
A. Barinov
O. Ryabova**

Summary. The article is devoted to the study of the issues of enforcement of a court decision on determining the place of residence of a child and determining the order of communication with him by a parent living separately. The analysis of scientific literature and judicial practice shows that it is not always the receipt of a court decision on the order of communication with a child that guarantees its execution by both parents. In this connection, bailiffs have to apply measures to search for the debtor and the child held by him, which may negatively affect the child. For the timely execution of court decisions on disputes about the upbringing of children in the work, it is proposed to apply interim measures for the period of consideration of the case in court and the regulatory consolidation of the order of interaction between the bailiff service and the guardianship and guardianship authorities. The paper gives an assessment of the proposed in the scientific literature and draft laws on the introduction of new measures of responsibility for non-enforcement of court decisions on disputes about the upbringing of children.

Keywords: execution of court decisions, dispute about children, place of residence of the child, legal responsibility.

Кузнецова Наталья Владимировна

*Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
kuznezova-1963@mail.ru*

Баринов Андрей Викторович

*К.ю.н., доцент, Владимирский филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной
службы*

barinov-vlad@inbox.ru

Рябова Ольга Алексеевна

*Преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
frau.lelya2012@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов исполнения судебного решения об определении места жительства ребенка и определении порядка общения с ним родителя, проживающего отдельно. Анализ научной литературы и судебной практики свидетельствует, что не всегда получение судебного решения о порядке общения с ребенком гарантирует его исполнение со стороны обоих родителей. В связи с чем судебным приставам-исполнителям приходится применять меры по розыску должника и удерживаемого им ребенка, что может негативно отразиться на ребенке. Для своевременного исполнения судебных решений по спорам о воспитании детей в работе предлагается применение обеспечительных мер на период рассмотрения дела в суде и нормативное закрепление порядка взаимодействия службы судебных приставов и органов опеки и попечительства. В работе дана оценка предлагаемым в научной литературе и законопроектах по введению новых мер ответственности за неисполнение судебных решений по спорам о воспитании детей.

Ключевые слова: исполнение решений суда, спор о детях, место жительства ребенка, юридическая ответственность.

Расторжение брака, равно как и прекращение фактических брачных отношений между мужчиной и женщиной, имеющих несовершеннолетних детей, влечет как правило неблагоприятные последствия не только и не столько для лиц, принявших такое решение. Это, в первую очередь, трагедия для ребенка.

Безусловно, важнейшей составляющей полноценного развития человека является участие в его жизни обоих родителей. В международных и отечественных

правовых нормах законодательно закреплено право несовершеннолетних жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, знать своих родителей, чувствовать их заботу. [1,4] Ограничение этих прав недопустимо, за исключением случаев, когда общение с родителями противоречит интересам ребенка.

Равенство прав родителей в отношении своих детей закреплено в статье 61 СК РФ и подразумевает под собой возможность и одновременно обязанность как ма-

тери, так и отца осуществлять действия, направленные на воспитание и развитие ребенка. Как правило, эти вопросы решаются внутри семьи по взаимному согласию и не требуют чьего бы то ни было вмешательства. Однако в случаях разрыва семейных отношений участие обоих супругов в жизни ребенка становится затруднительным, а зачастую и невозможным.

В случае прекращения семейных отношений вопрос о месте жительства ребенка и порядке осуществления родительских прав и обязанностей может быть решен родителями самостоятельно, посредством заключения соглашения в письменной форме в соответствии с п. 3 ст. 65, п. 2 ст. 66 Семейного кодекса РФ.

При недостижении обоюдного согласия, семейные споры подлежат рассмотрению в судебном порядке, что в большинстве случаев обостряет конфликтную ситуацию, негативно сказывается на эмоциональном состоянии детей.

Суд принимает решение об определении места жительства несовершеннолетнего при обязательном участии органа опеки и попечительства, учитывая при этом привязанность чада к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания условий для воспитания и развития (п. 3 ст. 65 СК РФ). Если между родителями не достигнуто согласие о порядке общения с ребенком в случае их раздельного проживания спор разрешается аналогично судом с участием органа опеки и попечительства по требованию родителей (одного из них). (ст. 66 СК РФ)

Однако конфликтная ситуация, как правило, предшествовавшая распаду семьи, является определяющим фактором неисполнения решения суда в добровольном порядке.

В связи с этим, как показывает судебная практика, не всегда получение судебного решения о месте жительства и порядке общения с ребенком гарантирует его исполнение со стороны обоих родителей. Возможны два варианта: во-первых, один из родителей, с которым остается проживать ребенок после расторжения брака, препятствует другому в общении с ребенком, во-вторых, «проигравшая» сторона, действуя вопреки принятому судом решению, удерживает ребенка, зачастую скрывая его действительное место проживания.

Ежегодное увеличение исполнительных производств по спорам о детях, находящихся на принудительном исполнении в территориальных органах Федеральной службы судебных приставов (ФССП России)

свидетельствует о наличии проблемы и необходимости поиска оптимальных путей ее решения.

Принудительное исполнение содержащихся в судебных актах требований, связанных с разрешением семейных споров в отношении несовершеннолетних детей осуществляется в порядке ст. 105 Федерального закона от 2 октября 2007 года N229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве).[6]

В связи с тем, что дела по спорам о детях отличаются правовой и психологической сложностью они являются объектом пристального внимания не только со стороны российского правосудия, но и международного сообщества.

Так в Постановлении Европейского суда по правам человека установлено нарушение норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с несоблюдением прав гражданки РФ Муружевой Л.Х. на уважение семейной жизни ввиду длительного неисполнения решения об определении с ней места жительства ее детей. [7]

Как постановил ЕСПЧ, российские власти не предприняли все необходимые меры, для исполнения решения об определении места жительства детей заявительницы. Статья 8 Конвенции «о защите прав человека и основных свобод» обязывает государства принимать позитивные меры по обеспечению права родителя на соединение его со своим ребенком, и обязательство национальных властей их исполнять. [2]

Так, возбуждение исполнительного производства осуществляется по месту жительства родителя-должника или по месту нахождения ребенка. В то же время нередки случаи, когда родитель, вопреки решению суда удерживающий ребенка, скрывает его местонахождение, часто меняет место жительства, передает ребенка третьим лицам. В связи с чем, существенные сложности возникают как с розыском должника и ребенка, так и с определением структурного подразделения территориальных органов ФССП России, к компетенции которого возможно отнести возбуждение исполнительного производства.

В случаях выезда ответчика с несовершеннолетним за пределы РФ (если другой родитель не сумел по каким — либо причинам воспрепятствовать этому), обеспечить исполнение решения суда о передаче ребенка для судебного пристава-исполнителя приобретает еще большую сложность. В особенности это касается стран, не подписавших конвенцию о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей [3].

Представляется, что реальному исполнению судебных решений по спорам о воспитании способствует своевременное применение обеспечительных мер в период рассмотрения дела судом. В соответствии со ст. 139 ГПК РФ обеспечение иска допускается во всех случаях, когда непринятие мер по обеспечению может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного решения. [5]

Кроме обеспечительных мер, предусмотренных ст. 140 ГПК РФ, в необходимых случаях суд может принять иную меру или совокупность мер по обеспечению иска. Перечень «иных мер», которые могут быть применены в обеспечении иска в законодательстве не закреплен.

В рассматриваемой ситуации это могут быть меры, устанавливающие запрет для родителя, с которым фактически проживает ребенок, не совершать действий, препятствующих общению ребенка с другим родителем, или обязанность возвратить ребенка на момент рассмотрения спора другому родителю по его прежнему месту жительства, если это в большей мере соответствует интересам ребенка. В качестве обеспечительных мер, возможно также на период рассмотрения дела в суде, обязать обоих родителей предоставлять в государственные органы сведения о своем фактическом месте проживания (или смене места жительства), запретить ответчику совершать действия, направленные на передачу ребенка другим лицам. Поскольку смена места жительства сторон может привести к наличию у суда сведений, несоответствующих данным, предоставленным органами опеки и попечительства в акте о проведении обследования условий проживания ребенка и родителя, претендующего на его воспитание. Кроме того, частая смена места жительства родителем, проживающим совместно с ребенком, (в том числе передача ребенка иным членам семьи, родственникам или знакомым) может быть расценена как сокрытие ребенка и намеренное создание препятствий в его общении с другим законным представителем.

Исходя из приоритета обеспечения прав и законных интересов ребенка особое значение имеет правовая регламентация взаимодействия судебного пристава-исполнителя с органами опеки и попечительства и иными специалистами, которые при необходимости могут быть привлечены к участию в принудительном исполнении судебного решения по спорам о детях.

Специалист органов опеки и попечительства обязан не допустить нежелательного давления на несовершеннолетнего, применение к нему антипедагогических приемов, смягчить отрицательные последствия процедуры исполнения решения суда, учитывая со-

храняющуюся конфликтную ситуацию в семье. Кроме того, при невозможности исполнения решения суда о передаче ребенка без ущерба его интересам несовершеннолетний в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 79 СК РФ может быть по определению суда временно помещен в организацию для детей сирот и детей оставшихся без попечения родителей. Если в ходе проведения розыскных мероприятий судебный пристав обнаружил место нахождения ребенка, незаконно удерживаемого родителем-должником он должен в соответствии с п. 14 ст. 65 Закона об исполнительном производстве принять меры для передачи его законному представителю, опекуну, попечителю. В случае невозможности незамедлительной передачи разысканного ребенка лицу, которому он должен быть передан по решению суда, судебный пристав-исполнитель передает ребенка органам опеки и попечительства по месту его обнаружения. Однако в действующем законодательстве не закреплена обязанность органов опеки и попечительства в принятии и устройстве разысканного ребенка, что на практике является основанием для отказа выполнить требования судебного пристава.

Представляется, что для повышения эффективности принудительного исполнения требований решения суда необходимо закрепить в ч. 2 статьи 79 СК РФ порядок и сроки передачи разысканного ребенка от судебного пристава органам опеки и попечительства, а также правовое основание для органов опеки и попечительства для последующего временного устройства несовершеннолетнего в организацию для детей сирот и детей оставшихся без попечения родителей.

Конфликтные отношения между взрослыми членами семьи как правило существенно травмируют психику несовершеннолетнего. Продолжительный период разлуки и перерыва в общении ребенка с взыскателем способствует потере взаимосвязи между ними, формирует у ребенка отстранение от родителя, а иногда и прямо негативное отношение к нему (тем более, что в большинстве случаев удерживающая сторона прилагает к этому немало усилий). На момент осуществления действий судебными приставами-исполнителями сам ребенок отказывается от общения с родителем, в пользу которого вынесено решение суда, что ставит под сомнение осуществление действий в его интересах. В таких случаях судебный пристав-исполнитель совместно с органами опеки должен составить акт о невозможности совершения исполнительных действий в связи с тем, что исполнение решения может создать психотравмирующую ситуацию для несовершеннолетнего [9]. Необходимо отметить, что оправданным принятием решения о прекращении исполнительного производства, можно считать только в случаях достаточности комплекса принятых судебным приставом-ис-

полнителем мер, направленных на исполнение исполнительного документа. Так профессиональная оценка психоэмоционального состояния ребенка должна быть обеспечена привлечением к участию в исполнительных действиях детского психолога (ст. 109.3 Закона об исполнительном производстве).

Данный специалист должен, в том числе, установить является ли нежелание ребенка общаться с взыскателем его самостоятельным мнением, например, вследствие негативного опыта общения с ним, или такой отказ связан с поведением должника. Заключение специалиста, обладающего специальными знаниями в области психологии в случае его участия в принудительном исполнении решения суда должно иметь правовое значение для судебного пристава и определять дальнейший ход исполнительного производства.

Недостаточная эффективность действующих законодательных механизмов, регулирующих права родителей на общение с ребенком после вступления в силу соответствующего судебного акта об определении места жительства ребенка и (или) порядка общения с ним приводит к увеличению в территориальных органах ФССП исполнительных производств по данной категории дел, которые подлежат принудительному исполнению. Отсутствие должной юридической ответственности нередко приводит к затруднению исполнения (неисполнению) решения суда сторонами конфликта, что приводит в итоге к очередному нарушению права и противоречит, в конечном итоге целям правосудия.

Представляется, что обе стороны конфликта должны быть надлежащим образом уведомлены судом и в полной мере осознавать, что неисполнение решения суда о порядке осуществления родительских прав может иметь неблагоприятные последствия в виде привлечения к различным мерам юридической ответственности.

Исходя из содержания п. 3 ст. 66 СК РФ невыполнение решения суда, об определении порядка общения с ребенком влечет за собой применение к виновному родителю мер, предусмотренных законодательством об административных правонарушениях и законодательством об исполнительном производстве.

В качестве наказания за неисполнение судебного решения об определении места жительства детей частью 2 ст. 5.35 КоАП РФ предусмотрена санкция в размере от двух до трех тысяч рублей, за повторное совершение правонарушения виновный может быть подвергнут административному аресту на срок до пяти суток.

Злостное невыполнение решения суда, выразившееся в воспрепятствовании общения несовершеннолет-

него с проживающим отдельно родителем, несмотря на применение к виновному предусмотренных законом мер, может привести к передаче ребенка другому родителю в соответствии с п. 3 ст. 66 СК РФ. [8] Однако, как справедливо отмечено А.М. Нечаевой, применение данной правовой нормы на практике зачастую не представляется возможным в силу того, что отдельно проживающий родитель не хочет или не может забрать ребенка к себе на все время, имея намерение поддерживать лишь периодическое общение с ним. [11]

В настоящее время учеными и представителями практикующих органов высказывается мнение о необходимости изменения действующего законодательства с целью усиления мер ответственности за неисполнение решения суда по спорам о воспитании детей. [12]

В Российском уголовном законе предусмотрена уголовная ответственность за неисполнение судебных решений. Однако решения по «детским» делам абсолютно индивидуальная категория, отношение к исполнению решений по таким делам должно быть определено в законе отдельно. Существующий проект о внесении изменений в ст. 315 УК РФ, который определяет и конкретизирует ответственность за неисполнение решений суда по делам о передаче (отобрании) ребенка, на настоящий момент не принят. Хотя данные изменения должны стать основой защиты интересов ребенка и родителя, в пользу которого суд вынес решение. Анализ представленных поправок позволяет сделать вывод об излишней мягкости законодателя. Предполагается, что уголовная ответственность будет наступать только в том случае, если неисполняющий решение суда родитель ранее был привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 17.15 КоАП РФ. Также можно отметить, что законодатель определяет применение уголовной ответственности в том случае, когда все возможные способы исчерпаны. Следовательно, применение уголовной ответственности ставится в прямую зависимость от работы судебных приставов-исполнителей. Однако, учитывая имеющиеся проблемы в работе ФССП России и отсутствие должной активности при исполнении решений по таким делам, можно предположить, что применение мер уголовной ответственности будет применяться редко. Видится, что применение мер уголовной ответственности должно быть самостоятельной формой защиты интересов стороны, в пользу которой вынесено судебное решение и не должно зависеть от вышеперечисленных факторов, которые указаны в имеющемся проекте изменений в соответствующую норму УК РФ.

В этой связи мы также поддерживаем мнение адвоката Григора Аветисяна о том, что субъектный состав статьи 315 УК РФ, должен охватывать не только должника в лице одного из родителей, но и лиц, которые

укрывают ребенка по просьбе последнего. На наш взгляд это, помимо всего прочего, станет хорошей профилактической мерой для лиц, которых могут вовлечь в совершение подобного деяния.

Безусловно, противоправное поведение родителя, нарушающее права и законные интересы несовершеннолетнего ребенка, права другого родителя, нарушающее конституционный принцип исполнимости судебного решения не должно оставаться безнаказанным. Однако применяемые к виновному меры должны способствовать достижению главной цели — сохранить для ребенка возможность общения с обоими родителями.

Кроме объективных причин, препятствующих своевременному исполнению решения суда по вопросам, связанным с воспитанием детей безусловно значительную роль, занимают причины субъективного характера.

В связи с тем, что вышеперечисленные проблемы напрямую связаны с наличием конфликтной ситуации в семье между взрослыми ее членами, по мнению авторов статьи необходимо обратить внимание на применение тех правовых мер, которые способствовали бы урегулированию неприязненных отношений между родителями, снижению накала страстей, поиску разумного компромисса в создавшейся ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР, М., 1993 г., Выпуск XLVI
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Бюллетень международных договоров, март 2001 г., № 3
3. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Гаага, 25 октября, 1989 г.) // Бюллетень международных договоров, январь 2013 г., № 1
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. N1, ст. 16
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N46, ст. 4532
6. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. N229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. N41, ст. 4849
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15.05.2018 г. по жалобе № 62526/15 «Муружева против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского Суда. 2019. N3.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 N10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // «Российская газета» от 10 июня 1998 г.
9. Письмо ФССП России «Об организации работы по исполнению исполнительных производств, связанных с воспитанием детей» от 28 апреля 2016 // <https://docs.cntd.ru/document/456009928>
10. Елисеева А.А. Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка: материальные и процессуальные аспекты // Законы России: опыт, анализ практика. 2018. № 1. С. 15–19.
11. Нечаева А.М. Общение как разновидность права родителя на семейное воспитание ребенка // Российская юстиция. 2017. N1. С. 10–12.
12. Иванова Е.В. Перспективы привлечения родителей и иных близких родственников к уголовной ответственности за похищение собственных детей // Актуальные проблемы российского права. 2019. N11. С. 104–112.

© Кузнецова Наталья Владимировна (kuznezova-1963@mail.ru),

Баринов Андрей Викторович (barinov-vlad@inbox.ru), Рябова Ольга Алексеевна (frau.lilya2012@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ ПРИЗНАКИ¹

EDUCATIONAL SERVICES: CONCEPT, TYPES, FEATURES

A. Marina

The article is devoted to the consideration of the essence of education and educational services, as well as the features of the legal regulation of relations that develop in the provision of educational services. It is established that the right to education is, first of all, a right guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, which gives education and educational services a special specificity, which is expressed, first of all, in a combination of public and private principles in their implementation, and also characterizes education as a socially significant phenomenon that acts as a guarantee of ensuring public and private interests. This feature determines the characteristics of educational services, namely: public and social nature, uniqueness of the result, analysis of the quality of educational services by checking the knowledge of students and, in some cases, the technical possibility of providing and receiving educational services.

Keywords: education, the right to education, educational services, signs of educational services, the result of educational services, the public nature of education.

Марьяна Анастасия Александровна

*К.ю.н., доцент, АНО ВО «Московский Международный Университет»; АНО ВО «Московский гуманитарный университет»
Marina.a.a@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сущности образования и образовательных услуг, а так же особенностей правового регулирования отношений, складывающихся при оказании образовательных услуг. Устанавливается, что право на образование представляет собой, в первую очередь, право, гарантированное Конституцией Российской Федерации, что придает образованию и образовательным услугам особую специфику, которая выражается, прежде всего, в сочетании публичных и частных начал в их реализации, а так же характеризует образование как социально значимое явление, выступающее гарантией обеспечения государственных и частных интересов. Такая особенность определяет и признаки образовательных услуг, а именно: публичный и социальный характер, уникальность получения результата, анализ качества оказания образовательной услуги путем проверки знаний обучающихся и, в некоторых случаях, техническая возможность предоставления и получения образовательной услуги.

Ключевые слова: образование, право на образование, образовательные услуги, признаки образовательной услуги, результат образовательной услуги, публичный характер образования.

В последнее время в связи с непрерывным реформированием законодательства, развитием цифровых технологий, изменениями общественных институтов дополнительного исследования потребовало правовое регулирование значительного числа общественных, социальных и правовых явлений, в том числе, наблюдается настоятельная необходимость дополнительного осмысления таких понятий как «образовательные услуги», а так же анализ их сущности и признаков в период развития электронных технологий и систем.

Однако до определения дефиниции «образовательные услуги» и рассмотрения их сущностных признаков следует обратиться к понятиям «образование» и «право на образование».

Право на образование — это, в первую очередь, право, гарантированное Конституцией РФ [1], что придает образованию и образовательным услугам особую

значимость, и, несомненно, сказывается и на специфике правового регулирования.

Согласно федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (далее — закон об образовании) «образование — единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [4].

Иными словами, образование — это, в первую очередь, социальное, значимое благо, представляющее собой определенную признаваемую государством и об-

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС Консультант Плюс.

ществом ценность, связанную с воспитанием и обучением. И если обучение как некая передача информации, формирование знаний и компетенций, процесс вполне понятный, то воспитание — явление не столь однозначное с правовой точки зрения, особенно в рамках получения высшего и дополнительного образования.

Такая двойственность собственно образования влечет и двойственный характер образовательной услуги, которая выражается «в двух равнозначных формах: как общественное, включающее публичное социальное, и как частное благо» [12].

И если закон об образовании устанавливает общие конструкции, то специальные акты содержат понятия, отражающие специфику отдельных видов образования.

Так, образование взрослых — это «система учреждений и образовательных программ, предназначенных для лиц, обладающих или обладавших ранее статусом оплачиваемого работника»... [11].

Гражданское образование представляет собой «единый комплекс, стержнем которого является политическое, правовое и нравственное образование и воспитание, реализуемое посредством организации учебных курсов, проведения внеклассной и внеурочной работы, а также создания демократического уклада школьной жизни и правового пространства школы, формирование социальной и коммуникативной компетентности школьников средствами учебных дисциплин...» [8]

«Процесс роста образовательного (общего и профессионального) потенциала личности в течение всей жизни на основе использования системы государственных и общественных институтов и в соответствии с потребностями личности и общества — это непрерывное образование» [6].

Как следует из анализа вышеприведенных дефиниций понятие образования — явление многоплановое, не имеющее однозначного определения, тем не менее, при рассмотрении образовательных услуг, в какой бы сфере они не оказывались, следует в первую очередь, обращаться к общему понятию образования, приведенному в законе об образовании и отчасти дублируемым нормам в законах субъектов РФ и в подзаконных актах.

В частности, согласно закону г. Москвы «О развитии образования в городе Москве» образование выступает как «целенаправленный процесс воспитания, обучения и развития в интересах личности, семьи, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения индивидом (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)» [9].

Следует согласиться, что в целом образование — это процесс, направленный на повышение уровня знаний, умений, навыков, опыта деятельности и компетенции, а так же включающий элементы воспитания, и результат которого поставлен в зависимость от уровня и вида образования.

В связи с этим, логично будет предположить, что и образовательные услуги — это услуги, связанные не только с осуществлением процесса, направленного на повышение уровня знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции, но и с воспитанием обучающегося.

При этом такие процессы как воспитание, развитие в интересах личности, общества, государства являются, несомненно, общественно значимыми благами и непосредственно связаны с философскими и нравственными категориями.

Между тем, регулирование посредством нормативных актов, в частности, с помощью принятия стандартов, а так же формирование и осуществление контроля процесса воспитания в рамках получения общего образования, как правило, не вызывает затруднений. В случае же оказания образовательных услуг в сфере высшего образования, особенно без непосредственного контакта с преподавателем, учителем или другим лицом, как, например, это происходит, в сфере обучения с применением дистанционных образовательных технологий, качество именно процесса воспитания оценить сложно.

В целом, можно сделать вывод, что образовательные услуги — это услуги, оказываемые в ходе осуществления деятельности по обучению и воспитанию. Между тем, заслуживает отдельного внимания отсутствие в федеральном законе собственно прямого определения понятия «образовательные услуги».

Однако согласно Постановлению № 51–20 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «...услуги (работы) образовательные (услуги государственные в сфере образования) — услуги (работы), оказываемые (выполняемые) органами государственной власти (органами местного самоуправления), государственными организациями (учреждениями) и в случаях, установленных национальным законодательством, иными юридическими лицами...» [10].

В зависимости от источника финансирования различают:

- ◆ бесплатные образовательные услуги, оказываемые за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации

Федерации, местных бюджетов (ст. 8, 9, 34 Закона об образовании);

- ♦ платные образовательные услуги, оказываемые по договорам об образовании за счет средств физических и (или) юридических лиц (ст. 29, 32, 54, 101 Закона об образовании).

Платными образовательными услугами является осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение [5].

Росстат классифицирует услуги в системе образования в зависимости от его уровня на услуги в системе дошкольного образования; услуги в системе общего образования; услуги в системе профессионального (среднего, высшего и подготовки кадров высшей квалификации) образования; услуги по дополнительному образованию и обучению детей и взрослых (услуги спортивных, музыкальных, художественных и хореографических и прочих школ, услуги по обучению в кружках, секциях, на курсах).

Платные услуги в системе образования оказывают: образовательные организации, осуществляющие на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности; организации, осуществляющие обучение, осуществляющие на основании лицензии наряду с основной деятельностью образовательную деятельность в качестве дополнительного вида деятельности; индивидуальные предприниматели, осуществляющие образовательную деятельность [7].

При этом, наличие как платных, так и бесплатных образовательных услуг является само по себе гарантией обеспечения государственных и частных интересов.

Эффективность правового регулирования этой сферы во многом основывается на понимании сущности образовательных услуг. Согласно ст. 128 ГК РФ услуги относятся к объектам гражданских прав. По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги (ст. 779 ГК РФ) [2–3].

Вместе с тем, образовательные услуги, характеризуются некоторыми достаточно специфическими признаками. Во-первых, к особенностям оказания образовательной услуги можно отнести ее публичный и социальный характер, значение качества образования для государства и общества.

Во-вторых, исполнитель должен отвечать определенным требованиям, предъявляемым к уровню оказания образовательных услуг, а именно к квалификации сотрудников, непосредственно реализующих процесс обучения, наличию материальных средств, возможностей, технологий, материальной базы. В зависимости от уровня образования такие требования могут быть совершенно различны, однако, достаточно серьезно проверяемы и контролируемы уполномоченными органами.

Но даже в случае удовлетворения всем предъявляемым требованиям к заказчику, нет гарантии достижения целей, поставленных перед конкретным образовательным процессом. В данном случае ожидаемый положительный результат образовательной услуги может быть получен только при надлежащих усилиях, затраченных как исполнителем, так и обучающимся.

В связи с чем, можно назвать следующий признак образовательной услуги. Дело в том, что рассматриваемый вид услуги обособлен от других услуг в силу уникальности получения результата. При оказании образовательной услуги отсутствуют гарантии достижения полезного эффекта от нее, что связано, в частности, с тем, что получение данной услуги предполагает активную деятельность получателя (обучающегося) [13].

При этом, безусловно, оказание услуги направлено на создание определенного полезного для заказчика эффекта. Риск недостижения такого полезного эффекта не возложен на исполнителя, поэтому обязательства по оказанию услуг также обозначаются как обязательства «максимального приложения усилий» [14].

Результат подобных усилий проверяется и анализируется путем специальной проверки знаний, например, посредством проведения итоговой аттестации, что так же является особенностью образовательной услуги.

И, наконец, четвертой особенностью, обусловленной современными реалиями, выступает не только эмоциональный, моральный, интеллектуальный потенциал обучающихся, направленный на получение определенных знаний и навыков, но и подчас техническая возможность обучающегося осваивать учебную программу. В связи с распространением COVID-19 многие обучающиеся, как впрочем, и образовательные организации столкнулись с определенными трудностями, связанными именно с технической составляющей при реализации образовательного процесса.

Учитывая специфику оказания образовательных услуг, стоит согласиться с мнением о недостаточности регулирования образовательных услуг и о необходимости дополнительного законодательного закрепления их особенностей в законодательстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N14-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 N273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
5. Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 N1441 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» // СПС Консультант Плюс.
6. Распоряжение Правительства РФ от 03.09.2005 N1340-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы» // СПС Консультант Плюс.
7. Приказ Росстата от 29.09.2017 N643 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования официальной статистической информации об объеме платных услуг населению в разрезе видов услуг» // СПС Консультант Плюс.
8. Письмо Минобрнауки РФ от 15.01.2003 N13–51–08/13 «О гражданском образовании учащихся общеобразовательных учреждений Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
9. Закон г. Москвы от 20.06.2001 N25 (ред. от 05.06.2019) «О развитии образования в городе Москве» // СПС Консультант Плюс.
10. Постановление N51–20 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О Согласованном словаре терминов в области образования» (Принято в г. Санкт-Петербурге 27.11.2020) // СПС Консультант Плюс.
11. Модельный об образовании взрослых (принят в г. Санкт-Петербурге 06.12.1997 Постановлением 10–9 на 10-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 1998. N16. С. 155–184.
12. Гретченко А.А. Инновационные технологии в сфере образовательных услуг // Креативная экономика. 2009. N8.
13. consultantplus.com/offline/ref=D8208D4B8A64A84F02AF7912907A2281217A633F63EF6CDAACD14D48B79EFA4938361114A6DA3742789451FB0089D2B8D4F8805D32C3BAz1621 Маркс Ю.А. Правовая специфика оказания образовательных услуг как объекта гражданских правоотношений // Журнал российского права. 2019. N3. С. 64–73.
14. Попова А.К. Услуга (оказание услуг) как объект гражданских прав // Юридический мир. 2016. N8. С. 33–34.

© Марьина Анастасия Александровна (Marina.a.a@inbox.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ОСПАРИВАНИЕ НОТАРИАЛЬНО УДОСТОВЕРЕННОГО ЗАВЕЩАНИЯ

RESTRICTION OF THE RIGHT TO CHALLENGE A NOTARIZED WILL

**T. Matveeva
N. Kuznetsova
A. Lyskova**

Summary. The article analyzes the issues of challenging a notarized will and recognizing it as invalid on the basis of an analysis of the norms of civil legislation, scientific works and judicial practice. The paper summarizes the peculiarities of the consideration of civil cases by the courts on the requirements for recognizing a will as invalid due to a flaw of will. The problems associated with the consideration of this category of cases by the courts, according to the authors, are associated with the contradiction of the norms of civil legislation regulating the invalidity of the will, in terms of unlimited possibilities for challenging it. Based on the results of the study, proposals were formulated to improve the norms of civil legislation on the invalidity of a will.

Keywords: evidence, notarized will, vice of will, forensic examination, witness testimony, judicial practice.

Матвеева Тамара Павловна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
matveeva33@mail.ru

Кузнецова Наталья Александровна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
kuz1503@yandex.ru

Лыскова Анастасия Владимировна

Помощник нотариуса, нотариальный округ города
Владимира Косянчук Т.В
vl110781nav@gmail.com

Аннотация. В статье на основе анализа норм гражданского законодательства, научных работ и судебной практики проанализированы вопросы оспаривания нотариально удостоверенного завещания и признания его недействительным. В работе обобщены особенности рассмотрения судами гражданских дел по требованиям о признании завещания недействительным вследствие порока воли. Проблемы, связанные с рассмотрением судами данной категории дел по мнению авторов связаны с противоречием норм гражданского законодательства регулирующие вопросы недействительности завещания, в части неограниченных возможностей по его оспариванию. По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию норм гражданского законодательства о недействительности завещания.

Ключевые слова: доказательства, нотариально удостоверенное завещание, порок воли, судебная экспертиза, свидетельские показания, судебная практика.

Одним из оснований наследования в гражданском законодательстве РФ является завещание. С вступлением в действие с 1 марта 2002 г. третьей части ГК РФ нормы о наследовании по завещанию получили ряд нововведений по сравнению с предшествующим гражданским законодательством. Причем совершенствование норм о наследовании по завещанию продолжаются и в настоящее время. Так Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 ч. 1 и ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» предоставлена возможность гражданам, между которыми заключен брак, составить совместное завещание супругов (п. 4 ст. 1118 ГК РФ), по которому они вправе определить судьбу совместного и личного имущества на случай смерти, а наследодатель вправе заключить наследственный договор с лицами, призываемыми к наследованию (ст. 1140.1 ГК РФ). Кроме того, с 1 сентября 2018 года законодателем

была введена новелла — право составления завещания с созданием наследственного фонда. Данный правовой институт определяет право гражданина на распоряжение имуществом на случай смерти. В соответствии с законодательством (п. 1 ст. 123.20–1 ГК РФ) наследственный фонд в порядке наследования осуществляет деятельность от имени гражданина, управляя его имуществом. С 01.03.2022 г данная норма утрачивает силу, и наследственный фонд будет именоваться как личный фонд гражданина.

Что касается положений ГК РФ о наследовании по завещанию, действующих с момента принятия третьей части ГК РФ, то наибольшие трудности в судебной практике вызывают нормы о признании нотариально удостоверенного завещания недействительным ввиду их недостаточной теоретической проработки. По статистике завещание является одним из самых оспарива-

емых в суде документов. Так как при открытии наследства наследники по закону не всегда согласны с волей наследодателя, выраженной в завещании. И недовольные наследники, ущемленные завещанием, пытаются его оспорить, приводя разные основания.

Статистика по рассмотрению судами г. Санкт-Петербурга дел о завещании показывает на увеличение дел по данной категории, хотя в Российской Федерации общее количество нотариальных действий об удостоверении завещаний снижается.

Это говорит об остроте и актуальности затронутой проблемы. Если обобщить выводы авторов, сделанные на основе анализа судебных дел по рассмотрению исков о признании завещания недействительным, то можно выделить следующие процессуальные особенности, влияющие на принятие решения судом по делу.

Во-первых, значение по делу имеют те обстоятельства, если установлен факт наличия или отсутствия психического расстройства у завещателя, степень его тяжести, степень имеющихся нарушений его интеллектуального и (или) волевого уровня что привело к неспособности гражданином понимать значение своих действий или его неспособности руководить ими на момент составления завещания. Но проблема вся в том, что завещателя на момент когда собирались доказательства для оспаривания завещания, уже не было в живых. Средствами доказывания в данном деле выступают объяснения сторон и третьих лиц; показания соседей, родственников, друзей, коллег по работе, медицинских и социальных работников как свидетелей дела. Это могут быть также амбулаторная карта больного, медицинские документы, материалы иного гражданского дела, имеющие отношение к данному судебному разбирательству, и др. А также объяснения нотариуса, удостоверившего завещание или заключение экспертов.

Во-вторых, для установления и опровержения дефекта воли завещателя в момент составления завещания суды назначают посмертную судебную психологическую, либо судебную психиатрическую или даже комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. Отсюда, так как экспертиза назначается уже после смерти завещателя, то она не всегда может быть достоверной о разных периодах жизни в момент совершения завещания. Могут, например, отсутствовать какие либо медицинские сведения или может быть недостаточно медицинских документов, на которые может сослаться эксперт о наличии у завещателя заболевания, влияющего на его способность понимать значение своих действий и руководить ими и в целом о психическом состоянии завещателя в момент составления и подписания завещания [2, с. 38].

По мнению В.М. Марухно, который считает, что экспертиза может быть проведена только в случаях наличия достаточных доказательств возможности наличия порока воли при совершении завещания [3, с. 104–105]. Причем, как уже говорилось выше, экспертиза проводится после смерти завещателя. Это будет еще одним доказательством по делу, но она не будет носить исключительного значения в установлении всех обстоятельств дела.

В-третьих, судебная практика при оценивании доказательств уже имеет критерии, влияющие на принятие решения. Сюда можно отнести:

1. Установление юридически значимых обстоятельств не может быть основано только на показаниях свидетелей и объяснениях нотариуса, удостоверившего завещание, так как наличия или отсутствия психического расстройства и его степени у завещателя в момент составления завещания требует специальных познаний, как правило, ни свидетели, ни нотариус, ни суд не обладают [2, с. 37]. Если же завещание было составлено за несколько лет до смерти, в этом случае свидетельские показания и объяснения нотариуса не будут обладать качеством достоверности. Данные показания о психическом состоянии завещателя в указанное время могут быть не последовательными, противоречивыми, и смещены во времени.
2. Суд может признать завещание недействительным, если они основаны только на свидетельских показаниях. Эти показания подлежат отмене, так как они не могут дать однозначного ответа, понимал ли наследодатель при составлении и подписании завещания значение своих действий и мог ли руководствоваться ими [5]. Кроме того, показания свидетелей могут не приниматься судом, если есть сомнения в их беспристрастности, ввиду наличия родственных, дружеских, служебных, неприязненных или иных отношений между завещателем и свидетелями.
3. При вынесении решения суд может учесть заключение эксперта, если в деле имеются еще доказательства, которые будут оцениваться в совокупности со всеми. В таком случае заключение экспертов о наличии или отсутствии психического расстройства у наследодателя в момент составления завещания, степень его тяжести, степень имеющихся отклонений его интеллектуального и (или) волевого уровня не может быть положено в основу судебного решения [6].
4. Наличие у дееспособного завещателя психического заболевания, например, шизофрении, не всегда влечет принятия решения о признании завещания недействительным, если экспертами будет дано заключение, что психическое рас-

стройство не лишало больного способности понимать значение своих действий и руководить ими [7] в момент совершения завещания.

Таким образом, чтобы иск о признании завещания недействительным был удовлетворен, суду необходимо установить наличие или отсутствие психического расстройства у наследодателя, в результате чего наследодатель не мог в момент составления завещания понимать значение своих действий или руководить ими. Данное обстоятельство должно быть достоверно установлено судом из объяснений сторон, показаний свидетелей, объяснения нотариуса, удостоверившего завещание, заключения экспертов, если отсутствуют противоречия между этими доказательствами. Только в этом случае иск о признании завещания недействительным подлежит удовлетворению.

Отсюда, проблемы, возникающие при рассмотрении в судах исков о признании завещания недействительным, обусловлены, в первую очередь, несовершенством гражданского законодательства, регулирующего признание завещания недействительным и процесса удостоверения завещания у нотариуса.

Так, нормы ГК РФ о наследовании не содержат даже примерного перечня оснований, по которым завещание может быть признано недействительным. Можно выделить такие основания недействительности завещаний как: нарушение требований предъявляемых к форме и содержанию завещания, порядку его удостоверения (ст. 169 ГК РФ), недееспособность и ограниченная дееспособность завещателя (ст. 171, 176 ГК РФ), а также порок воли завещателя (ст. 177, 179 ГК РФ). Так как завещание составляется и удостоверяется нотариусом или другими указанными в законе должностными лицами, то оспаривание завещания ввиду нарушения формы и содержания завещания, отсутствие дееспособности у завещателя, а также воздействия на завещателя третьих лиц в момент составления завещания вряд ли достигнет своей цели. Сложившаяся судебная практика по делам о признании завещания недействительным показывает, что самым распространенным основанием, по которому оспаривается завещание, является факт нахождения завещателя в момент составления завещания в состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ). Это и порождает серьезные трудности при рассмотрении данной категории дел в судах, обусловленные проблемами применения ст. 177 ГК РФ.

Первая проблема обусловлена тем, что нормы ст. 177 ГК РФ направлены в первую очередь на защиту имущественных интересов живых граждан, которые на момент совершения сделки находились в состоя-

нии, которое не позволяло им осознавать окружающую обстановку и они не отдавали отчета своим действиям и к тому же не могли ими руководить. Такие состояния могут быть обусловлены разными причинами: хронические и психические заболевания, алкогольное или наркотическое отравление, сильные душевные волнения, вызванные трагическими событиями. При совершении сделки в таком состоянии, сам гражданин или заинтересованные лица могут требовать признания ее недействительной, доказав факт нахождения в таком состоянии в момент совершения сделки. При признании же завещания недействительным, доказать факт нахождения завещателя в состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими при совершении завещания, как было рассмотрено выше, значительно труднее, так как доказывание происходит уже после его смерти, ввиду того, что закон не допускает оспаривать завещание до открытия.

Следующая проблема, которая связана с применением ст. 177 ГК РФ при оспаривании завещания состоит в том, что завещание удостоверяется нотариусом, который обязан установить дееспособность завещателя на момент совершения завещания. К сожалению, статья 57 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате не содержит норм, определяющих порядок и способы установления дееспособности завещателя. [1] Несмотря на то, что Методические рекомендации по удостоверению завещаний, принятию нотариусом закрытого завещания, вскрытию и оглашению закрытого завещания хоть и разъясняют отдельные положения Гражданского кодекса и суды часто ссылаются на них при разрешении споров о завещании все же носят рекомендательный характер. Так, согласно Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров от 02.03.2021 г. дееспособность завещателя может быть проверена нотариусом только посредством проведения беседы с завещателем. [8]

Также следует отметить, что по сравнению с ранее утвержденными и действующими Методическими рекомендациями по удостоверению завещаний, принятию нотариусом закрытого завещания, вскрытию и оглашению закрытого завещания от 2004 г., в Методических рекомендациях от 2021 года расписано, что если у нотариуса имеются сомнения в дееспособности завещателя, то он вправе отложить совершение нотариального действия (ст. 41 Основ законодательства РФ о нотариате) и запросить сведения из Единого государственного реестра недвижимости о наличии (отсутствии) судебного акта о признании завещателя недееспособным или ограниченно дееспособным.

Так, в судебное решение, о дееспособности завещателя было основано на том, что во время беседы

гражданка «перед составлением завещания вела себя адекватно, понимала происходящее, самостоятельно прочитала завещания, то обстоятельство, что она через несколько дней после составления первого завещания пришла для составления второго завещания, также свидетельствует об осознанности действий» [7].

Практика же показывает, что сведения из ЕГРН порой могут прийти с опозданием и нотариус уже не сможет на них сослаться, так как на данный момент сведения будут не актуальными. На нотариуса законом возложена обязанность по проверке соответствия содержания сделки действительным намерениям завещателя, разъяснить последнему смысл и значение содержания текста завещания или наследственного договора. Методические рекомендации определяют, что если завещатель не может понимать значение своих действий или руководить ими (например, вследствие болезни, наркотического или алкогольного опьянения и т.п.) нотариус во избежание последствий, предусмотренных ст. 177 ГК РФ, отказывает в совершении нотариального действия в соответствии со ст. 48 Основ, поскольку эта сделка не соответствует требованиям закона и нотариус лишен возможности реализовать возложенные на него обязанности.

Отсюда, возникает вопрос, может ли нотариус при удостоверении завещания установить наличие болезни и как он это может сделать?

Например, если завещатель имеет психическое заболевание или находился ранее до обращения к нотариусу в стадии наркотического или алкогольного опьянения и последствия этого состояния могут повлиять на способность завещателя понимать значение своих действий или руководить ими без участия медицинских работников, медицинской документации и освидетельствования. Отсюда, отказ нотариуса в удостоверении завещания при данных обстоятельствах будет основан исключительно на субъективном мнении нотариуса с большой вероятностью совершения ошибки при определении психического состояния завещателя, так как однозначно об этом могут судить только специалисты, обладающие специальными познаниями.

Таким образом, при удостоверении завещания проверить дееспособность гражданина, установить, может ли он отдавать отчёт своим действиям и выяснить его волю о действительном и свободном намерении составить завещание, нотариус может только путём проверки документов и проведения беседы с завещателем, что не может служить досконально достоверными способами определения психического состояния завещателя. И снова возникает вопрос — как зафиксировать то, что на момент обращения к нотариусу заявитель

находился в неадекватном состоянии, алкогольном/наркотическом опьянении и не отдавал отчет своим действиям? Ведь для вынесения мотивированного отказа в совершении нотариального действия нотариус должен указать причины отказа и события, при которых невозможно совершить нотариальное действие (удостоверение завещания).

Здесь следует отметить уязвимость позиции нотариуса, который с одной стороны должен определить дееспособность завещателя и его психическое состояние, но с другой стороны нотариус ограничен в выборе способов. Например, он не может привлечь напрямую медицинских работников к данной процедуре, ввиду медицинской тайны, также не может самостоятельно запросить медицинские документы о состоянии здоровья завещателя из медицинской организации, провести освидетельствование на наличие наркотического или алкогольного опьянения.

В Методических рекомендациях описан порядок удостоверения завещаний, где в п. 1.8. указано, что для совершения завещания необходимо волеизъявление одного лица — завещателя, а при совершении совместного завещания супругов — двоих завещателей, являющихся супругами. Но, если, как было указано выше нотариус не может однозначно установить находится ли завещатель в состоянии, препятствующем его способности понимать значение своих действий или руководить ими, то он не может и точно выяснить его волю о действительном и свободном намерении составить завещание. В этой связи установление норм, дающих возможность признать судом любое составленное завещание недействительным по иску заинтересованного лица, с одной стороны является вполне оправданным. Но если взглянуть на проблему с другой стороны, то получается, что закрепление в ГК РФ нормы о признании любого завещания недействительным, по сути, дискредитирует деятельность нотариуса по удостоверению завещания. Тем самым, можно сказать, что законодатель не доверяет нотариусам и их возможностям однозначно установить способность завещателя понимать значение своих действий или руководить ими в момент составления завещания. Тогда уместен другой вопрос, а зачем вообще нотариусу устанавливать психическое состояние завещателя при совершении завещания? Ведь любое составленное завещание может быть признано недействительным, с учетом того, что нотариус не может даже точно определить дееспособность гражданина.

Более того, нормы ГК РФ о признании любого завещания недействительным ставят под сомнение не только деятельность нотариуса, но и поведение самого завещателя и вступают в противоречие с нормами о де-

еспособности граждан (ст. 21 ГК РФ), дающей им возможность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, и принципа осуществления гражданских прав своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1, ст. 9 ГК РФ), в том числе по своей воле завещать свое имущество.

Отсюда получается, что выражение воли гражданина о своем намерении определить судьбу имущества на случай смерти при удостоверении завещания не имеет юридического значения, так как после смерти может быть оспорено и признано недействительным.

Противоречивые и непоследовательные законодательные положения, дающие неограниченные возможности по оспариванию любых нотариально удостоверенных завещаний, приводят к росту количества судебных дел по данным спорам при рассмотрении которых, стороны могут использовать различные, в том числе и противоправные способы (фальсификация доказательств, уничтожение медицинских документов, сговор со свидетелями), чтобы опровергнуть волю завещателя, который уже никак не может повлиять на этот процесс.

Такое положение дел вряд ли следует считать нормальным, так как идет против воли завещателя, и как правильно пишут авторы «наличие подобной категории дел в судах общей юрисдикции обусловлено несовершенным правовым и техническим регулированием процесса удостоверения завещания у нотариуса» [2, с. 39] и добавим, а также отсутствием ограничений по признанию завещания недействительным.

Для устранения проблем, связанных с процессом признания завещания недействительным возможно применение видеofиксации, как это применяется при процессе совершения совместного завещания супругов (п. 5.1 ст. 1125 ГК РФ). Это будет прямым доказательством однозначно выраженной воли наследодателя, а также поможет экспертам при подготовки заключения.

Но этого, возможно тоже может быть недостаточно для совершенствования гражданского законодательства

о недействительности завещания и для устранения противоречия между правом граждан осуществлять гражданские права своей волей и в своем интересе и правом завещать свое имущество. Для возможности оспаривания любого завещания считаем целесообразным было бы установить в гражданском законодательстве положения, запрещающие/ограничивающие оспаривание нотариально удостоверенных завещаний, совершенных при определенных обстоятельствах. Например, завещания, совершенные в период более трех лет до момента смерти завещателя. Как показывает судебная практика оспаривание завещаний совершенных за долго до смерти завещателя существенно затруднено, так как утрачивается достоверность таких видов доказательств как свидетельские показания и объяснение нотариуса. По прошествии времени эти лица могут уже плохо помнить обстоятельства, имеющие значение для дела. Или, например, завещания, совершенные в пользу кого — либо из наследников по закону. Это связано с тем, что выбор наследодателем наследников по завещанию осуществляется исходя из его личных отношений с этим наследником, и имеются веские причины лишения наследства остальных наследников по закону. Допустить оспаривание таких завещаний означает пренебрежительное отношение к воле завещателя на выбор наследника. Но если, по каким-то причинам наследодатель совершил завещание в пользу «посторонних лиц», не входящих в круг наследников по закону, при их наличии или в пользу юридического лица, то оспаривание завещания вполне допустимо, так как имущество «уходит» из семьи (родственников) и при оспаривании такого завещания можно установить мотивы такого поступка и психическое состояние завещателя, влияющее на его действительность.

Таким образом, реализация указанных предложений в гражданском законодательстве позволит устранить противоречие между правом гражданина свободно выразить свою волю по распоряжению имуществом на случай смерти и правом заинтересованных лиц оспорить выражение этой воли, содержащейся в завещании. Так же по нашему мнению, это позволит снизить количество исковых обращений в суд с требованием о признании завещания недействительным и существенно снизит нагрузку на суды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с изменениями и дополнениями) // Рос. газета от 13 марта 1993
2. Смолина Л.А., Лебедева Е.А. Признание завещания недействительным по пороку субъективной стороны: проблемы правоприменительной практики // Нотариус. 2019. № 1. С. 35–39.
3. Марухно В.М. Посмертная экспертиза в вопросах недействительности завещания // Общество и право. 2011. №5. С. 104–105.
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 60-КГ16–1 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2015 г. № 46-КГ15–5 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2014 г. № 24-КГ14–7 // Бюллетень ВС РФ. 2015. №12.

5. Апелляционное определение Смоленского областного суда от 21 июня 2016 г. по делу № 33–2034/2016; Кассационное определение Саратовского областного суда от 4 мая 2011 г. по делу N33–2380 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29 марта 2018 г. по делу N А33–4851/2018. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия 18 марта 2014 г. по делу № 33–807/2014 по апелляционной жалобе на решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 25 декабря 2013 г. по иску Т.Л.Ю., А.Н.В., А.И.В. к Д.Е.Ю., Д.А.С. о признании завещаний недействительными // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 2 марта 2021 г., протокол № 03/21) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72159382/>

© Матвеева Тамара Павловна (matveeva33@mail.ru),

Кузнецова Наталья Александровна (kuz1503@yandex.ru), Лыскова Анастасия Владимировна (v1110781nav@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Владимир

УПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНИМ ДОЛГОМ — ВНЕШНЯЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Николаенко Мария Владимировна

Аспирант, ФГБОУ ВО Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского
voroncovamaria@mail.ru

EXTERNAL DEBT MANAGEMENT IS AN EXTERNAL FUNCTION OF THE STATE

M. Nikolaenko

Summary. The article analyzes the attitude of the Russian Federation to debt obligations, the policy of the Russian federal state in its geopolitical development in connection with foreign debts. The results of the study showed that strategic decisions in the 2000s on public debt management strengthened the country's security and were a means of global integration, while the foreign policy course of the 90s in connection with the debt burden became a threat to the independence of the state. For this reason, the author recommends that the state debt be formed exclusively in connection with extraordinary expenses. In view of this, the author suggests a promising direction for improving the management of external debt through regulatory regulation.

Keywords: external debt, public debt, state, Russian Federation, USSR, threat, world integration.

Аннотация. В статье анализируется отношение Российской Федерации к долговым обязательствам, политика российского федеративного государства по своему геополитическому развитию в связи с внешними долгами. Результаты исследования показали, что стратегические решения в 2000-х по управлению государственным долгом укрепили безопасность страны и явились средством мировой интеграции, в то время как внешнеполитический курс 90-х в связи с долговой нагрузкой стал угрозой независимости государства. По этой причине автор рекомендует формировать государственную задолженность исключительно в связи с чрезвычайными расходами. Ввиду этого, автором предлагается перспективное направление совершенствования управления внешним долгом через нормативно-правовое регулирование.

Ключевые слова: внешний долг, государственный долг, государство, РФ, СССР, угроза, мировая интеграция.

Проблема государственного долга для нашей страны неоспоримо важна и переживает новый всплеск интереса как специалистов, так и иных представителей широкой публики, что объясняет актуальность заявленной проблематики. С момента своего возникновения государство осуществляет деятельность, связанную с финансированием расходов. Тем самым, государство проявляет свою политическую деятельность, осуществляет как внутренние, так и внешние функции для достижения целей в выполнении социально-экономических задач общества. При этом, каким бы ни был вектор государственного развития и используемые при этом инструменты, любые направления требуют финансирования. В условиях постоянной потребности в государственных расходах, ресурсы зачастую заимствуются у внешних кредиторов, формируя долговые обязательства, которые в настоящее время считаются обычным явлением и активно применяются мировым сообществом.

Однако, прежде чем приступить к предмету исследования, необходимо разобраться с терминологией. Что же такое государственный долг и долговые обязательства? Если говорить о законодательном аспекте понимания «государственного долга» в России,

то в статье 97 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ) в основе определения понятия содержатся «долговые обязательства Российской Федерации перед физическими и юридическими лицами Российской Федерации, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями, иностранными государствами, международными финансовыми организациями, иными субъектами международного права, иностранными физическими и юридическими лицами, которые возникают в результате государственных заимствований Российской Федерации, а также долговые обязательства по государственным гарантиям, предоставленным Российской Федерацией, и долговые обязательства, возникшие в результате принятия законодательных актов Российской Федерации об отнесении на государственный долг долговых обязательств третьих лиц, возникших до введения в действие БК РФ» [1]. По мнению Чепрасова М.Г. и коллектива исследователей, такое определение «облегчает его понимание» и позволяет «уяснить сущность государственного долга не только как экономической категории, но и как правовой» [2, с. 642]. Тем самым, изучение проблемы как государственного долга, так и его результативного управления, представляет научный интерес в юридической среде [3–5].

По убеждению Меликсетяна С.Н. и Соитовой М.Х., «наличие государственного долга нельзя считать «плохим» показателем для экономики страны». Данным способом пользуются практически все развитые страны [6] для покрытия дефицитов бюджетов. Как указывает Белозеров И.П., «последствия и результаты этих заимствований неоднозначны и многоаспектны» [7, с. 21]. В случае неумелого управления долгами, бремя дополнительного груза взваливается на граждан и хозяйствующие субъекты государства-должника, что негативно отражается на экономическом росте и развитии страны, приводит к обострениям в обществе. Не обошло это и современную Россию. Ярким примером являются события 90-х гг., повлиявшие, в одном случае, на распад СССР в 1991 г. и потерю государственной независимости, а в другом — «непонимание сути и опасности долгового финансирования дефицита бюджета» привели к экономическому кризису 1998 г., доведшему страну до «суверенного долгового коллапса» [7, с. 21]. И в том, и в ином случаях государственный долг совместно с непродуктивным его управлением стали угрозой безопасности и независимости государства. В связи с этим, Головачев Д.Л. дает следующее определение: «Под управлением государственным долгом ... понимается формирование одного из направлений экономической политики государства, связанной с его деятельностью в качестве заемщика...» [8, с. 11].

По-иному проблему государственного долга можно оценить, рассматривая более поздний этап развития нашего государства — 2000-е гг., с приходом к власти Путина В.В. Период руководства действующего президента страны отмечен особым прогрессивным развитием страны в разных направлениях как в политике, экономике, так и в социальной сфере, в том числе, в выполнении внешних финансовых обязательств, перешедших от Советского Союза. В одном из обращений президента РФ, говоря о комплексе мер, направленных на укрепление единства страны, из слов Путина В.В. следовало, что «после распада огромного, великого государства (СССР), ... которое оказалось нежизнеспособным в условиях быстро меняющегося мира..., нам удалось сохранить ядро этого гиганта — Советского Союза. И мы назвали новую страну Российской Федерацией» [9]. Поэтому на постсоветском пространстве стратегическое внимание государства было сосредоточено на решении такой особо важной проблемы, как формирование Единого экономического пространства. Однако после развала СССР политика Запада к правопреемнику Союза отнюдь не изменилась. К примеру, в попытке интеграции нашего государства в семью демократических стран Евро-Атлантики Запад продолжил свое привычное вмешательство, указав на необходимость проведения демократических реформ. Тем самым, РФ получила хороший урок: не абстрактные иде-

алы, а прагматические интересы определяют характер международных отношений [10, с. 14]. В таких условиях намерения Запада представляли реальную угрозу демократии, суверенитету, национальной и экономической безопасности России. По утверждению доктора экономических наук Строева Е., в эпоху социально-политических потрясений, угрожая подорвать экономический, духовный и нравственный потенциал нации, требовался новый путь для вывода России на путь стабильного развития и созидания. Экономические догмы, родившиеся в начале 1990-х гг., должны быть подвергнуты критическому анализу [11]. Когда к управлению страной в постсоветский период приступила новая группа активных политических лидеров с прогрессивным западным образованием, современными взглядами и идеями трансформаций, будущее России казалось затяжным и туманным. Это период прихода к власти первого всенародно избранного президента Ельцина Б.Н. С ростом инфляции, внешнего долга и бюджетного дефицита, усугубляемого отсутствием правопорядка, потерей центрального контроля над периферией, конфликтами в Чечне, безудержной коррупцией, хронической политической нестабильностью и серьезным финансовым кризисом, перспектива РФ выглядела крайне опасной. К тому же, в большой борьбе за передел мира страна шаг за шагом теряла свои позиции в мировом сообществе. Находясь в условиях начатых экономических реформ либерально олигархической направленности, после ряда лет их осуществления, российское правительство так и не смогло вывести экономику из кризисного состояния. Образовавшаяся к концу 90-х смешанная экономика утратила многие черты централизованно управляемого хозяйства, не обрета при этом признаки, органично присущие рыночной экономике. Государственное регулирование оказалось дестабилизированным, тогда как рыночные механизмы в течение переходного периода не проявили себя как эффективные рычаги управления, что привело к неблагоприятным экономическим последствиям. Иллюстрацией тому является подорванная российская промышленная отрасль, где объем производства за период реформ сократился более, чем вдвое. Эффективность использования ресурсного потенциала России стала в несколько раз ниже, чем в промышленно развитых странах. Ярким примером служит угольная отрасль. В период 90-х гг. на протяжении нескольких лет добыча угля в РФ значительно уступала таким странам, как Китай, США, Индия и Австралия. Наибольший объем добычи угля в российском регионе приходился на 1985–1990 гг., когда он составлял 395 млн. т в год, в последующие годы добыча значительно сократилась. При том, что в 1995 г. объемы добычи снизились до 263 млн. т, а в 1998-м падение было максимальным — до 232 млн. т. Сокращение добычи угля было связано с тем, что Россия, как и другие страны бывшего СССР, попала в за-

тяжной экономической кризис с низкой эффективностью работы угольного комплекса и необходимостью его реконструкции [12, с. 123–124]. Еще хуже стало обстоять дело с конкурентоспособностью российской экономики, оказавшейся во многие десятки раз ниже в сравнении с Японией и США. Например, в 1996 году показатель конкурентоспособности Японии составлял примерно 82 единицы, США — 72, а России — 0,08 [13, с. 68]. В то же время, как подчеркивает профессор Москвин Л.Б., «Россия, располагающая огромными запасами природных богатств (28% минеральных ресурсов мира), высокообразованным человеческим потенциалом (12% всех ученых мира), дает лишь 0,3 мирового производства наукоемкой продукции на одного работника (производительность труда в 10 раз ниже, чем в ведущих странах)» [14, с. 41]. По показателю жизненного уровня РФ отстала от этих стран в десять раз и заняла 60-е место в мире. Причиной тому, по мнению профессора Ляшецкого А.П., явилась неэффективность системы управления экономикой, которая требовала существенной модернизации и соответствия социально-экономическим потребностям абсолютного большинства граждан [13, с. 67].

Тем не менее, в условиях переломного периода как в политике, так и в экономике, на фоне влияния Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ), преступных конфискации накоплений граждан СССР в 1990–1992 гг., сложных глобализационных процессов и политических потрясений, в том числе дефолта 1998 г., мирового кризиса 2008 г. и прочих переходных периодов в стране в 2000 гг., российская сторона существенно снижала свой внешний государственный долг, тем самым привлекая внимание международной общественности и определяя позиции России на мировом рынке [15]. Показательно, что внешний государственный долг РФ сократился с 1995 по 2003 год со 108 до 58 млрд. \$ [16], благодаря прибыли от экспортных поставок увеличившейся в цене нефти.

Далее, в первую очередь, в 2006 г. Россия рассчиталась с Парижским клубом, сэкономив на процентах 7,7 млн. \$. К примеру, вопрос о «долге ГДР» удалось разрешить к 2004 г., путем списания большей части задолженности: вместо 6,35 млрд. рублей Москва оплачивает всего 500 млн. € в 2 этапа. Решение было политическим и экономически рациональным. Идея списания долга заключалась в обмене на инвестиции в будущее: Россия впоследствии открыла транспортный коридор через свою территорию для поставки грузов и снабжения немецких войск в Афганистане [17, с. 8]. Спустя 10 лет, Кувейту вернули долг в 1,1 млрд. \$. Причем, более 600 млн. \$ процентов по займу были погашены за счет поставок отечественной продукции. Китаю отдали более 400 млн. швейцарских франков в 2015-м. С послед-

ним долгом СССР перед Боснией и Герцеговиной в размере более 125 млн. \$, доставшимся им от Югославии, РФ рассчиталась 8 августа 2017 года [18]. С некоторыми государствами расчет производился товарными поставками, например, тот же Китай списал с России советский долг на сумму свыше 50 млн. \$ взамен поставок промышленной продукции и услуг в области медицинских научно-исследовательских разработок [19].

Наряду с этим РФ все же стала лидером по количеству списанных долгов среди стран «большой восьмерки» в «качестве проявления доброй воли». Если брать во внимание только крупные кредиты, то Россия, действуя в своих экономических интересах, с расчетом на развитие межгосударственных отношений, простила к 2019 году более 140 млрд. \$ государствам-должникам со слабо развитой экономикой: Кубе, Ираку, Монголии, Афганистану, КНДР, Сирии, Вьетнаму, Эфиопии, Алжиру, Ливии, Африке. Как высказался по этому поводу глава МИД Сергей Лавров: «Прощенные долги другим странам не решили бы внутренние проблемы России...» [20]. Однако вернемся к предмету исследования. За период 1991–2018 гг. нашим государством была списана крупнейшая сумма долгов. Зачем это было нужно России? Тут стоит углубиться в вопрос, т.к. этот факт напрямую связан с процессом управления задолженностью. Во-первых, долги прощают неплатежеспособным странам, когда становится понятно, что получить эти деньги будет практически невозможно. Иначе, долг просто оставался бы на счету страны и вряд ли когда-либо вообще был бы выплачен. Второй момент: многие списанные долги образовались еще перед Советским Союзом и по факту никогда не касались российского бюджета. Третий и, пожалуй, самый важный фактор списания долга — получение прибыли от должника. Взамен на условиях партнерства российские компании получают вход в эти страны по нефтяным и газовым отношениям, добыче ресурсов, постройке электростанций и пр. За эти же привилегии другие страны вынуждены вкладывать реальные деньги. Чтобы получить хоть какую-то выгоду, Российская Федерация, действуя с холодным расчетом, не прощает финансовых обязательств без практического умысла. К примеру, Северная Корея, которой Россия простила долг в 11 млрд. \$. В обмен наша страна получила доступ к минеральным ресурсам, а также возможность участия в реконструкции железных дорог, в результате чего российская сторона получит неплохой доход. Далее, Гвинея — одна из африканских стран, которой Россия также аннулировала долг, благодаря чему, российскими компаниями получен доступ на разработку бокситов в этой стране. Другой случай — Сирия, которой в 2005 г. списано около 10 млрд. \$ из накопленного долга в 13,4 млрд., приобретя взамен на оставшуюся сумму кредита контракт с Дамаском на поставку российского вооружения. Ирак

также связан с Россией с поставками оружия и военной техники, в связи с чем 12 млрд. \$ из 13 млрд. имеющейся задолженности уже ликвидировано, т.е. прощено. Как мы видим, в этом вопросе политические силы РФ выработали дальновидную стратегию, позволяющую стране занять лидирующие позиции в мировом пространстве за счет аннулирования долгов [21].

Заметим, что практика по списанию долгов другим странам закреплена не только за Россией. Многие страны Запада используют инструмент «прощения» в геоэкономическом и политическом развитии в целях избежания трансформации мировых организационных структур. В свою очередь, обычной практикой является списание долгов странам СНГ, например, Беларуси и Киргизии. Тут уже двойной мотив — поддержание политического лобби и получение экономической выгоды.

На основании вышеизложенного, следует отметить, что с приходом к власти президента Путина В.В. проблема внешнего долга для России постепенно разрешилась, а наша страна вновь стала ключевым международным игроком, упрочив свой суверенный статус во многих областях партнерства: торговля, IT сектор, строительство, девелопмент, лизинг, нефтегазовая отрасль с привлечением миллионов долларов США [22, с. 30, 83–84, 86–87]. Однако, несмотря на достижения РФ в области управления государственным долгом, мы согласны с зарубежными исследователями Ricardo D. [23], Mah G., Mongale I.P. и др. [24], которые все же относят рост задолженности к отрицательным факторам в развитии экономики и политики страны, создающим

угрозы безопасности, приводящим к увеличению налогообложения, понижению авторитета валюты государства, сокращению капитала нации и т.д. С точки зрения профессора Нестерова Г.Г., «...опыт развития и саморазрушения СССР, кризисных явлений в РФ..., нарастания угроз глобализации делает особо значимой для России задачу самосохранения, обеспечения экономической безопасности, включая и безопасность налоговой системы» [25, с. 10].

В заключение необходимо подчеркнуть, что в целях недопущения повторения роковых просчетов, случившихся в нашей стране в 90-х годах при управлении внешним долгом, рекомендуется, чтобы у Правительства РФ не возникало бюджетного дефицита. Исключения могут составить случаи чрезвычайных ситуаций, к примеру, война или стихийное бедствие, так называемые, «чрезвычайные государственные расходы» [26, с. 181]. Ведь еще в 19 веке российский юрист Бржеский Н. связывал возникновение долгов только из-за «ликвидаций военных расходов предшествующего времени, неурожаев, постоянного увеличения расходов на вооруженную силу» [27, с. 238, 241]. По нашему мнению, такая позиция не теряет актуальности до сих пор, особенно при выполнении государством своих внешних функций, ввиду того, что гуманитарное участие особенно содействует международному развитию. Отсюда полагаем, что корректировка существующего в БК РФ определения государственного долга в части внешних заимствований положительно бы отразилась на безопасности государства и минимизировала возможные риски долговой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 г. N145-ФЗ (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12112604/> (дата обращения 27.08.2021).
2. Чепрасов М.Г., Никитина Н.А., Тавабилова А.Э. К вопросу правовой природы государственного долга, его влияния на внутренние и внешние финансово-экономические процессы, и институты // Аллея Науки. — 2019. — Т. 2. — N1(28). — С. 639–648.
3. Абгарян Э.С. Правовая природа института государственного долга в структуре государственного бюджета Российской Федерации: двойственная сущность // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики: сб. науч. ст. по материалам Вузовской науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 25–26 апреля 2019 г. Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2019. — С. 41–44.
4. Казанкова Т.Н., Тихонова К.А. К вопросу о методах управления государственным долгом: финансово-правовое регулирование // MODERN SCIENCE. — 2019. — N4–1. — С. 187–190.
5. Томилова П.Н. Правовое регулирование государственного долга // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения — 2020: сб. науч. тр. по материалам VII междунар. науч.-практ. конф., Гатчина, 22 мая 2020 г. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. — С. 225–229.
6. Меликсетян С.Н., Соитова М.Х. Проблемы управления государственным долгом в России // Современные научные исследования и разработки. — 2018. — Т. 1. — N4 (21). — С. 374–377.
7. Белозеров И.П. Обеспечение безопасности в сфере государственных заимствований: системный подход // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2016. — N1. — С. 20–26.
8. Брагинская Л.С. Государственный долг: анализ системы управления и оценка ее эффективности. — М.: Университетская книга, 2020. — 128 с.
9. Путин обратился к России (Текст). URL: <https://dni.ru/russia/2004/9/4/48853.html> (дата обращения 27.08.2021).
10. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. — М.: Институт этиологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2000. — 398 с.
11. Stroeve E. The economic reforms in Russia: A View to the Future // Problems of economic transition. — 2002. — Vol. 44. — N11. — P. 36–51.

12. Новолодская Г.И. Конкурентоспособность России в мировой экономике. — Иркутск: ИргУПС, 2011. — 152 с.
13. Лящещкий А.П. Национально-патриотическая идеология СССР — основа экономического развития Российского государства // Инновационная наука. — 2019. — N1. — С. 67–77.
14. Москвин Л.Б. Новые социальные измерения в современном мире // Общественные науки и современность. — 1999. — N3. — С. 38–45.
15. Мохнаткина Л.Б. Государственный и муниципальный долг. — Оренбург: ОГУ, 2013. — 180 с.
16. Дмитриев В.А. Долговая политика России: история, современность, перспективы. — М.: Дружба народов, 2005. — 452 с.
17. Кириллова А.Н. Проблема советского долга РФ в Германно-Российских отношениях в годы работы «Красно-зеленой» коалиции (1998–2005 гг.) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки. — 2017. — N3(6). — С. 7–9.
18. Долги СССР: как их возвращала Россия. URL: <https://topwar.ru/171161-dolgi-sssr-kak-ih-razdavala-rossija.html> (дата обращения 03.02.2021).
19. Почему Россия взяла на себя обязательства выплачивать долги СССР: Альтруизм или холодный расчёт. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/221219/44981/> (дата обращения 27.08.2021).
20. Лавров объяснил, почему Россия прощает долги другим странам. URL: <https://vz-ru.turbopages.org/vz.ru/s/news/2018/7/30/934912.html> (дата обращения 31.08.2021).
21. Почему Россия взяла на себя обязательства выплачивать долги СССР: Альтруизм или холодный расчёт. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/221219/44981/> (дата обращения 27.08.2021).
22. Теплова Т.В., Соколова Т.В. Исследовательские поля облигационных рынков: монография. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 455 с.
23. Ricardo D. (ed.) On the Principles of Political Economy and Taxation. — USA: Liberty Fund, 2004. — 448 p.
24. Mah G., Mongale I.P., Mukuddem-Petersen J. Government debt reduction in the USA and Greece: a comparative VECM analysis // Eurasian journal of business and economics. — 2016. — Vol. 9. — N18. — P. 99–112. DOI: 10.17015/ejbe.2016.018.06.
25. Нестеров Г.Г. Налоговая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2009. — N7. — С. 10–15.
26. Смирнов Д.А. Государственный долг и налоги как финансовые инструменты бюджетной политики государства: анализ основных концепций // Гуманитарные и юридические исследования. — 2016. — N3. — С. 180–185.
27. Бржеский Н. Государственные долги России. — СПб: типо-лит. А.М. Вольфа, 1884. — 369 с.

© Николаенко Мария Владимировна (voroncovamaria@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА К ПРОВЕДЕНИЮ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Омельянович Вадим Васильевич

Доцент, Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации
omeljanovichv@rambler.ru

TOPICAL ISSUES OF ATTRACTING A SPECIALIST TO CONDUCT A PROSECUTOR'S INSPECTION OF COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENTS OF LEGISLATION BY EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGHER EDUCATION

V. Omeljanovich

Summary. The article discusses the specifics of attracting a specialist to conduct a prosecutor's inspection of compliance with the requirements of the legislation on education by educational organizations of higher education, in terms of the development and implementation of basic professional educational programs. A brief analysis of the current state of affairs in this area of legal relations is given. The prosecutors are given recommendations on the selection of candidates to participate as a specialist to provide organizational and analytical functions. The features of the prosecutor's interaction with a specialist at different stages of their work are shown, a standard list of documents to be analyzed and the results of the activities of the educational organization of higher education being checked is given. The only example of the prosecutor's inspection of this sphere of activity at the moment is considered, the revealed violations of the law are shown and the measures of the prosecutor's response are outlined. The provisions discussed in the article can be taken by the prosecutor's office as a basis, which will improve the efficiency of work in this field of activity.

Keywords: prosecutor, inspection, higher education, specialist, educational program.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности привлечения специалиста к проведению прокурорской проверки исполнения требований законодательства об образовании образовательными организациями высшего образования, в части разработки и реализации основных профессиональных образовательных программ. Дается краткий анализ имеющегося положения дел в данной сфере правоотношений. Излагаются рекомендации прокурорам по подбору кандидатов к участию в качестве специалиста для оказания организационно-аналитических функций. Показаны особенности взаимодействия прокурора со специалистом на разных этапах их работы, приведен типовой перечень подлежащих анализу документов и результатов деятельности проверяемой образовательной организации высшего образования. Рассмотрен единственный на данный момент пример прокурорской проверки данного направления деятельности, показаны выявленные нарушения законодательства, а также изложены принятые меры прокурорского реагирования. Рассмотренные в статье положения могут быть взяты за основу органами прокуратуры, что позволит повысить эффективность работы в данном направлении деятельности.

Ключевые слова: прокурор, проверка, высшее образование, специалист, образовательная программа.

В Конституции Российской Федерации п. 3 ст. 43 установлено, что каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Детально данное право раскрыто в Федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — ФЗ Об образовании). Надзор за исполнением требований законодательства об образовании осуществляет прокуратура Российской Федерации и обеспечивает тем самым гарантии их выполнения в установленном порядке. Высокообразованное общество — залог успешного развития и процветания нашего государства.

Отметим, что вопросам прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере образования посвящен ряд работ ученых, которые раскрывают отдельные особенности данного вида деятельности [1, 2, 3]. Однако вопросы прокурорского надзора за соблюдением требований ФЗ Об образовании в части разработки и реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования (далее — ОПОП ВО) до настоящего времени в науке оставались не исследованными и не освещенными в соответствующих публикациях. Это в целом, на наш взгляд, негативным образом сказалось на общей картине деятельности органов прокуратуры в данном направлении работы.

Так, проведенный в рамках нашего исследования опрос работников органов прокуратуры¹ единогласно показал, что при проведении прокурорских проверок образовательных организаций высшего образования (далее — ООВО, ВУЗ) не исследовались аспекты разработки и реализации ОПОП ВО на предмет их соответствия требованиям ФЗ Об образовании, специалисты² для оказания экспертно-аналитических функций по данному направлению деятельности не привлекались. Проверка учебной составляющей, как правило, ограничивалась установлением наличия действующей лицензии на право осуществления образовательной деятельности и свидетельства о государственной аккредитации. В основном содержание проверок ООВО в настоящее время направлено на изучение сопутствующих для реализации ОПОП ВО направлений

¹ Опрошено 198 работников органов прокуратуры из 42 субъектов Российской Федерации, освоивших дополнительные профессиональные программы переподготовки и повышения квалификации в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации.

² Привлекаемые к участию в проведении проверки в соответствии с п. 13 ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» для осуществления экспертно-аналитических функций представители иных государственных органов.

деятельности, регулируемых, например, трудовым, санитарно-эпидемиологическим законодательством, законодательством о противодействии терроризму, о пожарной безопасности и др.

Подчеркнем, что реализация ОПОП ВО — это основной вид деятельности ВУЗов и все остальные решаемые задачи выполняются для обеспечения организации в установленном порядке учебного процесса и формирования у обучающихся требуемых компетенций. И видится парадоксальным, что на сегодняшний день надзор за соблюдением исполнения требований законодательства, регулирующего фундаментальный компонент функционирования ВУЗов, остается «не охваченным».

Особенности реализации ОПОП ВО в соответствии с требованиями ФЗ Об образовании, в том числе федеральных государственных образовательных стандартов (далее — ФГОС ВО³), заключаются в комплексности и корреляции имеющихся требований, которые взаимообуславливают структуру и содержания элементов основных образовательных программ с кадровыми, материально-техническими, информационно-коммуникационными, финансовыми условиями функционирования ВУЗа. И выявляя нарушение по сопутствующему направлению деятельности ВУЗа можно предположить, что в большинстве случаев ее причина кроется в нарушении требований ФЗ Об образовании (ФГОС ВО) и есть необходимость проверить этот процесс комплексно. Так, например, выполнение ВУЗом требований трудового законодательства неразрывно связано с обеспечением кадровых условий, предъявляемых требованиями ФГОС ВО к реализуемым ОПОП ВО. Таким образом, мы приходим к выводу, что в рамках прокурорской проверки представляется сложным разобрататься с реальным положением дел не проверив выполнение ВУЗом норм ФЗ Об образовании (в т.ч. ФГОС ВО).

Отметим, что приказом Минобрнауки России от 25 ноября 2021 г. № 1094 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования» утверждены новые аккредитационные показатели по ОПОП ВО. Если ранее Рособрнадзором 1 раз в 6 лет проводилась аккредитационная экспертиза образовательной деятельности ВУЗов, предметом которой выступала проверка ОПОП ВО на предмет их соответствия требованиям ФГОС ВО, то с 01.03.2022 г. вопросы, связанные с проверкой фор-

³ ФГОС ВО (ст. 11 ФЗ Об образовании) обеспечивает объективность оценки образовательной деятельности и подготовки обучающихся, единство образовательного пространства, гарантии качества и уровня образования, преемственность и вариативность содержания образовательных программ.

мы и содержания ОПОП ВО, останутся не охваченными. Более того с 01.03.2022 г. государственная аккредитация ООВО станет бессрочной. То есть, полнота и качество реализации указанных требований ФГОС ВО останется на усмотрение ВУЗов. Мы видим, что складывается ситуация условной «бесконтрольности» при которой возникают предпосылки для возможного отступления ВУЗами от неудобных для исполнения норм и правил, установленных ФЗ Об образовании (ФГОС ВО). При таком положении дел существует вероятность получить серьезную проблему отсроченного действия в виде некачественной подготовки ряда поколений выпускников с высшим образованием, что может повлечь негативные последствия для общества и государства в целом.

Единственным рычагом воздействия на данный процесс остается прокурорский надзор. С учетом ярко выраженной специфики подлежащего проверке вида деятельности представляется крайне затруднительным самостоятельно, без уверенного навыка работы в вопросах обеспечения выполнения требований ФЗ Об образовании (ФГОС ВО)¹, осуществить всестороннее изучение данных вопросов. В связи с этим имеется необходимость в своевременном привлечении специалистов для оказания экспертно-аналитических функций. Этот нюанс становится залогом успеха, позволяющим на достаточном уровне организовать и провести необходимый комплекс проверочных мероприятий.

Однако найти компетентного специалиста в данной сфере непросто. Так, имеется пример отказа Рособнадзора выделить для участия в проверке своего специалиста Северо-Западной транспортной прокуратуре по причине загруженности штатных работников. Наиболее рациональным видится осуществление поиска кандидатов в ВУЗах. Стоит отметить, что возможен кадровый дефицит специалистов по месту дислокации органа прокуратуры. В качестве варианта решения данного вопроса мы предлагаем привлекать специалистов к проведению проверки в дистанционной форме (может осуществляться проверка информации, содержащейся в электронной информационно-образовательной среде ВУЗа из любой точки доступа в сеть «Интернет», проверка сведений, размещенных на официальном сайте ООВО, могут проводиться консультации работников органов прокуратуры по возникающим вопросам в онлайн режиме и пр.). Сложность может возникнуть лишь при проведении проверки ВУЗов, использующих при реализации ОПОП ВО сведений ограниченного распространения. В таком случае

¹ 100% опрошенных работников органов прокуратуры указали на сложность в понимании требований ФЗ Об образовании (ФГОС ВО) в части разработки и реализации ОПОП ВО.

участие специалиста может быть реализовано в той части, в которой отсутствует такого рода информация.

При определении круга лиц, из которых следует выбирать кандидата в специалисты по линии учебной работы рекомендуется рассматривать начальников учебных отделов (учебно-методических отделов), деканов факультетов, проректоров по учебной работе, чья деятельность непосредственно связана с организацией образовательного процесса и обеспечением выполнения требований ФЗ Об образовании (ФГОС ВО). Необходимо обращать внимание на продолжительность замещения этой должности данными лицами, а также — проходили ли они аккредитационные, лицензионные или внутриведомственные проверки, в том числе общественную аккредитацию, являются ли или являлись ли аккредитованными экспертами Рособнадзора по проведению аккредитационных экспертиз образовательной деятельности.

Рекомендуется привлекать специалиста на этапе подготовки плана проверки, который необходимо составлять совместно, для определения наиболее рациональной последовательности и содержания проведения проверочных действий, в зависимости от того сколько ОПОП ВО реализуется и на основании каких ФГОС ВО они разработаны, какое территориальное расположение учебных корпусов проверяемой образовательной организации, какая численность контингента обучающихся, какая численность профессорско-преподавательского состава.

В ходе исследования нами установлено, что специалисты в рамках прокурорских проверок ООВО привлекаются для работы исключительно каждый по своей линии и взаимодействие (общение) между ними, как правило, отсутствует. С учетом комплексности и подчиненности всех видов деятельности ВУЗа образовательному процессу (реализации соответствующих ОПОП ВО) мы предлагаем использовать командный вариант работы специалистов из разных направлений. Наиболее эффективным видится проведение рабочих совещаний с группой специалистов, обмен информацией, ежедневное документирование выявленных нарушений. В таком варианте прокурору комфортнее оценивать складывающуюся ситуацию и видеть процесс целостно.

В рамках проверки совместно со специалистом по линии учебной работы необходимо:

1. Проанализировать: правоустанавливающие документы ООВО; распорядительные акты ООВО по вопросам организации образовательного процесса; локальные нормативные акты ООВО, регламентирующие порядок реализации ОПОП ВО; выданные ООВО документы об образовании

и (или) о квалификации, справки об обучении или о периоде обучения.

2. Проверить: материально-техническую базу ООВО; информацию, размещенную на официальном сайте, а также в электронной информационно-образовательной среде ООВО; используемые ООВО электронно-библиотечные системы (электронные библиотеки), библиотечный фонд; кадровые условия реализации ВУЗом ОПОП ВО; структуру, содержание, а также порядок разработки и реализации ОПОП ВО.

В настоящее время в качестве единственного примера привлечения к прокурорской проверке специалиста¹ для оценки исполнения ВУЗом требований законодательства об образовании, в части разработки и реализации ОПОП ВО, выступает опыт Северо-Западной транспортной прокуратуры. В июне 2021 г. автор статьи, осуществляя организационно-аналитических функций в рамках прокурорской проверки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия» (далее - филиал), поучаствовал в выявлении следующих нарушения требований законодательства об образовании:

- ◆ образовательная деятельность филиала осуществляется на территории, адрес которой не указан в лицензии;
- ◆ учебные планы отдельных ОПОП ВО не предусматривают (и, соответственно, филиалом не осуществляется) проведение промежуточной аттестации по итогам освоения обучающимися отдельной учебной дисциплины;
- ◆ не соблюдается 3-дневный срок, после издания приказа образовательной организации об исключении обучающегося из числа студентов филиала, выдачи справки об обучении;
- ◆ не готовятся и, соответственно, не выдаются справки об обучении при досрочном прекращении образовательных отношений;
- ◆ реализация ОПОП ВО осуществляется по единым ОПОП ВО соответствующих специальностей (направлений подготовки) без разработки в установленном порядке отдельных ОПОП ВО для каждого учебного плана;
- ◆ учебные планы и календарные учебные графики реализуемых ОПОП ВО представлены в виде единого документа;
- ◆ к проверке не представлены полные комплекты документов по отдельным ОПОП ВО;

¹ С опытом работы в должности руководителя учебного отдела, а также эксперта Рособрандзора по проведению аккредитационных экспертиз образовательной деятельности ООВО, в том числе в качестве руководителя экспертной группы.

- ◆ в структуре большинства представленных к проверке дополнительных профессиональных программ отсутствуют календарные учебные графики;
- ◆ в установленном порядке не сформирована электронная информационно-образовательная среда;
- ◆ не подтверждена соответствующая доля работников (в приведенных к целочисленным значениям ставок) из числа руководителей и работников организаций, деятельность которых связана с направленностью (профилем) отдельных реализуемых ОПОП ВО (имеющих соответствующий стаж работы в данной профессиональной области) в общем числе работников, их реализующих;
- ◆ в элементах ОПОП ВО применяется устаревшая терминология;
- ◆ до начала периода обучения по реализуемым ОПОП ВО расписание учебных занятий формируется не на весь соответствующий период обучения, проводимых в форме контактной работы, а формируется в течение семестра в несколько этапов по временным периодам, определяемым филиалом самостоятельно;
- ◆ реализована ОПОП ВО в которой учебный план содержал факультативную дисциплину объемом в 1,5 зачетные единицы, что нашло отражение в приложениях к дипломам выпускников;
- ◆ реализация компонентов ОПОП ВО в форме практической подготовки осуществляется в нарушение сроков, установленных соответствующими календарными учебными графиками;
- ◆ в приложениях к дипломам в отношении отдельных учебных дисциплин, изучавшихся на протяжении нескольких семестров, отражены все оценки (промежуточных аттестаций) отдельных этапов их освоения;
- ◆ в ряде случаев локальные нормативные акты Российской таможенной академии не соответствовали требованиям законодательства в сфере образования;
- ◆ несмотря на изменение перечня выполняемых филиалом работ, оказываемых услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности (прекращение реализации ОПОП ВО с устаревшими шифрами специальностей) не переоформлено приложение к лицензии на осуществление образовательной деятельности.

Указанные нарушения не позволяют надлежащим образом обеспечить установленные ФЗ Об образовании гарантии качества и уровня образования, дать объективную оценку образовательной деятельности и подготовки обучающихся, что в целом влечет за собой нарушение прав граждан на образование.

По итогам проверки руководству ООВО было внесено представление об устранении выявленных нарушений законодательства, а на незаконный локальный акт принесен протест. В результате принятых мер прокурорского реагирования ООВО приступили к принятию мер по устранению имеющихся и недопущению новых фактов нарушений. Виновным в нарушениях должностным лицам были объявлены дисциплинарные взыскания.

Представляется, что рассмотренные нами особенности привлечения специалиста для оказания организационно-аналитических функций, а также приведенный в статье опыт работы Северо-Западной транспортной прокуратуры могут быть взяты за основу при проведении прокурорских проверок исполнения ВУЗами требований законодательства об образовании, что позволит повысить эффективность данного направления деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исламова Э.Р. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Образование». — *Защита меня*, 2021, № 1, с. 27–32.
2. Ляшенов Г.А. Сущность прокурорского надзора за исполнением законов в сфере высшего образования. — *Право и государство: теория и практика*, 2011, № 12(84), с. 30–32.
3. Минин А.Я. О методике прокурорского надзора и контроле в сфере образования. — *Преподаватель XXI Век*, 2014, № 1–1, с. 20–28.
4. Приказ Минобрнауки России от 25 ноября 2021 г. № 1094 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Омельянович Вадим Васильевич (omeljanovichv@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Санкт-Петербург

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УСТАНОВЛЕНИЯ МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

THE FORENSIC ASPECT OF ESTABLISHING A MOTIVE FOR A CRIME

V. Proshin

Summary. When understanding the motive of a crime as a person's desire to satisfy needs by performing actions to form the circumstances that determine the onset and course of the crime event, there are grounds for identifying the forensic features of the motive force to commit criminal offenses. On the one hand, it is necessary to establish information of a moral and ethical nature that governs the intellectual and volitional decision of a person to admit the possibility, and in some cases even the need, to satisfy the system of formed needs by committing criminally punishable actions. On the other hand, it is necessary to investigate the likelihood of committing criminally punishable acts on the basis of physical survival in conditions of a person's perceived legal insecurity and social injustice. A comprehensive approach to establishing the motive for committing a crime guarantees the most accurate restoration of the forensic model of a crime event.

Keywords: criminal case, motive for committing a crime, circumstances that are subject to mandatory establishment in a criminal case, crime event, a criminally punishable act, forensic evidence, subject of proof, criminal patterns, social injustice, human needs, bringing to criminal responsibility.

Прошин Владимир Михайлович

*Д.ю.н., профессор, Московский государственный
областной университет; адвокат, Московская
коллегия адвокатов «Защита»
advokat.proshin.v.m@gmail.com*

Аннотация. При понимании мотива преступления как стремления лица к удовлетворению потребностей путём совершения действий по формированию обстоятельств, обуславливающих наступление и протекание события преступления, есть основания для выделения криминалистических особенностей побуждающей силы мотива к совершению уголовно наказуемых действий. С одной стороны, необходимо установить сведения морально-нравственного характера, управляющие интеллектуально-волевым решением лица о допущении возможности, а в некоторых случаях и необходимости, удовлетворения системы сформированных потребностей путём совершения уголовно наказуемых действий. С другой стороны, необходимо исследовать вероятность совершения уголовно наказуемых действий на почве физической выживаемости в условиях осознаваемой лицом правовой незащищённости и социальной несправедливости. Всесторонний подход к установлению мотива совершения преступления гарантирует наиболее точное восстановление криминалистической модели события преступления.

Ключевые слова: уголовное дело, мотив совершения преступления, обстоятельства, подлежащие обязательному установлению по уголовному делу, событие преступления, уголовно наказуемое действие, криминалистическое доказывание, предмет доказывания, криминальные закономерности, социальная несправедливость, потребности человека, привлечение к уголовной ответственности.

По всем расследуемым уголовным делам мотив совершения преступления входит в предмет доказывания по уголовному делу, то есть входит в перечень обстоятельств, подлежащих обязательному установлению (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Под понятием мотива совершения преступления, в большинстве своём, понимаются жизненные обстоятельства динамического побуждения к совершению преступных действий. Поэтому, с нашей точки зрения, обоснованно считать, что мотив преступления — это стремление к удовлетворению физических, социально-психологических и материальных потребностей лица в условиях обстоятельств, действия (бездействия) по формированию которых и составляют уголовно наказуемую сторону события преступления. [1]

Необходимо заметить, что мотив в силу не планируемого и заранее не осознаваемого стечения обстоя-

тельств может является точечным одномоментным актом воздействия на поведение человека, но чаще является функцией обеспечения потребностей человека, а значит является постоянной побуждающей силой векторной направленности его поведенческих действий в социальной среде. При этом следует обратить внимание, что в каждом конкретном случае расследования преступления мотив по своему содержанию устанавливается в конечной фазе его криминального проявления, в качестве которого наиболее часто выступает материальная корысть, ревность, ложно понимаемое честолюбие, конкуренция и т.д.

Но мотив совершения преступления не точечный с точки зрения времени одномоментный акт, а пространственно-временное явление, рождаемое и существующее, в большинстве случаев, на длительном отрезке времени. И в условиях криминальной обстоя-

новки сегодняшнего дня в ходе установления мотива совершения того или иного преступления приходится сталкиваться с двумя криминалистическими особенностями побуждающей силы мотива к совершению уголовно наказуемых действий.

Одна из этих особенностей заключается в том, что в ходе расследования конкретного преступления носителем мотива в форме корысти, зависти, ревности, мести и т.д., в зависимости от вида совершённого преступления, может быть достаточно обширный перечень лиц, прямо или косвенно связанных личными, гражданскими, семейными, финансовыми и другими отношениями с жертвой (потерпевшим) преступления. Но побуждающая сила стремления удовлетворить имеющиеся потребности путём совершения уголовно наказуемых действий нейтрализуется уважением к закону и осознанием необходимости добросовестного пользования правами и свободами в системе общественных отношений, исключающими нарушения прав и интересов других участников этих отношений. И в данном случае перед следствием стоит задача установления лица, морально-нравственный регулятор поведения которого допускает возможность, а в некоторых случаях и необходимость, удовлетворения системы сформированных потребностей путём совершения уголовно наказуемых действий.

Следовательно, криминалистическое доказывание мотива совершения преступления заключается не только в установлении наличия соответствия преступного результата системе потребностей лица, но и в реализации полного процессуального цикла доказывания, связанного со сбором, проверкой и оценкой сведений о морально-нравственной и психологической готовности установленного следствием носителя потребностей удовлетворить их путём совершения преступления.

Другая особенность заключается в возможности циклического воздействия мотива на поведение лица. Если, например, чувство жадности, корысти, ревности и т.д. практически каждый человек может в той или иной степени испытывать, но с учётом морально-нравственных и духовных качеств личности далеко не каждый вышеперечисленные чувства готов превратить в побудительный мотив к совершению преступления. Сила качеств личности, формирующих осторожность, осмотрительность и добросовестность, как критерии осознания рамок законопослушного поведения, снижает сопротивляемость преступному мотиву при наличии определённых жизненных обстоятельств, нивелирующих силу регуляторного воздействия оценочных критериев на сознание их носителя.

Что это за сила влияния, обуславливающая «работу» криминальных закономерностей по формированию со-

бытия преступления? Правоприменительная практика автора настоящей статьи и его коллег даёт основание утверждать, что это — встреча с проявлениями социальной несправедливости как в системе социального распределения, так и в правовых отношениях, связанных с необходимостью беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Лицо в результате невозможности защитить либо восстановить свои нарушенные права сталкивается с проявлением неравноправия своего положения перед законом и судом и, как следствие, с невозможностью полноценно осуществлять гарантированные права и свободы. Сложившаяся жизненная ситуация лишает человека веры в закон и справедливость, обрекая на незаслуженные лишения и потери в ходе его дальнейшей жизни, в большинстве случаев осознаваемой им как лишённой смысла.

Так, например, предприниматель совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьи 176 УК РФ «Незаконное получение кредита». Как установлено следствием, мотивом совершения данного преступления явилось сложившееся тяжёлое финансовое положение предпринимателя, побудившее его на получение кредитных средств банка в условиях отсутствия установленных законом и локальными нормативными документами банка оснований для их получения. Но незадолго до этого предприниматель инвестировал свои и привлечённые средства в обустройство земельного участка, находящегося в его собственности, и в реконструкцию расположенной на этом участке автозаправочной станции. Земельный участок был фактически изъят уполномоченным органом субъекта Российской Федерации для государственных нужд, но процедура изъятия не соблюдена, решение об изъятии не принято, возмещение за изъятое имущество и причинённые таким изъятием убытки собственнику не предоставлено. Суд первой инстанции отказал предпринимателю в иске. Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение суда первой инстанции без изменения.[2]

Длительность судебных разбирательств и отсутствие положительного результата значительно усугубили финансовое положение предпринимателя, от отдельных кредиторов стали поступать угрозы физической расправы ему и членам его семьи. В доверительной беседе с адвокатом предприниматель признался, что, будучи гражданином всегда уважающим и соблюдающим закон, в сложившихся условиях он готов был пойти на многие виды преступлений, позволяющих получить необходимую сумму денег и ослабить сложившийся текущий драматизм в его финансовом положении, и именно осознаваемая безысходность

и несправедливый итог сложившихся жизненных обстоятельств ослабили сдерживающую силу морально-нравственных и духовных свойств от совершения уголовно-наказуемых действий. В последующем судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты, но осознаваемое предпринимателем в течение длительного судебного разбирательства неравноправие перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), отсутствие гарантированности судебной защиты (ст. 46 Конституции РФ), незащищённость права на осуществление предпринимательской деятельности (ст. 34 Конституции РФ) и права частной собственности (ст. 35 Конституции РФ) толкают предпринимателя на внесудебную защиту своих прав способами, выходящими за рамки закона. [3]

В том же ракурсе следующий пример. Гражданин получил на свой банковский счёт заёмные средства не от финансовой организации для оплаты производства дорогостоящей операции члену семьи. Банк, оценивая условия данного перевода, пришёл к выводу о наличии обстоятельств, дающих основание полагать, что операция по счёту клиента является сомнительной в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. В силу этого банк уведомил клиента об установлении комиссии за совершение всех приходных и расходных операций в размере 15% от суммы операции. Денежных средств на проведение операции не хватило. Суд первой инстанции отказал гражданину в иске. Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение суда первой инстанции без изменения. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ

отменила судебные акты нижестоящих судов, но срочная нуждаемость в недостающих денежных средствах и длительность судебных тяжб толкнули гражданина на совершение кражи.

Таким образом, на этапе стечения жизненных обстоятельств, дающем лицу основания для утраты веры в возможность законным путём добиться восстановления нарушенного права, психология, управляющая интеллектуально-волевым поведением лица, формирует почву для рождения источников криминальных закономерностей движения к событию преступления, и на заключительном этапе его формирования сила динамического побуждения к совершению преступления осознаётся как единственно возможная линия поведения в создавшихся условиях жизнедеятельности. То есть мотив совершения преступления формируется не на почве осознаваемой необходимости и возможности удовлетворения материально-духовных и нравственных потребностей путём совершения уголовно наказуемых действий, а на почве необходимости гражданской или даже физической выживаемости в условиях правовой незащищённости и социальной несправедливости.

И в данном случае в целях правильного определения направления криминалистического поиска и установления мотива и, как следствие, совершившего преступления лица, входящих в предмет доказывания, крайне необходимым является восстановление всей череды причинно-следственных обстоятельств, наполняющих содержание социальных, гражданско-правовых, предпринимательских и иных отношений, связанных с формированием и протеканием события преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 24.04.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 64-ФЗ (в редакции от 27.10.2020).
3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учётом поправок от 14.03.2020 № 1-ФЗ).

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

PROBLEMS OF INCREASING EFFICIENCY IN THE IMPLEMENTATION OF ISSUES OF LOCAL IMPORTANCE

S. Tubolev

Summary. This article is devoted to the issues of the effectiveness of the work of local self-government bodies. The paper considers the essence of the implementation of local issues by the population and local self-government bodies, as well as the importance and efficiency of their implementation. Such research methods as: analysis and synthesis of theoretical sources, comparative method, method of analogies, statistical method, expert assessment, systematic approach deduction induction was used in the work.

The results of the study reflect the current issues of law enforcement in this area. Is local self-government beneficial for the Russian Federation from the point of view of economic indicators. The author's indicators of the effectiveness of the work of local self-government bodies in the implementation of issues of local importance are proposed. Statistical data on the implementation of the main issues of local importance are considered. According to the results of the study, we note whether there is a need for local self-government bodies, what are their advantages and disadvantages of their activities.

Keywords: local self-government, local importance, efficiency improvement, indexes of efficiency, legal institutions, efficiency improvement problems, municipal authority, law, democracy, democratic state.

Туболев Сергей Максимович

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
sergeytubolev1998@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам эффективности работы органов местного самоуправления. В работе рассмотрена сущность реализации населением и органами местного самоуправления вопросов местного значения, а также важность и оперативность их реализации. В работе применялись такие методы исследования как: анализ и синтез теоретических источников, сравнительный метод, метод аналогий, статистический метод, экспертная оценка, системный подход дедукция индукция.

Результаты исследования отображают актуальные вопросы правоприменения в данной сфере. Выгодно ли с точки зрения экономических показателей местное самоуправление для Российской Федерации. Предложены авторские показатели эффективности работы органов местного самоуправления при реализации вопросов местного значения. Рассмотрены статистические данные по реализации основных вопросов местного значения. По результатам исследования отметим, существует ли необходимость в органах местного самоуправления, в чем их преимущества и недостатки их деятельности.

Ключевые слова: местное самоуправление, местное значение, показатели эффективности, правовые институты, проблемы повышения эффективности, муниципальная власть, закон, демократия, демократическое государство.

Введение

Актуальность. Эффективность работы по решению вопросов местного значения является одной из основных проблем на местном уровне управления. Существует много исследований, направленных на изучение приоритетных вопросов местного значения, и их роли в системе взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Современная наука занимается исследованием правового и экономического поведения органов местного самоуправления, определяя их эффективность по таким критериям как оптимальность, рентабельность, оперативность и правомерность.

Научная значимость заключается в результатах исследования по работе местного самоуправления, а также внесение предложений для решения основных проблем повышения эффективности в реализации вопросов местного значения.

Методология. В статье были реализованы следующие методы: для теоретической обработки и систематизации информации использовались анализ и синтез, существующих теорий и предложений, направленных на решение проблемы по реализации основных вопросов местного значения. Методы сравнения и аналогии использовались для выделения сути данных проблем. Также применялся статистический метод, который по-

служил базисом в определении экономической целесообразности местного самоуправления. Результаты формировались на основе дедукции, индукции, экспертной оценки.

Цель исследования

рассмотреть проблемы повышения эффективности при реализации вопросов местного значения.

Литературный обзор

При написании данной статьи в качестве источников информации были использованы исследования различных учёных. В работе В.Н. Андриянова и В.В. Трубникова, было определено, что основными критериями эффективности местного самоуправления являются его «генеральные цели», а также практические задачи по обеспечению выполнения основных прав и свобод каждого индивида. Показателями, в свою очередь, являются оценочные средства, которые указывают на уровень интенсивности достижения социальных целей.

В статье А.Ю. Ульянова отмечено, что решение вопросов нуждается в оперативности принятия мер, по их преодолению, так как, они создают помехи в осуществлении местным самоуправлением работы по повышению качества жизни населения. По мнению учёного современное местное самоуправление требует демократизации и совершенствования правовых и финансово-экономических основ.

А.М. Сафронова подробно рассматривает вопросы местного значения как свод предписаний для осуществления продуктивной и упорядоченной работы органов самоуправления, и определяют их полномочия. Состав муниципального имущества и перечень вопросов определено уставами городских округов и внутригородских районов.

Учёные И.В. Бабичев и А.Н. Диденко сформулировали предложения по развитию местного самоуправления в нашем государстве, которые затрагивают такие сферы: налоговая система, изменения в классификации бюджетных расходов. В статье рассмотрены основы государственной политики, координирующих деятельность муниципальных властей.

В работе Н.Р. Черниенко указано, что современное гражданское общество предполагает развитие муниципальной демократии как одного из основных факторов на пути укрепления основ народовластия. Пока не существует конкретных перспектив развития местного самоуправления, которое будет зависеть от степени

решения других вопросов государственного строительства.

Материалы и методы — анализ и синтез теоретических источников, сравнительный метод, метод аналогий, статистический метод, экспертная оценка, системный подход дедукция индукция.

Обсуждение

Недавние конституционные изменения, результатом которых стало закрепление позиции о том, что органы государственной и муниципальной власти являются элементами единой системы публичной власти стали еще одной вехой в развитии местного самоуправления в целом. Фиксирование данного принципа объясняется необходимостью более эффективной работы этих органов в интересах населения РФ.

Безусловно, действующая в настоящее время в стране модель местного самоуправления не является совершенной и не может в должной степени отвечать бросаемым ей вызовам. Именно поэтому повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления в решении вопросов местного самоуправления является одной из ключевых задач нашего государства. Полноценный порядок действий по решению острых проблем на местном уровне мы попытаемся сформулировать в ходе нашего исследования.

Ключевым направлением в вопросе повышения эффективности в решении вопросов местного значения является введение системы оценивания деятельности органов местного самоуправления. В настоящее время необходимо корректировать действующую систему оценивания, в том числе и в части самих критериев оценки. Действующая на сегодняшний день система оценивания включает в себя множество показателей, однако большинство из них не коррелируются друг с другом и не могут дать объективную оценку происходящему. Именно поэтому реально оценить работу органов местного самоуправления довольно сложно. Зачастую положительная динамика специальных критериев оценки не ведет к реальному улучшению положения дел в регионе и не свидетельствует об улучшении жизни населения.

Причина недостаточной эффективности оценивания деятельности органов местного самоуправления заключается в том, что сама по себе эта деятельность трудно измерима и не имеет универсального критерия оценивания. Показатели, по которым можно проводить анализ эффективности, такие как количество проведенных заседаний, количество принятых и отмененных нормативных правовых актов не могут объективно

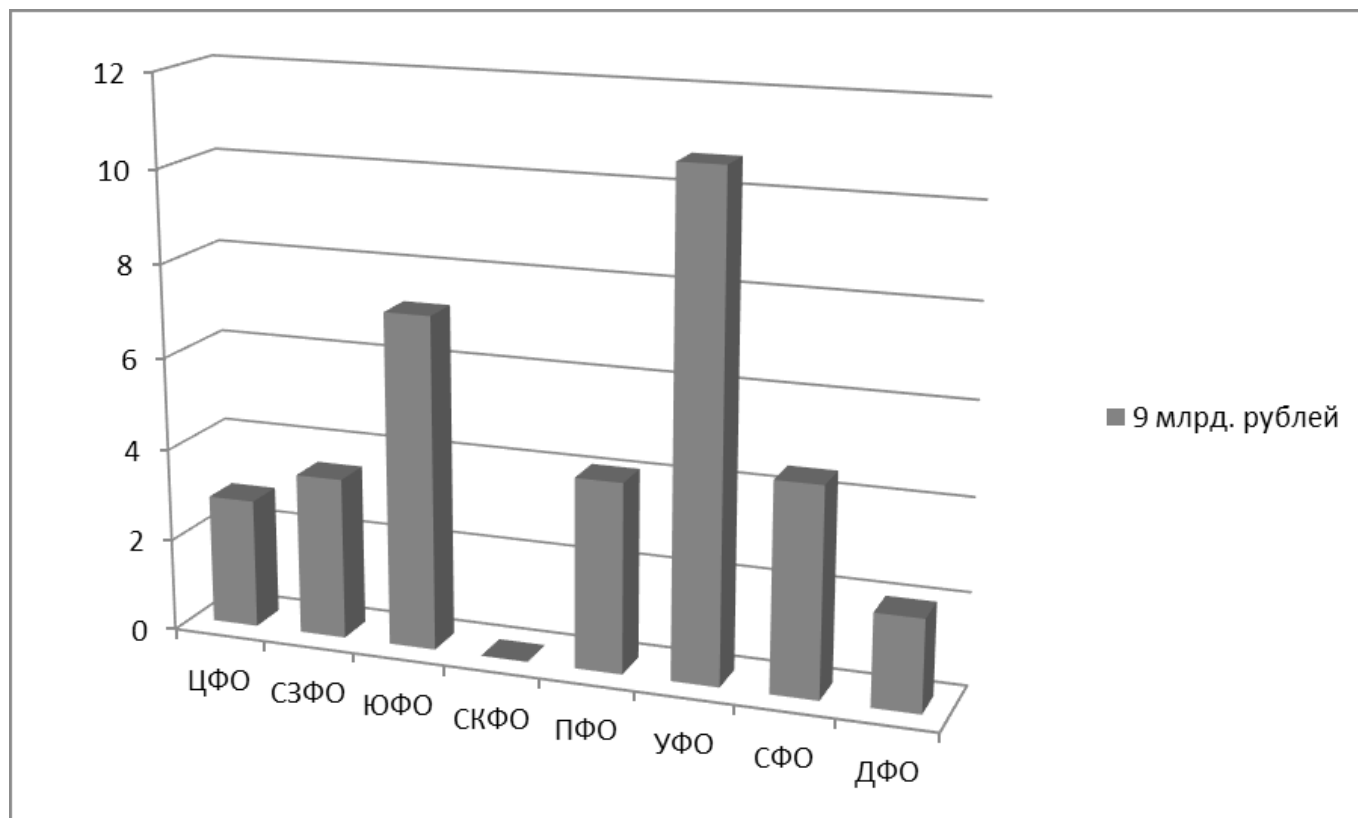

Рис. 1. Показатели профицита местных бюджетов по федеральным округам 2020 г.

свидетельствовать о качественном улучшении работы органов местного самоуправления в конкретном муниципальном образовании. На наш взгляд, более объективным критерием может служить рейтинговая система отчетов депутатов о проделанной работе. Также в эту систему можно включить и отчеты профильных комитетах в крупных муниципальных образованиях.

По мнению автора, такие приоритетные вопросы по развитию местного самоуправления в РФ существуют на данном этапе развития:

- ◆ организация единой системы публичной власти;
- ◆ территориальное развитие местного самоуправления;
- ◆ развитие больших городов и городских агломераций;
- ◆ социально-экономическое развитие инфраструктур;
- ◆ сохранение поселенческого каркаса страны;
- ◆ инфраструктурное развитие геостратегических территорий;
- ◆ установление сбалансированного объема полномочий муниципалитетов;
- ◆ развитие муниципальной демократии;
- ◆ развитие функционирования территориальных и функциональных местных сообществ;

- ◆ разработка новых критериев оценки эффективности;
- ◆ оказание государственных и муниципальных услуг [7, с. 18].

Реализация вопросов местного значения означает обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образования. Такие вопросы решаются органами местного самоуправления или же населением. Вопросы местного значения на данном этапе уже не имеют единой формулировки, сейчас их ряд определяется приоритетными нуждами того или иного округа, города или поселения [5, с. 47].

Доступность информации для различных слоёв населения и местных сообществ должна быть одной из приоритетных задач для органов местного самоуправления. Очевидно, что тщательное изучение эффективности может предоставить ценную информацию и устранить как можно больше погрешностей.

Современный институт местного самоуправления предполагает широкое участие местного сообщества и как следствие эффективное взаимодействие граждан с органами местного самоуправления. Успешность данного взаимодействия зависит от уровня участия мест-

Рис. 2. Распределение собственных доходов муниципальных бюджетов по видам муниципальных образований в 2020 г.

ного сообщества в процесс управления муниципальным образованием.

Некоторые авторы считают, что одним из главных направлений, осуществляемых муниципальными образованиями, можно отметить осознанную необходимость снижения налоговой нагрузки для представителей бизнеса, и всех некоммерческих организаций и самозанятых. Данное решение осуществляется с учётом оптимальности и незначительности потерь для местных бюджетов [4, с. 302].

На рисунке 1 наблюдаем экономические показатели местных бюджетов по федеральным округам в Российской Федерации. Нам удалось установить тот факт, что уровень доходов местных бюджетов за последние годы превышает уровень расходов во всех федеральных округах. Уральский Федеральный округ показал в 2020 уверенный рост и достиг показателя в 10.7 млрд. рублей.

Данные статистики представленные ниже (рисунок 2) показывают, что собственные доходы местных бюджетов, направленные на решения вопросов местного значения, увеличились в 2020. Проанализировав статистику, пришли к выводу о том, что только городские округа смогут самостоятельно обеспечить реализацию вопросов местного значения. Рост собственных до-

ходов городских округов произошел только благодаря увеличению поступлений по налоговым доходам, объемов дотаций на 56,5%, субсидий на 8,7%, а также иных межбюджетных трансфертов на 17,4%. Оставшиеся виды муниципальных образований показали менее уверенный рост собственных доходов. Городские поселения в 2020 году показали свою экономическую несостоятельность по решению вопросов местного значения (4.7%).

Одной из главных проблем эффективности является сложности в точном определении положения какого-либо региона, динамики его развития является сложной задачей. Критериями оценки работы местного самоуправления можно выделить следующие:

- ◆ количество проведенных заседаний;
- ◆ количество принятых и отмененных нормативных правовых актов;
- ◆ эффективность исполнения депутатских запросов.

На современном этапе актуально применять такой подход как индикативный. Для оценивания эффективности системы местного самоуправления практикуется метод расчёта частного и обобщенного критерия. Важно правильно определить субъект и объект, а далее уже определить допустимые и оптимальные способы оценки. Так, следующим эффективным показателем успеш-

ности работы органов муниципального образования выступает оценка их деятельности самим населением. Такая оценка должна проводиться путем независимых социологических исследований. Для удобства граждан ее можно проводить в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на едином портале «Госуслуги», путем балльного оценивания работы органов местного самоуправления по вопросам местного значения. Оценка населением деятельности органов местного самоуправления формируется исходя из качества предоставляемых муниципальных услуг в различных сферах, а также из оценки различных аспектов деятельности должностных лиц муниципальных образований. Вместе с тем наряду с нежеланием публиковать результаты проведенных опросов на официальных сайтах органов местного самоуправления отмечается также снижение уровня репрезентативности проводимых социологических исследований с применением IT-технологий [6, с. 4].

При определении критериев эффективности реализации вопросов местного значения, стоит опираться на основные факторы демократического государства. Для каждого города, округа круг основных вопросов может отличаться, так как, к примеру, ряд проблем сельского поселения и города имеет свою специфику.

Показатели эффективности местного самоуправления трактуются как оценочные средства определения того, насколько местное самоуправление справляется со своими задачами. Для этого применим комплексный подход, а также получение качественных и количественных результатов мониторинга.

Все эти показатели являются неточными и имеют много погрешностей, например, большое количество проведенных заседаний ещё не гарантирует повышения уровня жизни в регионе и преодоление его основных проблем. Большую роль играет человеческий фактор, который иногда бывает решающим и оказывает сильное влияние, даже те моменты, которые априори должны остаться объективными.

Для проверки работы органа местной власти используется система рейтингов депутатов и профильных комитетов, а также иногда используются данные социологических опросов. Каждый год оценивается деятельность всех контрольно-счетных органов.

Например, в Республике Крым социологический опрос проводился с помощью IT-технологий для оценки эффективности работы местного правительства. Результаты данного социологического опроса, проведенных в 2020 году, указывает, что показатель стал выше значения показателя за 2019 год на 6,51%

Для осуществления работы по повышению благоустройства населения на 2021 год были запланировано выполнение таких задач:

- ◆ благоустройство территорий сельских поселений;
- ◆ произвести модернизацию транспортной системы;
- ◆ упростить поступление детей в дошкольные образовательные учреждения, путём регулирования очередности;
- ◆ повышение качества предоставляемых услуг;
- ◆ содействие функционированию малого бизнеса.

В связи с неточностью критериев оценки эффективности, появилась потребность в пересмотре и поиске более чётких критериев, которые будут более простыми и понятными обществу. Достижение данных показателей, прежде всего, зависит от степени их выполняемости. Одним из важнейших критериев эффективности можно назвать уровень исполнительности. Ненадлежащее предоставление основных услуг замедляет развитие данного региона и нуждается в принятии соответствующих мер [1, с. 140].

Цели повышения результативности возможно достигнуть путём формирования единого открытого реестра, где будут представлены отчёты и результаты мониторинга по контролю за работой местной власти. За последние два года ситуация обострилась из-за возникших форс-мажорных обстоятельств, вызванных пандемией.

Для повышения эффективности необходимо изначально установить роль населения. Важно учитывать тот факт, что наше государство согласно Конституции, является демократическим, и значит, что необходимо опираться на волю граждан. Автор отмечает, что последние изменения в Конституции РФ должны способствовать усилению значимости местного самоуправления и их места в общей системе власти [3, с. 7].

Для оценки эффективности реализации вопросов местного значения можно предложить следующие критерии, которые также определяют основные цели и задачи работы. Для этого необходимо проводить мониторинг и вести на его основе статистику следующего реагирования:

- ◆ количество поданных исков против злоупотребления служебным положением, а также невыполнение своих полномочий;
- ◆ уровень удовлетворения граждан работой органов местного самоуправления;
- ◆ оперативность решения приоритетных вопросов;
- ◆ степень приобщения населения муниципальных образований в решении вопросов местного значения;
- ◆ приоритетность тех или иных вопросов местного значения;

- ♦ оптимальность и целесообразность принятых решений по реализации вопросов местного значения.

Заключение

Современное местное самоуправление нуждается в совершенствовании правовых и финансово-экономических основ. Несомненно, институт местного самоуправления в Российской Федерации должен быть максимально открыт, что должно выражаться в реальной конкуренции на замещение должностей в органах местного самоуправления, ответственности органов местного самоуправления перед населением, а также в обязательной сменяемости глав муниципального образования. К сожалению, уставы многих муниципальных образований позволяют лицу замещать должность главы муниципального образования неограниченное число сроков. На наш взгляд, для повышения уровня демократизации института местного самоуправления, стоит предусмотреть в федеральном законодательстве число сроков, которое может замещать лицо на должности главы муниципального образования. Недостаток политической конкуренции на местном уровне возможно решить с помощью обеспечения сменяемости глав муниципалитетов для поиска наиболее эффективных моделей развития.

Существенную роль играют трудности с подготовкой и выбором квалифицированных кадров для работы в муниципалитете, поэтому стоит уделить должное внимание компетентности муниципальных служащих и глав муниципальных образований. В регионах слабо развита система критериев выбора компетентных кадров. Человеческий фактор также влияет на реализацию основных вопросов местного значения. Это безусловно затрагивает и кадровую проблему, которая является причиной ненадлежащего выполнения своих полномочий, использование служебного положения в личных целях.

Проблема финансирования и распределения бюджетных средств являлась одной из основных. Однако, опираясь на статистические данные за 2020 год уровень дохода в регионах за последний год возрос, увеличилось так же количество профицитных бюджетов муниципальных образований.

Проблемы, представленные в статье, требуют незамедлительного решения, так как только решив их — качество осуществления органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения выйдет на новый уровень. А это, несомненно, отразится на качестве жизни населения муниципального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриянов В.Н., Трубников В.В. Эффективность местного самоуправления: критерии и показатели // Известия Иркутской государственной экономической академии. — Иркутск: Байкальский государственный университет, 2012. — № 2. — С. 139–142
2. Бабичев И.В., Диденко А.Н. Местное самоуправление сегодня и в среднесрочной перспективе // Местное право. — М., 2020. — № 4. — С. 3–28
3. Гамидов С.С. Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России // Управление. — М.: Государственный университет управления, 2019. — № 2. — С. 5–10
4. Овакимян М.А. Развитие местного самоуправления в Ростовской области: повышение эффективности действующих механизмов участия населения в решении вопросов местного значения // Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: участие органов местного самоуправления в реализации национальных проектов / Монография / под ред. К.А. Ивановой. — М.: Изд-во «Прспект», 2020—456 с.
5. Сафронова А.М. Организационно-правовые основы местного самоуправления в Российской Федерации: учеб. пособие / А.М. Сафронова; [науч. ред. Л.Н. Мазур]; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 139 с.
6. Ульянов А.Ю. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: проблемы и вызовы // Государственная власть и местное самоуправление. — Томск, 2021. — № 6. — С. 25–29
7. Черниенко Н.Р. Социальные факторы повышения эффективности местного самоуправления // Вестник Адыгейского государственного университета. — Майкоп: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Адыгейский государственный университет», 2017. — № 4. — С. 17–23

© Туболев Сергей Максимович (sergeytubolev1998@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

RESERVES FOR IMPROVING THE QUALITY OF SERVICE AND EFFICIENCY OF BUDGET SPENDING. FOREIGN EXPERIENCE

**L. Belousov
A. Khaitova
Yu. Mitin**

Summary. The article discusses the practice of organizing the provision of social services in the regions of Russia; The types of social service providers historically established in the regions of the country; The provisions and instruments laid down in the federal legislation, which allow improving the quality of services and the efficiency of spending public resources; The peculiarities of the formation of regional systems of social services are described.

Furthermore, article goes into listing ways to limit the access of non-state providers to the social services market; Distinctive features of foreign structures of social service delivery; Approaches to the formation of foreign markets of social services and methods of management of social service providers by regional authorities; Recommendations for improving Russian legislation in the social sphere and options for introducing innovative solutions in the country in this area of work.

In conclusion, the article identifies the ways of improving the reporting system of non-profit organizations through availability of the information to consumers of social services.

Keywords: social state, social sphere, social service providers, achieving economic welfare, social service market, foreign experience.

Белосов Леонид Валентинович

Соискатель, ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»
18412004@mail.ru

Хаитова Александрина Иосифовна

Соискатель, ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»
ya.haitova@yandex.ru

Митин Юрий Дмитриевич

Соискатель, ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»
mitinyura@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается практика организации оказания социальных услуг в регионах России. Описаны исторически сложившиеся в регионах страны типы поставщиков социальных услуг. Перечислены положения и заложенные в федеральном законодательстве инструменты, позволяющие повысить качество услуг и эффективность расходования государственных ресурсов. Описаны особенности формирования региональных систем социального обслуживания.

Перечислены способы ограничения доступа негосударственных поставщиков на рынок социальных услуг. Сформулированы отличительные черты зарубежных структур оказания социальных услуг. Приведены подходы к формированию зарубежных рынков социальных услуг и приемы управления поставщиками социальных услуг со стороны региональных властей. Сформулированы рекомендации по совершенствованию российского законодательства в социальной сфере и изложены варианты внедрения в стране инновационных решений на этом направлении работы.

Определены эффективные способы совершенствования системы отчетности некоммерческих организаций через информационную открытость для потребителей социальных услуг.

Ключевые слова: социальное государство, социальная сфера, поставщики социальных услуг, достижение экономического блага, рынок социальных услуг, зарубежный опыт.

Социальная сфера в России — одно из основных активно развивающихся, актуальных, а также критикуемых направлений. Стремясь к благим целям, законодатель предпринимает различные меры — устанавливает дополнительные меры обеспечения социально незащищенных слоев населения, проводит дополнительные меры для устранения нарушений, предпринимает попытки контроля за деятельностью НКО, устанавливает новую форму расчета страховых пенсий, обновляет систему досрочных пенсионных выплат путем внедрения специальной оценки условий труда, предпринимает меры по борьбе с безработицей, повышает пенсионный возраст, тем самым создавая значительный резонанс в данной сфере.

Согласно Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, наше государство перешло на путь социального развития, главная задача которого — достижение такого уровня общественного развития, которое позволит обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека. Социальное государство призвано помогать слабым, распределять экономические блага исходя из принципа справедливости для обеспечения каждому достойного человеческого существования.

Впервые словосочетание «социальное государство» нашло свое отражение в Основном Законе Федеративной Республики Германия 1949 года, что означало активное устремление государства гарантировать обеспечение достойного уровня жизни, а также удовлетворения базовых потребностей всех слоев общества согласно существующим стандартам. На сегодняшний день оно широко применяется в конституционном регулировании большого количества стран: Франция, Испания, Турция, Венесуэла, Украина, Перу, и ряд других стран провозгласили себя социальными государствами, возложив на себя обязательства по обеспечению достойного уровня жизни населения.

Социальное государство призвано помогать слабым, распределять экономические блага, исходя из принципа справедливости для обеспечения каждому достойного человеческого существования. Так или иначе, в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, утвержден минимальный размер оплаты труда, эволюционирует система социальных служб, и иные институты социальной защиты.

Человеческое сообщество уже успело осознать, что становление социального государства — процесс довольно сложный и многоэтапный. Как и в любом другом типе государств, социальное государство имеет свои изъяны, от которых нужно стремиться избавляться.

Международным Пактом об экономических, социальных и культурных правах, принятым ООН в 1966 г., закреплено право каждого на социальное обеспечение. Также важно сказать про Конвенцию МОТ № 102 о минимальных нормах социального обеспечения, которая в РФ только 1 января 2019 года вступила в действие.

Обеспечение жизни человека, обозначение пределов ее качества переходят из сферы личного в сферу публичного, и соответственно в социальную обязанность нашей страны.

Функционирующая система социального обеспечения должна опираться на совершенное законодательство, действенный механизм управления этой отраслью социальной сферы, а также на общеэкономические пропорции, определяющие и задающие ее развитие.

Именно уровень социального обеспечения населения в значительной мере определяет образ жизни людей, их участие в экономической деятельности, что накладывает особую ответственность государственных органов (в том числе и законодательных) за принимаемые решения.

Представляется, что тезис о всеобщности социального обеспечения в настоящее время не является бесспорным. Компенсируя социальный риск в виде социальной помощи, установление различных пособий, других социальных выплат осуществляется прежде всего в призме принятия основных принципов права. В научной доктрине права социального обеспечения на первый план выходят следующие принципы такие как: всеобщность социального обеспечения, обеспечение не только граждан, но и их семей; установление определенных рамок социального обеспечения, гарантирующих достойный уровень жизни человека, различные основания и виды социального обеспечения и многие другие.

Сегодня участие социально ориентированных некоммерческих организаций (далее по тексту — СО НКО) в осуществлении социальной политики государства является важным элементом социально-экономического развития и стабильности российского общества.

Проблема доступа к объему работ, прозрачности, открытости, конкуренции СО НКО с государственными центрами оказания социальных услуг является актуальной, так как такие организации получают гранты (субсидии на конкурсной основе) для осуществления общественно полезной деятельности, финансируются государством.

Обеспечение открытости деятельности государственного сектора социальной защиты и социального

обслуживания является важной задачей нашего государства. В сфере социальной работы конкуренция играет особую роль, так как позволяет гражданину иметь выбор при определении компании, оказывающей качественную социальную помощь, что в свою очередь снижает вероятность получения удаленных от места жительства, несвоевременных или некачественных услуг.

I. Сложившаяся система социального обслуживания до вступления в силу 442-ФЗ

До вступления в силу закона 442-ФЗ в России уже имелась сложившаяся система социального обслуживания. Она основывалась на следующих правилах:

- ◆ весь объем государственного финансирования для оказания социальных услуг гражданам в рамках государственного заказа направлялся поставщикам социальных услуг, учрежденным исполнительными органами власти (государственные поставщики социальных услуг);
- ◆ госзаказ этим организациям и отчетность по нему устанавливались в натуральных единицах (количество услуг, мероприятий, количество охваченных человек и т.д.);
- ◆ управление этими поставщиками социальных услуг осуществлялось административно — командными методами.

Региональная власть стремилась «оптимизировать» управление государственными поставщиками, сделав их комплексными, и закрепить за отдельной организацией оказание услуг в конкретном административном районе региона. В результате этих действий в административных районах каждого региона повсеместно возникли монополисты — государственные комплексные центры социального обслуживания.

В крупных городах или их пригородах создавалось ограниченное количество специализированных поставщиков для оказания услуг в стационарной или полустационарной форме обслуживания.

Специфической, присущей для России, чертой является создание региональными властями, так называемых «образцово-показательных» поставщиков социальных услуг. Они характеризуются набором дополнительных услуг, в том числе платных. Для руководителей региона такие центры служили «витриной» региональной системы социального обслуживания. Некоторые из них назывались «пилотными проектами», оставаясь многие годы единственными в регионе. Доступность услуг таких поставщиков крайне затруднительна большинству нуждающихся. На обслуживание к этим поставщикам граждане могли попасть в порядке

очереди (срок ожидания исчислялся обычно месяцами или даже годами). Продолжительность обслуживания в таких центрах реабилитационного характера ограничивалось для человека несколькими неделями. Большого позволить было нельзя — очередь нуждающихся была велика.

Экономистам известно и практика подтверждает, что «комплексный» или «образцово-показательный» характер поставщика услуг обуславливает наличие в его штатном расписании значительного количества людей, которые не занимаются непосредственно оказанием социальных услуг. Сегодня большинство таких поставщиков продолжают оказывать социальные услуги в регионах страны. В этом можно убедиться, если сегодня в региональных реестрах поставщиков социальных услуг найти соответствующих поставщиков. В штатных расписаниях мы увидим значительное количество управленческих должностей, различного рода методистов, а также буфетчиков, кладовщиков, водителей автомобилей и прочего персонала, относящегося к категории вспомогательного. Фонд оплаты труда этих работников относится к косвенным расходам. В структуре затрат таких организаций косвенные расходы имеют значительную величину.

Социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) имели возможность получать на оказание общественно полезных услуг финансовую и имущественную поддержку из бюджета и других источников в соответствии с законом № 7-ФЗ. Коммерческие организации оказывали платные социальные услуги. В таких организациях доля вспомогательного персонала, как правило, значительно меньше, чем у государственных поставщиков социальных услуг. Среди СО НКО так же имелись организации, выделенных региональными властями в категорию «образцово-показательных». Штатные расписания таких СО НКО тоже содержат громоздкую структуры управленцев и вспомогательного персонала. Финансовая отчетность таких СО НКО, как правило, отсутствует в свободном доступе, либо сообщается в усеченном объеме.

II. Система социального обслуживания после вступления в силу 442-ФЗ

Вступивший в силу в 2015 году федеральный закон № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» внес в систему социального обслуживания важные принципы, понятия и организационные инструменты. К таковым следует отнести:

- ◆ наделение органов субъекта РФ полномочиями по разработке и реализации мероприятий по формированию и развитию рынка социаль-

ных услуг, в том числе по развитию негосударственных организаций социального обслуживания;

- ◆ формирование тарифов на основании подушевых нормативов финансирования социальных услуг;
- ◆ индивидуальные программы предоставления социальных услуг;
- ◆ принцип приближенности поставщика социальных услуг к месту жительства получателей;
- ◆ право получателей на выбор поставщиков социальных услуг (это предполагает наличие конкурентного рынка социальных услуг);

Закон № 442-ФЗ вступил в силу в 2015 году. Все необходимые нормативно-правовые акты (НПА) в развитие этого закона были своевременно созданы. Прошло достаточно времени, чтобы можно было оценить ситуацию с социальным обслуживанием в стране. Можно утверждать, что качественно ситуация с организацией социального обслуживания граждан в РФ мало чем изменилась, по сравнению с 90-ми годами 20-го столетия. Это выражается в том, что:

1. **Монопольными исполнителями госзаказа продолжают быть поставщики, учрежденные местными органами власти.** Известно, что монополия — это всегда неэффективные денежные расходы и низкое качество обслуживания. Если монопольное положение занимает государственный поставщик, то это неэффективно вдвойне. Жалобы получателей услуг на обслуживание со стороны государственного поставщика услуг не находят объективного рассмотрения. Все государственные органы в подавляющем большинстве случаев переправляют жалобу тому, на кого пожаловались или встают на его сторону;
2. **Отчетность государственных поставщиков, по объемам оказанных услуг, осуществляется в натуральных показателях (количество услуг).** Невозможно определить, каковы расходы государства в рублях на конкретного получателя услуг или определенную категорию получателей услуг. Государственное финансирование выделяется не на обслуживание конкретного поставщика или категорию получателей услуг, а на финансирование организации — поставщика социальных услуг, в соответствии с ранее утвержденной сметой.
3. **Учет объема оказанных услуг в стоимостном выражении ведется только у негосударственных поставщиков социальных услуг, работающих по закону № 442-ФЗ.**

Видно, каковы расходы государства на оказание услуг по каждому получателю социальных услуг или их

группе. Инструментами для этого являются индивидуальные программы предоставления социальных услуг (ИППСУ) и подушевые нормативы финансирования социальных услуг. В реестрах поставщиков социальных услуг доля негосударственных поставщиков может достигать заметного значения. Однако, по экспертным оценкам, порядка 99% бюджета, предусмотренного на финансирование оказания социальных услуг, выплачивается не в соответствии с подушевыми нормативами финансирования, а государственным поставщикам в соответствии бюджетным законодательством, либо негосударственным поставщикам целевыми субсидиями или грантами.

Переход в регионах на работу по закону «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» от 13.07.2020 N189-ФЗ показал, что разница в уровне накладных расходов государственных и негосударственных поставщиков социальных услуг сегодня является серьезным препятствием для формирования региональными властями конкурентного рынка. Проблема заключается в установлении оптимальной величины единых нормативов финансирования социальных услуг, оказываемых поставщиками с различной организационно-правовой формой собственности. Конкурентный рынок подразумевает равные субсидии за одинаковый объем услуг. Установление тарифов с учетом фактических издержек государственных поставщиков услуг приведет к получению негосударственными поставщиками неоправданно большой прибыли. Установление тарифов на уровне фактических издержек негосударственных поставщиков приведет к недофинансированию государственных поставщиков, фактические издержки которых высоки. Так как основной объем получателей услуг обслуживают эти поставщики, то просто обанкротить их не получится. Пострадают получатели услуг. Это объективно существующая проблема управления рынком социальных услуг в регионах страны. Есть разные варианты решения этой проблемы. Вопрос только в принятии правильных управленческих решений.

III. Существующие барьеры для негосударственных поставщиков социальных услуг в РФ

Основные барьеры для вхождения негосударственных поставщиков социальных услуг на рынок социальных услуг:

1. Нежелание региональных властей использовать при планировании, организации и отчетности общепринятые во всем мире повременные подушевые нормативы финансирования социальных услуг.

В реальной жизни, если случится такая ситуация, мы все с Вами будем оплачивать труд сиделки по отработанным часам, а не за каждую оказанную услугу (одевание, раздевание клиента, кормление, поход в аптеку и прочее). Мы будем платить сиделке почасовую оплату и ожидать, что в оплачиваемые нами часы сиделка будет выполнять ту работу, которую ожидает от нее клиент (или его опекун). Услуги репетиторов, в реальной жизни, мы все оплачиваем по почасовым тарифам. Однако во всех регионах России власти устанавливают подушевые нормативы финансирования социальных услуг в формате тариф за единицу одной услуги. Количество тарифов совпадает с количеством услуг. Они исчисляются несколькими сотнями. Способов объективного контроля количества оказанных услуг не существует. Это позволяет использовать на всех уровнях приписки для формирования «правильной» отчетности. Отчетность по госзаказу государственных поставщиков предусматривает отчетность только количеством услуг.

2. Формирование в регионах экономически необоснованных (заниженных) подушевых нормативов финансирования негосударственных поставщиков социальных услуг.

Постановлением Правительства РФ от 01.12.2014 за № 1285 утверждены «Методические рекомендации по расчетам подушевых нормативов финансирования социальных услуг»

Пункт 4 гласит:

«4. Подушевые нормативы финансирования определяются исходя из прямых и косвенных расходов на предоставление социальных услуг за период (не менее одного года), предшествующий расчетному, с применением индекса роста цен (тарифов) на соответствующие товары и услуги.»

Региональные документы утверждают, что тарифы сформированы в соответствии с этими рекомендациями.

Пример с тарифом на подстригание ногтей на руках в Свердловской обл. Стандарт определяет длительность услуги до 40 минут. Тариф составляет, в соответствии с тем же стандартом, 3 рубля 66 копеек (открытая информация государственных органов Свердловской области). Тариф не является экономически обоснованным. Но продолжает действовать с 2015 года. Аналогичная картина с тарифами видна при изучении соответствующих нормативно-правовых актов (НПА) на сайтах регионов, практически, по всем видам услуг. При этом разница в некоторых тарифах между регионами может составлять десятки раз.

Прямые и косвенные затраты на оказание одной и той же услуги в регионах не могут отличаться в десятки раз. Значит и тарифы не должны иметь такой разницы.

3. Создание бюрократических барьеров и усложненная форма отчетности негосударственных поставщиков социальных услуг для получения субсидий. Задержки с выплатами субсидий. Большой объем отчетности.

Отсутствие повременных нормативов значительно усложняет отчетность в первую очередь негосударственных поставщиков социальных услуг. И это понятно, в отчетах идет речь о суммах компенсации в рублях. Каждая услуга имеет свой тариф.

4. Издание региональных НПА, дискриминирующих негосударственных поставщиков социальных услуг в интересах одного поставщика услуг на рынке социальных услуг/

С целью повышения в реестре поставщиков социальных услуг доли СО НКО региональные власти преобразуют часть государственных поставщиков социальных услуг в автономные некоммерческие организации. Не имея возможности компенсировать полностью расходы таким СО НКО субсидиями по установленным в регионе необоснованно низким тарифам региональные власти создают нормативно-правовые акты (НПА), которые позволяют дополнительно к субсидиям по 442-ФЗ финансировать эти организации через субсидии, распределяемые на конкурсной основе. При этом победитель определяется по показателям, которые позволяют всегда предсказать победителя конкурса заранее. Есть случаи определения получателя гранта по стажу лет работы в социальной сфере руководителя НКО. Победитель имеет дополнительное финансирование из бюджета.

IV. Отсутствие должного контроля за информационной открытостью поставщиков социальных услуг. Совершенствование реализации принципов открытости и доступности информации (информационной открытости) в отношении социально ориентированных некоммерческих организаций в России

На сегодняшний день Федеральный закон от 12.01.1996 N7-ФЗ «О некоммерческих организациях», непосредственно связанный с регулированием вопросов в социальной сфере общества, не содержит требований к поставщикам социальных услуг об их информационной открытости, в отличие от Федерально-

го закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

По результатам проведенного исследования выявилась необходимость внести изменения в федеральный закон «О некоммерческих организациях», которыми будут детализированы требования об информационной открытости поставщиков социальных услуг, получающих финансирование за счет бюджетных средств государства.

Закрепление на законодательном уровне соответствующих положений повысит прозрачность деятельности поставщиков социальных услуг; повысит дисциплину поставщиков социальных услуг в части качества обслуживания населения и отчетности перед населением и контролирующими организациями; облегчит федеральным органам власти контроль выполнения федерального законодательства в регионах через удаленный доступ к ключевым контролируемым параметрам поставщиков социальных услуг; повысит доверие населения к органам власти федерального, регионального и местного уровней.

Обеспечение информационной открытости деятельности государственного сектора социальной защиты и социального обслуживания является важной задачей нашего государства. В сфере социальной работы информационная открытость играет особую роль, так как позволяет гражданину иметь полную и достоверную информацию о субъектах и видах социальной помощи, что в свою очередь снижает вероятность получения несвоевременных или некачественных услуг.

V. Особенности социального обслуживания граждан за рубежом

К моменту вступления РФ в силу 442-ФЗ в России, за рубежом имелись сложившиеся системы социального обслуживания. Основными инструментами регулирования рынка социальных услуг в развитых странах являются те же инструменты, которые присутствуют в законе № 442-ФЗ:

1. Разработка и реализация мероприятий по формированию и развитию рынка социальных услуг, в том числе по развитию негосударственных организаций социального обслуживания.

За рубежом, так же, как и в РФ, полномочия по организации системы социального обслуживания имеют региональные власти. В США это реализуется на уровне штатов. В стране существуют еще и федеральные программы в области социального обслуживания населе-

ния. Их реализация на региональном уровне осуществляется во взаимодействии с региональными властями.

Так же, как и в России, в США есть неравномерность в уровне экономического развития штатов. Так штаты с высоким уровнем ВВП, как правило, имеют лучшее финансирование социальных программ. Наибольшее ВВП среди штатов в США имеют штаты Калифорния, Техас и Нью Йорк. Размер бюджета штата и сумма, выделяемая на социальные программы, зависят не только от ВВП штата, но и от того, какая партия находится в штате у власти и соответственно формирует бюджет и социальные программы регионального уровня. Штаты Калифорния и Нью Йорк имеют более развернутые социальные программы с лучшим финансированием, чем республиканский штат Техас. Справедливости ради следует отметить, что выбранная республиканцами в штате Техас экономическая политика привлекательна для бизнеса и граждан. Экономические показатели у штата Техас стабильно, одни из лучших в США (рост и размер ВВП, низкая безработица).

Таков сегодня политический выбор жителей этих штатов.

В США около 67% поставщиков социальных услуг — коммерческие организации, 26,1% — социально ориентированные НКО. 6,8% прочие, в том числе государственные. СО НКО и коммерческие поставщики социальных услуг успешно дополняют друг друга. Региональные власти выступают, как регулятор рынка социальных услуг и как заказчик, при финансировании социальных услуг по государственным программам.

Зарубежный опыт показывает, что в развитых странах лидерство среди поставщиков социальных услуг принадлежит коммерческим структурам. Статистика по США подтверждает это. Основные объемы социальных услуг оказывают высоко специализированные коммерческие организации. Некоммерческие организации на рынке социальных услуг за рубежом присутствуют в определенных, мало конкурентных, сегментах. Следует понимать, что такое положение сложилось не случайно.

VI. Формирование тарифов на основании подушевых нормативов финансирования социальных услуг. Повременной характер нормативов финансирования

К тарифам и фактическому времени обслуживания отношение за рубежом самое серьезное. Если проанализировать составляющие прямых и косвенных затрат по тем социальным услугам, которые оказывают со-

циальные работники, к примеру, на дому, то нетрудно убедиться, что единственной переменной величиной является время оказания социальной услуги. Остальные, составляющие издержек, можно принять константой для всего перечня услуг. Эта константа и является повременным тарифом.

Для других форм социального обслуживания методика определения тарифа, по большому счету, аналогичная.

При организации в регионах социального обслуживания применение повременных тарифов позволяет на более высоком уровне обеспечивать все управленческие функции «планирование», «организация», «мотивация» и «контроль»:

- ◆ упрощается адресное планирование и контроль расходов регионального бюджета на соц. обслуживание по видам услуг и по группам их получателей (регистр получателей услуг есть, тарифы установить в формате \$ (руб)/час). Количество денег из бюджета, количество времени обслуживания и количество социальных работников — расчетные величины;
- ◆ упрощается адресное регулирование привлекательности работы на рынке социальных услуг. Тарифы влияют на приток трудовых ресурсов и частных инвестиций в создание поставщиков
- ◆ проще провести сравнительную оценку эффективности действий региональных властей в социальной сфере.

Перечень преимуществ можно продолжать.

Тарификация оказания услуг в социальной сфере подразумевает тщательный подход к установлению тарифа, но и предусматривает установление различного уровня доплат. Примером может служить сводная таблица тарифов и надбавок при оказании медицинских и социальных услуг поставщикам услуг, которые задействованы в штате Нью Йорк в Программе раннего вмешательства (Early Intervention Program) — смотреть таблицу № 1. Программа предусматривает оказание услуг по социализации детям с отклонениями в развитии возраста от 1 года до 3-х лет.

Таблица размещена на сайте правительства штата Нью Йорк. В таблице «Early Intervention Service Rate 2011» указаны тарифы и наценки к ним, при оказании услуг поставщиками медицинских и социальных услуг по Программе раннего вмешательства. Не будем вдаваться в детальное рассмотрение всех тарифов и надбавок к ним. Отметим, что количество тарифов и надбавок к ним, только по одной этой программе, в общей сложности около одной тысячи.

Тарифы и надбавки к ним установлены в штате Нью Йорк в зависимости от административного района (county- графство) и от того какой специалист оказывает услуги, кому (детям или детям и родителям), где (в офисе или выезжает на дом) и какой характер услуг оказывает. Надбавки предусмотрены за владение иностранным языком, за групповые занятия и за обучение родителей или опекунов приемам социализации их детей.

В качестве конкретного примера, из таблицы видно, что государство оплачивает в Нью Йорке организации за работу его специалиста по социализации детей с РАС по базовой ставке \$100/час. Зарплата специалистов, при этом, составляет от \$55 до 65/час (эти цифры получены непосредственно от специалиста) Такой высокий уровень зарплат обусловлен тем, что в штате Нью Йорк лицензия на этот вид трудовой деятельности выдается человеку, имеющему квалификацию, магистр по специальности special aducation.

Важно отметить, что тарифы не указывают конкретные действия, которые оказывает специалист в отведенное время (такие как — консультирование, коррекция, тренинг и прочее). В регионах России эти действия выделяют, как отдельные услуги. Конкретное наполнение того, чем занимается специалист с получателем услуг в оплачиваемое время оставлено на усмотрение специалиста, а содержание изложено в соответствующих методиках, составленных специалистами по социализации ребенка.

Дифференцирование в штате Нью Йорк тарифов на обслуживание пожилых людей на дому выполнено с указанием того, какова должна быть минимальная заработная плата социального работника и какова надбавка для работодателя — смотреть таблицу № 2.

Дифференцирование почасовой ставки осуществлено правительством штата в зависимости от места оказания услуг (графства или города) и от количества работников в компании.

Почасовая ставка для компании, имеющей численность работников более 11 человек, обслуживающей получателя услуг в городе Нью Йорк, установлена на уровне \$19,09 за час обслуживания получателя услуг (данные на 2018–2019 годы). Из этой суммы минимум \$15 должно быть заплачено социальному работнику в виде его зарплаты. Чтобы быть успешным, поставщик социальных услуг должен выполнять все требования, предъявляемые к поставщику НПА и иметь издержки (исключая оплату труда социального работника) не более \$4,09 на час обслуживания одного получателя услуг. Структура тарифа показывает, что государство за-

интересовано расходовать государственные средства с приоритетом на зарплату социального работника, непосредственно оказывающего социальные услуги по индивидуальной программе. Это побуждает всех поставщиков иметь минимальную численность управленческого и вспомогательный персонала. Офис таких компаний располагается, как правило, в местах с небольшой стоимостью аренды и имеет небольшие размеры.

VII. Индивидуальные программы предоставления социальных услуг

Наиболее распространенная форма оказания социальных услуг — обслуживание на дому. Приведем пример обследования потенциального получателя социальных услуг на дому за рубежом, формирование индивидуальной программы и порядок оказания услуг исполнителем.

Обследованием потенциального получателя услуг на дому и составлением индивидуальной программы занимается, исключительно, лицензированный специалист регионального управления социального обслуживания.

Обследование производится по методике. Оценивается физическое и ментальное состояние потенциального получателя услуг. Обследуется его место проживания, наличие коммунальных удобств, уровень оснащения помещений бытовой техникой. Принимается во внимание расположение места проживания, удаленность его от магазинов, от остановок транспорта и прочее. Обязательно учитываются пожелания получателя услуг. С учетом вышеперечисленных обстоятельств выбирается форма социального обслуживания: на дому, полустационарная или стационарная. Во всех вариантах подразумевается соблюдение стандартов обслуживания.

Обследования длятся 2–3 часа. По результатам обследования, если определена форма обслуживания на дому, в индивидуальную программу вносят количество посещений в неделю клиента социальным работником, основные виды услуг (отчетность по услугам носит справочный характер), время начала обслуживания и продолжительность обслуживания (в часах). Если программа предусматривает услуги специалистов различной квалификации (к примеру, социально-бытовые услуги оказывает один специалист, а социально-педагогические услуги другой), в таком случае услуги государством оплачиваются по разным тарифам.

Принцип приближенности поставщика социальных услуг к месту жительства получателей. Право получателей на выбор поставщиков социальных услуг.

При конкурентном рынке субсидируемых социальных услуг поставщики услуг «гоняются» за каждым получателем социальных услуг, стремясь заполучить его себе в клиенты. Именно так обстоят дела сегодня за рубежом, где между поставщиками услуг создана не ценовая конкуренция. То есть тариф, по которому всем поставщикам в обозначенном районе государство оплачивают услуги специалиста определенного уровня квалификации един для всех поставщиков социальных услуг. Получатель услуг оценивает, как скоро и качественно выполняет работу социальный работник в отведенное индивидуальной программой время обслуживания. Поставщик социальных услуг реально заинтересован, чтобы его получатель услуг чувствовал себя как можно лучше, жил как можно дольше и не имел желание сменить поставщика услуг. Только это позволяет поставщику услуг иметь длительное время экономически обоснованные государственные субсидии за оказание социальных услуг. Поставщик, проигрывающий в качестве услуг, теряет клиентов и, если не выдержит конкуренцию, с рынка уходит. Обслуживание его клиентов с большой охотой забирают себе оставшиеся на рынке поставщики социальных услуг.

Государство оплачивает поставщику услуг только фактическое время обслуживания получателя услуг социальным работников по повременному тарифу, в пределах времени, указанного в индивидуальной программе. Это происходит при условии, что от получателя услуг не поступила претензия. Жалобы клиентов на поставщиков услуг очень редкое явление и большое ЧП. Порядок рассмотрения жалоб, и принятие по ним решения регламентировано нормативными документами. По результатам рассмотрения жалобы под санкции может попасть поставщик услуг и замешанные в инциденте работники, обладатели индивидуальных сертификатов или лицензий. Кроме этого, в любой момент, получатель услуг может сменить поставщика услуг.

VIII. Какая должна быть социально-ориентированная структура данной сферы в России, принципы, формы взаимодействия, контроль

1. Сфера социального обслуживания является высоко конкурентным рынком социальных услуг (обслуживание на дому, полустационарное и стационарное формы обслуживания). Это относится к оказанию услуг на регулярной основе по индивидуальные программы социального обслуживания. Большая часть получателей социальных услуг по государственным программам обслуживается именно так. Это самая многочисленная группа получателей социальных услуг. На этом направлении действуют коммерческие организации, осуществляющие свою деятельность в условиях неце-

новой конкуренции. Государство оплачивает поставщику услуг только время непосредственной работы с получателем услуг. Тарифы носят повременной характер. Объем услуг исчисляется в часах (при почасовой тарификации), в сутках (при посуточной тарификации) и обязательно в стоимостном выражении, в разрезе отдельного получателя услуг, имеющего индивидуальную программу предоставления социальных услуг или группы получателей услуг.

Эти обстоятельства обуславливают высокую специализацию поставщиков социальных услуг, низкие накладные расходы и высокий профессионализм исполнителей.

2. Получатели срочных социальных услуг обслуживаются некоммерческими организациями (предоставление жилья и бытовое обслуживание для бездомных и людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, организация питания нуждающихся и т.п.). Количество пунктов срочной помощи, их пропускная способность рассчитываются местными властями исходя из ситуации на местах.

Существуют нормативы по размерам и местам расположения поставщиков этих видов услуг.

3. Государство в этих категориях социальных услуг действует не как поставщик услуг, а только как регулятор и заказчик, если социальные услуги оказываются по государственным программам;

4. Государство уделяет серьезное внимание подготовке специалистов для сферы социальных услуг. Региональные власти осуществляют персональное лицензирование (высшее образование) и сертификацию (без высшего образования) всех социальных работников, непосредственно занятых оказанием социальных услуг. Весь медицинский персонал, занятый обслуживанием людей, обязан иметь индивидуальные медицинские лицензии.

5. Предоставление бесплатных юридических услуг малообеспеченным гражданам организовано некоммерческими организациями, привлекающими в качестве волонтеров к этой работе профессиональных юристов, в том числе из ведущих юридических фирм (на эту тему авторами опубликован материал в журнале «Социальная защита в России» № 1 от 2021 года);

6. Осуществляется финансирование работ по созданию более эффективных средств и методов абилитации и реабилитации (для людей с расстройством аутистического спектра (РАС), с ментальными нарушениями и другими видами ограниченными возможностями по здо-

ровью (ОВЗ)). Государственное финансирование этих видов работ носит регулярный характер. Привлечением денег для этих целей от различного вида спонсоров на системной основе занимаются некоммерческие организации.

7. Широко распространено привлечение волонтеров всех возрастов в социальную сферу. Работа волонтерами является составной частью жизни для учащихся в университетах. Привлечение волонтеров пенсионного возраста по широкому спектру направлений способствует поддержанию социальной активности этих людей.

Заключение

Сравнительный анализ организации оказания социальных услуг в России и за рубежом показывает, что при наличии одних и тех же инструментов в федеральном законодательстве о социальном обслуживании граждан в РФ и нормативно-правовыми актами по социальному обслуживанию граждан за рубежом непосредственная организация социального обслуживания осуществляется существенно по-разному.

Отличия, имеющие принципиальное значение, имеют место в управлении системой социального обслуживания граждан в регионах России и управлением системой социального обслуживания в ведущих зарубежных странах (это имеет место во всех функциях управления «планирование», «организация», «мотивация» и «контроль»).

Значительные отличия имеет порядок финансирования поставщиков, их организационные структуры. Структура издержек у государственных поставщиков социальных услуг в России говорит о низкой их экономической эффективности. Эти организаций нуждаются в серьезном реформировании. Это потребует создание программ по их реформированию.

Недооценённые в России возможности предпринимателей в сфере социальных услуг могут оказаться серьезной стратегической ошибкой. Социальная сфера России, задевающая интересы сотен миллионов людей, будет продолжать отставать в удовлетворении потребностей получателей услуг от уровня ведущих стран, вызывая справедливые нарекания.

Необходимы более эффективные методы контроля соблюдения в регионах федерального законодательства в социальной сфере.

Необходим тщательный анализ федерального законодательства на предмет внесения в него изменений,

позволяющих сформировать более эффективную, чем сегодняшняя система мотивации региональных властей на использование заложенных в федеральном законодательстве инструментов повышения качества оказания социальных услуг и эффективности системы финансирования государством выполнения в регионах обязательств государства в социальной сфере. (Расширение зоны действия 189-ФЗ).

Российская Федерация, во главе с президентом внносит предложения по совершенствованию организации социального обслуживания в России. 19 июня 2021 года был очередной съезд партии «Единая Россия». В своем выступлении на съезде партии Владимир Путин анонсировал новые инициативы в социальной сфере, выступил с новыми предложениями по поддержке семей с детьми, модернизации здравоохранения. Все тезисы найдут свое отражение в программе «Единой России», которую Владимир Путин назвал партией социальной направленности. Например, было предложено ввести налоговые льготы для семей с двумя и более детьми при сделках с недвижимостью, запустить программу по развитию системы медицинской реабилитации.

В своей речи Владимир Путин заявил: «Благополучная, крепкая семья с детьми — это и есть будущее России». Уже принятые решения в этой сфере будут расширяться и дополняться. «Надо объединить усилия и так выстроить совместную работу, чтобы до конца 2026 года значительно снизить риск столкнуться с бедностью для семей с детьми. В целом наша задача — существенно повысить достаток российских семей, доходы наших граждан». Президентом были перечислены основные элементы этой работы: эффективная социальная поддержка, комфортная среда в городах и поселках, доступные места в детских садах и яслях, новые рабочие места во всех регионах.

Предложения Владимира Путина на съезде «Единой России» в социальной сфере: запустить специальную программу по развитию системы медицинской реабилитации после COVID-19, сроком до 2026 г., на нее планируется выделить более 100 млрд. руб.; освободить от уплаты подоходного налога семьи с двумя и более детьми при продаже жилой недвижимости, если в те-

чение календарного года они направляют полученные средства на покупку нового жилья; также, президент призвал региональные власти, федеральные ведомства и крупные компании не пытаться устанавливать для себя какие-то удобные, комфортные сроки. «людям нужен результат сегодня-завтра. Новые пилотные инфраструктурные проекты должны быть реализованы, давать отдачу для развития наших территорий уже на горизонте 2023–2024 годов».

Как итог, мы видим, что происходит продолжение работы, которая связана со построением социального государства. Нужно создать систему, которая будет закреплять все этапы бюджетирования и распределения финансовых потоков в данной сфере и помощь в рамках поддержки населения, которая будет ясна для любого гражданина, который в силах будет осознанно воздействовать на данные индикаторы, тем самым формируя определенный уровень доверия к власти, более полное материальное обеспечение за счет экономически целесообразного распределения ресурсов, а также устранения сложностей в правоотношениях «власть-гражданин».

На сегодняшний день Федеральный закон от 12.01.1996 N7-ФЗ «О некоммерческих организациях», непосредственно связанный с регулированием вопросов в социальной сфере общества, не содержит требований к поставщикам социальных услуг об их информационной открытости, в отличие от Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Соответственно закрепление на законодательном уровне соответствующих положений повысит прозрачность деятельности поставщиков социальных услуг; повысит дисциплину поставщиков социальных услуг в части качества обслуживания и отчетности перед населением и контролирующими организациями; облегчит федеральным органам власти контроль выполнения федерального законодательства в регионах через удаленный доступ к ключевым контролируемым параметрам поставщиков социальных услуг; повысит доверие населения к органам власти федерального, регионального и местного уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нежина Т.Г., Гомбожапова Б.С., Павловская С.В. Методы оценки открытости и прозрачности социально ориентированных некоммерческих организаций в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2016. № 4. С. 13–41.
2. Рыкова А.В. Информационная открытость как принцип управленческой деятельности некоммерческих организаций.
3. Савинцева М.И. Правовое обеспечение информационной открытости в России по новому закону о доступе к информации // Право СМИ. 2009. № 3.
4. Семенов А.В. Информационная открытость организаций социального обслуживания как критерий оценки качества социальных услуг // Вестник гуманитарного образования. 2017. С. 94–99.

5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год. — М., Общественная палата Российской Федерации, 2014. — 184 с.
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. — М., Общественная палата Российской Федерации, 2015. — 238 с.
7. URL: <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsialnoy-sfery-i-grazhdanskogo-obshchestva/>.
8. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d04/PR_19-11_13_NKO_postavshiki_socslug.pdf.
9. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/19d/izuchenie-otnosheniya-zhiteley-goroda-moskvy.pdf>.
10. URL: <http://www.index.org.ru/journal/29/14-prinzip-nko2.html>.
11. URL: <https://www.cdc.gov/nchs/data/ad/ad311.pdf>
12. URL: <https://www.pierrolaw.com/wp-content/uploads/2021/02/Fulldeck-completed.pdf>
13. Андреев Ю.П. и др. Социальные институты: содержание, функции, структура. Изд-во Уральского университета, 1989.
14. Волков Ю.Е. Социальные отношения и социальная сфера // Социологические исследования. -№ 4. — 2003. — С. 40.
15. Гуляева Н.П. Лекции. Социальная сфера как объект управления и социальное развитие. — Режим доступа: http://zhumaUib.ru/n/natalxja_p_g/.
16. Социологический справочник / под ред. В.И. Воловича. — М.: Книжный мир, 2009.
17. Экономика и управление социальной сферой / под ред. Е.Н. Жильцова, Е.В. Егорова. — М.: Изд-во «Дашков и К», 2015.
18. Холостова Е.И. Новации законодательства в сфере социального обслуживания // Социальное развитие: регион 24. 2014. № 4.
19. Люблинский В.В. Социальная политика в странах Запада — пример для России? // Власть. 2008. № 11. С. 31–36.
20. Люблинский В.В. Модернизация в социальной сфере: тенденции социальной политики в эпоху глобализации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2008. С. 136–165.
21. Богданян ЕА. Круглый стол «Социальное партнерство и социальное обслуживание граждан: отраслевые и конституционно-правовые проблемы»// Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 5. — С. 76–77.
22. Дорошенко Н.Н. Социальное обслуживание в реализации социальной политики государства // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — С. 979.
23. Корнилова М.В. Качество жизни и социальные риски пожилых людей // Современные исследования социальных проблем. — 2011. — № 3. — С. 10–13.
24. Михалев И.В. Развитие организационных форм социального обслуживания населения России // Сервис в России и за рубежом. — 2009. — № 1. — С. 165.
25. Симанов Р.Е. Становление системы социального обслуживания в России // Система ценностей современного общества. — 2008. -№ 1. — С. 197–200.
26. Тимошина Е.Н. Социальное обслуживание в системе государственной социальной политики // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2011. — № 4. — С. 18–25.
27. Золотарева Т.Ф. Нестационарное социальное обслуживание и качество жизни пожилых людей / Т.Ф. Золотарева // Отечественный журнал социальной работы. — 2010. — № 4. — С. 88.
28. Шлыкова Е.В. Риск и качество жизни // Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. — М., 2001. — С. 221–234.
29. URL: https://www.health.ny.gov/community/infants_children/early_intervention/service_rates.htm
30. URL: <https://www.pierrolaw.com/wp-content/uploads/2021/02/Fulldeck-completed.pdf> (page15)

© Белоусов Леонид Валентинович (18412004@mail.ru),

Хаитова Александрина Иосифовна (ya.haitova@yandex.ru), Митин Юрий Дмитриевич (mitinyura@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФУНКЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

THE MAIN FEATURES AND FUNCTIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A SOCIAL INSTITUTION

Yu. Mindlin

Summary. The article deals with the actual problems of local self-government as a social institution on the example of the Russian Federation. The article is an overview of theoretical and methodological nature within the sociology of management. The author reveals the main characteristics of local self-government institution in terms of its place and role in the development of management in modern Russian society. The research goal is to generalize the functions and characteristics of local self-government as a social institution.

The research methodology is based on a system-functional approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction); as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic, functional analysis, system generalization method. Based on the results of the study, the author of the article came to the following conclusions: the institution of local self-government is the key to the realization of civil rights and freedoms, as well as the main element in the dialogue between the state and society. The author considers the function of feedback between government bodies and the population to be the main one for local self-government. At the same time, Russian practice is currently characterized by a distortion of this function, the development of entropy and social apathy at the level of local governments.

Keywords: sociology of management, local self-government, structural-functional approach, sociological research, social dialogue.

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблематика местного самоуправления как социального института на примере Российской Федерации. Статья носит обзорный теоретико-методологический характер в рамках социологии управления. Автор статьи выявляет основные характеристики института местного самоуправления с точки зрения его места и роли в развитии управления современным российским социумом. Цель исследования заключается в научном обобщении функций и характеристик местного самоуправления как социального института. Методология исследования основана на системно-функциональном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция); а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования, функциональный анализ, метод системного обобщения. По итогам проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: институт местного самоуправления является ключевым для реализации гражданских прав и свобод, а также основным элементом в диалоге между государством и обществом. Функцию обратной связи между органами государственного управления и населением автор считает основной для местного самоуправления. При этом, для российской практики в настоящее время характерно искажение этой функции, развитие энтропии полномочий и социальной апатии на уровне органов местного самоуправления, поскольку принятые на местном уровне решения не находят отклика и поддержки со стороны государственных органов.

Ключевые слова: социология управления, местное самоуправление, структурно-функциональный подход, социологические исследования, социальный диалог.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Россия имеет достаточно богатый и долгий опыт в построении системы местного самоуправления [3, с.6]. По мнению исследователей, в современной России качественная организация жизни граждан в муниципальных образованиях всех регионов является «реализацией принципа социальной справедливости путем преодоления проблемы социально-экономического неравенства» [2, с.10].

По мнению исследователей, именно в муниципальных образованиях (селах, районах, городах) «власть ближе всего к человеку — там должны решаться основные социальные задачи современного российского государства» [2, с. 12]. При этом, в муниципалитетах особенно актуальны проблемы экономического неравенства и социальной несправедливости.

Согласно официальной статистике, более 75% всего жилья строится в крупнейших мегаполисах — деревни исчезают с карты России, поскольку 60% жителей по-

селков и городов выезжают на заработки в крупные города [4, с.6]. Российская региональная политика выравнивания уровня жизни россиян ориентирована на дотации регионам и показывает низкую эффективность [1, с.67].

На практике в России складывается опасная ситуация. С одной стороны, население понимает необходимость местного самоуправления, а права местного самоуправления закреплены в Конституции Российской Федерации 1993 года. С другой стороны, существует значительный разрыв между уровнем жизни граждан России в центре столицы, в областных городах и в небольших населенных пунктах [7, с.206]. Этот разрыв проявляется в разнице в оплате труда, наличии качественных рабочих мест, уровне доступа к традиционной и цифровой инфраструктуре и т.д. Это ведет к миграции населения в центральные города. Органы местного самоуправления пока не в состоянии эффективно сокращать эти разрывы, приближать уровень жизни простых россиян в тысячах сел и малых городов к уровню жизни мегаполиса XXI века.

Повышение эффективности местного самоуправления во всех населенных пунктах России является необходимым условием повышения качества жизни российского социума.

Опасная ситуация социально-экономического неравенства и разрывов в качестве жизни населения обособленных сел и крупных городов во многом признается учеными и государственными чиновниками [7, с. 207]. Решение вопросов, связанных с совершенствованием социально-экономических отношений на муниципальном уровне, стало предметом множества исследований в различных областях: финансово-экономических [2], правовых [3], социологических [9, 10, 12] и т.д. Однако, необходимо более четко определить сущность и функции местного самоуправления в рамках социологии управления как самостоятельной дисциплины.

В настоящее время одной из важных тенденций развития современного государства признается значительное повышение роли местного самоуправления. В 2020 году в связи с принятием поправок в Конституцию РФ внесены изменения в главу 8 об органах местного самоуправления [7, с. 208]. Согласно поправкам, «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичного управления и взаимодействуют для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [7, с.209].

Закрепление единства системы публичной власти в Конституции РФ направлено на повышение эффектив-

ности функционирования местного самоуправления и не изменяет статью 12 о самостоятельности местного самоуправления, скорее подчеркивает многообразие форм взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления [7, с.210].

Закрепление принципа единства системы публичной власти должно способствовать повышению эффективности взаимодействия муниципальных органов и органов государственной власти, реализации совместных национальных проектов и государственных программ, направленных на решение вопросов местного значения в социальной сфере. Тем не менее, для реализации целей и задач государственной политики в сфере местного самоуправления необходимо сформировать четкое представление о его месте в развитии современного социума.

Для определения социальной роли местного самоуправления необходимо сформулировать сущность и значение этого термина. В научной литературе существует множество подходов к этому понятию. По мнению большинства исследователей, местное самоуправление понимается как «особая форма саморегулирования и самоорганизации различных типов систем, в том числе и социальных» [8, с.55]. В то же время, местное самоуправление по своему смысловому содержанию представляет собой и «особый вид коллективной деятельности, направленной на обеспечение основных потребностей и интересов местного населения» [9, с. 48].

Таким образом, местное самоуправление, представляемое как самостоятельный социальный институт, включает в себя такие особенности, как:

- ◆ местное население является непосредственным источником власти;
- ◆ в подавляющем большинстве случаев субъект и объект управления совпадают;
- ◆ основным способом реализации власти органов местного самоуправления является прямая демократия;
- ◆ возможность осуществлять самостоятельную деятельность в наиболее актуальных сферах общественной жизни.

Исходя из вышеизложенных признаков, можно принять следующее определение понятия местного самоуправления, отражающее его социальную сущность: местное самоуправление — это форма осуществления власти народом, обеспечивающая возможность местному населению осуществлять самостоятельную деятельность в наиболее актуальных сферах общественной жизни [2]. Главной особенностью местного самоуправления является то, что его правовая природа позволяет

местному населению участвовать в формировании различных взаимосвязанных институтов, деятельность которых будет направлена на удовлетворение основных потребностей и интересов местных граждан [11, с. 185]. Это обстоятельство помогает выстроить эффективную систему предоставления социальных льгот, являясь ее экономической и организационной составляющей.

Местное самоуправление, как социальный институт, декларирует в качестве основных постулатов социальную и правовую защиту местного населения, обеспечение достойной жизни каждого гражданина, проживающего на соответствующей территории, а также осуществление всемерной поддержки в создании наиболее благоприятные условия жизни [12, с.17].

При этом, уставные документы каждого муниципального образования должны формироваться на основе изложенных выше принципов. При этом, уставы муниципалитетов могут содержать более точные и узконаправленные формулировки, касающиеся реализации социальных прав [2, с.4]. Они могут включать следующие положения:

1. организация городских сообществ, которые могут участвовать в осуществлении местного самоуправления (в том числе через специально созданные цифровые платформы [6]);
2. участие в работе выборных органов местного самоуправления;
3. участие в решении наиболее актуальных вопросов, связанных с организацией местного самоуправления;
4. беспрепятственный доступ к социальным и культурным ценностям;
5. формирование максимально безопасной городской среды (включая использование цифровых технологий для повышения комфорта проживания в городе [5]);
6. возможность формирования разного рода социально-ориентированных учреждений, деятельность которых направлена на защиту определенных слоев населения;
7. обеспечение равноправия всех представителей местного населения по национальному, расовому и иным признакам;
8. правовая защита свобод и законных интересов граждан, в том числе в социальной сфере.

Согласно современной научной литературе, местное самоуправление можно отнести к одному из институтов социальной государственности [9, 12]. Это связано с тем, что благодаря существованию и функционированию местного самоуправления государственная власть децентрализуется, становится более гибкой, а значит, и эффективной. Принимая во внимание тот факт, что в перечень функций местного самоуправления входит реализация социальных задач, можно говорить о социально-правовой природе местного самоуправления.

Таким образом, местное самоуправление имеет социальную направленность, поскольку согласно основным законодательным положениям в компетенцию органов местного самоуправления входит обеспечение различных социальных потребностей и интересов местного населения. При этом, институт местного самоуправления является ключевым для реализации гражданских прав и свобод, а также основным элементом в диалоге между государством и обществом. Функцию обратной связи между органами государственного управления и населением автор считает основной для местного самоуправления. Для российской практики в настоящее время характерно искажение этой функции, развитие энтропии полномочий и социальной апатии на уровне органов местного самоуправления, поскольку принятые на местном уровне решения не находят отклика и поддержки со стороны государственных органов. Данную негативную тенденцию необходимо нивелировать путем усиления полномочий органов местного самоуправления и расширения их возможностей по лоббированию интересов местных сообществ в органах государственной власти.

В связи с этим необходимо закрепить в уставах муниципальных образований более четкие и узконаправленные формулировки, касающиеся реализации социальных прав местного населения; со стороны органов местного самоуправления необходимо поощрять создание территориального общественного самоуправления, развивать молодежные общественные организации и объединения, проводить различные конкурсы и мероприятия, вовлекающие граждан в развитие органов муниципального образования как социального института, способствовать формированию цифровой инфраструктуры, которая позволяла бы вовлекать население в участие в местном самоуправлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова Н.В. Инфляция местного самоуправления // PolitBook. 2019. № 2. — С. 63–81.
2. Глебова А.Н. Местное самоуправление как субъект модернизации российского общества. Автореферат дисс. ... к.соц.н. Москва, 2015. — 28 с.
3. Козлова Т.З. К истории местного самоуправления в России. (от комитетов местного самоуправления в Москве к современному местному самоуправлению) // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 3. — С. 5–12.

4. Лаптева Л.Е. Местное самоуправление и государство // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2. — С. 1–17.
5. Плотников В.А., Катрашова Ю.В. Перспективы развития и угрозы реализации концепции «умный город» (на примере Санкт-Петербурга) // Экономический вектор. — 2021. — № 1. — С. 131–138.
6. Пролубников А.В. Платформенная модель государственной экономической политики // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. — 2020. — № 18. — С. 21–33.
7. Хайретдинов Ф.Ф., Аминов И.Р. Независимость органов местного самоуправления как основа местного самоуправления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11. — С. 204–210.
8. Gons H. The Case for Local Self-Government. *Public Administration Review*. 2021. Vol. 3. — P. 51–58.
9. Klimek J. Determinants to the Local Self-Government Social Dysfunctions. *Problems of Economic Transition*. 2021. Vol. 43(11). — P. 43–55.
10. Kuhlmann S., Wayenberg E. The Future of Local Self-Government. *International Sociological Journal*. 2021. Vol. 4. — P. 67–78.
11. Ma Xiaoquan. Local Self-Government. In book: *Imagining the People*. 2020. — P. 183–211.
12. Mathew L. Cosmopolitan Humility and Local Self-Governance. In book: *Comparative Political Theory*. 2020. Vol. 3. — P. 12–28.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

СИСТЕМА ВНУТРЕННИХ УСЛОВИЙ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

THE SYSTEM OF INTERNAL CONDITIONS OF SOCIAL SECURITY

T. Pavlova

The purpose of the article is to explicate the internal conditions of social security using an internalist approach. Tasks: to concretize on the basis of the available material the specifics of the internal conditions of social security in comparison with the external conditions of social security. This problem in considering any of its aspects is decisive in the development of society. Currently, the values of human freedom and social security are interconnected with each other, since they are influenced by various positive-negative attitudes. From the point of view of the internal conditions of social security, their requirements are softer than the settings of the external conditions of social security. Internal conditions of social security remain at the level of wishes, recommendations, advice that can be taken into account in the practical life of people. The requirements of the external conditions of social security, in this respect, are more imperative and obligatory and look in the form of a kind of prohibitions: “do not do”, “do not allow”, “do not allow”.

Keywords: society, person, internal conditions of social security, human freedom, positive-negative attitudes.

Павлова Татьяна Александровна

Аспирант, ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
tapavlov@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — экспликация внутренних условий социальной безопасности, применяя интерналистский подход. Задачи: конкретизировать на имеющемся материале специфику внутренних условий социальной безопасности в их сравнении с внешними условиями социальной безопасности. Среди внутренних условий мы выделяем творчество, интуицию, вдохновение. В данной статье речь идёт о внутренних условиях социальной безопасности. Данная проблема в рассмотрении любого её аспекта является определяющей в развитии общества. В настоящее время ценности свободы и социальной безопасности человека взаимосвязаны друг с другом, поскольку испытывают на себе воздействие различных позитивно-негативных установок. С точки зрения внутренних условий социальной безопасности, их требования более мягки, чем установки внешних условий социальной безопасности. Внутренние условия социальной безопасности остаются на уровне пожеланий, рекомендаций, советов, которые можно учитывать в практической жизни людей. Требования же внешних условий социальной безопасности, в этом отношении более императивны и обязательны и выглядят в виде своеобразных запретов: «не делай», «не допускай», «не позволяй».

Ключевые слова: общество, человек, внутренние условия социальной безопасности, свобода человека, позитивно-негативные установки.

Интерналисты полагают, что основой, двигающей социальную безопасность, являются условия, связанные с внутренней природой социальной безопасности, ее мотивами и побудительными причинами. Поэтому главное внимание при изучении социальной безопасности сторонники интернализма направляют на описание внутренних процессов, присутствующих социальной безопасности. Социокультурным условиям интерналисты придают второстепенное значение, утверждая, что они в зависимости от определенной ситуации могут тормозить или ускорять внутренний ход развития социальной безопасности.

Среди внутренних условий социальной безопасности мы выделяем творчество, интуицию и вдохновение. Эти свойства внутренне присущи человеку, поскольку характеризуют мир его внутренних мотивов и переживаний. В соответствии с данными теории общественного сознания все его формы существования не развиваются в изоляции друг от друга, а диалектически сложно взаимодействуют между собой и в такой же мере обуславливают собственное существование.

Но это структурное взаимодействие можно рассмотреть с двух сторон: гносеологической и социальной. В первом случае вскрывается познавательная обусловленность этих форм сознания, а во втором — социокультурная общественная детерминация протекающих в сознании процессов.

С точки зрения гносеологического подхода, необходимо обозначить общую природу познавательной деятельности в научном и художественном творчестве, которая состоит из двух взаимосвязанных процессов: чувственно-эмоционального характера, с одной стороны, и рационально-теоретического — с другой [1, с. 114].

В философском плане общность творческих начал в науке и искусстве обозначил отечественный философ П.В. Копнин, который еще в 70-х годах XX века убеждал, что не существует двух родов познания — художественного и научного, якобы противостоящих друг другу [1, с. 115]. «Познание едино», — писал он, — «протекает по общим законам. И эстетика, изучающая

художественное творчество включает в себя познание, должна быть прикладной гносеологией. Причем художественное творчество включает в себя познание всех элементов, составляющих процесс познания. Поэтому категории, выработанные гносеологией, играют роль в понимании художественного творчества» [2, с. 263].

Для раскрытия этой общей природы многое сделали и видные ученые с мировой известностью, такие как Д.И. Менделеев, П. Ампер, П. Кеплер, В. Гейзенберг, и другие представители искусства Б. Мейлах, А. Гульга, А. Сухотин. Последний, например, посвятил взаимообусловленности науки и искусства целый ряд своих книг «Ритмы и алгоритмы», «Научно-художественные пересечения» и другие [3, с. 104].

В последней работе А.К. Сухотина показано единство во взаимодействии науки и искусства. Он говорит, что «линия сближения искусства и науки восходит к более значительным проявлениям высших, творческих потенций человека. Вполне очевидно, что искусство и наука настолько связаны, что между ними идет постоянный обмен ценностями» [4, с. 10].

У искусства, как специфической формы познания нет ограничений. Художник свободно может увидеть все явления окружающей его действительности. Он так же, как и ученый открывает для себя новые явления. В художественном творчестве нет особой специфики. Образность мышления присутствует в научном познании, где воображение присутствует в творчестве исследователя. Специфика искусства проявляется в его отношении к явлениям действительности и той роли, которую оно выполняет во взаимоотношении субъекта и объекта. У искусства есть способность к переживанию мира. Для исследователя главная задача — выразить эти переживания в своих произведениях.

Наука постигает объективные закономерности явлений. Ее нормы могут носить характер советов, рекомендаций, а могут быть более жесткими. В этом случае они носят императивный характер, поскольку в них закреплены требования, которые могут быть позитивными и негативными по-своему содержанию. Например, среди этих норм можно назвать такие, как «Не зазнавайся!», «Не доверяй авторитетам!», «Не допускай в исследованиях плагиата!». Эти нормы более категоричны и жестки, чем простые советы и рекомендации, применяемые, например, в искусстве. Они закреплены не только в нормативных документах, но и в этических кодексах, закрепляющих нормы безопасного поведения представителей различных профессий.

Искусство, познавая мир, переживает его. Для этого исследователи используют все известные им средства.

Наука выражает результаты теоретических знаний, представляет их объективно. Они не должны зависеть от человека. Искусство представить без человека невозможно. Человек в нем главная фигура. Он всегда стремится достичь жизненных идеалов. Тем самым искусство связано с образной формой познания мира, с особым отношением человека к миру, комплексом его переживаний в осуществлении идеалов. Об этом писал П.В. Копнин в своей работе «Гносеологические и эстетические основы науки».

Сегодня трудно выделить критерии искусства, по которым можно отличить искусства от не искусства. Развиваются новые направления, термин искусство к ним применить достаточно сложно. Средства, которые применяют исследователи в искусстве, должны характеризоваться эстетическим содержанием. Они должны воздействовать на эмоциональную сферу человека. В искусстве всегда будут появляться новые формы. Критиковать их возможно, но при этом не следует доходить до резкой, осуждающей все элементы произведений критики.

Поскольку искусство воздействует на эмоции человека, в арсенале своего воздействия оно должно иметь такое средство, как переживание прекрасного. Без свойства прекрасного невозможно представить себе искусство. Прекрасное способно вызвать у человека такие чувства, как удовольствие, наслаждение. Чувство прекрасного передает идею произведения, которая может быть реакционной и передовой. Прекрасное способно побудить человека к действию, которое изменило бы действительность, усовершенствовало условия его бытия, создало бы новую действительность. Сущность искусства выражена в отображаемом им объекте.

В гносеологии сегодня широко применяется понятие «истина». Оно может быть применимо и к искусству, поскольку благодаря искусству мы также познаем мир. Но, искусство направлено, прежде всего, на переживание мира, а категория истины не выражает переживания. Наоборот, наука стремится выразить объективные черты явлений, для нее важна конкретика, а не переживания субъектов. Образы в искусстве не соответствуют критериям истины. Они не связаны с логической вероятностью. В искусстве персонажи даже могут говорить.

Возможности для проявления свободы художника значительно шире свободы исследователя, поскольку произведение искусства может быть оценено с точки зрения гносеологии и эстетики. Художнику главное показать внутренний мир субъекта, его эмоции, переживания. Для художника большое значение приобретает художественная правда. Художественная правда, и ис-

тина не противостоят друг другу. В истине всегда присутствует момент художественной правды. В основе художественной правды находится основная идея, подчиняющая себе все детали образа. Необходимо, чтобы художественная идея была истинной, а не фальшивой.

А. Айер, исключая истину вообще из оценки художественного произведения упоминает, что качество произведения искусства не зависит от того ложное предложение, или истинное. Но, им при этом не учитывается, что для художественных произведений важна истинность идеи.

Ни научная истина, ни правда, не могут существовать без объективности. Но, наши чувства субъективны. Объективность можно определить через результаты той практической деятельности, которой достиг человек. Поэтому одним из критериев художественной правды является практическая деятельность человека.

Спецификой художественной правды являются мерки, с которыми подходят, чтобы оценить фантазию в искусстве. Границы воображения в нем простираются очень далеко. Воображение в искусстве, в отличие от научных теорий не ограничивается логической вероятностью. Но, граница для фантазии существует и в искусстве. Воображение должно приводить к созданию правдивых художественных образов.

Художественное творчество имеет общие черты с научным творчеством. Благодаря этим видам творчества мы познаем явления. Их логика развития имеет много общих черт. Но есть и отличия этих видов творчества друг от друга. Для художественного творчества главная задача создать правдивый художественный образ. Его нормы и каноны порой нечетки и могут отступать от общепринятых правил. Для научного творчества — главная задача состоит в создании научной теории, благодаря которой, можно открыть новые закономерности во всех сферах общественной деятельности, а также изменить весь спектр общественных отношений. Научные нормы более жестки и императивны по своему характеру, чем каноны и нормы искусства. Для художника главное создать эстетический образ, который будет побуждать человека к труду.

В творчестве ученого интеллектуальная активность выше, чем у художника. Для последнего главная задача — выразить чувства и эмоции. Они в своей деятельности применяют неодинаковые способы отражения действительности.

Неодинакова и роль рационального начала в их творчестве. Научные теории направлены на создание научной картины мира. Исследователь в своей деятель-

ности должен соблюдать логику и последовательность изложения материала, истинность полученных данных, а также руководствоваться доказательствами. Воображение, фантазия и вера уходят для исследователя на второй план. Рациональным элементам в творчестве поэтов, художников, скульпторов отведено также нужное место. Фантазия и воображение для поэтов и художников более важны, чем для ученых. Для последних важны реальные факты. Ученый и художник стремятся к истинности. У одних она выражается в научных законах и категориях, у других в образах. Но точность у них разная и способы ее достижения, ее «строительный материал» разные [5, с. 231]. Для эстетических закономерностей не характерна математическая точность. Для них главное показать чувство.

Для исследователя точность выражается в понятиях, формулировках, закономерностях, цифрах, знаках. У художников и поэтов точность получает выражение в их языке, который не всегда соответствует реальным формам жизни. Представители естественных наук выражаются более точно. Для них не характерна эмоциональность и выражение личных впечатлений. Для них главное правильно показать форму выражения явления. Но, язык, несмотря на свои различия для всех представителей творческих профессий один. Это единый национальный язык, только ученый более тщательно отбирает свой материал, а художник в этом случае действует более свободно. Средства, применяемые художниками для отображения действительности, не всегда подходят для науки. Язык художника отличается образностью, но для ученого он неточен.

Неточность в языке искусства не означает небрежности. Творческие люди способны не замыкаться в определенных формах. Они свободно применяют точность и аллегорию, строгость и вольность, достоверность и условность, открытость и подтекст, законченность и недостоверность. Все это побуждает читателей и зрителей додумывать воспринимаемое и самому принимать участие в творчестве [5, с. 232].

Например, В. Ходасевич характеризовал язык Аксакова, как первобытный, при этом он отмечал, что абсолютная свобода характеризует дикарей.

Ученый и художник стремятся уйти от нормативных установок. Но, художник может позволить себе большую свободу в отображении фактов действительности, а ученый должен соблюдать точность и последовательность в изложении материала, он должен доказать свои научные теории, возможности применения их на практике. Уход ученого от логических форм серьезный стилистический недостаток. Различие в степени сложности, либо простоты языка относительно. Главное, чтобы язык

выражал доходчивость формы. Есть мнение, что все гениальное просто, но достигнуть простоты сложно. Выразить просто свои мысли удается не всем ученым. Простота — это идеал, которого достичь сложно.

Стилевые и языковые особенности должны быть ясными и краткими, а мысли не должны противоречить друг другу. Литературный язык в этом смысле более свободен, раскрепощен, но и другие виды искусства способны описать и запечатлеть исследуемые явления. Правило, чем короче, тем лучше не следует применять всем. Произведения художника должны быть образными, а научные формулировки логическими. Но, наука и искусство, несмотря на выше описанные различия способны преобразовывать процессы объективной реальности.

А.К. Сухотин в книге «Научно-художественные пересечения» отмечает характер связи между наукой и искусством. Ученые применяют в познании специфические средства исследования общие и для искусства. Среди этих методов можно назвать наблюдение, эксперимент, разработку гипотез и теорий. Представители естественных наук проводят наблюдения и эксперименты. Это же делают и писатели. М. Горький отмечал, что люди науки и искусства делают именно это. Эти же идеи высказывали Д. Гранин, М. Пришвин.

Художники тоже подготавливают себе материал, собирают сведения. Но художники при сборе материалов обладают большей свободой, ведь научные наблюдения более целенаправленны и строги по характеру.

Метод «включенного наблюдения» применяется, как в науке, так и в искусстве. Этот метод предназначен для создания типических образов. Помимо метода «включенного наблюдения» в науке и творчестве существует «мысленный эксперимент», получивший распространение благодаря Галилео Галилею.

Эксперимент связан с гипотезой. Уже упоминавшийся нами А.К. Сухотин отмечает, что в искусстве, как и в науке, любая гипотеза должна быть научно доказана. Художник также создает образы, которые мы потом видим. В научном познании гипотеза — это одна из форм полученного знания. В искусстве она лишь определенный прием, ей отведена лишь вспомогательная роль.

Моделирование, как метод, применяют в своей деятельности ученые и художники. Ученые просчитывают разные варианты и пробы, а затем переносят их на исследуемый объект. Возможности математики, при этом шире, чем у других наук. Художники, скульпторы, архитекторы также используют модели, когда делают наброски картин, либо макеты архитектурных соору-

жений. Тем самым, наблюдение, эксперимент, гипотеза и моделирование прочно заняли в науке свое место. Но эти же методы нашли применение и в искусстве. Они проявляются во всех его формах.

Прежде всего, творчество не направляется одной четко сформулированной проблемой. Люди творческого труда, создавая свои произведения, руководствуются социальной необходимостью. Проблемы, решаемые творческими людьми, могут носить неявный характер. О таких проблемах Э. Гуссерль, писал, что они связаны с предчувствием, а предчувствие — это путь к открытию. Творческие люди разрешают поставленные перед ними проблемы. Они самостоятельно осознают поставленные перед ними проблемные ситуации. Исследователь никогда не задумывается над проблемами, волнующими отдельных субъектов, он размышляет над проблемами, которые важны для него, как самостоятельного субъекта социальных отношений.

Ученый и художник способны перевоплощаться. Они переживают решение своих творческих задач. Ученый, исследуя явление, предлагает различные варианты его воплощения. Художник может сильнее вживаться в образы. Он «переживает» их воплощение, часто отождествляет себя с образами. И. Тэн писал о Шекспире: «По какому-то необъяснимому инстинкту они с первого раза ставят себя на место того, что намерены изображать. Им нет надобности учиться, они угадывают» [5, с. 240].

Способность к перевоплощению — это объективная закономерность художественного творчества. Для ученого главная задача — осмыслить действительность, эмоции для исследователя уходят на второй план. Художники, музыканты, поэты способны оказать влияние на эмоциональную сферу людей. Сила воздействия произведений художника обеспечивается способом их выражения и подачи. Для ученого главное — истинность, новизна, доказательность, логика изложения.

Мы отметили различия научного и художественного творчества. Одно из них связано с объектом, предметом познания и отражения, другое — обусловлено спецификой, характером субъекта деятельности, третья коренится в результате исследуемых явлений. Деятельность ученого направлена на создание научных ценностей, а художника эстетических. Но различия эти достаточно условны. Социальная безопасность в этом контексте приобретает внешние и внутренние свойства, присущие творчеству, но для нее характерны свои особенности. Они рассмотрены выше.

Теперь перейдем к характеристике вдохновения и интуиции, как внутренних условий процесса творче-

ства. Человек не знает силы своих возможностей, он часто их недооценивает и не дает себе в них отчета.

Вдохновение — это то состояние, когда раскрываются все возможности личности: проявляются все источники энергии, разумные и творческие начала стимулируют проявления друг друга. Вдохновение не заменяет знаний, но способно более широко обзирать явления действительности, обострить интуицию, увидеть их внутреннюю организацию. Некоторые поэты способны угадывать чувством. Для ученого это угадывание имеет большое значение, но для него главное точно передать специфику исследуемого объекта. Вдохновение посещает не только творческих личностей, но и обычных людей. По-настоящему совершенные произведения получаются благодаря опыту, знаниям, умениям, а вдохновение способно лишь «воспламенить» чувства людей, заставить их работать. Известен спор Ленина с Бухариным, где Ленин дал свою характеристику диалектике. Для этого он изучил сочинения Гегеля, Маркса, Энгельса.

Вдохновение отдельно от других явлений не приносит успех творчеству. Оно способно лишь стимулировать деятельность человека, но заменить ее не может. Любой человек способен испытывать вдохновение, но оно не способно превратить обычного поэта в гениального. В одном из своих стихотворений Баратынский сказал: «Глупцы не чужды вдохновенья» [5, с. 246].

Сущность вдохновения раскрыл Гегель. У него в «Эстетике» мы читаем: «Истинное вдохновение возникает, поэтому при наличии какого-нибудь определенного содержания, которым овладевает фантазия, чтобы дать ему художественное выражение» [6, с. 298]. Художественное вдохновение, говорит Гегель, «заключается именно в том, что поэт полностью поглощен своим предметом, целиком уходит в него и не успокаивается до тех пор, пока он не придаст художественной форме законченный, отчеканенный характер» [6, с. 299]. Вызвать вдохновение не может никто. Чувства и воля не доставляют подлинного вдохновения, отмечал Гегель [6, с. 299]. Вдохновение достигается путем кропотливого труда. Оно не помогает в том случае, если человек чего-то не знает. Без знаний и умений вдохновение не способно посетить людей. Кто-то вообще не верит в возможности вдохновения и считает, что его не существует.

Вдохновение и труд дополняют друг друга. Причиной труда могут стать, как положительные, так и отрицательные эмоции. Например, в подавленном состоянии духа Моцарт писал «Реквием». Эмоциональное состояние сказывается на стиле, языке, логической последовательности художественного или научного

произведения. Но, эмоциональные кризисы не всегда способствуют написанию произведений. Их можно написать и в благоприятные периоды жизни. Радостные вести о победе помогают спортсменам преодолевать большие дистанции без специальной подготовки. Радость способна стимулировать ученых решать нестандартные задачи и лучше выполнять поставленные цели. Главное достигать поставленных целей уверенно. Уверенность в себе оказывает положительное влияние на творческий результат. Различные поощрения способны стимулировать деятельность творческих людей. Радость, успех, ожидание удачи — источники вдохновения.

Творчество — человеческое качество, но объяснить до конца его сущность человек пока не может. Мы не способны проникнуть во внутреннюю работу творческих людей.

Теперь рассмотрим еще одно явление творческого процесса — интуицию. Интуиция меняется не только от человека к человеку, но и от одной исторической эпохи к другой, от одного общества к другому. С интуицией не рождаются. В ней могут содержаться коллективные элементы. Характерными чертами интуиции являются неожиданность, невероятность, непосредственная очевидность и неосознанность ведущего к ней пути. Интуитивная аргументация представляет собой ссылку на непосредственную, интуитивную очевидность выдвигаемого положения [7, с. 150].

М. Бунге утверждает, что «интуиция — это коллекция хлама», куда мы сваливаем все интеллектуальные механизмы, о которых не знаем, как их проанализировать, или даже как их точно назвать, либо такие, анализ которых нас не интересует» [8, с. 236]. Для результата, найденного интуитивно, подыскиваются основания, которые более убедительны, чем ссылка на интуитивную очевидность. Интуиция существует и играет заметную роль в познании. Далеко не всегда процесс научного и тем более художественного творчества и постижения мира осуществляется в развернутом на этапы виде. Нередко человек схватывает мысль сложную ситуацию, не вдаваясь во все ее детали. Наглядно это проявляется в военных сражениях, при постановке диагноза. Велика роль интуиции в математике и логике. Существенное значение имеет интуиция в моральной жизни, в историческом и гуманитарном познании. Художественное мышление невозможно представить без интуиции.

Вдохновение и интуиция не одно и то же, но они часто сопутствуют друг другу. Способность вдохновения быть элементом творческих возможностей личности усиливает также и интуицию, а последняя в свою очередь сокращает ход логического мышления и приводит

прямо к выводу, угадав его еще до проверки фактами [5, с. 253]. По мнению философов и психологов, интуиция не ограничивается сферой подсознательного, но его роль также не отрицается ими. Интуиция — разумное проявление деятельности человека, она не совершается в обход истины и доказательств. Это специфический тип мышления человека, когда все этапы протекают неосознанно и мгновенно. Люди видят только конечный результат — истину. В сложных ситуациях особенно возрастает роль интуиции в познании явлений. В этом случае она дополняет логическое освоение мира. Интуиция зависит от опыта субъекта, чем больше опыта, тем разнообразнее и ярче она себя проявляет.

Некоторые психологи отождествляют интуицию и сферу подсознания. Так американский психолог Б. Кларк в числе черт творческого процесса высокоодаренной личности упоминает способность легко находить доступ к подсознательным и предсознательным идеям, повышенную восприимчивость, склонность к дневным грезам, увлеченность. По мнению Фрейда и его последователей, особенно часто подсознание одаривает своими благами художников. Современный американский ученый Хейн пишет: «Искусство — это решение проблем, которые не могут быть четко изложены до тех пор, пока не решены». В художественном процессе все самое существенное якобы решается на уровне подсознания [5, с. 254]. Эта точка зрения ученого ошибочна, поскольку подсознание не охватывает все сферы человеческой деятельности. Научным фактам и гипотезам придается в деятельности человека большое значение. Для науки главное доказать научные факты. Интуицию же объясняли как акт мистический или, если ученый верил в бога, религиозный. Декарт, после того как его осенила идея аналитической геометрии, опустился на колени и возблагодарил господа бога.

Немало интересных мыслей о роли интуиции в постижении сущности вещей высказал французский философ Анри Бергсон. По его мнению, художник принадлежит к числу «совершенных существ», которые все познают интуитивно, охватывая мир широко, универсально. Художник принуждает нас видеть то, чего мы обычно не замечаем. Он проникает в мир глубже обычного человека, который ограничивается «чтением наклеенных на предметы ярлыков». Тем не менее, вывод Бергсона, что художник не должен изучать мир, ведь он сам создает его, не подтверждается практикой [5, с. 255].

Изучающие истоки творческого мышления, современные эвристики с достаточной аргументированностью расчленили процесс научных открытий на четыре последовательных этапа: подготовка, вызревание, озарение и завершение. Эвристическая ситуация может возникнуть лишь тогда, когда собран фактический

материал и определенно выявилось содержание задачи — это несомненно осуществляет деятельность сознания. В этом случае, если решение не приходит сразу, включаются бессознательные элементы мышления. Начинается перебор возможных вариантов решения, т.е. то, что мы называем инкубацией. Но поскольку сознание по преимуществу консервативно, основывается на прочно укоренившихся представлениях и сложившихся стереотипах мышления, то вполне очевидно, что оно толкает сознание на уже проторенные пути познавательной деятельности. А действительное открытие нового требует коренной ломки старых взглядов и установок. Озарение, как правило, наступает тогда, когда сознательные компоненты ослабевают или полностью выключены, т.е. когда ученый отвлекается от темы исследования. Как утверждают психологи, это нередко происходит во сне, как это было в случае с Ф. Кекуле, который увидел бензольную цепь во сне, или с Д.И. Менделеевым в связи с периодической системой химических элементов [1, с. 120].

Часто творческий человек забывает о повседневных потребностях, для него главная задача — создание чего-то нового, поэтому он боится потерять ход своих мыслей. Следствием этого является переутомление, хроническая усталость, бессонница. Это состояние может длиться долго, пока ученый не разрешит творческую задачу. Например, Бехтерев признавался, что он творит во сне. Н. Бор увидел сон, о планетах, которые вращаются. Это побудило его к открытию планетарной модели атома. Рафаэль написал образ одной из своих мадонн, когда увидел ее во сне, а утром перенес на полотно.

Многие люди не способны понять и воспринять творчество в состоянии сна. Но, для многих ученых и художников это естественно. Деятельность, происходящая в подсознании у человека, не поддается объяснению. Известно, что многие произведения искусства созданы под сознательным контролем их авторов, отдельные бессознательные решения встречаются редко, поэтому их сложно описать и тем более проконтролировать. Деятельность подсознания трудно описать. Так, З. Фрейд говорил, что поэт может творить интуитивно, по наитию, но объяснить, как это происходит весьма сложно.

В развитии таланта, писал Гете, проявляются многообразные связи между сознательным и бессознательным. «Сознание и бессознательность будут здесь относиться как поперечные нити ткани, переплетающиеся с нитями основы» [9, с. 320]. Н. Мейлер отмечал, что творческий процесс всегда загадочен. Иногда, в процессе творчества появляются идеи, о которых даже не задумываешься. Из всех подобных высказываний

вовсе не следует, что весь творческий процесс сводится к такого рода состояниям. Не следует забывать и того, что все эти высказывания субъективны и мы не можем знать, насколько точно улавливает автор четко сознаваемый и неосознаваемый периоды творчества, кроме того, воображение художников не исчезает и тогда, когда они оценивают и самих себя, свой творческий процесс [5, с. 258–259].

Сейчас, когда прочно установлено, что полушария головного мозга выполняют далеко не одинаковые мыслительные функции, а именно: левое полушарие — фактически центр речи логического дискурсивно — упорядоченного мышления, в то время как правое отвечает за чувственно образный характер мышления. Ведущее положение в этом «тандеме» занимает, как правило, левое полушарие.

В процессе так называемой инкубации, по утверждениям американского психолога Дж. Гауена, происходит «притормаживание» деятельности левого полушария, в результате чего открывается широкий доступ к творческим образам правого полушария. Поэтому многие свойства объектов, о которых думает ученый, не могут быть отчетливо выражены вербально, они присутствуют в его уме в виде несловесных зрительных образов, о которых говорили Д. Ампер, М. Фарадей, Д. Максвелл и др. Первый, например, отмечал: «Семь лет назад я поставил перед собой задачу, которую не был в состоянии решить. Наконец, я нашел решение, и совершенно не знаю как». Аналогичны высказывания Н. Теслы — в связи с открытием электромотора с переменным током.

Несмотря на важную роль подсознания в творчестве, его не нужно переоценивать. Не у всех людей способности человека опираются на их базовые знания. У некоторых интуиция бывает пророческой. У людей разная восприимчивость мозга к информационным сигналам. Одаренные люди в этом смысле превосходят других. Недопустимо деятельность мозга сводить только к подсознательной сфере. Известны случаи, когда логика противопоставляется интуиции. «В момент озарения логика должна быть отключена, — пишет лондонский профессор Р.А. Браун, — открытие не является бесстрастным упражнением в логике» [10, с. 721].

Многие зарубежные ученые не разделяют взгляда на творчество как на нечто мистическое, как на непостижимый акт творения. Так Гилфорд считает, что творческое мышление и решение проблем, по существу, один и тот же психологический феномен [5, с. 261].

А. Кестлер полагает, что «творческий процесс не создается из ничего, а раскрывает, выбирает, переставляет,

комбинирует, синтезирует уже существующие и известные факты, идеи, способности, навыки. Чем более знакомы части, тем более поразительно целое [11, с. 31]. Сам факт участия «бессознательного», неконтролируемого в творчестве требует того, чтобы оно подвергалось проверке разумом. И чем больше развито у творца чувство ответственности, тем меньше он склонен полагаться на то, что родилось как бы само собою, даже лично ему непостижимым до конца образом. Пуанкаре считал, что родившиеся в подсознании идеи не всегда истинны, зато всегда красивы. Но поскольку критерий их отбора — красота — не очень надежен, то проверка неизбежна [5, с. 261]. Хорошо знавший Ахматову А. Найман писал о ней: «Иногда стихи ей снились, но к таким она относилась с недоверием и подвергала строгой проверке на трезвую, дневную голову» [12, с. 131].

Принято считать, что желание и осознание необходимости проверки приходят к творцу только тогда, когда работа завершена. Вряд ли это так. Главный «акт» проверки, безусловно, в конце, но сознательный контроль за тем, что делается, вероятно, не покидает ученого и художника. Ведь отсутствие порядка и стройности, композиционная незавершенность, нестыковка частей тревожат, расплывчатость идей — не удовлетворяет. Ученый и художник стремятся к организации целого и ясного, конечно, каждый по-своему. Но дается это нелегко, волнение и переживание, сопровождающие их труд, то расслабляют, то подстегивают творца [5, с. 261].

К. Поппер выразил такую мысль. «Великие достижения в науке не могут основываться только на вдохновении и чувстве формы» [13, с. 12]. А. Эйнштейн писал, что в течение двух лет, предшествовавших 1916 году, когда появилась общая теория относительности, у него в среднем возникала идея каждые две минуты, и он, безусловно, их отвергал. Этап проверки не «каникулярный» период творчества, время предвкушения триумфа и наслаждения сделанным. Это продолжение того же творческого беспокойства, которое не оставляло ученого и художника на протяжении всей деятельности [5, с. 262].

Об этом убедительно сказал Л. Пастер: «Быть убежденным, что ты обнаружил научный факт, с жаром желать его обнародовать и сдерживать себя днями и неделями, иногда целыми годами, возражать самому себе, пытаться опровергать свои собственные опыты и сообщить о сделанном открытии лишь после того, когда исчерпаны и откинута все противоположные гипотезы и допущения, — это тяжелое испытание» [14, с. 299]. Интуицию как составной элемент творческого процесса трудно выделить на каком-то его этапе с большей или меньшей точностью, в самом же результате творчества

трудно и даже невозможно указать конкретно на ее «вклад» [5, с. 262].

М. Борн называл общую теорию относительности Эйнштейна «наиболее великим достижением человеческого мышления и знания природы, удивительным соединением философской глубины, физической интуиции и математического мастерства» [15, с. 192].

Все виды творчества характеризуются общими чертами. Не исключением стала и сфера интуиции. На это указал А.Н. Лук. «Можно предположить, — писал он, — что чем выше творческий потенциал ученого, тем ближе его личностные черты к личностным особенностям выдающихся художников и тем больше сходства имеет его творческая интуиция с художественной интуицией» [16, с. 45].

Интересные наблюдения об этом высказал советский писатель М. Пришвин. Он говорил о важности чувства природы, о праве использовать ее на равных с обыкновенными научными методами ее изучения. «Несколько раз в беседе с первоклассными учеными, — писал он, — я высказывал эти свои мысли, и оказалось, что эти гениальные люди работали совершенно так же, как мы, рядовые следопыты жизни, а когда-то же самое я говорил рядовым хорошим ученым, то они смотрели на меня свысока и очень плохо слушали» [17, с. 554]. Сегодня это чувство необходимо всем и чем сильнее оно развито, тем лучше для людей и для природы [5, с. 263].

И, наконец, последнее, что мы считаем необходимым обозначить в этом ключе. Вместе со становлением и укреплением, а также широким распространением и внедрением науки в искусстве возникло и окрепло качественно новое направление, в духовной культуре общества получившее название научно-художественной литературы, проявившей себя в сочинениях Н. Обручева, Д. Гранина, О. Писаржевского и других.

Помимо теоретико-познавательного аспекта взаимодействия науки и искусства, нельзя обойти молчанием социологический подход, имеющий несколько иные сущностные характеристики, но которые также необходимо обозначить в данном исследовании [1, с. 121].

Все виды искусства, выполняя различные предназначения в обществе и осуществляя его в разнообразных формах, преследуют одну цель: воздействовать на духовный мир человека, преобразуя его в нечто возвышенное, прекрасное, благородное. Таковы, например, театр, балет, музыка, живопись, скульптура и т.п. Для их нормального функционирования оказываются необходимыми студии, мастерские, специальные зрелищные помещения, концертные залы и разнообраз-

ные технические средства, а также вспомогательные материалы. Социальный аспект взаимодействия науки с искусством связан с такого рода материальными средствами, столь необходимыми для их существования и успешного развития.

Возьмем для примера оперное искусство. Для него строились специальные, оформленные и дорогостоящие театральные помещения, например, Ла Скала в Милане, оперные театры в Москве, Новосибирске, Париже или Вене. Но их строительство не обошлось без предварительных научных расчетов, касающихся использования всех площадей и, конечно же, зрительного зала в первую очередь. Однако главную заботу ученых вызывали акустические свойства этих зрелищных помещений, поскольку каждое оперное представление было связано с пением и музыкальным сопровождением. От этих свойств зависело адекватное восприятие лучших голосов мира. Не менее емкими в научном отношении, да и в финансовом тоже, являются архитектурные сооружения типа помещений Организации Объединенных Наций, Пентагона, Лувра, картинной галереи в Дрездене или сооружения ВДНХ в Москве. Почти в каждом из них были задействованы значительные научные силы.

Пожалуй, менее затратной в финансовом отношении формой искусства является живопись, но и она не обходится без строительства студий и выставочных залов, которые также необходимо научно рассчитывать. Но в живописи особые выразительные средства — краски, которые раньше использовались художниками в зависимости от личных вкусов и способностей. Однако в период научно-технической революции краски испытали серьезное вмешательство со стороны прогрессирующих научных знаний, приобретая новые, еще не виданные свойства. В живопись и графику настойчивее вмешиваются компьютерные технологии, они же стали значительно влиять на искусство кино и фотографии [1, с. 122]. Сегодня фотографам и кинооператорам предоставлены большие возможности. Они могут свободно убрать лишние детали, добавить недостающие. Это делается для того, чтобы киноленты были более качественными и максимально приближенными к реальной обстановке. Эти примеры тесного взаимодействия науки и искусства можно было продолжить. Однако уже приведенных примеров вполне достаточно для убедительной демонстрации этого очевидного явления всей нашей жизни [1, с. 122].

В заключение рассуждений об общности основных принципов функционирования искусства и науки следует вспомнить, что это касается и их методологических установок, которые сложились в системе научного знания. Эти касаются и проблем методологии искусства.

При всем различии подходов к исследованию внутренних условий социальной безопасности, для всех подходов характерна общая установка, которую мы называем теоретической. Другое дело, если речь идет об отношении практическом. В этом случае сама социальная безопасность, как явление объективной реальности не изменяется. Изменяются лишь возможности, которые есть у любого из условий социальной безопасности. Теоретическая позиция, рассматривающая специфику условий социальной безопасности, подразумевает, что субъект может выйти за пределы частных обстоятельств его практической жизни, более широко проявить свои возможности. Вторая практическая позиция смотрит на мир иначе. Она направлена на максимальное «вхождение» в частные обстоятельства субъекта, так чтобы он мог сознательно определяться в практической деятельности.

Тем самым отметим, что с точки зрения внутренних условий социальной безопасности, их требования более мягки, чем установки внешних условий социальной

безопасности. Внутренние условия социальной безопасности остаются на уровне пожеланий, рекомендаций, советов, которые можно учитывать в практической жизни людей. Требования же внешних условий социальной безопасности, в этом отношении более императивны и обязательны и выглядят в виде своеобразных запретов: «Не делай!», «Не допускай!», «Не позволяй!».

Роль свободы, в этом отношении двойственна. Эта двойственность проявляется в том, что с одной стороны ей присущ ряд внешних, императивных, общеобязательных для исполнения свойств. С другой же стороны, для нее характерны и внутренние свойства, и возможности, носящие характер советов и пожеланий. Она может рассматриваться, как отдельно от социальной безопасности, так и вместе с ней. В нашем случае мы рассматриваем ее вместе с социальной безопасностью, поскольку эти два явления характеризуются общими позитивными и негативными чертами в своем развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельчанинов В.А. Экстернализм как явление духовной жизни общества: [моногр] / В.А. Ельчанинов, О.В. Первушина., Алт. гос. Акад. Культуры и искусств, 2013. — 2013. — 151с.
2. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., «Мысль», 1974. — 568с.
3. Ельчанинов В.А. Роль негативной методологии в научном познании [текст]: монография / В.А. Ельчанинов. — Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2013. — 124 с.
4. Сухотин А.К. Научно-художественные пересечения. Изд-во Томского ун-та, Томск, 1998. — 198с.
5. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. — М.: Искусство, 1991. — 432с.
6. Гегель Г.В.Ф. Эстетика / Г.В.Ф. Том 1. — Переводчик Б.Г. Столпнер и др. Москва: «Искусство», 1968–1963. — 330с.
7. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. Перевод с английского. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1962 г. — 512 с.
8. Ивин А.А. Из тени в свет перелетая... Очерки современной социальной философии. — М.: Прогресс-Традиция. 2015. — 592с
9. Конради К.О. Гете. Жизнь и творчество. Т. II. Итог жизни. — Пер. с нем./ Предисл. и общая редакция А. Гугнина. Издательский дом «Радуга». — 1987. — 648с.
10. Brown R.A. Creativity, discovery and science. — «J. of chem. Education, Tuscon», 1977. — vol. 54. № 12. — P. 721.
11. Koestler A. The act of creation. L., 1964. — P. 31.
12. Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой // «Новый мир», 1989. — № 2. — С. 131.
13. Popper K. Creative self- criticism in Science and in Art. — «Austria today» vol. 5. № 3. — P. 12.
14. Энгельгарт В.А. Познание явлений жизни [Текст] / В.А. Энгельгарт; отв. ред. А.А. Баев и др.; [предисл. и послесл. А.А. Баева]; Академия наук СССР.— Москва: Наука, 1984. — 303 с.
15. Гернек Ф. Пионеры атомного века. — Издательство Прогресс, Москва, 1974 г. — 376 с.
16. Лук А.Н. Проблемы научного творчества. — Вып. 2. М., 1982. — 164с.
17. Пришвин М.М. Избранное [Текст] / М. Пришвин. — [Москва]: Гос. изд-во худож. лит., 1946 (Воен. изд-во). — 554 с.

© Павлова Татьяна Александровна (tapavlov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА¹CONSEQUENCES OF DIGITALIZATION
FOR MODERN SOCIETYV. Plotnikov
Nguyen Van Loc

Summary. The article deals with the actual problem of the consequences of the digitalization process for modern society from the point of economic sociology. The relevance of the research topic lies in the fact that there is a rather extensive layer of scientific literature about the process of digitalization, but about the consequences of digitalization for society.

The purpose of the article is to consider three waves of digitalization and their consequences for the development of modern society. The objectives of the article are to reveal the essence of the waves of digitalization, as well as the consequences of the digitalization process for the modern society development.

The research methodology is based on a systematic approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, deduction, induction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature; method of theoretical economic analysis, method of scientific generalization.

Based on the study results, the author came to the following conclusions: during the third and subsequent waves of digitalization, for the normal existence of society, it is necessary to develop a whole range of mechanisms to mitigate or level the negative consequences of the digitalization process.

Keywords: economic sociology, digitalization, social processes, economic processes, consequences of digitalization.

Плотников Владимир Александрович
Д.э.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет
plotnikov_2000@mail.ru
Нгуен Ван Лок
К.э.н., Тхань Донг университет (Вьетнам)
vanlocspb@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема последствий процесса цифровизации для современного социума с точки зрения экономической социологии. Актуальность темы исследования заключается в том, что о процессе цифровизации существует довольно обширный пласт научной литературы, но о последствиях цифровизации для общества.

Цель статьи заключается в рассмотрении трех волн цифровизации и их последствий для развития современного общества. Задачи статьи состоят в том, чтобы выявить сущность волн цифровизации, а также последствий процесса цифровизации для развития современного социума.

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы; метод теоретического экономического анализа, метод научного обобщения результатов.

По результатам проведенного исследования автор пришел к следующим выводам: при третьей и последующих волнах цифровизации для нормального существования социума необходима разработка целого комплекса механизмов для смягчения или нивелирования негативных последствий процесса цифровизации.

Ключевые слова: экономическая социология, цифровизация, социальные процессы, экономические процессы, последствия цифровизации.

Актуальность темы исследования заключается в том, что процесс цифровизации, проникая во все сферы социально-экономической жизни [6, 7, 8, 11, 14], имеет целый ряд последствий, которые трудно предсказать или предотвратить. Внедрение цифровых технологий в обществе, шедшее в предшествующие десятилетия достаточно быстрыми темпами, дополнительно ускорилось из-за пандемии Covid-19, из-за которой ряд видов деятельности был переведен

в цифровой формат [9, 10, 12, 16]. Эти изменения нуждаются в дополнительном анализе, который может послужить основой для разработки государственной политики, ориентированной на минимизацию негативных последствий ускоренной цифровизации.

По мнению исследователей, цифровая трансформация общества — это не линейный процесс; она протекает волнами, движимыми технологическим прогрессом

¹ Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (рег. № 121042600253-4).

и распространением инноваций [1, с. 4]. Рассмотрим этот вопрос более детально.

Первая волна цифровизации связана с внедрением того, что сегодня считается «зрелыми» технологиями, такими как информационные системы управления, предназначенные для автоматизации обработки данных и применяемые для мониторинга и отчетности по эффективности бизнеса [2, с. 3], телекоммуникационные технологии, такие как широкополосная связь (фиксированная и мобильная) и голосовая связь (фиксированная и мобильная), которые обеспечивают удаленный доступ к информации [18, с. 38].

Вторая волна цифровизации влечет за собой распространение Интернета и соответствующих платформ (поисковых систем, торговых площадок, электронных учебных модулей и т.п.), которые позволяют объединять предприятия в сети с потребителями и другими предприятиями между собой для закупки материалов и распределения продукции [4, с. 5].

Третья волна цифровизации влечет за собой внедрение ряда новых технологий следующего поколения, таких как «большие данные», потоковая аналитика, Интернет вещей, робототехника, датчики и искусственный интеллект, и направлена на улучшение обработки информации и качества принятия решений, а также на автоматизации рутинных задач в коммерческих предприятиях и органах управления [15, с. 119]. Особенность третьей волны заключается в том, что технологии обычно не используются отдельно, а интегрируются со зрелыми технологиями, характерными для первой и второй волн [17, с. 6], образуя неразрывную целостность с синергетическими свойствами.

Как и всякий социально-экономический процесс, каждая волна цифровизации имеет определенный набор социальных и экономических последствий. Например, вычислительные, широкополосные сети и сети мобильной телефонии сыграли важную роль в ослаблении ограничений отраслевой масштабируемости, тем самым позволив традиционным секторам экономики расти более быстрыми темпами [18, с. 48].

С экономической точки зрения, смягчение нехватки ресурсов привело к увеличению спроса на рабочую силу в сфере услуг (финансовые услуги, образование, здравоохранение и т.д.), и это также оказало положительное влияние на развитие производства и рост выпуска [19, с. 51]. Наконец, первая волна, по-видимому, повлияла на рост доходов домохозяйств и облегчение социальной интеграции, поскольку существенно расширился доступ к различной полезной для индивидов информации, государственным услугам и развлекательному контенту [20, с. 58].

Вторая волна цифровизации, по мнению исследователей, привела к появлению новых услуг и приложений, таких как поиск информации в Интернете, электронная коммерция, дистанционное обучение, кроме того, появился целый ряд совместных «полувиртуальных» предприятий, выстроенных на электронном взаимодействии, характерных именно для цифровой экономики (Uber, Airbnb и т.д.) [20, с. 59]. Этот «инновационный эффект», в свою очередь, привел к увеличению спроса на рабочую силу в определенных профессиях, связанных с развитием цифровых услуг или появлением совместных бизнес-моделей, в сочетании с исчезновением традиционных рабочих мест с низкой и средней квалификацией в результате автоматизации большинства задач в производственных цепочках [20, с. 60].

Третья волна цифровизации имеет значительные последствия для повышения производительности, а также обещает принести значительные выгоды в плане социального обеспечения, особенно в отношении реализации концепции устойчивого развития (в части ее социальных и экологических аспектов), а также в части повышения эффективности предоставления государственных услуг и роста их доступности, комфортности получения [21, с. 165].

Некоторые исследователи считают, что имеющиеся на сегодняшний момент данные о разрушительном воздействии третьей волны на рабочую силу (экспрессивное выражение этой идеи — «роботы вытесняют людей») весьма спекулятивны, если только не считать, что разрушительные последствия третьей волны на структуру рынка труда являются просто экстраполяцией эффектов второй волны цифровизации [22, с. 37].

Однако большинство исследователей согласны с тем, что, как и в случае с предыдущими волнами инноваций, автоматизация и роботизация будет отдавать предпочтение тем работникам, у которых выше уровень образования и профессиональной подготовки [22, с. 38].

В этом контексте уместно рассмотреть меры социальной политики, которые могут усилить преимущества автоматизации и роботизации и ограничить негативные последствия цифровизации для современного социума:

1. Внедрение компенсационной политики на рынке труда, направленной на то, чтобы работники могли либо сохранить свои текущие рабочие места, либо перейти в новые сферы деятельности. Такие меры должны включать услуги по трудоустройству, специальные программы на рынке труда и субсидирование заработной платы для снижения затрат на переходный период.

2. Развертывание социальной политики, направленной на повышение географической мобильности, что позволит работникам, проживающим в районах, наиболее пострадавших от автоматизации и роботизации, переехать в города /местности с высокой активностью в создании рабочих мест.
3. Ускорение создания промышленных кластеров и университетов вокруг районов с высоким качеством жизни, которые стимулируют спрос на высококвалифицированную рабочую силу в слабо-развитых регионах.
4. В частности, развивающимся странам необходимо активно продвигать оцифровку производства и цифровую трансформацию. Для этого необходимо уделить особое внимание социальной политике, направленной на ускорение цифровизации производства малых и средних предприятий за счет снижения стоимости приобретения технологий, обучения сотрудников и предоставления консультационных услуг для поддержки компаний в процессе их цифровой трансформации.
5. Также необходимо внедрить изменения в системы образования и обучения, чтобы восполнить пробел в человеческом капитале должного качества (внедрить системы отслеживания, направленные на выявление лучших исполнителей, ввести краткосрочную карьеру в сфере технологий, структурировать двухуровневые университетские системы и др.).
6. Если развертывание технологий третьей волны приведет к сокращению рабочих мест в определенных областях или секторах, государственные структуры должны быть готовы к реализации программ переподготовки и временных мер социальной защиты [22, с. 39].

Задача такой социальной политики, по нашему мнению, заключается в том, что цифровая трансформация, как результат всех трех волн технологических изменений, их суперпозиции, является настолько всеохватывающей, что отраслевые стратегии, разработанные в рамках институциональных разрозненных структур, больше не применимы. Кроме того, сфера будущей социальной государственной политики должна быть значительно расширена за пределы традиционных областей, чтобы поддержать новые области, такие как защита конфиденциальности, кибербезопасность и содействие внедрению цифровых технологий, таких как доверие и улучшение качества обслуживания клиентов [22, с. 41].

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что цифровая трансформация влияет на общество на нескольких уровнях: бизнес-среда, социальная сфера (от образования до здравоохранения), сфера управления и т.п. Что ка-

сается производственной сферы экономики, цифровая трансформация позволяет автоматизировать бизнес-операции, обеспечивая операционную эффективность, например снижение транзакционных издержек, что влияет на производительность всех отраслей.

Цифровая трансформация также открывает новые возможности для бизнеса, влияя на занятость и предпринимательство. Что касается предоставления государственных услуг, цифровая трансформация улучшает предоставление услуг здравоохранения и образования, улучшая при этом способ взаимодействия граждан с государственными и частными институтами [13]. Наконец, цифровая трансформация влияет на человеческие отношения и индивидуальное поведение, облегчая социальную интеграцию и общение, придавая им новые формы.

Однако следует отметить, что цифровая трансформация может также привести к потенциальным негативным последствиям, таким как сокращение численности рабочей силы (особенно в традиционных секторах экономики), избыточная цифровизация (перевод в цифровой формат тех экономических объектов, которые общество хотело бы сохранить в традиционной форме, например, отказ от наличных в пользу электронных денег), ужесточение государственного [3] и корпоративного [5] контроля над повседневной жизнью людей и над их потребительским поведением, киберпреступность и социальная аномия. Именно поэтому государственные органы должны учитывать, что цифровая трансформация — это не линейный и не разовый процесс, но процесс сложный, противоречивый и перманентно изменяющийся.

Понимание политическими элитами сути цифровизации позволит не только предвидеть изменения, происходящие в результате каждой ее волны, описанной выше, но и спрогнозировать время, которое потребуется для полного внедрения некоторых из этих инноваций и, соответственно, оценить время и потребные ресурсы, необходимые для смягчения социально-экономических последствий цифровизации.

В соответствии с этим, цифровизацию следует понимать как два одновременных процесса: экономико-технологический (эволюция технологий посредством инноваций) и социальный (принятие технологий предприятиями, государственными органами и потребителями). Важно проводить различие между обоими процессами, потому что прогресс в создании технологий значительно опережает процесс их распространения, а тем более принятия, встраивания в мироощущение людей. Это означает, что появляется значительный разрыв между доступностью цифровой технологии и социально-экономическими последствиями ее внедрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добринская Д.Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 2. — С. 1–10.
2. Исаева К.В. Влияние цифровизации экономики на социальное управление: анализ современных общемировых тенденций // Национальная безопасность / Nota Bene. 2021. № 2. — С. 1–7.
3. Катрашова Ю.В., Митяшин Г.Ю., Плотников В.А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. — 2021. — № 2. — С. 100–109.
4. Кобакин М.В., Гришаева С.А. Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций // Цифровая социология. 2019. № 1. — С. 4–10.
5. Котляров И.Д. Услуга или манипулирование: взаимодействие интернет-магазинов с потребителями // Интернет-маркетинг. — 2013. — № 6. — С. 358–364.
6. Котляров И.Д. Цифровая трансформация финансовой сферы: содержание и тенденции // Управленец. — 2020. — Т. 11. — № 3. — С. 72–81.
7. Мажарова Л.А. Государство и бизнес в цифровой экономике: механизмы взаимодействия // Наука Красноярья. — 2021. — Т. 10. — № 3. — С. 7–25.
8. Никонов А.А., Стельмашонок Е.В. Анализ внедрения современных цифровых технологий в финансовой сфере // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2018. — Т. 11. — № 4. — С. 111–119.
9. Плещенко В.И. Эффект «черного лебедя»: коронавирусная инфекция как катализатор изменений в социально-экономической сфере // Менеджмент сегодня. — 2021. — № 4. — С. 258–262.
10. Плотников В.А. Пандемия Covid-19, потребительский рынок и цифровизация // Экономическое возрождение России. — 2021. — № 3. — С. 92–104.
11. Плотников В.А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. — 2020. — № 2. — С. 104–115.
12. Плотников В.А. Пандемия Covid-19 и поведение россиян: некоторые наблюдения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2020. — № 2. — С. 19–23.
13. Плотников В.А., Катрашова Ю.В. Перспективы развития и угрозы реализации концепции «умный город» (на примере Санкт-Петербурга) // Экономический вектор. — 2021. — № 1. — С. 131–138.
14. Стельмашонок Е.В., Стельмашонок В.Л. Цифровая трансформация агропромышленного комплекса: анализ перспектив // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2021. — Т. 13. — № 2. — С. 336–365.
15. Торотоева А.М. Цифровизация общества: проблемы реализации и новые возможности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. № 1. — С. 118–130.
16. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Сигарев А.В., Устюжанин В.Л. Трансформация рынка труда: влияние пандемии и прогнозы на будущее // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2021. — № 1. — С. 77–102.
17. Черных С.С., Воденко К.В., Коваленко А.М., Чернов И.В. Демонстративное потребление молодежи в условиях экспансии информационного общества и глобальной цифровизации // Гуманитарий Юга России. 2019. № 5. — С. 1–11.
18. Antani S., Kun L. Life science and its implications for society— (in addition to COVID-19). Conference: 2021 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS). 2021. — P. 47–59.
19. Goya-Tocchetto D., Jachimowicz J. Economic Inequality: Implications for Society and Organizations. Academy of Management Annual Meeting Proceedings 2020. Vol. (1). — P. 37–68.
20. Kaushik N., Bagga T. Internet of Things (IOT): Implications in Society. SSRN Electronic Journal. 2020. Vol. 4. — P. 56–63.
21. Loonam J., O'Regan N. Global value chains and digital platforms: Implications for strategy. Strategic Change. 2022. Vol. 31(1). — P. 161–177.
22. Singh M. From Social to Digital Capital: Implications for Digital Democracy Research. Conference: 2020 SAE Brasil Congress & Exhibition. 2021. — P. 34–49.

© Плотников Владимир Александрович (plotnikov_2000@mail.ru), Нгуен Ван Лок (vanlocspb@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ «КУЛЬТУРНЫЙ КОД» В СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Подкопаев Сергей Борисович

*Пензенский государственный университет
sb_pod@yandex.ru*

THE CULTURAL CODE CONCEPT IN THE SOCIOLOGY OF CULTURE: METHODOLOGY PROBLEM

S. Podkopaev

Summary. The article deals with the methodological issue of studying the cultural code concept within the framework of the sociology of culture. The relevance of the research topic is due to the fact that in modern sociology of culture there is no single methodology for studying such a phenomenon as a «cultural code».

Meanwhile, this concept is quite often found in modern sociological research in the context of the grounds for the behavior of a particular nation, ethnic group or local community (ethnic group, local geographically defined community, etc.). The paper purpose is to identify the main methodological problems in the study of the cultural code concept.

The research methodology is based on a systematic approach and includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic, the method of comparative analysis.

Based on the results of the study, the author of the article came to the conclusion that there is no single definition and methodology for studying the phenomenon of «cultural code» in modern sociology of culture, despite the many opinions and classifications in various empirical studies.

The author also states that it is precisely the lack of combination of qualitative methods with quantitative analysis that leads to the fact that the concept of «cultural code» still remains an abstraction, the interpretations of which are arbitrary and often poorly substantiated.

Keywords: systemic approach, sociology of culture, cultural code, structural functionalism, society.

Аннотация. В статье рассматривается методологический вопрос исследования понятия «культурный код» в рамках социологии культуры. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современной социологии культуры не существует единой методологии исследования такого феномена как «культурный код». Между тем, это понятие довольно часто встречается в современных социологических исследованиях в контексте оснований поведения конкретной нации, этноса или местного сообщества (этнической группы, локальной географически определенной общины и т.п.). Цель статьи заключается в том, чтобы выявить основные методологические проблемы в исследовании понятия «культурный код». Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя группу общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования, метод сопоставительного анализа. По итогам проведенного исследования автор статьи пришел к выводу о том, что единого определения и методологии исследования феномена «культурный код» в современной социологии культуры не существует, несмотря на множество мнений и классификаций в различных эмпирических исследованиях. Автор также констатирует, что именно отсутствие совмещения качественных методов с количественным анализом приводит к тому, что понятие «культурный код» до сих пор остается абстракцией, трактовки которой имеют произвольный и часто слабо обоснованный характер.

Ключевые слова: системный подход, социология культуры, культурный код, структурный функционализм, социум.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последние несколько лет активизировался интерес к трактовке понятия «культурный код» в современных социальных исследованиях. Социология как наука обратила внимание на те новые идеи, которые возникают в отношении исследования феноменов культуры на уровне социума. Культурное

многообразие, или «мультикультурный мир», к которому призывал Евросоюз с начала 2000-х годов, привели к тому, что в кризисных ситуациях (пандемия, голод или война) общества развитых стран раскалываются на «своих» и «чужих», применяя насилие к мигрантам и прочим некоренным социальным группам [1, с.18]. Исследователи отмечают, что причина исчезнове-

ния толерантности в развитых странах по отношению к представителям иных культур заключается в том, что в кризисных условиях наиболее ярко проявляются отличия в национальных культурных кодах [3, с. 389]. При этом, в научной литературе, посвященной проблемам социологии культуры, не существует общепринятого определения понятия «культурный код». Как пишет в своей работе М. Хаммерсли, «культурный код относится к нескольким связанным понятиям о совокупности общих практик, социальных ожиданий и социальных соглашений, характерных для конкретной области культуры» [8, с.29].

Согласно одной из наиболее часто встречаемых в научной литературе интерпретаций, «культурный код — это определяющий набор образов, связанных с определенной группой стереотипов в сознании социума» [6, с. 124]. Таким образом, культурный код представляет собой «своего рода культурное бессознательное, скрытое даже от нашего собственного понимания, но видимое и в наших поступках» [8, с. 28].

Исследователи отмечают, что, на уровне всего социума, культурные коды помогают понять поведенческие реакции, характерные для представителей конкретного социума. При этом, как полагает М. Хаммерсли, «знакомство с неписаными правилами социальной жизни в конкретном сообществе помогает людям чувствовать себя в безопасности, то есть — нормально» [8, с. 29]. По мнению Дж. Мохра, «большинство людей хотят жить своей повседневной жизнью, будучи уверенными в том, что их поведение не будет подвергнуто осуждению или принудительно изменено другими членами социума» [10, с.55–56].

В настоящее время, проблематика культурных кодов постепенно продвигается в центр дебатов не только в социологических исследованиях, но и во всех гуманитарных науках. При этом среди социологов, специализирующихся в этой области, нет единого мнения о том, что означает понятие «культурный код» и как оно соотносится с социологией культуры в ее традиционном понимании [2, с. 48]. Интересно, что сами различия во мнениях можно объяснить разными географическими, социально-политическими или национальными традициями — то есть тем фактом, что авторы этих мнений сами являются носителями разных культурных кодов. Что еще более важно, такие концептуальные различия являются проявлением более глубоких противоречий, связанных с аксиоматической и фундаментальной логикой теории культуры [5, с.14]. При этом ключевым в данной дискуссии является вопрос о «культурной автономии» и о месте культуры в системе социологического знания. Большинству современных трактовок понятия «культурный код» присущи фундаментальные

недостатки, поэтому мы выступаем за комплексный подход к исследованию культурного кода.

По мнению некоторых исследователей, анализ культурного кода должен учитывать поверхностные вариации с точки зрения более глубоких генеративных принципов [4, с. 10]. На наш взгляд, можно применить этот принцип к анализу культурного кода одновременно с рефлексивным и диагностическим акцентами. Однако, на протяжении большей части своей истории в социологии сохраняется недостаток внимания к расшифровке понятия «культурный код». Захваченные непрекращающимся кризисом современности, классические основоположники социологии считали, что эпохальные исторические трансформации обесмыслили любое социальное понятие [7, с. 92]. Тем не менее, Э. Дюркгейм в своей поздней социологии, сформулированной в критических отрывках из «Элементарных форм религиозной жизни» (1968), а также в восстановленном посмертно курсе лекций, предполагал, что даже современная социальная жизнь имеет неизбежный духовно-символический компонент, который «направляет, влияет и определяет стратегии социального поведения индивида» [10, с. 104]. Несмотря на слабость принципа каузальной амбивалентности, работы Э. Дюркгейма и его последователей о сути культурного кода как социально значимого компонента человеческого поведения также убедительно указывают на то, каким образом нематериальные силы связывают людей вместе в единый социум, имеющий свои особенные, определяющие традиции и обычаи.

Интересно, что в социологии культурный код нередко рассматривается как средство для манипуляций массовым сознанием. Так, по мнению некоторых исследователей, коммунистическая и фашистская идеологии, вызвавшие потрясения, ознаменовавшие XX век, были основаны на популистском использовании культурных кодов, имеющих глубокие корни [9, с.65]. В частности, популистские идеологии «пытались алхимизировать то, что они считали бесплодными культурными кодами буржуазного гражданского общества, в новые, почти сакральные формы, которые могли бы вместить технологию и разум в более широкие, всеобъемлющие сферы значения» [6, с. 124].

В послевоенный период, Т. Парсонс и его коллеги, движимые совершенно иными идеологическими ображениями, стали транслировать идею о том, что современное общество должно основываться на принципе толерантности, а не на культурных кодах [10, с. 78]. Исходя из аналитической, а не эсхатологической предпосылки, именно Т. Парсонс предположил, что «ценности» должны занимать центральное место в социальных процессах и институтах, если общество способно

функционировать как целостный организм. Результатом стала теория, которая, по мнению многих современников Парсонса, идеализирует принцип «мультикультурализма» [6, с. 129].

Однако, как полагают некоторые исследователи, с методологической точки зрения функционализм Т. Парсонса можно считать недостаточно «культурно ориентированным», поскольку «работа Парсонса лишена мощного герменевтического измерения» [10, с. 93].

С этим тезисом можно частично согласиться, поскольку Т. Парсонс, теоретизируя о важности ценностей, не объяснял их природу. Вместо того, чтобы заниматься «социальным воображаемым», погружаться в культурные коды и нарративы, составляющие социальный контекст, он и его коллеги-функционалисты наблюдали за проявлением культурных кодов извне и индуцировали их существование, используя категориальные рамки, предположительно порожденные функциональной необходимостью. В такой трактовке культурный код остается только теоретической абстракцией. Когда мы обратимся к эмпирическому миру, мы обнаружим, что функциональная логика связывает культурную форму с социальной функцией и институциональной динамикой до такой степени, что трудно представить, в чем может заключаться культурный код в каком-либо конкретном социальном контексте.

В итоге структурный функционализм, равно как и теория систем, не предлагают аналитических инструментов для исследования культурного кода как основы культуры конкретного социума. Анализ научной литературы показал, что современная социология культуры не имеет четко разработанного методологического аппарата для исследования феномена «культурный код».

На наш взгляд, для анализа такого абстрактного, но вместе с тем — весьма реального — феномена как «культурный код», необходимо одновременное использование количественных и качественных подходов, не как парадигматических методологических альтернатив, а как подходов к эмпирическим исследованиям, которые взаимно дополняют друг друга.

Ценность комплексного использования данных подходов заключается именно в их различиях. Количественный анализ долгое время имел неопределенный статус в социальных культурологических исследованиях. В течение многих лет его основное значение, казалось, заключалось в методиках сбора и исследовании данных. Количественный метод использовался в качестве риторического фона, чтобы повысить ценность качественных и гуманистических методов анализа. Все это, по-видимому, свидетельствует об общем безразличии и незаинтересованности в количественных формах знания среди социологов культуры. При этом, социология культуры, считая свои основные интеллектуальные интересы связанными с теорией и исследованием сложной текстуры качественных данных, «рискует быть неспособной оспорить достоверность числовых данных, когда они используются в весьма реакционных целях» [7, с. 93]. Такие доказательства при анализе культурного кода могут иметь значительную аналитическую силу. Более того, количественные методы позволяют провести верификацию качественных данных с помощью различных методик индексации и рейтингования. К сожалению, в современной социологии культуры не разработана единая методология для исследования феномена «культурный код».

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Перевод качественных данных в количественные должен быть обоснован и верифицирован с помощью новейшего программного обеспечения, которое имеется в распоряжении современных социологов. Однако, в настоящее время именно ограничения, связанные с отказом от количественной оценки, несмотря на примеры исследований, в которых успешно сочетались как качественные, так и количественные методы, приводят к двум последствиям:

1. отсутствию универсального (общепринятого) определения понятия «культурный код» как социально-значимого феномена;
2. отсутствию проработанного методологического аппарата изучения культурного кода, который позволил бы совместить количественный и качественный варианты анализа

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.К., Комиссаров С.Н. Ревальвация культуры и задачи социологии // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. — С. 17–47.
2. Лазукова Е.А. Некоторые теоретические вопросы социологии культуры // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 3. — С. 47–54.
3. Малинин В.Б., Измалков В.А. Социология культуры и субкультуры // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». 2017. № 10. — С. 389–392.
4. Орлова Э.А. Компоненты современной социологии культуры // Культура культуры. 2016. № 3. — С. 3–26.
5. Петров И.Ф. Ценностный подход в социологии культуры // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 1. — С. 40–44.
6. Botelho A. Modernism as a cultural movement: a political sociology of culture. Lua Nova Revista de Cultura e Política. 2020. Vol. 3. — P. 120–134.

7. Fitz G. Sociology of culture. In book: *The Challenge of Modernity*. 2018. — P. 89–122.
8. Hammersley M. «Culture» in Sociology and Cultural Studies. In book: *The Concept of Culture*. 2020. — P. 27–58.
9. Martin L., Donnat O., Jean L., Maigret E. Debate on the Sociology of Culture. In book: *Cultural History in France*. 2019. — P. 63–81.
10. Mohr J.W. *The sociology of culture*. Cambridge University Press, 2021. — 288 p.

© Подкопаев Сергей Борисович (sb_pod@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пензенский государственный университет

ПОЗИТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ «СЧАСТЬЯ»: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОДЫ

Сербинина Инга Борисовна

Московский политехнический университет
Serb_ib@bk.ru

POSITIVE SOCIOLOGY OF «HAPPINESS»: QUANTITATIVE AND QUALITATIVE APPROACHES

I. Serbinina

Summary. The article deals with the actual problem of the formation of a positive qualitative sociology in relation to the study of the category «happiness». In modern sociological studies, the attention by the authors is mainly drawn to social problems and pathologies, but not to constructive social patterns, with the help of which the category of «happiness» in its social perception is achievable. The research goal is to identify the main direction of research into the category of «happiness» in the framework of quantitative and qualitative approaches.

The objectives of the study are as follows: to consider the general contribution of sociology to the development of the «happiness» concept; identify the possibilities of positive sociology in the study of this concept; formulate evidence-based conclusions.

The research methodology is based on system analysis and includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic; method of comparative analysis, critical analysis. Based on the results of the study, the author came to the following conclusions: for modern sociology, a conceptual turn from the study of social pathology to the study of positive parameters of social life, including the concept of «social happiness», is important, which will allow achieving more significant results in qualitative sociology.

Keywords: neoclassical positivism, sociology, positive sociology, social goods, social happiness.

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема становления позитивной качественной социологии в отношении исследования категории «счастье». В современных социологических исследованиях внимание авторов, в основном, обращено на социальные проблемы и патологии, но не на конструктивные социальные паттерны, с помощью которых достижима категория «счастье» в ее социальном восприятии. Цель статьи заключается в выявлении основного направления исследования категории «счастье» в рамках количественного и качественного подходов.

Задачи исследования заключаются в следующем: рассмотреть общий вклад социологии в разработку концепции «счастье»; выявить возможности позитивной социологии в изучении данной концепции; сформулировать научно-обоснованные выводы.

Методология исследования основана на системном анализе и включает в себя группу общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования; метод сопоставительного анализа, критический анализ. По итогам проведенного исследования автор пришел к следующим выводам: для современной социологии важен концептуальный поворот от изучения социальной патологии к исследованию позитивных параметров общественной жизни, в том числе — понятия «социальное счастье», что позволит достичь более значимых результатов в качественной социологии.

Ключевые слова: неоклассический позитивизм, социология, позитивная социология, социальные блага, социальное счастье.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последнее время в отечественной и зарубежной социологии концепция «счастье» стала привлекать все большее внимание. При этом, среди ученых, интересующихся социальными аспектами счастья, в последние несколько лет стало общепринятым заявлять, насколько незначительный вклад в изучение счастья внесли социологи [7, с. 19].

Такие заявления вполне понятны, поскольку социология в целом явно неохотно рассматривает счастье (или связанные с ним понятия, такие как благополу-

чие, процветание и качество жизни) в качестве главной темы или специализированной области. По сравнению с психологией, экономикой и философией, другие социальные науки практически не принимали участия в общественной дискуссии о понятии «счастье». Например, качественная социология (в широком смысле включающая социокультурную антропологию и культурные исследования) почти ничего не говорит о счастье. В антропологии XX века моральный релятивизм и отчасти романтизм помешали развить концепцию социального счастья. При этом, в XXI веке можно было бы ожидать, что антропология скажет о счастье больше, чем социоло-

логия: хотя и та, и другая возникли в результате критики современности, многие антропологи были более позитивно настроены на исследование счастья в незападной научной парадигме.

Тем не менее серьезное антропологическое внимание концепции счастья никогда не проявлялось в XX-м веке. Профессор Университета им. Эразма Роттердамского (Нидерланды), Рут Винховен, который считается одним из основоположников социологической дискуссии о счастье, утверждал, что «социология XX века устремилась в изучение качества жизни, в количественные социальные показатели, в исследования «успешного старения», психологию благополучия и здоровья, но при этом — полностью проигнорировала такую категорию, как счастье» [15, p.52].

Ключевой контраст, по-видимому, заключается между количественной социологией, с одной стороны, которая внесла значительный вклад в исследования счастья и качества жизни на протяжении всего XX века), и качественной (этнографической, нарративной, интерпретационной или аналитической) социологией и антропологией,— с другой.

С 1930-х годов количественные социологические исследования были ориентированы в основном на изучение социальных индикаторов, количественного измерения социальной жизни. При этом, как ни парадоксально, сами социологи полагают, что эта наука способствует счастью и социальному прогрессу. Как отмечает в своей статье британский исследователь Р.Нэтлз, «для социолога-гуманиста социология — это исследование того, как сделать мир лучше; в такой науке именно люди имеют ключевое значение» [12, с.92].

Другие авторы, И. Шау [13] и К. Нарровни [11] утверждают, что основной ценностью, на которую социология должна ориентировать свои усилия, является «человеческое благополучие», хотя оба не дают исчерпывающего определения этому довольно широкому понятию. При этом, если развить мысль этих авторов, если «люди имеют значение», то они явно имеют значение не только как объекты научного интереса, но и как субъективные лица, переживающие и оценивающие свои собственные условия существования. Тем не менее, счастье, или благополучие в более общем смысле, кажется, рассматривается в большинстве современных социологических работ [1, 2, 3] как проблема «здорового смысла», которая пока не получает окончательной универсальной дефиниции.

Как показал проведенный нами анализ научной литературы, в современной социологии постепенно наступает поворот в сторону позитивных социальных

исследований. Как отмечает в своей работе М. Хаммерсли, «социология на протяжении всего XX столетия, как, впрочем, и в начале XXI века огромное внимание уделяла патологическим темам (преступность, бедность и социальная изоляция), и даже потенциально позитивные темы, такие как социальный статус, пол, образование, здоровье, психическое здоровье и семейная жизнь, как правило, трактовались и трактуются с позиций социальной патологии» [10, с. 87]. Автор также отмечает, что «чтобы быть «прогрессивным» как социологу, нужно постоянно подчеркивать страдания и вред, причиняемый обществу, с целью их облегчения; социальная патология, конечно, жизненно важна и по-своему даже благонамеренна, поскольку ее осознание может отчасти помочь людям адекватно жить в «минимально приличном обществе» [10, с. 102]. Позитивная социология отмечает, что существуют важные различия между минимальными стандартами и действительно хорошим социальным качеством, и, если мы хотим создать лучшее общество, нужно учиться на хороших примерах, а не только на плохих [9, с. 295].

В отличие от количественной, «позитивная» социология обращает внимание на социальные блага и социальное конструирование счастья. К сожалению, систематическое внимание к пониманию и продвижению социальных благ (то есть желательных качеств действительно хорошего общества) до сих пор является редкостью в академической социологии, прикладной социальной политике и в социальной работе. Социологическое исследование, которое не является нейтрально описательным или аналитическим, как правило, посвящено изучению и анализу того, как именно социальные процессы и институты препятствуют счастью [4, 5, 6]. Между тем, как отмечает С. Кригг, «с конца XX века «счастье» приобрело ключевое психологическое значение субъективного благополучия, включая переживание хороших чувств, а также более рефлексивную или познавательную самооценку своей жизни в целом» [8, p.19].

В данном контексте Г. Кокс считает, что «полезно различать четыре аспекта «линзы счастья»: позитивность, уважение к субъективности, холизм и взгляд на всю жизнь (эти четыре качества приводят к пятому, а именно — к «этической прозрачности») [7, с. 29]. Из них, по мнению исследователя, первые два являются основными минимальными требованиями социального счастья, а вторые два можно рассматривать как дополнительные. Приводимые исследователем аспекты счастья в некотором смысле социально сконструированы и, следовательно, являются подходящим предметом для социологического исследования.

Тем не менее, на пути развития качественной позитивной социологии нам видятся следующие препят-

ствия. Во-первых, чтобы дать всеобъемлющую или хотя бы адекватную дефиницию исследуемого предмета (социальное счастье) нужно объединить две части: «социологическую линзу» и «линзу счастья». «Социологическая линза» требует внимания к социокультурным контекстам — к тому, как институты, отношения, культурные сценарии и социальное обучение влияют на счастье или облегчают переживание или понимание счастья. При этом пришлось бы настаивать на прямом применении социологической теории, например, используя типично дюркгеймовские концепции солидарности или марксистские концепции класса или отчуждения при анализе социальных факторов, влияющих на счастье.

Во-вторых, даже чувства, переживаемые как личные и «сырые», понимаются и передаются способами, полученными от других людей, то есть выражаются в определенном культурном контексте. При этом, не вся позитивная социология сосредоточится на счастье, потому что гораздо проще исследовать социальные блага, не обращая внимания на субъективность.

Но при этом социология счастья может рассматривать субъективный опыт социальных благ [2, с.3]. Например, простое исследование социальных аспектов удовлетворенности работой могло бы служить примером

самой скромной разновидности социологии счастья, поскольку оно включало бы изучение положительной субъективности в отношении социокультурного контекста. Полностью «максимальный» подход повлечет за собой более сложные исследования, возможно, с применением социологических теорий класса, отчуждения и социальной идентичности для изучения удовлетворенности работой по отношению к другим сферам жизни и по отношению к роли культурных сценариев в жизни. Для некоторых исследовательских целей может быть достаточно скромного подхода, но полный потенциал позитивной социологии можно будет раскрыть только при сочетании всех особенностей «линзы счастья» в рамках позитивной качественной социологии.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: учитывая огромное разнообразие методов и тем в исследованиях счастья, все разновидности методик требуют двойной стратегии: стремление к междисциплинарному подходу, с одной стороны, и, с другой стороны, — стремление к акцентуации не патологического, а позитивного социального опыта. Последняя задача является для социологов особенно сложной, поскольку предполагает отход от вековой практики исследований социальных патологий. Только при таком условии социология может внести важный вклад в понимание социального счастья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева О.В. Социологическое измерение счастья: универсальный подход (на материалах социологического исследования жителей г. Красноярска) // *Siberian Socium*. 2019. № 1. — С. 30–45.
2. Качур Н.В. Эволюция социологической интерпретации счастья // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2015. № 4. — С. 1–5.
3. Сушко П.Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. № 1. — С. 48–63.
4. Троцук И.В., Гребнева В.Е. Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019. № 3. — С. 7–30.
5. Троцук И.В., Королева К.И. Субъективное благополучие — качество жизни или счастье? // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 9. — С. 57–62.
6. Троцук И.В., Панкова А.В. Социологический анализ феноменов свободы и счастья: апробация методического подхода // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 11. — С. 1–7.
7. Cox G.R., Thompson N. *Key Sociological Concepts*. New-York, 2020. — 256 p.
8. Crigg S.V. On the nature of human happiness: sociology versus psychology. *Social Science Journal*. 2020. Vol. 2. — P. 18–25.
9. Doob Ch.B. Sociological Concepts and Ideas. In book: *Great Expectations*. 2018. — P. 294–297.
10. Hammersley M. *Troubling Sociological Concepts: An Interrogation*. Routledge, 2020. — 304 p.
11. Narovni K. Happiness as a sociological phenomenon. *Social Science Journal*. 2019. Vol. 7. — P. 13–29.
12. Nettles R. Touching Eternity: Sociological Interpretations of the Concept of Happiness. *Social Science Journal*. 2018. Vol. 10. — P. 88–96.
13. Shaw I. Sociological Conceptions of Happiness and its Implications for Psychotherapy and Public Policy. *Journal of Nursing & Care*. 2016. Vol. 04(03). — P. 10–22.
14. Thin N. New sociological concepts of happiness: a comparative analysis. *Social Science Journal*. 2021. Vol. 4. — P. 48–59.
15. Veenhoven R. Measures of Gross National Happiness. *Psychosocial Intervention*. 2007. Vol. 18(3). — P. 50–67.

© Сербинина Инга Борисовна (Serb_ib@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕННОСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУКАХ

VALUES: DEFINITION, MAIN CONTENT AND CLASSIFICATION IN THE SOCIAL SCIENCES

M. Yashnova

Summary. The article discusses the theoretical and methodological foundations of the study of values, which allowed to generalize and systematize the scientific experience of studying value issues. The author analyzes the understanding and interpretation of value as the main row-forming category within the subject fields of a number of socio-humanitarian sciences, each of which studies values with the features inherent in these sciences — philosophy, cultural studies, psychology, and special attention is devoted to the study of the specifics of value issues in sociology. As a result, it was proved that the sociological analysis of values is carried out at all four levels: micro-, meso-, macro- and mega-levels, where the main units of analysis are, respectively, such carriers or subjects of values as personality, social group / community, society, humanity. Since modern sociology is a multi-paradigm science, in the final part of the article the author has chosen the main theoretical positions with certain meta-paradigms, paradigms, directions, theories and concepts. In the final part of the article, the main approaches to the analysis of globalization processes at the present stage of social progress are considered, the specifics of globalization trends in each of the branches of scientific knowledge proposed by us are revealed — the question of finding a «value consensus» based on the «value synthesis» of old and new value systems is raised.

Keywords: value, value approach, theories about human values, multiparadigmality of sociology, globalization.

Яшнова Маргарита Андреевна

*К.с.н., доцент, Российский Государственный Социальный Университет
Yama@bk.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены теоретико-методологические основы исследования ценностей, которые позволили обобщить и систематизировать научный опыт изучения ценностной проблематики. Автором осуществлен анализ понимания и толкование ценности как главной рядообразующей категории в пределах предметных полей ряда социогуманитарных наук, каждая из которых изучает ценности с присущими этим наукам особенностями — это философия, культурология, психология и особое внимание посвящено изучению специфики ценностной проблематики в социологии. В результате было обосновано, что социологический анализ ценностей осуществляется на всех четырех уровнях: микро-, мезо-, макро — и мегауровнях, где главными единицами анализа выступают, соответственно, такие носители или субъекты ценностей, как личность, социальная группа / сообщество, общество, человечество. Поскольку современная социология является мультипарадигмальной наукой, то в заключительной части статьи автором осуществлено избрание главных теоретических положений с определенными метапарадигмами, парадигмами, направлениями, теориями и концепциями. В заключительной части статьи рассмотрены основные подходы к анализу процессов глобализации на современном этапе общественного прогресса, выявлена специфика глобализационных тенденций в каждой из предложенных нами отраслей научного знания — поставлен вопрос о поиске «ценностного консенсуса» на основе «ценностного синтеза» старых и новых ценностных систем.

Ключевые слова: ценность, ценностный подход, теории о ценностях человека, мультипарадигмальность социологии, глобализация.

Ценность как научная категория является предметом исследований многих социологических дисциплин, ведь открывает путь к пониманию природы человека, его действий и поступков в социальной и культурной среде. С другой стороны, человек как существо разумное стремится «завладеть» определенной системой ценностей, активно пользуется ими в различных жизненных ситуациях. Ценности охватывают и нормируют все измерения человеческой жизни: физический, психический, духовный и общественный. Эта многомерность ценностного пространства предопределяет особенности его изучения и толкования в пределах различных социогуманитарных наук, каждая из которых рассматривает ценности в границах своего

предметного поля. Прежде всего, это касается главной рядообразующей категории — ценности. Анализ накопленного опыта научных исследований удостоверяет, что на сегодняшний день не существует единой дефиниции ценностей в силу значительного количества определений и трактовок [45; 19, 41; 3]. Тем не менее, обращается внимание на то, что ценности выступают в качестве источников, мотиваторов и регуляторов человеческого поведения деятельности; функционируют и изменяются именно в социальной среде и, в свою очередь, стимулируют изменения и трансформации этой среды.

Во всем разнообразии попыток рассмотрения и толкования ценностей в социологических и гуманитарных

науках аналитики выделяют ряд узловых моментов, вокруг которых сосредоточены сегодня теоретические дискуссии относительно проблемы ценностей. Первый узловой момент касается рассмотрения в качестве ценности некоторого объекта или атрибута, то есть является ли объект ценностью или имеет ли он какую-то ценность. Второй узловой момент разделяет точки зрения, в соответствии с которыми ценностями считаются окружающие человека предметы, имеющие для него значения, или удовлетворяющие его потребности, или же ценностями признаются особые абстрактные сущности. Третий узловой момент проходит между пониманием ценности как индивидуального и пониманием ценности как сверхиндивидуального (ценности образования больших социальных групп, социальных систем и др.) образования. Четвертый узловой момент разделяет сознательный и бессознательный способы включения ценностей в структуру личности. Здесь социальная регуляция уже не рассматривается как нечто внешнее по отношению к индивиду, скорее как элемент структуры социализированного индивида. Пятый узловой момент касается функций индивидуальных и надиндивидуальных ценностей и описывается посредством противопоставления нормы и идеала [24].

Как видим из приведенного анализа, львиная доля выделенных позиций для дискуссии требуют, прежде всего, философского осмысления, обращения к источникам теории ценностей. Следует искать, прежде всего, в философской мысли античности [2; 5], где в центре внимания предстает не только природа, но и человек, который начал исследовать и изучать самого себя, все то, что является значимым и важным для него. С тех пор было введено разделение на ценности и нормы, получили начало попытки классификации ценностей, а также были начаты дискуссии об относительности ценностей и их роль в становлении мудрости и т.д.

В разные исторические эпохи в философии прослеживается разное понимание ценностей. Так, в эпоху Средневековья они связывались с божественной сущностью, приобретали религиозный характер. Эпоха Возрождения выдвинула на первый план ценности гуманизма. В Новое время развитие науки и общественных отношений во многом определил и новые подходы к рассмотрению предметов и явлений как ценностей. Начиная с XX века, почти каждое философское направление, наряду с онтологией и теорией познания, демонстрирует аксиологическую традицию, что позволяет говорить о формировании философской аксиологии как отдельной единицы философских течений (прагматизм, экзистенциализм, неопозитивизм) отождествляют ценность с субъективной оценкой отдельного человека, другие (феноменология, персонализм, неотоцизм, неопротестантизм) подчеркивают объективность цен-

ностей, их независимость от оценочных взглядов конкретного субъекта или группы лиц [20]. Третья группа ученых делится на лагерь, демонстрирующие натуралистический и антинатуралистический (трансценденталистский) подходы к проблеме ценностей [22; 40; 7; 35]. С позиций натуралистического подхода ценностью представляется все то, что способствует эффективному функционированию «человеческой природы». В основе антинатуралистического направления в философской аксиологии лежит убеждение в определенной оторванности от естественных потребностей человека: для них ценности — это идеальные сущности, сфера которых находится вне опыта; они не зависят от человеческих потребностей.

Одной из важных аксиологических проблем было и остается выяснение природы ценностей, способа их бытия и функционирования, что составляет круг научных интересов четвертой группы философов. В частности, в рамках этой группы ее представители выделяют разнообразные концепции природы ценностей [1], в том числе теории относительного, субъективного, релятивистского характера природы ценности (ценность не может существовать независимо от человека и общества, она существует лишь по отношению к ним); концепции реалистического бытия ценности (признает объективность существования ценности независимо от человека, его потребностей, интересов и т.п.); концепции «потенциальной» ценности или псевдоабсолютной сущности ценностного сознания (здесь аксиология должна изучать псевдоабсолютный характер природы ценности).

Пятая группа философов-аксиологов сосредотачивает свое внимание на типологии и иерархии ценностей. Среди них выделим типологию немецкого философа Г. Риккерт, в которой представлено шесть классов ценностей (ценности науки, искусства, мистические, социально-этические, личные, религиозные) [33], а также иерархию ценностей польского исследователя Р. Ингардена [47] с разделением на витальные ценности — самые низкие в иерархии; ценности культуры; нравственные ценности — самые высокие в ценностной иерархии.

Близкой к пятой группе философов можно считать представителей шестой группы, в центре внимания которых находятся попытки классификации ценностей, что в дальнейшем остается открытой научной проблемой. Единого подхода к решению этого вопроса нет, ведь ценности слишком разнообразны. Так, внутри этой группы сегодня обсуждается разделение ценностей на объективные, субъективные и абсолютные [15]. С другой стороны, различают предметные ценности и ценности сознания; ценности индивида и общества;

экономические, политические, правовые, нравственные, эстетические, религиозные и др. Основной методологии классификации ценностей в философии является диалектика общего, особого и единичного, согласно которой все ценности можно объединить в три большие группы: общечеловеческие ценности (общее); ценности социальных групп (особенное); ценности личности (единичное) [14]. На наш взгляд, заслуживают внимания и другие подходы к классификации ценностей. Так, польская исследовательница А. Фолкерская [46] разделяет их на следующие разновидности: интеллектуальные, эстетические, социоцентрические, аллоцентрические, а также ценности престижа, материальные, гедонистические, эмоциональные ценности и ценности перфекционизма.

Седьмую группу философов образуют ученые, разрабатывающие проблематику функций ценностей. Так И.В. Троцук и К.Г. Сохадзе [39] выделяют регулируемую, формирующую и нормирующую функции ценностей; Э.Л. Носенко, Н.В. Фролова — функцию конституирования смысла жизни, ориентационную и нормативную функции [28].

Наконец, восьмую группу составляет большое количество ученых, философствования которых связано с осмыслением влияния глобализации на формирование, функционирование и трансформацию ценностей. Глобализация как процесс и результат социальных изменений в современном мире порождает ряд эпохальных вызовов. Н. Луман говорит о четырех измерениях глобальных изменений, которые вызывают коренные изменения во всех сферах жизнедеятельности человека и сообщества и существенно влияют на системы ценностей:

1. глобализация характеризуется интенсификацией экономического развития;
2. несет миру новые конфликтности в мире: стирание культурных границ между государствами, разрушение этнической и культурной идентичности, распределение ресурсов в условиях их недостатка, передел власти и др.;
3. порождает системную трансформацию социума в направлении разрушения традиционного системно-политического порядка, базирующегося на принципах государственного суверенитета и национально-культурной интеграции;
4. порождает разрушение культур и традиций [23].

Сверхиндивидуальные сетевые структуры — это еще один цивилизационный вызов современному обществу. Их развитие часто происходит по своей особой логике, не уместяющейся в привычные рамки функционирования социальных сообществ. В глобальном социальном пространстве цивилизационный вызов — это

многоаспектное явление, проявляющее себя не только в вызовах интеллектуального и технологического характера, но на уровне идентичности и аксиологии. Российская исследовательница К. Михайлева говорит об еще одном вызове — энвайроментальном, в пределах которого личность, общество и государство сталкиваются с необходимостью поиска новых способов взаимодействия с окружающей средой для успешной реализации своих стратегий [27].

Главную роль в этом направлении связывают с возникновением детища глобализации — Интернета как мировой паутины, заставляющей ученых осмысливать такую ее составляющую, как аксиосфера сетевого общества, которая требует основательного изучения и исследования. На это обращает внимание П. Кравченко, говоря о том, что религия, мораль, ценности, язык, традиции, хотя и способствуют внутренней консолидации локальных социальных групп, в мировом масштабе нередко превращаются в источник разногласий и социальных конфликтов [18]. По его мнению, сверхиндивидуальные сетевые структуры социального взаимодействия играют роль «невидимой руки», сущность действия которой сводится к появлению таких артефактов социальной жизни, которые не прогнозировались и не планировались, но которые способны влиять на трансформацию социальной структуры. А поэтому каркасом, стандартом глобальной социальной архитектуры может выступать лишь такая система ценностей, которая согласуется с процессами социальной синергии информационного пространства [8].

Второй наукой из числа социологических, в которой центральное место занимает проблематика ценностей, является психология с ее многими направлениями, прежде всего, такими, как психоаналитические теории, бихевиоризм, гуманистическая и экзистенциальная психология и др. Классический психоанализ З. Фрейда, являющийся первым направлением исследований ценностей в психологии, которое мы выделяем, привлекает внимание многих современных исследователей, которые считают, что любой элемент его структуры личности может служить источником и местом нахождения ценностей. Так, «Супер-Эго» содержит социальные нормы и ценности, а Эго — индивидуальные ценности, которые сильнее общепринятой системы ценностей [16]. В дальнейшем идеи З. Фрейда получили развитие в работах его последователей А. Адлера, К. Хорни, Г. Салливан и др. В частности, А. Адлер считает, что стремление к превосходству направлено на формирование личной ценности, а высший закон жизни заключается в том, что чувство ценности человеческой личности не должно уменьшаться [37].

Проблема ценностей находит свое продолжение во втором направлении изучение ценностей, на ко-

торый мы обращаем внимание, а именно — поведенческая психология (бихевиоризм), рассматривающая поведение человека как результат предварительных воздействий окружающей среды. Типичный представитель бихевиоризма Т. Парсонс обращает внимание на модели поведения социального окружения, которые формируют типичные реакции и преобладают в данном социокультурной среде. Он трактует понятие «ценность» как психическую целостность, которой нет в реальности [30].

С позиций поведенческой терапии как реализации бихевиористского подхода в современных условиях, американские психологи К. Уилсон, Э. Сендос, Д. Китченз и М. Робертс рассматривают ценности как значимость для каждого человека того, что является важным в ее жизни и постоянно меняющимся. Ученые сравнивают ценности с компасом (вектором, указателем), которые, в отличие от жизненных целей, не ставят своей целью их достижения. Они являются приоритетными направлениями, ориентирами жизненного пути [50].

Особое значение проблема ценностей личности приобретает в гуманистической (А. Маслоу, К. Роджерс, г. Олпорт, Э. Фромм) и экзистенциальной психологии (В. Франкл). В рамках гуманистической психологии, которую мы относим к третьему направлению, А. Маслоу рассматривает ценности людей, которые самоактуализируются, и обосновывает уже привычное для нас разделение ценностей на «ценности развития» или «высшие ценности» [26] и «ценности здорового регресса» или «низшие ценности». Эти два вида ценностей всегда диалектически связаны и создают динамическое равновесие, которое и определяет поведение человека [6]. Кроме самоактуализации, А. Маслоу обосновал представление о неутилитарных «ценностях бытия», «пиковых переживаниях», которые становятся фундаментом гуманистической психологии, а впоследствии ввел идею метапотребностей, сверхличностных ценностей, как открытого духовного горизонта человека, к которому он всегда стремится [34]. Результаты А. Маслоу наиболее часто используются в социологии.

Другим, не менее важным для социологической науки ученым-психологом гуманистического направления, является Б. Шледер, который считал, что истоком для большинства ценностей личности является мораль общества. Он подчеркивал, что общественные, нравственные, этические ценности выступают скорее как средства, условия достижения внутренних ценностей, которые являются целями личности, и что центральным содержанием ценностей является личностный смысл. Б. Шледер считал целесообразным рассматривать ценности личности как черты более глубокого уровня, причем к таким чертам он относит: теоретичность, эконо-

мичность, эстетичность, социальность, политичность, религиозность [44]. Согласно Б. Шледеру, ценности — убеждения в том, что важно в жизни, а что нет, — является основой и стержнем индивидуальной философии жизни [31; 11].

Э. Фромм как еще один представитель гуманистической психологии [43] считает, что существует связь между природой человека и ценностями и нормами человеческой жизни. Ценность может быть определена только с учетом реальных интересов человека, коими являются свобода и реализация человеком собственных сил. Э. Фромм отмечал, что высокая приспособленность человека к обществу достигается лишь путем отказа от ее собственной индивидуальности [6].

Значительное место в экзистенциальных психологических подходах к рассмотрению места и значение ценностей, являющихся четвертым направлением, занимают постулаты, связаны с нравственным развитием личности. В значительной мере они представлены в концепции австрийского психолога и психотерапевта В. Франкла [42]. По его мнению, движущей силой человеческого поведения является стремление личности найти и реализовать собственный смысл (смысл) жизни, роль которого выполняют ценности-универсалии, обобщающие опыт человечества. Согласно В. Франклу, смысл жизни — это доминирующая направленность жизни личности на реализацию определенных жизненных ценностей [21]. Проблему свободы воли В. Франкл рассматривает, как способность личности реализовать собственный выбор ценности, поэтому последствия решения являются именно тем показателем, что определяет особенности развития ее моральной сознания. Общий смысл понимания свободы, согласно Франклу, — это умение взять на себя ответственность за свою жизнь, способность слышать свою совесть и принимать нужные решения. «Человек решает за себя: любое решение является решением за себя, а решение за себя — всегда формирование себя» [42].

Еще одно направление исследования ценностно-смысловой сферы личности касается изучения и анализа внутренней мотивации, что способствует пониманию того, что происходит с нами в жизненных ситуациях, анализа и оценки жизненных событий, жизненного опыта. Данный подход составляет пятое направление анализа ценностей в. Она (внутренняя мотивация), по мнению ученых, играет важную роль в исследовании внутреннего и внешнего миров человека [50]. Кроме того, внутренняя мотивация является индикатором активной возбуждающей силы, которая проявляется в различных видах деятельности, в познании себя, людей и окружающего мира и приводит к появлению соответствующих эмоций и субъективных переживаний.

На это, в частности, обращает внимание Дж. Петерсон, который анализирует процесс ценностно-смысловой регуляции на трех уровнях. Первый уровень основывается на инстинктах, мотивации, эмоциях, целеполагании и достижении цели, помогает человеку осознать, что происходит в его повседневной жизни и как реагировать на различные события. Второй уровень появляется на основе столкновения человека с чем-то необычным, отрицательным. Смысл выполняет функцию механизма адаптации. Третий уровень обусловлен двумя причинами: первая — утратой веры, стремлений, устремлений, что вызывает у человека тревогу, отчаяние, беспокойство и возбуждает его к поиску новых верований, чтобы вернуть утраченный смысл; вторая — в удовлетворении всех основных потребностей, которое приводит к скуке и нуждается в поиске чего-то нового, чтобы восстановить утраченный смысл [4].

Сложная природа ценностей обусловила разнообразные подходы к их систематизации и классификации, составляющей отдельный участок социологического знания, которое объединено в данной статье в шестую группу. Следует констатировать, что единой классификации ценностей не существует. Одни характеризуют ценность как объективную суть вещей, вторые — как собственно ценность, денежную стоимость предмета, третьи — отождествляют с понятием блага, полезности для личности, четвертые — связывают с субъективной значимостью данного предмета для жизнедеятельности человека, пятые — с его свойствами удовлетворять потребности, интересы, желания. Именно поэтому исследователи классифицируют ценности по-разному [21].

В современной социологической мысли существуют и другие классификационные модели ценностей. В значительной степени, речь здесь идет о ценностях личности, которые регулируют ее поведение, влияют на мировоззренческие ориентации и выборы. В частности, в контексте личности можно выделить такие подсистемы ценностей: духовные, выступающие как ценности жизни и его содержания; нравственные, то есть ценности морального выбора поступков и поведения; индивидуально-социальные, которые отражают структуру деятельности, специфический способ человеческого существования [38]. С другой стороны, обращает на себя внимание разделение ценностей, предложен немецким психологом-социологом С. Шварцем, выделившим три категории ценностей, имеющих особое значение для определенных возрастных периодов жизни человека: жизненные ценности; ценности собственной значимости; ценности смысла [48].

По мнению Е. Золотухиной-Аболиной, ведущее место в ценностной иерархии личности занимает система

так называемых высших ценностей, которая включает следующие компоненты: социальные ценности; ценности общения; ценности деятельности; культурные ценности; ценности потребления; ценности самосохранения; ценности самоутверждения в самореализации; общечеловеческие ценности; ценности, характеризуют личностные качества индивида; эстетические ценности; ценности самозначимых видов деятельности [13].

Важна проблема классификации высших ценностей. В данном контексте российские ученые Э. Носенко и Н. Фролова выделяют следующие ценности: абсолютные, национальные, гражданские, семейно-семейные и личные ценности [28].

Значительное влияние на дальнейшие исследования ценностей оказала теория базисных ценностей («Theory of Basic Human Values TBHV») заслуженного профессора Иерусалимского университета социального психолога Ш. Шварца, которая представляет в данной статье седьмое научное направление в исследовании ценностей в психологии [49]. Сравнительный анализ рейтинга определенных ценностей у граждан разных стран дал возможность увидеть в чем разница или что общего между ценностями граждан других европейских стран. Результаты научных работ Ш. Шварца способствовали исследованиям восточных жизненных ценностей, которые не изучали западные исследователи [29].

По мнению Е.К. Аль-Янаи, есть еще один признак ценностей, что придает им особого значения. Ценности — своеобразный культурный «код», который обеспечивает процесс культурной идентификации личности, народа, нации, развития национального сознания. Ценностная «система идентификации» сохраняет нацию как носителя уникального, самобытного, только ей присущего [2]. Особое значение это имеет в области духовной культуры, которая является совокупностью материальных и духовных достояний, отражающих исторически достигнутый уровень развития общества и воплощаются в процессе духовного производства [10].

Сегодня достаточно много дискуссий идет вокруг проблематики культуры в период глобализационных преобразований. В данном контексте российская исследовательница А. Малахова говорит о ценностно-ориентационной растерянности человека, вызванную процессом глобализации, ведь она подрывает внутреннюю стабильность культур и деформирует ее. Однако, по ее мнению, «влияние глобализации на систему ценностей не является однозначно негативным, а имеет и положительные моменты, ведь глобализация открывает более широкий доступ к ценностям национальных культур, способствует их взаимообогащению» [25].

Глобальные системные изменения порождают новые вызовы для теории ценностей. Как отмечает А. Кравченко, теория ценностей в различных научных дискурсах значительно расширилась, в частности появились новые ответвления от общей аксиологии, которые стали исследовать более конкретно и углубленно отдельные сферы ценностного сознания [17]. Среди не менее важных ответвлений, которые являются важными для дальнейшего анализа, следует отметить теологическую аксиологию (направленность на исследование ценностей человека через их касательность к религиозной морали), экономическую аксиологию (связанная, прежде всего, с категорией экономического богатства, с обоснованием важности определенных активов и благ для экономического развития и для качества цивилизационного человеческого развития в целом), политическую аксиологию (изучает ценностные ориентации человека в общественно-политической сфере, в ходе общественно-политических процессов), педагогическую аксиологию (ориентирована на формирование не только ведущих для педагогического процесса ценностей, но и на поиск в процессе обучения и воспитания).

Особенность педагогического анализа ценностей оказывается, главным образом, в ее прикладном аспекте. Здесь возникает первоочередная необходимость в поиске эффективных средств передачи знаний будущим поколениям о различных типах ценностных систем и формирование у каждого человека его персональной системы ценностей, что характерно преимущественно для микро- и мезоуровне научного анализа. Экономисты обосновывают в основном важность определенных активов и благ (материальных ценностей) для экономического развития страны. Здесь ценностное измерение определяет целесообразность реализации конкретных экономических процессов с точки зрения повышения человеческого благосостояния и эффективности функционирования экономики [32].

Основной задачей анализа ценностной проблематики в области политической науки является изучение роли и места ценностей в современной политической практике, выяснение содержания политических ценностей, которые чаще всего толкуются как основные принципы политического мышления. Ценности в политологии и экономике изучаются преимущественно на макро- и мезоуровнях научного теоретизирования.

Проблематика ценностей неотделима от общественного дискурса, весомое место в котором занимает социологическая наука, выстраивающая собственную логику исследовательского процесса. Именно выход за пределы индивидуального сознания и рассмотрение личности как важного актера в создании социальных

систем и отношений является краеугольным камнем, определяющим специфику социологического подхода, который приобретает вес в изучении социальных процессов широкого спектра. Для понимания границ реализации социологического подхода в аксиологии мы обратимся к сложившимся концептуальным подходам, охватывающим XX и начало XXI в.

Ценностный подход в социологии стоит конкретизировать тремя прелиминарными замечаниями, ведь существует значительное количество теоретических разработок, которые различаются в зависимости от того, к какой внутренней группе внутри социологии принадлежит тот или иной исследователь. А поскольку разнообразны подходы, классификации и типологии ценностей, их главные положения берут начало еще со времен классического периода существования этой науки, то следует сначала определиться со структурой социологического знания, и в соответствии с ней осуществлять сравнительный анализ проблематики ценностей в тех или иных ракурсах этой науки. Поэтому нашим первым прелиминарным замечанием к изложению материала по ценностной проблематике в социологии является положение о необходимости определения этапов и метапарадигм в развитии социологии, поскольку каждому из них свойственны свои представления о ценностях и ценностное пространство как таковое.

Мы разделяем в качестве первого прелиминарного замечания взгляды на структурирование социологического теоретического знания в трудах Г. Зборовского [12]. Второе прелиминарное замечание касается уровня социологического анализа ценностей. По мнению известного американского социолога Н. Смелзера, сегодня (то есть в эпоху глобализации) существует четыре уровня социологического анализа явлений и процессов социальной жизни: микроуровень (с главной единицей анализа — личностью), мезоуровень (направлен на изучение социальной группы/сообщества), макроуровень (в центре внимания — общество и его великие образования типа классов), мегауровень (единица анализа — человечество, находится в ситуации развертывания глобализационных процессов) [36]. Наконец, третье прелиминарное замечание касается положения о влиянии социальных изменений на изменения ценностей, которые мы также разделяем. Так, к примеру, по мнению О.В. Горшковой, для социологического понимания ценностей важна проблема социальных изменений, потому что они формируют новые ценностные системы. Она отмечает: «в условиях быстрых общественных изменений «обновленная» система ценностных ориентаций не всегда успевает сформироваться, ведь фундаментальные ценности остаются неизменными, но их значение может уменьшаться под

влиянием придания весомости декларируемым ценностям, ценностям-средствам, ценностям «настоящего». Именно эти временные, ситуативные ценности выполняют функцию обеспечения восприятия тех преобразований, к которым стремится общество» [9]. Ею выделена система ценностей, в основе которой лежат фундаментальные, ситуативные ценности и ценности «настоящего», что является еще одним примером творческого переосмысления аксиологической проблематики в современной социологической науке.

Конец XX-начало XXI вв. характеризуют как эра глобализации, которая коснулась всех стран мира и повлекла поистине революционные изменения в социогуманитарных науках, а среди них имела наибольшее влияние именно на социологию. В современном глобализированном мире доминирующим фактором прогресса является не только информация, но и развитие новых технологий, способных быстрее передавать информацию. Информация превращается из средства в цель, способную кардинально изменить «лицо» общества, его систему ценностей.

Характерной особенностью современного общества является стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий и на их основе глобальных компьютерных сетей, которые творят новое измерение социально-виртуальной реальности — сетевое общество. Сетевое общество носит глобальный характер в силу построения коммуникативных связей сетевого типа на разных уровнях — личном, профессиональном, общественно-политическом. Практически сетевые структуры виртуального характера охватывают все сферы человеческой жизни и способны кардинально влиять на развитие как глобальных, так и национальных систем.

Создание глобального информационного (коммуникативного) пространства приводит к росту количества и роли информации, которая не является знанием как таким, а коммуникацией, операцией трансляции символов. Как следствие, подмена объективной и субъективной реальности — реальностью виртуальной. Это,

со своей стороны, в силу организационной и пространственной сложности виртуальных сетей затрудняет исследование ее ценностных систем.

Итак, мы осуществили анализ зарубежных теорий и концепций относительно современного общества и мировой системы как следствия процессов глобализации — и пришли к выводу, что сегодня ценности отражаются, прежде всего, в системе потребления, как на уровне отдельной личности, так и на уровне больших социологических групп.

Ценностное переосмысление в системе потребления приводит к усилению социальной дифференциации, индивидуализации и существования моды, которая меняется много раз на протяжении жизни одного поколения. Относительно последнего, усиливается влияние символического аспекта потребления, когда ценностью является не сам по себе товар, а вещь, реакция, впечатление, которое они вызывают у потребителя. В обществе следует поставить вопрос о поиске «ценностного консенсуса» на основе «ценностного синтеза» старых и новых ценностных систем. Потребление становится маркером социального статуса, отражая определенный образ жизни индивидов от унифицированных, массовых форм до изысканных и элитных. Наряду с этим в экономически развитых странах растет тенденция к устойчивому потреблению, что предполагает изменение поведения потребителей от несбалансированных (неэкологических) форм к сбалансированным, сберегательным и экологически оправданным (концепция сбалансированного потребления). Такое потребление — это, прежде всего, потребление с мыслью о будущих поколениях и ориентировано на сохранение и рациональное использование природных ресурсов, здравоохранение и окружающую среду. В современном мире растет ценность зеленых (экологических) товаров, а также подход к взвешенному отношению к покупке, разнообразному использованию уже приобретенных вещей и тому подобное. Формируется новое понятие «меры» как ценности, способной противостоять несбалансированному, неразборчивому потреблению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авалиани С.Ш. Природа знания и ценностей. Тбилиси: «Мецниереба», 1989. 182 с.
2. Аль-Янаи Е.К. Сущность и генезис понятий «ценность», «ценностные ориентации», «ценностное отношение» в педагогике // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 4. <https://mir-nauki.com/PDF/59PDMN420.pdf>.
3. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1998. 253 с.
4. Антоненко Т.Л. Проблема ценностей и смыслов в зарубежной психологии. Проблема современного педагогического образования // Педагогика и психология. 2013. Вып. 39 (4). С. 3–15.
5. Аристотель. Сочинение в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
6. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Концептуализация духовно-нравственных проблем современного российского общества: экзистенциально-ценностный аспект. М., 2016. 242 с.

7. Виндельбанд В. Прелюдии. Избранное. Дух и история / пер. с нем. М.: Юрист, 1995. 687 с.
8. Выжлецов Г.П. Аксиология в системе философского знания // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Серия 6. Вып. 4. С. 34–39.
9. Горшкова О.В. Ценностные ориентации современной студенческой молодежи в процессе культурной социализации: На примере Дальневосточного региона: дис. . . канд. соц. наук. М., 2003. 165 с.
10. Дьячкова М.А. Понятия ценность и духовно-нравственные ценности в педагогике // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 12. 141–146.
11. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 115–127.
12. Зборовский Г.Е. Метaparадигмальная модель теоретической социологии // Социология исследования. 2008. № 4. С. 3–15.
13. Золотухина-Аболина Е.В. Рациональное и ценностное (проблемы регуляции сознания). Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 1988. 139 с.
14. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1997. С. 67–68.
15. Кирьякова А.В. Теория ценностей — методологический базис аксиологии. URL: <http://www.orenport.ru/axiology/docs/3/3.pdf> (дата обращения: 30.01.2022).
16. Кислинская Д.М., Милорадова Н.Э. Ценности и ценностные ориентации в психологических теориях // Вестник ХНПУ им. Г.С. Сковороды. Психология. 2018. Вып. 53. С. 64–73.
17. Кравченко А.И. Ценность как духовный стержень личности в процессе ее становления и жизнедеятельности: концептуально-постановочный аспект // Научные труды МАУП. 2014. Вып. 42 (3). С. 237–242.
18. Кравченко П.А. Ценностные ориентации социальной архитектоники глобальных социальных сетей в современном социуме // Философские горизонты. 2016. № 35. С. 10–18.
19. Краткий словарь по философии / под ред. И.В. Блауберга. М., 1970.
20. Лазарук А. Ценности человека в научно-психологическом осмыслении // Психология и общество. 2003. № 2. С. 19–37.
21. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 32–43.
22. Лапин Н.И. Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 3. С. 51–67.
23. Луман Н. Общество общества: Кн. 4: Дифференциация; Кн. 5: Самоописание. М., 2010.
24. Мазурицкая М.А. Ценностные ориентации российской молодежи с 1920-х по 2000-е гг.: на примере литературы и кинематографа: дис. . . канд. культурологии. М., 2011. 182 с.
25. Малахова А.М. Ценности культуры в условиях глобализации // Философия и политология в контексте современной культуры. 2014. Вып. 7. С. 116–121.
26. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003. 352 с.
27. Михайлева Е.Г. Интеллектуальная элита в матрице современных цивилизационных изменений: монография. Х.: Изд-во НУА, 2007. 576 с.
28. Носенко Э.Л., Фролова Н.В. Трансформация ценностных ориентаций молодежи на современном этапе развития общества (Психологический аспект): монограф. Днепропетровск: Изд-во «Навчальна книга», 1999. 168 с.
29. Орлов С.В. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 11–25.
30. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/pon_ob.php (дата обращения: 16.12.2021).
31. Пуэртас С.Д.К. Социокультурный подход к изучению ценностей // Международный научный форум: социология, психология, педагогика менеджмента 2014. Вып. 15. Сек. 108–119.
32. Рассмотрение сущности понятия ценности в экономике и его значение. URL: http://www.rusnauka.com/3_SND_2010/Economics/58051.doc.htm (дата обращения: 02.01.2022).
33. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. 533 с.
34. Роджерс К. Клиенто-центрированная терапия. М.: Рефлбук, 1997. 320 с.
35. Рындина А.С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 590–609. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-590-609.
36. Смелзер Н. Социология / под ред. В.А. Ядова. М.: Феникс, 1994. 688 с.
37. Смирнов Л.М. Анализ опыта разработки экспериментальных методов изучения ценностей // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 1. С. 28–37.
38. Троцук И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4. С. 15–26.
39. Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Ценностные ориентации молодежи: подходы, методики и задачи социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 17–25.
40. Фанталова Е.Б. Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» // Журнал практического психолога. 1996. № 2. С. 156–171.
41. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 1998. 576 с.
42. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
43. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. Д.Н. Дудинский. М.: ООО «Попурри», 1998. 672 с.
44. Шледер Б. Структура ценностных ориентаций. Эмпирическое исследование // Иностранная психология. 1994. Т. 2. № 20. С. 38–52.
45. Энциклопедия образования / гол. ред. В.Г. Кремень. К.: Юринком Интер, 2008. 1040 с.
46. Folkierska A.F. Typu wartości, ich miejsce i funkcjonowanie w kulturze, w: Młodzież a wartości, red. H. Świda, Warszawa: WSiP, 1979. S. 34.

47. Książeczka o człowieku / R. Ingarden. Wyd. 4. Kraków: Wydawnictwo literackie, 1987. 176 s.
48. Schwartz S.H. Universal in the content and structure of value: theory and empirical test in 20 countries. In M. Zanna (Ed.). Advances in experimental social psychology. Vol. № 25. New York: Academic Press, 1992. P. 1–65.
49. Schwartz Sh.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50.
50. Wilson, Kelly G., Sandoz, Emily K., Kitchens, Jennifer & Roberts, Miguel (2010). The Valued Living Questionnaire: defining and measuring valued action within a behavioural framework. The Psychological Record, 60, 249–272. URL: <http://www.highbeam.com/doc/1G1-225935609.html> 24 (дата обращения: 24.12.2021).

© Яшнова Маргарита Андреевна (Yama@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Andrianova N. — PhD Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
natalia.g.andrianova@gmail.com

Artemova M. — Postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation
marinaartyomova@mail.ru

Bakhdivand Ch. — Teacher, Bashkir State Medical University

Barinov A. — PhD (Law), Associate Professor, Vladimir Branch of the RANEPА; Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
barinov-vlad@inbox.ru

Belousov L. — Federal State Budgetary Scientific Institution «Research Center of Private Law named after S.S. Alekseev under the President Of the Russian Federation»
18412004@mail.ru

Borobov V. — Doctor of Economics, Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MBA named after K.I. Scriabin; Financial University under the Government of the Russian Federation
vborobov@mail.ru

Dolgoplov D. — PhD in Economics, Associate Professor, State University of Management, Moscow
dolgoplovguu@gmail.com

Frolova V. — Candidate of Economics, Associate Professor, Saint Petersburg State Marine Technical University
Veronika_f@list.ru

Gortsevskaya O. — Candidate of Economics, Associate Professor, Saint Petersburg State Marine Technical University
9823303@mail.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Gukovskaya A. — Ph. D in Economics, Assistant Professor, Russian State University of Humanities (Moscow)
gukovskaya.a@rggu.ru

Guliyeva V. — Nakhchivan State University
vefaquliyeva96@gmail.com

Guslyakov M. — RANEPА, Novosibirsk
matvey_kk@mail.ru

Hasanli A. — PhD student, Research Institute Economic Reforms under the Ministry of Economy of Azerbaijan Republic (Baku)
azarhasanli@outlook.com

Karelina E. — Ph. D (Economics), Associate Professor, State University of Management
opferpriesterin@mail.ru

Karpova E. — Applicant, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
karpova_eg@yandex.ru

Katvitskaya M. — International Academy of Informatization in the General Consultative Status of the UN Social and Economic Council, Moscow
z1437430@yandex.ru

Khaitova A. — Federal State Budgetary Scientific Institution «Research Center of Private Law named after S.S. Alekseev under the President Of the Russian Federation»
ya.haitova@yandex.ru

Kolesnikova A. — Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University
alexakolesnikova@mail.ru

Konyukova N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Management, Branch of RANEPА, Russian Federation, Novosibirsk
konukovani@mail.ru

Korotkii P. — Candidate of Sciences in Jurisprudence, assistant professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State University»
philipp-kor@rambler.ru

Krasilschikov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
krasilschikov@inbox.ru

Kulyushina N. — Senior Lecturer, Kabardino-Balkar State University
nata961521@gmail.com

Kuznetsova N. A. — Senior lecturer, FKOУ VO «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia»
kuz1503@yandex.ru

Kuznetsova N. V. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuznezova-1963@mail.ru

Lyskova A. — Assistant notary, of the notary district of the city of Vladimir Kosyanchuk T.V.»

Marina A. — Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Autonomous noncommercial organization of higher education «International University In Moscow»; Autonomous noncommercial Organization of higher education «Moscow Humanitarian University Marina.a.a@inbox.ru

Matveeva T. — Senior Lecturer, FKOУ VO «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia»
matveeva33@mail.ru

Metreveli E. — Postgraduate student, teacher, MPEK of Plekhanov Russian University of Economics
metrevelieg@yandex.ru

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MBA named after K.I. Scriabin
mindliny@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Mitin Y. — Federal State Budgetary Scientific Institution «Research Center of Private Law named after S.S. Alekseev under the President Of the Russian Federation»
mitinyura@mail.ru

Naltakyan T. — Russian State University for the Humanities (Moscow)
tatevik.naltakyan@yandex.ru

Nezamaykin V. — Doctor of Sciences in Economics, Docent, Russian State University for the Humanities (Moscow)
nezamaikinvn@mail.ru

Nguyen T.T.H. — ITMO University, Saint-Petersburg
huyennguyen.cit@gmail.com

Nguyen Van Loc — Thanh Dong University (Vietnam)
vanlocspb@gmail.com

Nikolaenko M. — Post-graduate student, Dostoyevsky Omsk State University
voroncovamaria@mail.ru

Nikolayev K. — Candidate of Law, Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk

Okhotnikov I. — Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor, Russian University of Transport (MIIT), Moscow
roat.miit@mail.ru

Omelyanovich V. — Associate Professor, St. Petersburg. Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
omeljanovichv@rambler.ru

Pavlova E. — ITMO University, Saint-Petersburg
eapavlova@itmo.ru

Plotnikov V. — St. Petersburg State University of Economics
plotnikov_2000@mail.ru

Podkopaev S. — Penza State University
sb_pod@yandex.ru

Proshin V. — Doctor of Law, Professor, Moscow State Regional University; Advocate, Moscow Bar Association «Zashchita»
advokat.proshin.v.m@gmail.com

Rastegari S. — Postgraduate student, Saint Petersburg State University
ebrahimrastegari@gmail.com

Rozhkov R. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki
rbt07@mail.ru

Rozhkov S. — Candidate of Economic Sciences, Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki
r.1964.s.n@gmail.com

Ryabova O. — Teacher, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
frau.lilya2012@yandex.ru

Salakaya N. — Moscow City Pedagogical University; specialist of the 1st category, Federal Tax Service of Russia No. 9 in Moscow
s.n@gmail.com

Serbinina I. — Moscow Polytechnic University
Serb_ib@bk.ru

Sibirko I. — Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor, Russian University of Transport (MIIT), Moscow
roat.miit@mail.ru

Suleymanova K. — Candidate of economic sciences, Associate professor, Russian Economic University by G.V. Plekhanov (Moscow)
Suleymanova.KA@rea.ru

Tenova Z. — Candidate of Economics, Associate Professor, Kabardino-Balkar State University
tzu79@mail.ru

Tkachuk P. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Luhansk People's Republic «Lugansk State University named after Vladimir Dahl»
petertkachuk@mail.ru

Tubolev S. — Russian Academy of National Economy and Public Administration
sergeytubolev1998@mail.ru

Turkina K. — State University of Management, Moscow
trknprdctn@gmail.com

Tutukova M. — Senior Lecturer, Kabardino-Balkar State University
madina.tutukova@mail.ru

Vilisova I. — Post-graduate student of the Ural Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
vilisova_i@mail.ru

Vitovskaya E. — Lecturer, Kuzbass Institute of the FPS of Russia PhD (Law) (Novokuznetsk)
Jane-vit@mail.ru

Vitovsky Ya. — Cadet, Kuzbass Institute of the FPS of Russia PhD (Law) (Novokuznetsk)

Wei Wen — Graduate student, Belarusian State University
787083595@qq.com

Yashnova M. — PhD, Associate Professor, Russian State Social University
Yama@bk.ru

Zherukova A. — Doctor of Economics, Professor, Kabardino-Balkar State University
Zherukova65@mail.ru

Zhuravleva I. — Candidate of Law, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk
lralek2006@yandex.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

